
W 51/208

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

ПОДЧИНЕНІИ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ

Московскому патріархату.

по подлиннымъ актамъ составилъ

С. ТЕРНОВСКІЙ.

Извлечено изъ V тома 1 части Архива Юго-Западной Россіи, изданнаго Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.

КІЕВЪ.

Въ Губернской Типографіи.

1872.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 25 Октября 1872 года.

Предсѣдатель Коммиссіи,

Тайный Совѣтникъ **М. Юзефовичъ.**

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

Амвросій «Исторія Россійской іерархіи». Изд. 2.

Антоновичъ «Исторія православныхъ церквей въ Юго-Западномъ краѣ XVII вѣка.» (Архивъ Юго-зап. Россіи ч. I. т. IV).

Аскоченскій «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—Академіею.

Бантышъ-Каменскій «Исторія Малой Россіи, со временъ присоединенія оной къ россійскому государству при Алексѣѣ Михайловичѣ.»

Величко Самуила Лѣтопись.

Вѣстникъ Юго-западной Россіи 1862 № 89. 1863 № 4. 1866 № 5, 8.

Гассе Церк. Исторія.

Голубинскій. Е. Е. «Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени взятія Константинополя турками до настоящаго столѣтія. Правосл. Обозрѣн. 1872 г. № 6 и 7.

Евгеній «Описаніе Кіево-софійскаго собора»,
«Описаніе Кіево-печерской лавры»,
«Словарь Историческій» Изд. 2.

Еленевскій «Мелетій Смотрицкій» Прав. Обозр. 1861 № 7.

Ersch und Gruber «Allgemeine Encyklopädie der Vissenschaften und Künste». (Dositheus).

Захарія Копыстенскаго «Палинодія» Рук. Кіев. дух. акад.

Υψηλαντου «Αθανάσιου Κομνηνοῦ εκλησιαστικῶν και πολιτικῶν».

«*Икона*» или изображеніе великія соборныя церкве всероссійскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарша престола приключшихся дѣлъ въ разныя времена и лѣта». Рук. Импер публ. библіотеки, Синодальной библіотеки и Румянцевскаго музея, изданная въ V томѣ I части *Архива Югозап. Россіи.*

Карповъ «Кіевская митрополія и Московское правительство во времена соединенія Малороссіи съ великой Россіей.» Прав. Обозр. 1871. № 8 и 9.

Костомаровъ «Монографіи Т. IX—XI.»

Кояловичъ «Литовская церковная унія».
«Лекціи о Западной Руси.»

Крыжаничъ Юрій «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка».

Лазарь Барановичъ «Письма.»

Le Quien «Oriens Christianus.»

Макарій «Исторія русской церкви» т. VI.

Максимовичъ М. А. «Межигорскій монастырь» Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1865 г. № 7.

Маркевичъ «Исторія Малороссіи».

Мелетій Смотрицкій Θρύνος. (Изъ библ. Кіев. дух. акад.).

Образцовъ «Кіевскіе ученые въ Великороссіи» Эпоха 1859 года январь.

Основа. 1861. № 8.

Памятники Кіевской Археографической Коммисіи т. II.

Пекарскій «Представители Кіевской учености». Отечественныя Записки 1862. т. I·

Ригельманъ «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи».

Σάθα Νεοελληνική φιλολογία.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ часть IV.

Соловьевъ «Исторія Россіи т. X—XIV,
«Лазарь Барановичъ» Православное обозрѣніе. 1862. № 2.

Устряловъ «Исторія Петра Великаго», т. I.

Филаретъ «Исторія Русской церкви»,
«Черниговскія іерархи» Труды Кіевской Духовной Академіи 1860 г. т. I.

Флеровъ «О православныхъ южно-русскихъ братствахъ».

Христофоръ Филалетъ «Апокрисисъ». Изд. Кіев. дух. Акад. 1869 г.

Изслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріархату.

Въ началѣ XV вѣка совершилось формальное раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи—Кіевскую и Московскую. Прежде русская церковь была подъ вѣдѣніемъ одного митрополита, жившаго въ Москвѣ и именовавшагося митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Основавъ свою резиденцію въ Москвѣ, митрополиты всея Руси весьма много содѣйствовали политическому возвышенію Московскаго государства. Во время борьбы Московскихъ князей съ князьями Тверскими и съ князьями Рязанскими, Московскіе митрополиты всегда держали сторону князя Московскаго и, налагая на противниковъ его духовное запрещеніе, заставляли ихъ уступать Московскому правительству. Такое же горячее участіе принимали митрополиты, жившіе въ Москвѣ, въ борьбѣ Московскихъ князей съ татарами, стараясь отклонить нашествіе татаръ, когда Московское войско не готово было встрѣтить ихъ, и благословляя Московскихъ князей на борьбу съ татарами, когда была надежда отразить татарское нападеніе.

Кіевъ и вся Юго-Западная Россія была въ то время, въ политическомъ отношеніи, подъ вѣдѣніемъ князей Литов-

скихъ. Зависимость подчиненнымъ имъ областей въ церковномъ отношеніи отъ митрополитовъ, живущихъ въ Москвѣ, весьма горячо притомъ заботящихся о расширеніи Московскаго государства, не могла имъ нравиться, и потому Литовскій князь Витовтъ, наиболѣе дальнозоркій въ дѣлахъ политическихъ, всемѣрно заботился о томъ, чтобы прекратить эту зависимость.

Моментъ, когда Витовтъ поднялъ вопросъ о поставленіи особаго митрополита для южной Руси, былъ самый удобный для того, чтобъ это дѣло совершилось. Московскіе князья и вмѣстѣ съ ними митрополиты, живущіе въ Москвѣ, не имѣли еще въ виду подчинить себѣ южно-русскій народъ. Поэтому митрополиты, живущіе въ Москвѣ, не заботились тогда о томъ, чтобы снискать себѣ любовь южно-русскаго духовенства и чрезъ это, вообще, доброе расположеніе къ Московскому государству со стороны южно-руссовъ. Теперь они старались извлекать только временныя выгоды изъ той зависимости, въ какой было по отношенію къ нимъ южно-русское духовенство: старались собирать денежную дань и не заботились о благосостояніи южно-русскихъ епархій [1]. Такою дѣятельностью митрополиты, живущіе въ Москвѣ, только раздражали противъ себя южно-русское духовенство. Вотъ почему, когда Витовтъ собралъ южно-русскихъ епископовъ и потребовалъ, чтобъ они

---

[1]) Митрополитъ Московскій, говоритъ Гваньини, посѣщалъ Литовскую Россію черезъ 6 лѣтъ на седмомъ, для сбора денегъ. Митрополита Фотія обличали даже въ прямомъ грабительствѣ и излишней требовательности: «и се нынѣ Фотій», говорилъ Витовтъ, «все узорочье церковное и сосуды переноситъ на Москву и весь Кіевъ пусто сотвори тяжкими пошлинами» (Филарета, Ист. Рус. Цер. пер. III стр. 6).

отказались оказывать повиновеніе митрополиту, живущему въ Москвѣ, и избрали для себя новаго митрополита, епископы не заявили, что это для нихъ нежелательно. По волѣ Витовта они избрали себѣ особаго митрополита—Григорія Цамвлака и такимъ образомъ разложеніе митрополіи состоялось.

Но послѣ избранія Цамвлака, была еще для южно-русскихъ епископовъ полная возможность снова возвратиться подъ власть митрополита, живущаго въ Москвѣ, ибо Витовтъ скоро помирился съ митрополитомъ Фотіемъ и Фотій, а равно и преемникъ его, митрополитъ Іона, могли управлять южно-русскою церковію. Но со стороны южно-русскаго духовенства митрополиты Московскіе Фотій и Іона встрѣтили мало, такъ—сказать, раскаянія въ своемъ поступкѣ, мало готовности снова имъ подчиниться. Напротивъ, у литовскихъ епископовъ, послѣ того какъ они своею властію избрали для себя митрополита, выработался уже болѣе свободный взглядъ на то, каковы должны быть отношенія между епископами и митрополитами, взглядъ совершенно противоположный господствующему въ Москвѣ. Избравши для себя митрополита своею властію, они считали себя съ нимъ равноправными, считали себя въ правѣ называть митрополита своимъ братомъ. Такъ одинъ изъ Полоцкихъ епископовъ, относясь къ митрополиту Іонѣ, въ письмѣ своемъ называлъ его своимъ братомъ. Но по взгляду Іоны такое отношеніе казалось слишкомъ непочтительнымъ. «Мы удивились, сынъ мой», писалъ Іона, «что ты отнесся къ нашему смиренію не такъ, какъ изначала относились Полоцкіе епископы къ прежде бывшимъ митрополитамъ, а по новому. Не знаемъ, дошелъ ли ты до глубокой старости и безпамятства, или забылъ священныя правила и вопреки ихъ надмился гордостію? Но знаемъ,

что ты искусенъ въ божественномъ писаніи и вѣдаешь, какъ Богъ за гордость и ангеловъ свергнулъ съ неба... Ну, посуди самъ, пристало ли бы намъ, митрополиту, писаться братомъ къ святому патріарху? Да не будетъ Но онъ воленъ, хоть и не долженъ, писаться такъ намъ, своимъ сынамъ, когда пожелаетъ Равно и мы можемъ такъ писать къ вамъ, но не вы къ намъ, наши дѣти, развѣ только увлечетесь гордостію и будете безъ ума» [1]. При такомъ различіи во взглядахъ, естественно, не могло быть повиновенія и на дѣлѣ. Слѣдующій Полоцкій епископъ, Каллистъ, избранъ былъ не митрополитомъ Іоною съ соборомъ духовенства, а самимъ королемъ Литовскимъ, при участіи мѣстныхъ бояръ, священниковъ и всего православнаго поспольства. Избранный извѣстилъ потомъ митрополита о своемъ избраніи и писалъ, что пріѣхать къ нему для поставленія не находитъ удобства [2].

Вторичное раздѣленіе митрополіи совершилось потомъ безъ всякаго труда. Изъ Константинополя прибылъ, посвященный Константинопольскимъ патріархомъ, особый митрополитъ въ Кіевъ Григорій и, не смотря на то, что митрополитъ Іона писалъ весьма обширное увѣщаніе отъ себя и отъ духовенства Московскаго Литовскимъ епископамъ и Литовскимъ православнымъ, чтобъ они не признавали Григорія своимъ митрополи-

---

[1]) Макарія. Ист. Рус. Цер. VI, стр. 28—29.

[2]) Макарія. Ист. Рус. Цер. VI, стр. 29.—Впрочемъ, такое отношеніе къ Московскому митрополиту не было еще со стороны южно-русскихъ епископовъ всеобщимъ. Есть факты того, что нѣкоторые южно-русскіе епископы хранили преданность Московскому митрополиту. Но мы слѣдимъ исторію зарожденія новаго образа отношеній.

томъ, Григорій былъ принятъ и Іона въ отвѣтъ получилъ прискорбное извѣстіе, что Григорія признали митрополитомъ даже нѣкоторые епископы. Это раздѣленіе митрополіи было уже окончательнымъ. Затѣмъ вскорѣ митрополитъ Іона пересталъ именоваться митрополитомъ Кіевскимъ.

Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ болѣе развивалось іерархическое устройство южно-русской церкви совсѣмъ на иныхъ началахъ, чѣмъ іерархическое устройство церкви сѣверно-русской и тѣмъ болѣе прекращалась возможность для южно-русскихъ епископовъ имѣть любовь къ митрополиту, живущему въ Москвѣ. То чувство равноправности и стремленіе къ независимости, зарожденіе коихъ было замѣтно еще во время митрополита Іоны, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развивалось въ средѣ южно-русскихъ епископовъ. Власть митрополита Кіевскаго была весьма незначительна: онъ не имѣлъ правъ назначать епископовъ, а только посвящалъ тѣхъ, кого избрало духовенство и народъ и утвердилъ король. Митрополитъ даже не имѣлъ права получившему избраніе и утвержденіе отъ короля епископу отказать въ посвященіи. Въ утвердительной грамотѣ, съ которою приходилъ избранный къ митрополиту, часто рекомендовалось послѣднему посвятить избраннаго безъ замедленія. Не имѣя возможности оказывать вліянія на избраніе епископа, митрополитъ и послѣ посвященія его не могъ требовать къ себѣ повиновенія, не могъ слѣдить за поведеніемъ посвященнаго епископа. Епископъ болѣе зависѣлъ отъ тѣхъ, кто его избралъ, чѣмъ отъ митрополита. Между тѣмъ сѣверно-русскіе епископы должны были во всемъ повиноваться Московскому митрополиту, такъ какъ и избраніе, и посвященіе, и верховный судъ надъ

ихъ поступками единолично ему принадлежали. Такимъ образомъ южно русскіе епископы были сравнительно гораздо независимѣе, чѣмъ сѣверно-русскіе. Пользуясь такою совершенною независимостью въ духовномъ отношеніи и не имѣя надъ собою никакой верховной единоличной духовной власти, южно-русскіе епископы вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ представителей свѣтской власти тогда не терпѣли никакого притѣсненія въ вѣрѣ, напротивъ получали много правъ и привиллегій. Русскій языкъ и русская вѣра весьма быстро проникали въ среду Литовскаго народа. Что Литовскіе князья благоволили къ православію, это фактъ, который необходимо признать неоспоримо справедливымъ. Неоспоримо также и то, что въ первое время послѣ соединенія Литвы съ Польшею на Люблинскомъ съѣздѣ, православіе не терпѣло угнетенія и отъ Польскихъ королей-католиковъ. Во имя политическихъ интересовъ, желая болѣе тѣснаго соединенія Литвы съ Польшею, они должны были благоволить и дѣйствительно благоволили къ Литовско-Русскому православному духовенству, чтобы тѣмъ снискать къ себѣ благосклонность Литовско-Русскаго народа [1]). А между тѣмъ въ сѣверной Руси князья часто вмѣшивались въ духовныя дѣла и даже въ этихъ дѣлахъ указывали митрополиту [2]). Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи епископы южно-русскіе были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ сѣверно-русскіе. Поэтому-то мы не встрѣчаемъ со стороны Литовскихъ православныхъ епи-

---

[1]) Вѣстн. Югозап. Россіи 1862 г. Октябрь стр. 29.

[2]) Такъ напрuм., великій князь Іоаннъ Васильевичъ указывалъ Геронтію, митрополиту Московскому, совершать обхожденія непремѣнно посолонь (Макарія Ист. Рус. Церк. т. VI стр. 65).

скоповъ никакого желанія входить въ сношенія съ церквію сѣверно-русскою, по крайней мѣрѣ неизвѣстно ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ о добровольныхъ сношеніяхъ южно-русскихъ іерарховъ съ іерархами сѣверно-русскими. А когда сами обстоятельства поставляли Литовскихъ епископовъ въ необходимость высказаться за или противъ Москвы, то они всегда высказывалось противъ. Въ такихъ обстоятельствахъ часто бывали собственно Смоленскіе епископы, потому что Смоленскъ былъ пограничный городъ между Московскимъ государствомъ и Литвою. И вотъ мы видимъ, что во время борьбы Московскихъ государей съ Литовскими, во время нападеній на Смоленскъ, Смоленскіе епископы дѣйствуютъ всегда въ пользу Литовскаго князя. Такъ поступалъ Іосифъ Салтанъ, епископъ Смоленскій, бывшій въ послѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ, во время борьбы Московскаго князя Іоанна III съ Литовскимъ княземъ Александромъ. Подобнымъ же образомъ поступалъ въ 1515 году другой епископъ Смоленскій Варсонофій и за то Москвичи, взявъ Смоленскъ, сослали Варсонофія на Кубенское озеро [1].

Во время Баторія утвердилось одно новое правило относительно замѣщенія епископскихъ мѣстъ въ западной Руси, имѣвшее слѣдствіемъ еще большее противъ прежняго развитіе свободолюбія въ западномъ духовенствѣ. И прежде епископскія мѣста замѣщались часто лицами дворянскаго происхожденія. Баторій, на все смотрѣвшій съ точки зрѣнія государственнаго интереса, старался богатыя имущества епископскія обратить въ

---

[1] Филарета Ист. Рус. Цер. пер. III стр. 18.

пользу государства и рѣшился давать епископскія мѣста въ награду дворянамъ, оказавшимъ услуги отечеству на полѣ брани [1]), не обращая вниманія на то, что подобные люди были вовсе не подготовлены къ выполненію обязанностей епископа. Это былъ, впрочемъ, общій недугъ средневѣковой западной церкви, въ который также богатыя епископскія мѣста были собственностью дворянства [2]). Баторій, принадлежавшій самъ къ католической церкви, почелъ возможнымъ держаться такого же правила и относительно православныхъ епископовъ. Естественно, слѣдствіемъ этого было то, что епископы, избранные изъ дворянъ, сохраняли, принявъ епископство, свои шляхетскія склонности: выше всего цѣнили почести, имѣнія, полнѣйшую независимость и, будучи неподготовлены къ пониманію дѣлъ вѣры, мало обращали на нихъ вниманія. Получая отъ короля епископство въ награду за мірскія услуги, епископы хотѣли извлекать изъ этого званія только мірскія выгоды. Что епископы—дворяне высоко цѣнили и очень упорно отстаивали почести, соединенныя съ ихъ званіемъ, это видно изъ примѣра епископовъ Полоцкихъ. Одинъ изъ епископовъ Полоцкихъ жаловался королю, что митрополитъ Салтанъ не пишетъ его архіепископомъ. Другой жаловался на архіепископа Владимірскаго за то, что тотъ пишется первымъ послѣ митрополита архіепископомъ, тогда какъ это право принадлежитъ ему, архіепископу Полоцкому. Третій, Симеонъ Полоцкій, жаловался на митрополита Максима, что тотъ, во время соборнаго служенія, велѣлъ стулъ Симеона отставить подальше и помѣстилъ около себя епископа

---

[1]) Кояловича. Литов. Церк. унія. т. I стр. 51.

[2]) Гассе. Церк. Ист. т. I стр. 128.

Владимірскаго. Всѣ эти епископы Полоцкіе были изъ знатнаго рода. Что южно-русскіе епископы весьма высоко цѣнили имѣнія, видно изъ того, что они вели безчисленныя распри между собою и съ сосѣдями изъ-за имѣній. Замки епископовъ были вооружены артиллеріею, чтобъ имѣть возможность защищать собранныя въ нихъ богатыя имущества. Часто сами епископы съ вооруженною свитою выѣзжали изъ этихъ замковъ, чтобъ грабить имѣнія сосѣдей. Часто два лица, назначенныя королемъ на одну и туже епископію, выгоняли одинъ другого вооруженною силою изъ принадлежащихъ этой епископіи имѣній. Все это вмѣстѣ съ тѣмъ вело къ большимъ судебнымъ дѣламъ: епископы постоянно бывали въ судахъ, призываемые оправдываться въ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, или сами занося жалобу на лицъ, пытавшихся отымать отъ нихъ имѣнія.

Слѣдствіемъ развитія шляхетскихъ склонностей въ средѣ южно-русскихъ епископовъ было то, во первыхъ, что сближеніе ихъ съ московскимъ духовенствомъ было немыслимо. Если первоначальное раздѣленіе главнымъ образомъ зависѣло отъ того, что южно-русскіе епископы искали больше независимости, чѣмъ сколько имѣли епископы, бывшіе подъ вѣдѣніемъ Московскаго митрополита, то теперь, когда стремленіе къ независимости у южно-русскихъ епископовъ было безгранично, то безгранично возрасло и разъединеніе. Они не только не желали соединенія съ Москвою, въ это время, но не желали даже быть въ зависимости, сравнительно весьма легкой, отъ патріарха Константинопольскаго. Когда патріархъ Константинопольскій Іеремія, по просьбѣ Львовскаго братства, обратилъ вниманіе на дѣла южно-русскихъ епископій и попытался исправить нѣкоторые безпорядки, то южно-русское духовенство согласилось лучше

предаться въ унію, чѣмъ терпѣть подобное вмѣшательство. «Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву по милостыню, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ,» говорилъ Терлѣцкій Потѣю, Іеремія уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, которыя будутъ и уже суть гонители владыкъ, чего и нѣтъ, и то изведутъ и оклевещутъ; удастся имъ свергнуть кого-нибудь изъ насъ съ епископіи, самъ посуди, какое безчестіе! Господарь король даетъ должности до смерти и неотбираетъ ни-за что, кромѣ уголовнаго преступленія, а патріархъ, по пустымъ доносамъ, обезчеститъ и санъ отниметъ; самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ Римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ вмѣстѣ съ римскими епископами и легче отыщемъ имѣнія, отъ церквей отобранныя» [1]. Другимъ слѣдствіемъ развитія шляхетскихъ стремленій въ духовенствѣ было самое паденіе южно-русской іерархіи. Въ прежнее время, южно-русскіе іерархи, хотя и не состояли въ зависимости отъ одного лица, всетаки старались централизоваться и основать соборное управленіе. На соборѣ 1509 года постановлено было, что епископы должны съѣзжаться ежегодно на соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, для суда и исправленія церковныхъ безпорядковъ, и кромѣ того предполагались еще частные сеймики и частныя собранія нѣсколькихъ епископовъ. Такимъ образомъ должно было поддерживаться — и поддерживалось нѣкоторое время — единеніе южно-русскихъ епископовъ во имя вѣры. Если бы такое единеніе продолжалось, то южно-русскіе

[1] Ист. Росс. Соловьева. Т. X. стр. 29.

епископы, дѣйствуя сообща, могли бы сохранить свое влiянiе на народъ, могли бы стоять во главѣ его религiозныхъ интересовъ и по собственному желанiю твердою ногою вести своихъ пасомыхъ или противъ унiи или въ унiю. Но развитiе шляхетскихъ склонностей принесло децентрализацiю въ среду духовенства. Когда одинъ епископъ враждовалъ противъ другого изъ-за того, что стулъ его былъ поставленъ ниже; когда епископы часто отнимали одинъ отъ другаго имѣнiя вооруженною силою; когда они занимались постоянно позывами другъ противъ друга; когда все время они посвящали преслѣдованiямъ личныхъ мiрскихъ интересовъ и не имѣли времени потому думать о дѣлахъ вѣры, къ которымъ были мало приготовлены; тогда, при такомъ развитiи личныхъ интересовъ, не могло быть болѣе уже рѣчи о общенiи во имя вѣры. Общiе съѣзды епископовъ на соборъ для разсужденiя о церковныхъ дѣлахъ, для суда и прекращенiя церковныхъ безпорядковъ, коихъ сами епископы были первыми виновниками, теперь прекратились, потому что на этихъ съѣздахъ должны бы были съѣхаться люди, уже давно разссорившiеся между собою изъ-за мiрскихъ интересовъ; на этихъ съѣздахъ многiе могли бы оказаться виновными въ нарушенiи церковныхъ каноновъ и лишиться епископскихъ мѣстъ. Потому, когда патрiархъ Константинопольскiй требовалъ отъ митрополита южно-русскаго, чтобы тотъ собралъ соборъ, то, хотя патрiархъ требовалъ многократно и настоятельно, соборъ южнорусскихъ епископовъ все таки не состоялся. Частные сеймики хотя и бывали въ это время, но на нихъ епископы разсуждали не о церковныхъ дѣлахъ, а только обдумывали интриги другъ противъ друга. Такое поведенiе епископовъ не могло

внушать къ нимъ довѣрія народа, а напротивъ подрывало всякое къ нимъ уваженіе. Православные міряне считали теперь себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла церковныя и указывать епископамъ на ихъ беззаботность. «Великому несчастію своему приписать должны мы то, писали львовскіе братчики митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ, что во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, пастыря ищущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость не заботитесь о томъ, чтобъ словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонить, нисколько не заботитесь о благочестіи. Съ жалобою на великія несправедливости, намъ сдѣланныя, мы пріѣхали въ Варшаву, въ надеждахъ на ваше обѣщаніе явиться туда же, чтобъ вмѣстѣ бить челомъ королю, защищать права и вольности закона нашего греческаго. Но ваша милость не хотите исполнять своихъ обязанностей, не хотите быть дѣятельнымъ при такихъ великихъ бѣдахъ, больше которыхъ не было и не будетъ. Но что еще хуже, ваша милость поставляешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, что и правила запрещаютъ; вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтей родятъ. И другихъ бѣдъ великихъ и нестроеній множество. Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два, оттого и порядокъ сгибъ. Мы, по обязанности своей, вашу милость остерегаемъ, молимъ и просимъ, Бога ради, вспомни святыхъ предшественниковъ своихъ и возревнуй благочестію ихъ, а на насъ не прогнѣвайся; жаль намъ души и совѣсти вашей, за вся отвѣтъ Господу

Богу должны вы отдать» [1]). Третьимъ слѣдствіемъ развитія въ духовенствѣ шляхетскихъ склонностей было то, что епископы первые отпали отъ православія къ уніи. Они мало занимались дѣлами вѣры и выше всего цѣнили независимость, почести и имѣнія. Польское правительство обѣщало имъ за принятіе уніи доставить независимость отъ Константинопольскаго патріарха, дать имъ почетное право засѣданія на сеймѣ и сеймикахъ, на-равнѣ съ католическими епископами, обѣщало, что имѣнія, которыми они теперь владѣютъ, и останутся ихъ неотъемлемою собственностью и т. д. Ради такихъ приманокъ, епископы легко согласились измѣнить вѣрѣ, о которой они думали мало.

Но народъ южно-русскій, какъ замѣчено, по причинѣ децентрализаціи духовенства, давно уже привыкъ смотрѣть подозрительно на своихъ епископовъ и не привыкъ безпрекословно слѣдовать имъ въ дѣлахъ религіозныхъ. Кромѣ того и самое дѣло объ уніи епископы вели не сообща и не старались сообща подготовить народъ къ тому, чтобъ онъ за ними въ этомъ дѣлѣ слѣдовалъ. Напротивъ, митрополитъ до послѣдней возможности притворялся предъ народомъ человѣкомъ, преданнымъ православію. Поэтому, когда онъ и нѣкоторые епископы отпали въ унію, народъ за ними не послѣдовалъ и православная церковь южной Россіи продолжала свое существованіе послѣ паденія іерархіи.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, хотя мимоходомъ, что когда въ іерархіи южно-русской церкви совершилась такая децентрализація и южно-русскіе епископы оказали дѣятельное сопро-

---

[1]) Ист. Росс. Соловьева. т. X, стр. 19—20.

тивленіе патріарху Константинопольскому Іереміи, пытавшемуся имѣть верховный надзоръ надъ ними и побуждавшему ихъ организовать церковное управленіе, въ тоже самое время въ сѣверной Руси митрополитъ Московскій получилъ санъ патріарха и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ еще болѣе верховную власть надъ сѣверно-русскою церквію, надъ всѣми ея епископами и митрополитами. Тотъ же патріархъ Константинопольскій Іеремія, которому на югѣ епископы оказали такое неповиновеніе, на сѣверѣ возвелъ митрополита въ санъ патріарха. Такое развитіе централизаціи на сѣверѣ естественно могло имѣть слѣдствіемъ подчиненіе Московскому патріарху Кіевской митрополіи и поэтому-то главнымъ образомъ, по замѣчанію преосвященнаго Филарета, польское правительство спѣшило дѣломъ уніи[1]. Но, впрочемъ, не столько благодаря дѣйствіямъ пропагандистовъ уніи, сколько благодаря антагонизму по отношенію къ Москвѣ членовъ южно-русской православной церкви, это дѣло церковнаго единенія сѣверной и южной Руси должно было замедлиться.

Когда пала іерархія южно-русской церкви, тогда, во главѣ защитниковъ православія противъ попытокъ ввести унію, стали дворяне и братства, состоящія изъ горожанъ. Но, ратуя за дѣло вѣры, они всежъ-таки должны были искать себѣ поддержки со стороны духовенства, опираться на какой нибудь духовный авторитетъ. Неимѣя собственнаго митрополита, они должны были опираться на авторитетъ представителей сосѣднихъ церквей—патріарха Московскаго или патріарха Константинопольскаго. Къ кому же они обратились?

Константинъ Острожскій, въ письмѣ своемъ къ епископамъ южно-русскимъ, совѣтуетъ имъ спросить, относительно

---

[1]) Филарета. Ист. Рус. Цер. періодъ IV, стр. 49.

перехода въ унію, мнѣнія патріарха Константинопольскаго и Московскаго и только въ случаѣ ихъ одобренія рѣшиться на это дѣло [1]). Но изъ этого факта было бы очень ошибочно заключать, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Кояловичъ [2]), что Константинъ Острожскій имѣлъ особенное уваженіе къ Московскому патріарху и желалъ его вмѣшательства въ дѣла южно-русской церкви. Напротивъ, есть очень много фактовъ того, что вельможи южно-русскіе очень враждебно относились къ Москвѣ и къ Московскому правительству, а на этомъ основаніи должны были быть нерасположены и къ сближенію съ Московскимъ патріархомъ. Оно и не могло быть иначе: если южно-русскіе епископы, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ епископовъ Московскихъ, были вооружены противъ Москвы, то тѣмъ болѣе вельможи южно-русскіе. Положеніе ясновельможныхъ пановъ въ юго-западной Руси было въ такой степени хорошо въ сравненіи съ положеніемъ вельможъ въ государствѣ Московскомъ, что паны никогда не могли стремиться къ сближенію съ Москвою. Незадолго предъ временемъ уніи, жилъ въ Польшѣ князь Курбскій и другіе вельможи, бѣжавшіе изъ Москвы отъ жестокостей царя Іоанна Грознаго. Жестокость Грознаго по отношенію къ вельможамъ была такимъ образомъ очень хорошо извѣстна въ Руси юго-западной. Бѣглецы своими разсказами передавали панамъ южно-русскимъ свое ожесточеніе противъ Московскаго правительства. Для пановъ, которые на юго-западѣ Россіи пользовались полнѣйшею независимостью, имѣли громадное вліяніе на управленіе, такъ что король былъ почти ничто, а паны, состав-

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. X стр. 30.

[2]) Кояловича Литов. Церк. унія. т. I стр. 105.

лявшие сеймъ, почти все, должно было казаться слишкомъ оскорбительнымъ такое деспотическое отношеніе Московскаго царя къ своимъ высокопоставленнымъ подданнымъ. И вотъ, подъ вліяніемъ такимъ образомъ выработавшейся ненависти къ Москвѣ, южно-русскіе православные паны часто становятся главными начальниками войскъ, идущихъ противъ Московскаго государства. Такъ даже самъ князь Острожскій съ ожесточеніемъ воевалъ противъ Москвы и свою ненависть къ Москвѣ передалъ и сыну. Потому-то онъ, чуждаясь Москвы во всемъ, чуждался и отношеній къ Московскому патріарху. Взявъ подъ свое покровительство южно-русскую церковь, въ годину ея несчастія, онъ ни разу не обращался самъ за помощью и совѣтомъ къ патріарху Московскому, съ большою охотою и готовностію обращаясь къ патріарху Константинопольскому.

Впрочемъ, южно-русскіе паны недолго защищали православіе противъ попытокъ ввести унію: когда оказалось, что такое заступничество за православіе ведетъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, паны отказались защищать религіозные интересы... [1])

---

[1]) Даже самъ Константинъ Острожскій, наиболѣе ревностный защитникъ православія, когда замѣчалъ, что король и сеймъ невнимательно относятся къ его просьбамъ о православныхъ, оставлялъ свое ходатайство, потому-что не могъ потерпѣть такой невнимательности. Такъ когда обсуждалось дѣло о протосинкеллѣ Константинопольскаго патріарха Никифорѣ, Острожскій долго защищалъ невинность Никифора, но когда замѣтилъ, что на его просьбы мало обращаютъ вниманія, оставилъ собраніе до конца засѣданія. Не смотря на то, что король просилъ его воротиться и обѣщалъ, что Никифоръ будетъ освобожденъ, раздраженный Острожскій не хотѣлъ уступить: «пусть себѣ и Никифора съѣстъ», велѣлъ онъ отвѣтить королю и вышелъ изъ дворца. (Соловьева Ист. Рос. Т. X стр. 67).

Гораздо долѣе и упорнѣе защищали православіе братства, состоявшія изъ горожанъ. Но братства такъ же какъ и паны, не могли имѣть особеннаго сочувствія къ сношенію съ Москвою. Города южно-русскіе имѣли устройство по магдебургскому праву, т. е. имѣли самоуправленіе: всѣ чиновники въ городскомъ управленіи избирались изъ самихъ горожанъ и несли полную отвѣтственность за свою дѣятельность передъ всѣмъ городскимъ обществомъ. А въ сѣверной Руси города управлялись воеводами, присылаемыми отъ царя »для прокормленія.« Получивши городъ для того, чтобъ прокормиться, воевода заботился только о томъ, чтобъ побольше обогатиться на счетъ горожанъ. Онъ вымогалъ всякіе законные и незаконные доходы и на притѣсненія его негдѣ было искать суда. Потому-то горожане южно-русскихъ городовъ не желали входить ни въ какія сношенія съ Московскимъ правительствомъ, и братства, защищавшія православіе, не искали для себя поддержки у патріарха Московскаго.

За то произошло во время уніи очень тѣсное сближеніе представителей южно-русской церкви, магнатовъ и горожанъ, съ патріархомъ Константинопольскимъ. Еще задолго до этого времени однажды, когда король Польскій предлагалъ митрополиту Кіевскому Іосифу Солтану вступить въ сношенія съ папою и митрополитъ обращался къ Константинопольскому патріарху съ вопросомъ, что долженъ онъ отвѣчать королю, то Константинопольскій патріархъ подалъ митрополиту весьма благой совѣтъ: »для любви твоей есть весьма легкая отговорка, писалъ патріархъ митрополиту; ты можешь сказать, что ничего не можешь сдѣлать безъ согласія патріарха Кон-

стантинопольскаго». Теперь, когда Польское правительство принимало насильственныя мѣры для введенія уніи, православные поступили такъ, какъ нѣкогда совѣтовалъ Константинопольскій патріархъ митрополиту Салтану, т. е. отвѣчали, что безъ согласія Константинопольскаго патріарха они не могутъ рѣшиться на перемѣну вѣры. Къ патріархамъ, какъ къ верховнымъ владыкамъ своимъ, постоянно обращались вельможи, постоянно обращались и братства, защищавшія православіе, прося у нихъ совѣта и наставленія относительно всего, что тогда совершалось въ южно-русской церкви. На соборѣ 1590 года патріархъ Константинопольскій былъ торжественно признанъ главою южно-русской церкви и общимъ голосомъ собора рѣшено было оказывать ему повиновеніе. Такое уваженіе къ Константинопольскому патріарху было въ настоящее время, со стороны православныхъ, самымъ горячимъ. Слова представителей южно-русской церкви, что они не могутъ принять унію безъ согласія Константинопольскаго патріарха, что они безъ его согласія ни на что не могутъ рѣшиться, не были въ настоящее время простою отговоркою, а были искреннимъ убѣжденіемъ. Вліяніе восточныхъ патріарховъ было дѣйствительно весьма благотворнымъ въ настоящее время, и патріархи, а также посылаемые ими греки, были достойны всякаго уваженія. Бывшіе около того времени въ южной Руси восточные патріархи—Александрійскій Іоакимъ и Константинопольскій Іеремія были люди въ высшей степени достойные и приняли горячее участіе въ дѣлахъ южно-русской церкви. Іоакимъ благословилъ основаніе Львовскаго братства, далъ уставъ этому братству, посовѣтовалъ братству завести училище. Братство это было разсадникомъ многихъ другихъ братствъ

въ юго-западной Руси, заботившихся объ истинномъ благѣ православной русской церкви. Братства слѣдили за точнымъ соблюденіемъ православныхъ церковныхъ обрядовъ, слѣдили за тѣмъ, чтобъ епископы южнорусскіе вели жизнь соотвѣтственно своему званію и были истинными пастырями для своего народа, возставали противъ всякихъ попытокъ ввести унію, защищали православныхъ на сеймахъ противъ всякихъ притѣсненій, основывали школы, заводили типографіи и заботились такимъ образомъ о распространеніи въ народѣ истинныхъ религіозныхъ православныхъ убѣжденій. Восточные патріархи поддерживали братства во всѣхъ этихъ начинаніяхъ. Изъ Греціи отъ патріарха присылались требники и другія богослужебныя книги, [1]) съ которыхъ печатали братства. Патріархъ не только благословлялъ братства на основаніе школъ, но и оказывалъ имъ дѣятельную поддержку въ этомъ дѣлѣ: изъ Греціи присылались образованные греки въ братскія школы. Въ имѣніяхъ князя Острожскаго жило много образованныхъ грековъ, переводившихъ и составлявшихъ сочиненія для поддержанія православія и распространенія грамотности. Будучи въ южной Россіи, Іеремія, патріархъ Константинопольскій, помогъ братствамъ и въ ихъ заботахъ о томъ, чтобъ имѣть истинныхъ пастырей. Онъ низложилъ епископовъ, недостойно принявшихъ этотъ санъ или ведущихъ противную каноническимъ постановленіямъ жизнь, и, по просьбѣ братства, рукоположилъ новаго митрополита въ южную Русь Михаила Рагозу: «я не знаю его, говорилъ Іеремія, но такъ какъ вы представляете его мнѣ человѣкомъ достойнымъ, то пусть будетъ ми-

---

[1]) Филарета Ист.-Рус. Цер. пер. IV стр. 89.

трополитъ». Потомъ изъ Константинополя патріархъ Іеремія послалъ въ юго-западную Русь самое довѣренное отъ себя лице, ученаго грека протосинкелла Константинопольской церкви Никифора. Находясь подъ предсѣдательствомъ этого протосинкелла и другаго весьма ученаго и достойнаго человѣка протосинкелла Александрійской церкви Кирилла Лукариса, православные на соборѣ Брестскомъ защитили свою вѣру. Никифоръ, не смотря на то, что приверженцы уніи всѣми мѣрами старались склонить его на свою сторону, сталъ во главѣ православныхъ [1]. Видя такое содѣйствіе восточныхъ патріарховъ своимъ истиннымъ стремленіямъ, православные, естественно, должны были имѣть къ нимъ глубокую, искреннюю привязанность. Епископы, отпавшіе въ унію, немогли поколебать этого уваженія, хотя и клеветали на патріарховъ. «Мы, говорилъ Потѣй, отъ нихъ никакой утѣхи, науки и порядка имѣть не могли; только за шерстью и молокомъ къ намъ ѣздили или посылали, а вмѣсто покою волненіе и мечь между дѣтьми вкидывали». Но вотъ что отвѣчали Потѣю православные: «Безстыдный языкъ! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивыхъ патріархахъ и учителяхъ своихъ, какъ невѣрные поганцы? Вы мудры на злое, а чтобъ разумѣть доброе, не увѣдали истины, какъ говоритъ пророкъ. Не посылано ли пророковъ во всѣ времена? не посылали ли и патріархи къ вамъ учителей во всѣ времена уча васъ? Мало ли грамотъ присылали къ вамъ патріархи, о многихъ дѣлахъ и сами къ вамъ приходили? Вы говорите: «когда пришелъ патріархъ, то сдѣлалъ какое-то братство, поповъ и проповѣдниковъ наставилъ». Но и Христосъ тоже самое сдѣлалъ: архіереевъ обличивши и людей къ себѣ собравши и

[1] Кояловича. Литов. церк. унія, т. I, стр. 162.

учениковъ, изъ среды ихъ учителей поставилъ. Такъ и патріархъ, обличивши митрополита Кіевскаго, Онисифора двоеженца, и осудивъ Тимоѳея Злобу, архимандрита Супрасльскаго, за убійство, митрополита Михаила посвятилъ и грамотами окружными всюду злость каждаго обличилъ и на судъ приготовилъ. Что же еще больше ему дѣлать? Школу греческую кто заложилъ, какъ не греки и не патріархъ самъ? Грамматикѣ греческой и съ славянскимъ письмомъ не Арсеній ли, митрополитъ Елассонскій, во Львовѣ, отъ патріарха пріѣхавши, училъ два года? И когда грамматику чрезъ учениковъ своихъ напечаталъ, то въ типографіи греческаго и славянскаго письма размножилось, чего никогда въ русскомъ народѣ не бывало. Русскіе, какъ окрестились, не учились, только церкви строили, которыя имъ злые сосѣди заразъ позапустошили, людей данями обложили, великихъ пановъ своими науками и способами различными отъ церкви отторгли, весь народъ въ убожество привели; за то теперь школы во всѣхъ городахъ закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу вселенскаго патріарха двоеженцевъ выведено, ереси выкляты, исповѣдники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злыхъ карали, владыкамъ негоднымъ отъ мѣстъ своихъ отказаться велѣно. А вы что сдѣлали? Одного патріарха Антіохійскаго во Львовѣ бить приказали, другому вселенскому патріарху Іереміи домой ѣхать велѣли, боясь, чтобъ онъ васъ, какъ преступниковъ, не наказалъ и отъ мѣстъ не отставилъ; вы сами могли на себя опредѣленіе выдать, какъ жиды, говоря: злыхъ злѣ погубитъ, а виноградъ предастъ другимъ дѣлателямъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя» [1]. Такимъ образомъ Константино-

[1]) Соловьева Ист. Рос., т. X, стр. 69 и 70.

польскіе патріархи, при такомъ уваженіи къ нимъ народа южно-русскаго, были весьма крѣпкою опорою для поддержки православія въ борьбѣ съ уніею. Люди, заботившіеся о введеніи уніи въ западную Русь,—Польское правительство, іезуиты и отпавшіе въ унію епископы,—очень ясно сознавали, что дѣло уніи никогда не можетъ сбыться, если только вліяніе патріарха не будетъ прекращено. Поэтому, они всѣми мѣрами старались уничтожить это вліяніе: правительство—мѣрами насилія, іезуиты—литературнымъ путемъ. Правительство судило всѣхъ греческихъ выходцевъ какъ лазутчиковъ; на грековъ взводимы были обвиненія, что они подосланы турецкимъ правительствомъ, въ качествѣ шпіоновъ, для того, чтобы развѣдать о состояніи польскаго государства. Судимые какъ государственные преступники, одни изъ нихъ были заключены въ крѣпость, другіе должны были бѣжать. Чтобъ и на будущее время греки не являлись въ юго-западную Русь, Сигизмундъ, король польскій, издалъ строгое приказаніе пограничнымъ стражамъ не пускать ихъ ни подъ какимъ предлогомъ. «Видя, писалъ Сигизмундъ III, какъ много безопасность государства зависитъ отъ того, чтобы никто изъ чужеземцевъ, а особенно изъ людей греческаго закона и изъ земель турецкихъ, не приходилъ въ наши государства, мы желаемъ отъ усердной вѣрности вашей, чтобы тѣ, которые имѣютъ въ своей власти украинскіе замки, прилѣжно смотрѣли, дабы никто изъ особъ, посланныхъ съ письмами или съ посольствомъ какимъ-нибудь отъ греческихъ патріарховъ къ епископамъ греческой вѣры или къ иному кому, въ наше государство не былъ пропускаемъ» [1]. Но эти мѣры

---

[1]) Апокрисисъ, изд. Кіев. Акад. стр. 304.

строгости не ослабляли влiянiя патрiарховъ. «Пастырская попечительность патрiарховъ, говоритъ авторъ Апокрисиса, хотя далеко живущихъ, о насъ и управленiи надъ нами, замѣчается изъ того, что и въ настоящее время, столь трудное и неблагопрiятное для ихъ власти, они, услышавши объ отступничествѣ и преступленiи митрополита и владыкъ, не оставляютъ промышлять о насъ: учить насъ письмами, увѣщавать къ постоянству, утѣшать и давать защиту духовную противъ тѣхъ, которые хотятъ отвратить насъ отъ ихъ послушанiя [1]) и затѣмъ отъ спасительнаго пути». Можно сказать даже болѣе: запрещенiе всякихъ сношенiй съ Востокомъ служило даже къ возвышенiю восточныхъ патрiарховъ въ глазахъ южно-русскихъ православныхъ. По письмамъ патрiарховъ южнорусскiе православные видѣли въ нихъ людей высокопреданныхъ православiю, а о бѣдственномъ положенiи восточной церкви не знали и не хотѣли вѣрить худымъ слухамъ. Авторъ Апокрисиса не вѣритъ разсказу дѣеписателя, будто несогласiя и раздоры между патрiархами таковы, «что изъ-за этихъ раздоровъ турки отняли у нихъ бывшую въ городѣ церковь и дали имъ другую худенькую на предмѣстьѣ въ углу»; не вѣритъ, что въ Критѣ, Корцирѣ, Закинтѣ и на другихъ островахъ греки вмѣстѣ съ римлянами совершаютъ богослуженiе и крестные ходы, и мощи Спиридона вмѣстѣ по городу носятъ, и вмѣстѣ ходятъ ко гробу св. Арсенiя. «Это слабый доводъ въ твою пользу», говоритъ авторъ въ отвѣтъ дѣеписателю, «его милость князь [2]) въ Корцырахъ и Закинтахъ не бывалъ и не странствовалъ» [3]). Гораздо съ большею охотою вѣритъ

[1]) Апокрисисъ, стр. 263.

[2]) Острожскiй, по порученiю коего авторъ Апокрисиса составилъ это сочиненiе.

[3]) Ibid. стр. 347.

авторъ Станиславу Оржеховскому, который говоритъ: «что каѳедра константинопольская, стоящая въ ряду другихъ каѳедръ, которыя древніе называли апостольскими, цѣла и теперь, это знаемъ мы, живущіе ближе къ Ѳракіи. Богъ далъ ей, какъ новому Іосифу, снискать милость у Солимана, турецкаго тирана, чтобы такимъ образомъ всегда оправдывалось то обѣщаніе, что и врата адовы не одолѣютъ церкви и ея апостольскихъ престоловъ» [1]. Поборники уніи старались подорвать уваженіе къ Константинопольскому патріарху со стороны православныхъ литературнымъ путемъ. Въ своихъ сочиненіяхъ они указывали на то, что патріархъ находится въ турецкой неволѣ: это подчиненіе игу иновѣрныхъ почитали они гнѣвомъ Божіимъ на Восточную церковь за отпаденіе ея отъ церкви Западной. Они указывали на то, что патріархи покупаютъ себѣ у султановъ патріаршество, что на Востокѣ слишкомъ усилена симонія, указывали на то, что тамъ пало просвѣщеніе и нѣтъ болѣе святыхъ подвижниковъ. Противъ этихъ мнѣній, со стороны православныхъ явилось очень много сочиненій въ защиту патріарха: писали, что *грекове панство не для того пострадали, абы якій недостатокъ въ вѣрѣ имѣли* [2] и въ особенности доказывали то, что греки пострадали не за отдѣленіе отъ западной церкви, потому что подпали подъ иго турокъ гораздо ранѣе этого отдѣленія. Въ самомъ подчиненіи туркамъ православныя указывали, въ своихъ сочиненіяхъ, руку промысла Божія, пекущагося о сохраненіи и возвышеніи истинной вѣры въ Восточной церкви [3], основываясь на словахъ пророка За-

[1]) Апокрисисъ стр. 231.

[2]) Палинодія части 2, раздѣла 10, артикулъ 2-й.

[3]) Θρῆνος.

харіи, что два нечестивыхъ поемлются, а третій оставляется и искушается, какъ злато въ горнилѣ, для лучшей жизни [1]). Въ доказательство того же припоминали всю исторію христіанской церкви и замѣчали, что истинная церковь Христова всегда находилась въ утѣсненіи. Признавая то, что греки подъ игомъ турокъ бѣдствуютъ, защитники патріарховъ говорили, что богатства вовсе не необходимы для вѣры, и, припоминая слова апостола Петра, сказанныя хромому: «сребра и злата нѣтъ у меня, но вѣрою въ Іисуса Христа, востани и ходи», разсуждали, на основаніи ихъ, о свойствахъ истинной вѣры. Признавая, что патріархи достигаютъ патріаршества, давая большіе подкупы султану, припоминали текстъ: воздадите кесарева кесареви. Затѣмъ, особыя главы посвящались доказательствамъ того, что и послѣ подчиненія туркамъ у грековъ было много людей ученыхъ, людей святыхъ и бываютъ чудеса [2]). Такимъ образомъ, полемика, вмѣсто того, чтобы подрывать, еще болѣе поддерживала уваженіе православныхъ къ восточнымъ патріархамъ.

Въ 1620 году, прибылъ въ южную Русь Іерусалимскій патріархъ Өеофанъ и возстановилъ іерархію, поставивъ Іова Борецкаго въ митрополиты Кіевскіе и шесть епископовъ въ южно-русскія епархіи. Въ ставленной грамотѣ, данной Өеофаномъ новопосвященному митрополиту и епископамъ, онъ далъ имъ большія права: далъ право епископамъ, по смерти митрополита, если неудобно будетъ переслаться съ Константинопольскимъ патріархомъ о поставленіи новаго митрополита, поставить его своею властью; далъ право наблюдать за всѣми

[1]) Палинодіи части 2, разд. 10, артикулъ 3 и 4.

[2]) Ibid. Раздѣла 12-го, артик. 4, разд. 10-го, артик. 6-й.

ставропигіальными церквями, монастырями и братствами и поручилъ позаботиться объ уничтоженіи нѣкоторыхъ, вкравшихся въ практику южно-русской православной церкви неправильныхъ обрядовъ [1]). Такимъ образомъ возобновлена была іерархія южно-русской церкви и даны были ей особенныя права. Іерархи, посвященные Ѳеофаномъ, стали теперь во главѣ управленія южно-русской церкви, смѣнивъ вельможъ и братства.

Но эти вновь поставленные іерархи совершенно не были похожи по своему характеру и склонностямъ на іерарховъ бывшихъ въ южно-русской церкви предъ уніею и измѣнившихъ православію: тѣ были шляхтичи по происхожденію и мало заботились о дѣлахъ вѣры; эти были избраны народомъ и горячо были преданы православію. До уніи митрополитъ Кіевскій жилъ въ Львовѣ, или Новогрудкѣ, или въ Брестѣ, вообще ближе къ центру польской цивилизаціи и въ мѣстностяхъ, гдѣ не такъ сильна была любовь къ православію. Іовъ Борецкій основалъ свою резиденцію въ Кіевѣ, гдѣ православные составили большинство населенія и куда унія мало проникла. Поэтому, митрополитъ и епископы, бывшіе до уніи, были сами руководителями этого дѣла, а митрополиты и епископы, посвященные Ѳеофаномъ, оказали сильнѣйшее сопротивленіе насильственнымъ мѣрамъ польскаго правительства заставить ихъ и народъ южно-русскій принять унію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя шляхетскихъ склонностей и централизуясь въ Кіевѣ, новопоставленные южно-русскіе епископы должны были имѣть и имѣли болѣе благосклонныя отношенія къ Москвѣ. Нужно замѣтить, что всегда въ областяхъ южно-русскихъ любили Москву больше,

---

[1]) № I, стр. 1—9 настоящаго тома актовъ.

чѣмъ въ областяхъ западно-русскихъ, и тогда какъ Смоленскіе епископы оказывали всегда Москвѣ дѣятельное сопротивленіе, Черниговскіе епископы оказывали готовность ей подчиняться. Іовъ Борецкій, бывшій самъ по происхожденію изъ Черниговской области, былъ по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ къ Москвѣ очень расположенъ. Другіе представители и защитники народа въ это время, — малороссійское козачество и гетманъ, были также къ Москвѣ расположены. Въ десятыхъ годахъ XVII столѣтія польское правительство пользовалось козачествомъ, чтобы вести войну съ врагами. Между прочимъ козацкое войско, подъ предводительствомъ гетмана Сагайдачнаго, было въ числѣ польскихъ войскъ подъ Москвою. Но это ознакомленіе козачества съ Московскимъ народомъ было впослѣдствіи слишкомъ вредно для польскаго правительства. Будучи въ Великороссіи, казаки видѣли тамъ, какъ русскіе люди Московскаго государства съ великимъ самоотверженіемъ вооружились, подъ знаменемъ вѣры, на защиту вѣры и свободы своего отечества. Возвратившись въ Малороссію, Сагайдачный и козацкое войско торжественно каялись предъ Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ въ томъ, что они ходили на Московское государство [1]).

И вотъ, когда малороссійскій народъ началъ терпѣть великія угнетенія за вѣру отъ польскаго правительства и пановъ, представители его политическихъ и религіозныхъ интересовъ стали искать покровительства Московскаго государства. Іовъ Борецкій, говоритъ Соловьевъ, понималъ смыслъ народнаго крика: «лучше терпѣть неволю турецкую, чѣмъ терпѣть долѣе иго панское», но предпочиталъ обратиться къ Московскому госу-

---

[1]) Кояловича Разсказы о Зап. Руси, стр. 279.

дарству. Въ 1620 году было посольство къ Московскому правительству отъ Сагайдачнаго съ просьбою о покровительствѣ [1]); въ 1625 году отправилъ съ просьбою о томъ же Іовъ Борецкій Исаакія, епископа Луцкаго. «У малороссіянъ одна только дума, говорилъ Исаакій Грамматину и Черкасскому, Московскимъ дьякамъ, какъ-бы поступить подъ государеву руку» [2]), Эта просьба о подданствѣ, при тогдашней слабости Московскаго государства не могла быть исполнена, но, тѣмъ не менѣе, съ этихъ поръ южно-руссы чаще начинаютъ прибѣгать къ покровительству Московскаго государства и Московское правительство, насколько возможно, оказываетъ имъ свое содѣйствіе. Цѣлыми тысячами переселялись крестьяне малороссійскіе въ области Московскаго государства и Московское правительство охотно ихъ принимало. Обращалось къ Москвѣ съ просьбою о своихъ нуждахъ и духовенство малороссійское. Преемникъ Іова Борецкаго, Исаія Копинскій, въ 1632 году писалъ патріарху Филарету: «многою злобою и ревніемъ супостаты на ны вооружишася, хотяще всяко единою поглотити и до конца истребити благочестіе: мы же единаче, Божіею помощію, аще и отвсюды зѣло утѣснены есмы, поелику мощно до нѣкосго времени противу злочестію ихъ опираемся и вооружаемъ. Обаче, аще невозможно будетъ, Богу грѣхъ ради попустившу вящше, сопротивъ стати злочестію ихъ,—къ вашему преосвященству, благочестивой, православной Восточной державѣ приклонити главу умыслихомъ, надежду несомнѣнно имѣюще, яко ваша святительская и пастырская милость насъ знщихъ не отринетъ и не возгнушается....

---

[1]) Соловьева. Ист. Рос. т. X стр. 87 и 85.

[2]) Маркевича. Ист. Малоросс. т. I стр. 123.

Понеже, по измертвіи блаженной памяти прежде мене бывшаго отца митрополита Іова Борецкаго, весь монастырь выпустошенъ остася, не точію сто ино (sic), но и до единаго патрахиля святительскаго при томъ мѣстѣ не оставиша, но вся разграбиша. Сего ради молю вашего преосвященства, аще мощно, на архіерейское служеніе, на сакъ же и на иное святительское украшеніе пожаловать худость нашу косю либо вещію или матеріею, понеже сего вашей святительской милости есть преизобильно, у насъ же зѣло всего скудно, да имѣти буду сіе на благословеніе вашея святительскія милости, понеже есмь рабъ и присный богомолецъ вашего преосвященства. И о мощѣхъ святыхъ, ко священнодѣйствію посвященія мvра, такожъ и антиминса, о немъ же нужда ми предлежитъ къ великому четвергу посвященія мvра сподобитися, понеже не имѣю его у себя, днесь, прилежно молю твоего величества и прещедраго пастыря: понежъ у насъ во сія вся зѣло оскудно, неимамы гдѣ ихъ достати. Понежъ греченя мало бываютъ у насъ, а прежь сего у нихъ святыхъ мощей доставали .. Прилѣжно вашу святительскую милость прошу и молю, яко да не презритъ о сихъ всѣхъ моленія неключимаго послушника и богомольца своего. Азъ же молю и молити долженъ есмь, яко да ваше преосвященство добрѣ словесно здѣ стадо упасши, во грядущей вѣчной жизни пастыремъ начальнику Господу Іисусу Христу пресвѣтлымъ лицемъ явльшеся, преславный и прерадованный гласъ Господа услышиши: благій рабе и вѣрный, вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего, еяже со всѣми святыми патріархи и архіереи да сподобится ваша святительская милость [1]).

[1]) Вѣстн. Югозап. Рос. 1866 г. кн. 5.

Но обращаясь съ просьбами о покровительствѣ къ Московскому правительству, южно-русскіе іерархи вмѣстѣ съ тѣмъ обращались съ жалобами и мольбами объ уменьшеніи гоненія на православіе и къ Польскому правительству. Такія жалобы посылалъ на сеймъ митрополитъ Іовъ Борецкій, съ просьбою о томъ же митрополитъ Исаія Копинскій послалъ на сеймъ архимандрита лавры Петра Могилу. Просьбы ихъ въ концѣ концевъ были услышаны. Польское правительство начало сознавать, что духовенство малороссійское составляетъ великую силу, имѣетъ громадное вліяніе на народъ, что имѣя на своей сторонѣ духовенство, можно имѣть болѣе возможности прекращать слишкомъ тяжелое для правительства возмущеніе малороссійскаго козачества. Воевода Кіевскій Адамъ Кисель, внимательно изучавшій характеръ малороссійскаго народа, вынесъ то убѣжденіе, что на малороссійскій народъ нужно дѣйствовать чрезъ духовенство: »они очень уважаютъ свое духовенство, писалъ онъ, хотя я не могу сказать, исповѣдываютъ ли они хоть какую нибудь религію.« Вѣроятно, во имя этихъ соображеній, Польское правительство, когда Петръ Могила явился на сеймъ и былъ избранъ въ митрополиты Кіевскіе, съ готовностью утвердило его въ этомъ званіи, дало ему право оставаться вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ Кіево-печерской лавры, дало ему право поселиться при Кіево-Софійскомъ соборѣ и многія другія привиллегіи. [1]) Петръ Могила былъ человѣкъ въ высшей степени соотвѣтствующій видамъ Польскаго правительства: онъ былъ шляхтичъ по происхожденію, весьма дорожилъ почестями и имѣніями, и по-

[1]) Евгенія Описаніе Кіево-Соф. собора стр. 167—170.

тому могъ высоко цѣнить привиллегіи. Кромѣ того, какъ человѣкъ знакомый съ интригами придворной жизни, Петръ Могила имѣлъ способность и готовность вмѣшиваться въ дѣла политическія. [1]) При такомъ настроеніи Петръ Могила не могъ быть очень расположенъ къ Московскому государству. Въ Кіевѣ были очень хорошо извѣстны тѣ жестокости и неограниченный произволъ, которыми были проникнуты всѣ Московскія учрежденія Мелетій Смотрицкій и Кассіанъ Саковичъ печатно говорили, что въ Московскомъ царствѣ живутъ рабы и что тамъ даже высокопоставленныхъ лицъ бьютъ кнутомъ и подвергаютъ торговой казни. Въ Лиѳосѣ, приписываемомъ Петру Могилѣ, авторъ вовсе не заботился объ отраженіи подобныхъ нападеній противниковъ Московскихъ распорядковъ и весьма хладнокровно отвѣчалъ въ такомъ родѣ; «мы-де за Москву не отвѣтчики, спрашивайте у нея самой!« [2]) Но Петръ Могила нетолько самъ былъ шляхтичъ, но и содѣйствовалъ развитію шляхетныхъ стремленій въ высшемъ духовенствѣ. Главною его заботою была забота о просвѣщеніи. На томъ же сеймѣ, на которомъ было утверждено его избраніе въ митрополиты, дана была привиллегія православнымъ заводить типографіи и училища. Возвратившись въ Кіевъ, Петръ Могила, дѣйствительно, основалъ замѣчательную Кіево-Могилянскую коллегію. Въ этой школѣ обученіе шло на латинскомъ языкѣ и всѣ порядки были устроены по образу школъ іезуитскихъ. Главная задача обу-

---

[1]) По крайней мѣрѣ, самъ Кисель впослѣдствіи обращался къ Петру Могилѣ съ просьбою содѣйствовать ему въ усмиреніи казаковъ и Петръ Могила послалъ отъ себя къ казакамъ съ увѣщаніемъ двухъ печерскихъ монаховъ (Вѣстн. Юг.-Зап. Рос. 1862 г. Сент. 152 стр.).

[2]) Отеч. Зап. 1862 г. кн. IV стр. 382, статья Пекарскаго.

ченія состояла въ томъ, чтобы развить въ ученикахъ краснорѣчіе и способность къ спорамъ. Другія, болѣе полезныя науки, какъ напр. исторія, были пренебрежены. Поэтому, выходя изъ школы, ученики Кіево-Могилянской коллегіи были чужды народа, исторіи бѣдствій котораго они не знали и чувствовали себя хорошо только въ средѣ высшаго общества шляхты, гдѣ требовалось остроуміе, болтливость, способность поспорить. Школа Могилянская отдаляла учениковъ своихъ отъ народа, дѣлая ихъ шляхтичами. Тѣмъ не менѣе и самъ Петръ Могила и ученики его слишкомъ высоко цѣнили такое образованіе и съ пренебреженіемъ относились къ тѣмъ, кто его былъ чуждъ. Съ такимъ же презрѣніемъ они должны были относиться и къ Московскому невѣжеству

Но ни самъ Петръ Могила, ни школы его не пользовались общею любовію народа. Не смотря на то, что Петръ Могила старался централизовать церковное управленіе въ южнорусской церкви, не смотря на то, что это былъ человѣкъ способный стоять во главѣ, не смотря на то, что тогда возникла мысль у польскаго правительства и предводителей дѣла уніи о необходимости централизовать церковное управленіе въ юго-западной Руси и сперва Вельяминъ Рутскій, уніатскій митрополитъ Кіевскій, а потомъ король Владиславъ предлагали православнымъ мысль о необходимости учредить патріаршество въ Кіевѣ, [1])—это дѣло несостоялось. Попытка Польскаго правительства поставить въ патріархи Петра Могилу была очень хорошо понята. «Однаконечно, писалъ Исаія Копинскій, король

[1]) Вѣст. Югозап. Россіи. 1863 г. Апрѣль стр. 8; 1866 г. кн. VIII стр. 131 Соловьева Истор. Россіи. т. X стр. 102.

Польскій и паны радные и ляцкіе арцыбискупы приговорили на сеймѣ, что въ ихъ Польской и въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть и христіанскіе церкви превратить на костелы ляцкіе, и книги русскіе и монастыри вывесть, а Кіевскій митрополитъ Петръ Могила вѣры христіанской нынѣ отпалъ и благословленъ митрополитъ Петръ Могила отъ папы Римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, быть ему патріархомъ въ Вильнѣ, будто въ христіанской вѣрѣ, а присягалъ онъ митрополитъ королю, и всѣмъ панамъ раднымъ, и арцыбискупамъ ляцкимъ на томъ, что ему христіанскую вѣру ученіемъ своимъ попрать и уставить всее службу по повелѣнію папы Римскаго Римскую вѣру, и книги русскія вывесть.« [1])

Точно такъ же неблагосклонно относился народъ и къ другому дѣлу Петра Могилы: къ основанной имъ Академіи. Кіевскіе мѣщане и низшее духовенство видѣли въ учителяхъ и въ ученикахъ Кіевской коллегіи пропагандистовъ латинства и различныхъ ересей. Ректоръ Академіи Коссовъ нашелъ себя вынужденнымъ писать особое сочиненіе въ защиту коллегіи. Въ немъ онъ такъ описываетъ отношенія неблагосклонныхъ кіевлянъ къ коллегіи: »Вотъ уже четвертый годъ проходитъ, благосклонный читатель, какъ мы, изучивъ науки Паллады въ католическихъ академіяхъ, стали насаждать въ русскіе умы латинскій языкъ лучше нежели бывшіе до насъ наставники, и это не изъ иныхъ какихъ-нибудь побужденій, какъ только потому, чтобъ мы могли заслужить у Предвѣчнаго какого-либо воздаянія такими добрыми дѣлами, которыя въ осо-

---

[1]) Вѣстн. Югозап. Россіи 1866 г. кн. 8. стр. 131.

бенности повелѣваютъ просвѣщать незнающихъ, а также чтобъ вышедшіе изъ среды православнаго народа нашего, успѣли распространить въ немъ свѣтъ Аполлона. Такія намѣренія неблагопріятно встрѣтило легкомысліе, которое царствуетъ въ обществѣ. Какъ скоро мы, съ его милостію отцемъ Петромъ Могилою, Кіевскимъ митрополитомъ, достигли до тебя, Кіевъ приснопамятный, и охраняемые святыми стражами, твоею оградою непобѣдимою, примѣнили primus Minervae manus, то о насъ начали внушать народу, что будто мы уніаты, что будто мы не православные. Какіе перуны, какіе громы и молніи разныя посыпались на насъ тогда, того невозможно описать чернилами! Было такое время, что мы исповѣдывавшись только и ждали, что вотъ начнутъ нами начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же того огнемъ, другого мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ.« [1]) По словамъ позднѣйшаго свидѣтеля, (1706 г.) Гавріила Домецкаго, при основаніи Кіевскаго коллегіума »отъ неученыхъ поповъ и отъ казаковъ веліе было негодованіе: на что латинское и польское училище заводите, чего у васъ до туду не бывало, а спасались? Было хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити, едва ихъ уговорили. [2])

Такимъ образомъ снова произошло, подобно бывшему предъ уніею, раздѣленіе между пастырями и паствою, между высшими іерархами южно-русскими и бывшими подъ ихъ вліяніемъ шляхетными представителями казачества и низшимъ духовенствомъ, вмѣстѣ съ мірскимъ поспольствомъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ менѣе южно-русскіе іерархи заботились объ

---

[1]) Отеч. Зап. 1862 г. кн. 4 стр. 369.

[2]) Ibid. 368 стр.

интересахъ народа, болѣе заботились о сохраненіи своихъ преимуществъ, возставали противъ подчиненія Москвѣ, сближались съ Польшею и Турціею; но низшее духовенстве и народъ, вопреки старанію своихъ іерарховъ, все болѣе и болѣе къ Москвѣ тяготѣло.

Во время Хмельницкаго для высшаго духовенства малороссійскаго было очень ясно, что политическая зависимость Малороссіи отъ Москвы, къ чему склонялся гетманъ, будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что и духовенство малороссійское должно будетъ подчиниться Московскому патріарху. Московскій патріархъ поставленъ былъ Московскимъ правительствомъ въ самое ближайшее отношеніе къ дѣлу о подчиненіи Малороссіи. Когда въ 1648 году Богданъ Хмельницкій въ первый разъ прислалъ въ Москву предложеніе подданства, царь Алексѣй Михайловичъ призвалъ къ обсужденію этого дѣла и патріарха и, согласно съ мнѣніемъ патріарха, рѣшено было отклонить на время это предложеніе; затѣмъ, въ 1651 году, также по совѣту съ патріархомъ, Московскій царь изъявилъ согласіе принять Малороссію въ подданство, а въ 1653 году, окончательно рѣшено было это дѣло, опять съ соборомъ духовенства. [1]) По поводу присоединенія Малороссіи, возгорѣлась война между Московскимъ государемъ и Польшею. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ походъ, а патріархъ напутствовалъ его благословеніемъ. Война шла очень удачно для Московскихъ войскъ: они заняли всю Бѣлоруссію и Литву и царь принялъ титулъ: »царя всея великія и малыя и бѣлыя Россіи.« Патріархъ, будучи въ Москвѣ, въ письмахъ изъявлялъ свое сочувствіе царю и совѣтовалъ ему, не довольствуясь Литвою, идти завоевать всю Польшу. Хмельницкій, представитель козачества, очень хорошо

---

[2]) Филарета Ист. Церкви пер. IV стр. 30. Бантышъ Каменскаго Ист. Малорос. т. I, стр. 3. Соловьева Ист. Рос. т. X стр. 271.

зналъ объ этомъ горячемъ отношеніи Московскаго патріарха къ дѣлу политическаго присоединенія Малороссіи и, обратясь къ царю съ просьбою принять участіе въ дѣлахъ Малороссіи, обращался съ такою же просьбою и къ патріарху. Такъ въ 1653 году Хмельницкій особенною грамотою просилъ патріарха расположить царя принять Малороссію въ подданство. При концѣ своей дѣятельности, Хмельницкій относится къ патріарху съ такимъ же довѣріемъ: онъ усердно просилъ его прибыть въ Малороссію и благословить вновь избраннаго гетмана, Юрія Хмельницкаго, на гетманство, а митрополита Кіевскаго на митрополію. [1]) Обращая вниманіе на послѣднія слова, видно, какъ участіе патріарха въ дѣлѣ политическаго присоединенія Малороссіи могло вести—и дѣйствительно вело къ тому, чтобы іерархія малороссійской церкви стала отъ него въ зависимости.

Это подчиненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, было возможно потому еще болѣе, что въ средѣ южно-русскаго духовенства большинство было очень расположено къ Московскому правительству и къ Московскому патріарху и готово было ему подчиниться. Извѣстно, что когда прибыли въ Малороссію послы для принятія ея, то во всѣхъ городахъ духовенство съ крестнымъ ходомъ встрѣчало ихъ во главѣ городскихъ жителей. Фактъ этотъ, положимъ, самъ по себѣ мало значитъ, ибо митрополитъ Кіевскій Коссовъ также встрѣчалъ пословъ и сказалъ имъ рѣчь; а между тѣмъ, какъ разсказано будетъ послѣ, Коссовъ былъ недоволенъ подчиненіемъ Малороссіи и недоброжелателенъ къ Московскому правительству. Но факты встрѣчи со стороны

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. X стр. 381.

духовенства показываютъ намъ все-таки, что духовенство должно было повиноваться народному желанію. Съ другой стороны, есть много другихъ фактовъ, которые показываютъ, что эти встрѣчи со стороны духовенства въ иныхъ мѣстахъ были искренними: епископы нѣкоторыхъ епархій охотно подчинились Московскому патріарху. Пастыри Могилевскій (1654—1662 г.), Смоленскій (съ 1656 г.) и Черниговскій (съ 1657 г.) признали надъ собою власть Московскаго патріарха [1]. Съ какою любовію обратились тогда сердца юга къ Никону, показываетъ примѣръ игумена Іоиля Турцевича. Приглашенный въ 1654 году—въ Иверскій монастырь, онъ на дорогѣ захворалъ и просилъ перенесть кости его туда, куда стремилась любовь его—въ Иверскій монастырь: »азъ«, говорилъ онъ, »послушаніе мое ко пастырю и по смерти сохраню.« [2])

Наконецъ, правленіе Никона всего болѣе могло содѣйствовать сближенію южно-русской церкви съ сѣверно-русскою. На югѣ высоко цѣнили просвѣщеніе и очень привыкли къ различнымъ торжественнымъ обрядамъ; но въ сѣверной Руси до Никона была ересебоязнь и стремленіе сохранить все такъ, какъ положено отцами; стремленія къ реформѣ обрядовъ, къ перемѣнѣ и къ просвѣщенію не было. Никонъ, какъ извѣстно, не раздѣлялъ такого ригоризма и горячо заботился объ улучшеніи церковныхъ обрядовъ, объ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Для этихъ реформъ онъ не чуждался искать помощи и со стороны южно-русскихъ ученыхъ. По его пред-

---

[1]) Филарета Ист. Рус. Церк. пер. IV стр. 50.

[2]) Филарета Ист. Рус. Церк. пер. IV стр. 31.

ложенію вызваны были въ Москву въ 1649 году малорусскіе ученые Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій, а въ слѣдующемъ году прибылъ еще іеромонахъ Птицкій [1]). Всѣ эти лица, когда жили въ Москвѣ, пользовались довѣріемъ и благосклонностью патріарха. Кромѣ этихъ ученыхъ, патріархъ вызвалъ еще въ Москву изъ Малороссіи, въ 1649 году, типографщиковъ [2]) и въ 1652 году пѣвцовъ [3]).

Но чѣмъ сильнѣе была возможность подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, тѣмъ болѣе опасались этого подчиненія высшіе шляхетные представители малороссійскаго духовенства: на сколько можно было, они старались помѣшать соединенію малой Россіи съ великою и оказывали сопротивленіе распоряженіемъ Московскаго правительства. Стремленія Никона очистить церковную обрядность сѣверно-русскую отъ внесенныхъ въ теченіе времени искаженій вызвало сильную реакцію со стороны приверженцевъ старины. Приверженность къ старинѣ, къ коснѣнію въ необразованности, высказалась очень сильно. Раскольники, отстаивая старину, готовы были на всякія самопожертвованія. Убѣгая отъ преслѣдованія правительства, эти люди, между прочимъ, скрывались и въ Малороссію и, судя по нимъ, малороссіяне были очень худого мнѣнія о Московской религіозности: »одни погруженцы, другіе обливанцы, говорили простодушные и необразованные козаки и урядники; у однихъ попы, у другихъ безпоповщина, на Московщинѣ столько вѣръ, сколько

[1]) Филарета Ист. Рус. Церк., пер. IV стр. 104.
[2]) Филарета Ист. Рус. Церк. пер. IV стр. 146.
[3]) Ibid. стр. 147.

слободъ, а въ слободахъ иногда сколько домовъ; насъ никто въ домъ не пуститъ съ трубками; у нихъ вся вѣра въ томъ, чтобы бороды не брить и табаку не курить и не нюхать.« [1]) Пользуясь такого рода настроеніемъ мыслей народа, южно-русское духовенство, питавшее антипатію къ Москвѣ, находило иногда возможность вооружать народъ противъ подчиненія Москвѣ. Такъ на радѣ, собранной Хмельницкимъ по поводу прибытія трехъ посольствъ съ предложеніемъ покровительства отъ сосѣднихъ державъ,—отъ Москвы, Турціи и Польши, произнесъ весьма энергическую рѣчь противъ подданства Москвѣ Черкасскій протопопъ Өедоръ Гурскій, котораго считали великимъ богословомъ и проповѣдникомъ. Указывая на дары, завернутые въ рогожу, принесенные Московскими послами, дары, завернутые въ коверъ, принесенные послами Польши, и дары, завернутыя въ шелковыя матеріи, принесенные послами Турціи, онъ сказалъ: »отъ трехъ царей или волхвовъ поднесены были младенчествовавшему Христу Спасителю дары: золото, ливанъ и смирна; дары сіи предзнаменовали бытіе, страданіе и возвращеніе на небо: злато предрекло царствованіе, ладонъ—погребеніе, смирна—божественность. Такъ и сіи дары, поднесенные тремя царями младенчествующему народу, знаменуютъ участь его: чѣмъ покрыты или одѣяны дары сіи, тѣмъ покроется и народъ, ими прельстившійся. Дары польскіе покрыты ковромъ, то и народъ съ поляками будетъ имѣть ковры; дары турецкіе покрыты тканью шелковою, то и народъ облечется въ шелкъ, дары московскіе покрыты рогожами, то и народъ, соединившійся съ москвитянами, одѣется въ рогожки и подъ

---

[1]) Маркевича Ист. Малорос. т. I. стр. 257.

рогожки. И сіи предзнаменованія вѣрнѣе и превосходнѣе всѣхъ оракуловъ на свѣтѣ.« Эта рѣчь Гурскаго произвела впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее, чѣмъ рѣчь Хмѣльницкаго за подчиненіе Москвѣ; въ собраніи поднялся шумъ и ропотъ на Хмельницкаго: его называли измѣнникомъ и предателемъ отечества, подкупленнымъ отъ русскихъ пословъ [1]). Преемникъ Петра Могилы, митрополитъ Кіевскій Сильвестръ Коссовъ, также шляхтичъ по происхожденію, [2]) человѣкъ тѣхъже взглядовъ и тѣхъже стремленій какъ и Петръ Могила, также оказывалъ неповиновеніе Московскому правительству. Хотя, при въѣздѣ въ Кіевъ пословъ Московскихъ, отправленныхъ для принятія Малороссіи, митрополитъ Сильвестръ встрѣчалъ ихъ за городомъ, сказалъ имъ привѣтственную рѣчь, [3]) при чемъ, по извѣстію очевидца, православнаго священника, »отецъ митрополитъ одъ жалю обумиравъ, а все бывшое съ нимъ духовен-

---

[1]) Маркевича Ист. Малорос. т. I стр. 257.

[2]) Отеч. Зап. 1862 кн. 4 стр. 376.

[3]) »Внегда приходите, говорилъ онъ, отъ благочестиваго и христолюбиваго свѣтлѣйшаго государя православнаго, православные царскіе мужи, имѣя желаніе посѣтить благочестивое древнихъ великихъ князей россійскихъ наслѣдіе, внегда приходите къ сѣдалищу перваго благочестиваго россійскаго князя, исходитъ къ вамъ въ срѣтеніе и цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ онъ благочестивый Владиміръ, великій князь русскій, цѣлуетъ васъ апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстившій на семъ мѣстѣ велію просіяти славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется, цѣлуютъ васъ общежитія начальницы—Антоній и Ѳеодосій Печерскіе и всѣ преподобные, лѣта и животъ свой во Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіе, цѣлуемъ и мы во Христѣ ваше благородіе со всѣмъ священнымъ соборомъ, цѣлующе же любовно взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія русскаго, яко да вашимъ пришествіемъ обновится, яко орля юность, наслѣдіе великихъ князей русскихъ.« (Прав. Обозр. 1871 г. Авг. стр. 174).

ство за слезами свѣта не видѣли»; [1]) хотя на вопросы пословъ, почему доселѣ не писалъ онъ, митрополитъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ просьбы о подданствѣ, отвѣчалъ, что о сношеніи Хмельницкаго онъ, митрополитъ, доселѣ ничего не зналъ, но что онъ всегда и нынѣ за государево здравіе Бога молитъ и, дѣйствительно, проводивъ пословъ въ Софійскій соборъ, отслужилъ при нихъ молебенъ, молилъ Бога о здравіи великаго государя и его дома; [2]) но тогда же, высказавъ такую видимую радость, Коссовъ на дѣлѣ заявилъ Московскому правительству свое нерасположеніе. Когда послы потребовали, чтобы слуги митрополита и архимандрита печерскаго Иннокентія Гизеля приняли присягу въ вѣрности московскому правительству вмѣстѣ съ другими жителями, митрополитъ и архимандритъ долго въ этомъ отказывали. »Митрополитъ боялся, говоритъ Маркевичъ, что греческое духовенство, въ городахъ и селахъ Литовскихъ и Польскихъ находящееся, можетъ подвергнуться казнямъ и смерти, буде шляхта его присягнетъ царю.« [3]) Дѣйствительно, митрополитъ главнымъ образомъ высказывалъ эту причину своего отказа, но Московскіе послы совершенно справедливо считали это пустою отговоркою, которою митрополитъ пытался прикрыть нерасположенность: »ты, митрополитъ, говорилъ думный дьякъ, отговариваешься и стоишь за то упорно не дѣломъ; больше бы ты отговоровъ и разсказу никакого не чинилъ и за то на себя государева гнѣва не наводилъ; или бы ты обо всемъ этомъ дѣлѣ повидался съ

---

[1]) Костомарова Монографіи т. XI стр. 137.

[2]) Прав. Обозр. 1871 г. Авг. стр. 176

[3]) Маркевича Ист. Малор. т. I стр. 339.

ближнимъ бояриномъ Васильемъ Васильевичемъ. Митрополитъ отвѣчалъ: то вѣдаетъ панъ съ паномъ, а я богомолецъ государевъ, видѣться мнѣ съ бояриномъ и говорить не о чемъ.« [1]) Судя по той раздражительности, какая замѣчается въ отвѣтѣ митрополита, можно заключить, что онъ, дѣйствительно, упирался не дѣломъ. Впрочемъ въ концѣ концевъ митрополитъ уступилъ: »угроза местію гетманскою, говоритъ Маркевичъ, подѣйствовала на первосвященника и присяга была довершена.« [2]) И еще болѣе рѣзкое сопротивленіе оказалъ Коссовъ въ мартѣ того же года, когда Московскіе воеводы въ Кіевѣ рѣшили строить крѣпости на земляхъ, принадлежащихъ Кіевскимъ монастырямъ: митрополитъ прямо объявилъ имъ, что онъ этой земли неуступитъ и города или острога на этомъ мѣстѣ ставить не дастъ, потому что то земля его, митрополичья, Софійскаго, Архангельскаго и Никольскаго монастырей и Десятинной церкви, подъ его митрополичьею паствою; а если они, бояре, хотятъ Черкасъ оберегать, то они бы оберегали отъ Кіева верстъ за двадцать и болѣе, а если начнутъ ставить городъ на томъ мѣстѣ, которое выбрали, то онъ станетъ съ ними биться; хотя гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ поддался государю, но онъ, митрополитъ со всѣмъ соборомъ о томъ бить челомъ государю не посылывалъ, и живетъ онъ съ духовными людьми самъ по себѣ ни подъ чьею властію; и началъ митрополитъ боярамъ грозить: »не ждите начала, а ждите конца; увидите сами, что надъ вами скоро конецъ будетъ«, и въ городовомъ дѣлѣ отказалъ. [3])

---

[1]) Прав. Обозр. 1871 г. Авг. стр. 175.

[2]) Маркевича Ист. Малорос. т. I стр. 339.

[3]) Соловьева Ист. Рос. т. X, стр. 290.

Опасаясь подчиненія Москвѣ, представители Кіевскаго духовенства начали искать покровительства у Польши. Въ началѣ возстанія Хмельницкаго, духовенство даже возбуждало его къ войнѣ съ Польшею. Есть извѣстіе, что Хмельницкаго благословилъ на возстаніе противъ паповъ Петръ Могила, [1]) что Хмѣльницкій ему первому сообщилъ извѣстный отвѣтъ короля на жалобу Хмѣльницкаго: »вы имѣете мечъ и этимъ мечемъ можете сами защищать свою свободу.« Точно также одинъ изъ современниковъ, Гродзскій, разсказываетъ, что слыхалъ отъ войсковаго писаря Выговскаго, что Хмѣльницкій, прежде начатія открытой борьбы съ Польшею, совѣтовался о томъ съ Кіевскимъ архіепископомъ, и этотъ не только благословилъ начинаніе, но прибавилъ, что будетъ преданъ проклятію каждый, не принявшій участія въ такомъ дѣлѣ, а между тѣмъ могшій ему помогать умомъ или оружіемъ. [2]) Также сочувствовалъ возстанію Хмѣльницкаго и Сильвестръ Коссовъ: когда въ 1648 году Хмѣльницкій имѣлъ торжественный въѣздъ въ Кіевъ, его встрѣчалъ митрополитъ Коссовъ. »Здѣшній митрополитъ, сообщаетъ современникъ, полякъ Мясковскій, описывая этотъ въѣздъ Хмѣльницкаго въ Кіевъ, далъ ему подлѣ себя мѣсто въ саняхъ по правую руку« [3]). Причина такого сочувствія понятна: чѣмъ болѣе одерживали побѣдъ козаки подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, тѣмъ болѣе могло надѣяться духовенство на улучшеніе своего положенія, на то, что Польское правительстро дастъ духовнымъ желаемыя ими привил-

---

[1]) Костомарова Монографіи т. IX стр. 75.

[2]) Отеч. Зап. 1862 г. кн. 4 стр. 376.

[3]) Ibid. стр. 376.

легіи. Дѣйствительно, когда козаки одерживали побѣду, они требовали отъ Польскаго правительства дать привиллегію православному духовенству Такъ по Зборовскому договору выговорено было даже право митрополиту Кіевскому засѣдать вмѣстѣ съ католическими епископами [1]). Но когда Хмѣльницкій задумалъ подчиниться Московскому правительству, то высшее духовенство Малороссіи рѣшилось искать помощи у Польши. Грозя Москвѣ, митрополитъ Коссовъ задумывалъ поддаться подъ покровительство Польши. Грекъ Тафлары свидѣтельствовалъ, что митрополитъ и другіе духовнаго чина люди присылали на сеймъ къ королю двоихъ чернцовъ съ объявленіемъ, что имъ съ Московскими людьми быть въ союзѣ невозможно и они этого никогда не желали; Москва хочетъ перекрещивать: такъ чтобъ король, собравши войско, высвобождалъ ихъ, а они изъ Кіева Московскихъ людей выбьютъ и будутъ подъ королевскою рукою по прежнему [2]). Впрочемъ Коссовъ не могъ очень сильно искать этого покровительства у Польши, потому что Хмѣльницкій ему не сочувствовалъ.

Преемникъ Коссова, Діонисій Балабанъ, весьма усиленно содѣйствовалъ измѣнѣ Выговскаго. Вмѣстѣ съ Выговскимъ онъ

---

[1]) Совершенно ложно было бы думать, что это наущеніе казаковъ на Польшу со стороны духовенства было дѣломъ, истекающимъ изъ враждебнаго отношенія духовенства къ Польшѣ. Въ тотъ-же годъ торжественнаго въѣзда Хмѣльницкаго въ Украину пріѣзжали послы изъ Польши въ Запорожье и козаками приняты были очень худо, а Кіевляне ихъ и вовсе не пустили, но Кіевскій митрополитъ нашелъ возможность съ Печерскимъ архимандритомъ ѣздить къ этимъ посламъ для тайныхъ переговоровъ, а Адамъ Кисель, стоявшій во главѣ посольства, заѣзжалъ въ домъ митрополита и былъ очень ласково принятъ (Отеч. Зап. 1862 г. кн. 4, стр. 377.—Костомарова. Богданъ Хмѣльн. т. II, стр. 67).

[2]) Соловьева. Ист. Рос. т. X стр. 331.

заключалъ съ Польшею Гадячскій договоръ и присягалъ въ вѣрномъ исполненіи статей этого договора. Кромѣ того, когда Выговскій былъ еще въ Малороссіи, то Балабанъ старался успокоить бывшее противъ этого гетмана возмущеніе и грозилъ проклятіемъ главному виновнику этого возмущенія, переяславскому полковнику Пушкарю. Затѣмъ, когда Выговскій бѣжалъ изъ Малороссіи въ области подлежащія польскому правительству, Балабанъ также оставилъ Кіевъ и уѣхалъ въ Польшу. Оттуда Балабанъ только по временамъ пріѣзжалъ въ Кіевъ съ какимъ-то черницомъ — Тарасіемъ Бузскимъ и присылалъ этого черница одного съ письмомъ къ гетману. Черницъ этотъ прекрасно зналъ политическія дѣла и былъ очень опытенъ въ введеніи интригъ. Это былъ «лютый кобель, настоящій іезуитъ», какъ выражался о немъ епископъ Меѳодій [1].

Послѣ Балабана былъ избранъ и утвержденъ королемъ на западной сторонѣ Днѣпра — Тукальскій, а потомъ весьма скоро, по заключеніи Тукальскаго, возведенъ Перемышльскій епископъ Антоній Винницкій. Винницкій также въ Кіевѣ не жилъ, а жилъ въ польскихъ владѣніяхъ, съ Москвою не сносился и ни въ чемъ не хотѣлъ помогать московскому правительству даже за большіе подарки. «Митрополиту Винницкому», писалъ московскій посолъ въ Варшавѣ Тяпкинъ, «посланы большіе подарки, а отъ него доброхотства никакого не видать» [2]. Такимъ образомъ представители духовенства передались на сторону Польши.

Но народъ, какъ и во время уніи, за ними не послѣдовалъ. При Хмѣльницкомъ козни Гурскаго и Коссова были все-таки

---

[1]) Соловьева Истор. Россіи, т. XI стр. 3.

[2]) Соловьева Ист. Россіи, т. XII стр. 210.

въ высшей степени безсильны, чтобъ отклонить народъ отъ подданства Москвѣ къ чему методически велъ его гетманъ. Коссовъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ уступать гетману и притворяться сочувствующимъ подчиненію Москвѣ. При Выговскомъ угроза проклятія, посланная Балабаномъ Пушкарю, также не имѣла успѣха. «А что ваша пастырская милость», писалъ Пушкарь въ отвѣтъ Балабану, «хотите положить на меня ваше пастырское неблагословеніе, то не налагайте оное ни на кого иного, кромѣ на того, кто пріемлетъ царей невѣрныхъ; а мы за царя имѣемъ одного царя православнаго. Не благословляйте тѣхъ, кто государю и войску запорожскому зло творитъ, по чьей милости едва ли десятая доля Малороссіи и Украйны довольствомъ и спокойствіемъ пользуется. Междоусобной брани между народомъ христіанскимъ и войскомъ запорожскимъ не было и не будетъ; мы проливаемъ только кровь сербовъ, ляховъ и другихъ зачинщиковъ» [1]). Наконецъ, противъ назначенія митрополитомъ Винницкаго православные подали открытый протестъ [2]).

Впрочемъ черезъ нѣсколько времени представители духовенства увидѣли сами, что вовсе не слѣдуетъ полагаться на тѣ обѣщанія наградъ и привиллегій, какія давало польское правительство. Польское правительство, противоположно правительству московскому, было очень щедро на обѣщанія, но эти обѣщанія очень рѣдко исполнялись. Въ эпоху уніи оно очень много обѣщало епископамъ, согласившимся отпасть въ унію, но защитники православія, какъ напримѣръ авторъ Апокрисиса, вполнѣ основательно предупреждали принявшихъ унію епископовъ, что они и въ половину не получатъ тѣхъ выгодъ,

[1]) Маркевича Истор. Малорос. т. II, стр. 20, 21.

[2]) Вѣстн. Югозап. Россіи 1864 г. сентябрь стр. 109.

какія имъ обѣщаны. Эти предупрежденія впослѣдствіи вполнѣ оправдались. Полнаго уравненія въ правахъ съ католическими епископами, епископы, отпавшіе въ унію, не получили и въ первое время послѣ своего отпаденія, а впослѣдствіи положеніе уніатскихъ епископовъ было, пожалуй, даже бѣдственнѣе, чѣмъ епископовъ православныхъ. Тоже было и въ XVII вѣкѣ: по Зборовскимъ и Гадячскимъ статьямъ, епископамъ обѣщаны были большія вольности и полное уравненіе въ правахъ съ духовенствомъ католическимъ, но эти обѣщанія были тотчасъ-же нарушены. Извѣстно, что когда Сильвестръ Коссовъ явился въ Варшаву для того, чтобъ занять мѣсто въ сенатѣ, католическіе епископы вооружились противъ этого и Коссовъ долженъ былъ уѣхать изъ Варшавы ни съ чѣмъ. Не исполнены были и многія другія обѣщанія [1]). Кромѣ того, представителямъ духовенства должно было быть очевиднымъ по какимъ побужденіямъ ихъ ласкаютъ и понятно, что ихъ положеніе очень непрочно. Примѣры того, какъ польское правительство поступаетъ съ лицами, прежде оказавшими ему особенныя услуги, а потомъ ставшими не нужными, были предъ глазами: Барабашъ, Выговскій когда стали для Польши не нужными получили отъ нея очень плохую награду. Митрополиты, предавшіеся Польшѣ, оторвавшіеся отъ народа и такимъ образомъ державшіеся единственно благосклонностію польскаго правительства могли видѣть изъ этихъ примѣровъ, какая участь постигнетъ ихъ, если они перестанутъ быть слѣпыми исполнителями интригъ Польши, или если станутъ для веденія этихъ интригъ не нужными. Чрезъ нѣсколько времени поступокъ Чарнецкаго по отношенію къ

---

[1]) Кояловича Литов. церков. унія, т. II стр. 219—221.

митрополиту Тукальскому и монаху Гедеону (Юрію Хмѣльницкому) показалъ, что подобныя опасенія вполнѣ справедливы. Чтобы успокоить волненіе въ Украйнѣ, Чарнецкій, получившій такое порученіе, рѣшился прибѣгнуть въ этомъ дѣлѣ къ помощи митрополита Тукальскаго и монаха Гедеона, зная, что народъ малороссійскій относится къ этимъ лицамъ съ величайшимъ довѣріемъ. Тукальскій и Гедеонъ приглашены были Чернецкимъ на пиръ и очень ласково приняты, но, когда Чернецкій сталъ говорить имъ о политическихъ дѣлахъ и получилъ въ отвѣтъ, что они, какъ люди духовные, не желаютъ принимать въ этихъ дѣлахъ никакого участія, то велѣлъ схватить ихъ и они заключены были въ крѣпость Маріенбургъ. [1]) Съ этихъ поръ представители малороссійскаго духовенства перестали обольщаться привиллегіями, сулимыми польскимъ правительствомъ; неблагосклонные къ Москвѣ духовные увидали, что еще менѣе основательно искать благосклонности у Польши. .

Но былъ еще исходъ для недовольныхъ московскимъ правительствомъ: можно было искать покровительства у третьяго сосѣдняго государства—Турціи. Такъ поступилъ Тукальскій. Когда онъ, по просьбѣ Дорошенка, освобожденъ былъ изъ заключенія, то началъ побуждать этого гетмана поддаться Туркамъ. По ненависти своей къ Полякамъ онъ торопилъ гетмана этимъ дѣломъ. Зная вліяніе Тукальскаго въ Малороссіи, Москвичи, подобно Полякамъ, хотѣли имѣть его на своей сторонѣ Но Тукальскій тогда очень много надѣялся на Турцію и былъ вовсѣ къ Москвѣ не расположенъ. Въ письмѣ своемъ воеводѣ Шереметьеву онъ рѣшительно и прямо высказывалъ, что не исполнитъ желаній московскаго правительства, что не сочув-

[1]) Маркевича Ист. Мал. т. II стр. 102.

ствуетъ и не довѣряетъ ему. «Да подастъ Господь, писалъ Тукальскій, иной совѣтъ царскому величеству и его совѣтникамъ, совѣтъ праведный, истинный. Вспоминая же писаніе: *врагу твоему вѣры никогда не даждь*, вручаю себя любви и благосердіи милости вашей [1]).

Но обращаясь къ Туркамъ, Тукальскій не могъ, вслѣдствіе этого, не потерять уваженіе къ себѣ въ народѣ. Искать покровительства у невѣрныхъ для народа, всего болѣе воодушевленнаго къ борьбѣ съ поляками желаніемъ сохранить цѣлость вѣры, значило, можетъ быть, перейти отъ худого еще болѣе къ худшему, и всегда казалось дѣломъ постыднымъ. »Христіанамъ, говорилъ нѣкогда Хмельницкій, самопроизвольно отдаться во власть невѣрныхъ, сдружиться и слиться съ ними, есть грѣхъ смертельный, поступокъ позорный и предосудительный, есть почти тоже, что и самоубійство. Имѣя съ невѣрными неразрывное сообщеніе, невозможно не совратиться съ пути христіанскаго и не заразиться бусурманскими мерзостями. Чтоже въ мірѣ важнѣе соблюденія отцовской вѣры, божественной и единственной въ человѣчествѣ! Что же мы будемъ тогда предъ лицемъ цѣлаго свѣта? Притчи во языцѣхъ, посмѣяніе въ людѣхъ! Окаяннѣе народовъ Содома и Гоморры. Да и сами останемся тогда, какъ обломанное судно въ пространномъ морѣ, обуреваемое со всѣхъ сторонъ, и неимущее пристанища и надежды ко спасенію, и будемъ тоже, что были послѣ нашествія Батыя, подъ властію татаръ, невольники, въ богослуженіи отступники и рабы, гибнущіе съ душею и тѣломъ.« [2]) Извѣстно было также и то, что греки и сербы терпятъ боль-

---

[1]) Маркевича Ист. Малор. т. II. стр. 151.

[2]) Маркевича Ист. Малор. т. I стр. 332—333.

шое угнетеніе отъ турокъ: »царь турецкій бусурманъ, говорилъ Хмельницкій всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, греки бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ отъ безбожныхъ угнетеніи.« [1]) Въ ближайшее къ Тукальскому время, еще рѣзче высказывалъ это Барановичъ и склонялъ Тукальскаго поддаться Москвѣ: »подъ бусурманскою рукою, говорилъ Барановичъ, стонетъ Греція и по настоящее время, и самихъ патріарховъ вѣшаютъ; о, невольная вольность! И для чего подъ такое ярмо класть шею? Греки рады-бы освободиться отъ него, а Русь сама лѣзетъ. Писалъ я къ его милости отцу митрополиту такъ: я свои овцы Черниговскія поставилъ на путь, ваше высокопреосвященство, всея Россіи пастырь, ведите всю Русь къ монарху русскому, а сами летите на престолъ свой, какъ на гнѣздо свое. Знаю, что благодушный монархъ достоино избраннаго на митрополію пастыря велѣлъ-бы принять милостиво. И если гетманъ съ войскомъ, послѣ такихъ крамолъ, исходатайствовали себѣ вольности, то неужели не подтвердилъ-бы чиномъ духовнымъ прежняго?« [2]) Но Тукальскій болѣе надѣялся на обѣщанія Турокъ, чѣмъ на обѣщанія Москвы, потому что Турки были, не менѣе Поляковъ, щедры на словахъ.

Обстоятельства, впрочемъ, скоро показали, что искать покровительства у Турціи еще менѣе возможно и основательно чѣмъ у Поляковъ.– Турки, явившись въ Малороссію, произвели ужасное опустошеніе и поруганіе святыни. «Восемнадцатаго августа 1672 года султанъ повелъ войска свои улицами

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. X, стр. 282.

[2]) Письма Барановича стр. 66.

Каменца. Чтобы не оскверняли стопъ его усопшіе христіане— могилы были разрыты, гробы вынуты изъ земли и увезены далеко за городъ. Иныя улицы были грязны; изъ всѣхъ церквей, кромѣ Екатерининской и Армянской, взяты были образа и устроена изъ нихъ мостовая. Потомъ, всѣ храмы обращены были въ мечети. На соборной церквѣ, извѣстной подъ названіемъ Фара, турки выстроили изъ рѣзнаго камня минаретъ выше самой церкви; оттуда мулла призывалъ правовѣрныхъ къ моленію Богу единому и Магомету-пророку его.... [1]) Чигиринъ, не смотря на преданность къ Дорошенку, заперся было, при видѣ приближающихся враговъ христіанства, но скоро принужденъ былъ уступить силѣ. Султанъ вошелъ въ Чигиринъ торжественно, и все предъ нимъ падало и ползало по азіатски. Церковные колокола замолкли, самыя церкви были заперты и запечатаны; не смѣлъ никто шевелиться ни по богослуженіи ни по жительству, не считая себя ни живымъ ни мертвымъ. Турки же дѣлали съ мущинами и съ женщинами, что только вздумали.... «Разлакомившійся христіанскою кровію турецкій султанъ отрядилъ двѣнадцать пашей и Дорошенка къ Умани. Труки старались преклонить Уманцевъ къ добровольной сдачѣ, но убѣжденія были тщетны. Наученные примѣромъ Ладыженцовъ, подкрѣпленные сосѣдними селами, Уманцы не сдавались. Дорошенко повелъ пашей на приступъ. Подкопы и пальба разрушили укрѣпленіе, враги овладѣли городомъ, началась рѣзня въ улицахъ, стрѣльба изъ оконъ и дверей; сражающіеся, но не привычные къ оружію жители, женщины, дѣти были безъ пощады избиты, трупы валялись кучами; въ

---

[1]) Маркевича Ист. Малор. т. II, стр. 209.

мѣстахъ, гдѣ стычки были упорнѣе и сражающіеся многолюднѣе, кровь текла ручьями по отлогостямъ гористыхъ Уманскихъ улицъ; съ живыхъ городскихъ и козацкихъ старшинъ были содраны кожи, Дорошенко велѣлъ ихъ набить соломою и отправилъ къ султану, гдѣ эти чучелы были разставлены въ знакъ побѣды. За каждую христіанскую голову паши платили по червонцу и отправляли ихъ огромныя арбы къ султану, который сталъ лагеремъ подъ Ладыжинымъ. Дѣвицы были размѣщены по сералямъ. Повсюду наставлены были паши и кадіи, которые старались отуречить Украйну. Нѣсколько тысячъ мальчиковъ, денежныя суммы и награбленные пожитки были повержены Дорошенкомъ къ стопамъ Магомета IV-го, который мальчиковъ велѣлъ немедленно обратить въ исламизмъ и, оставя верховное начальство надъ Украйною любимцу султанши Валиды, визиру Кара-Мустафѣ, возвратился въ Константинополь[1]) Отношеніе турокъ къ народу было въ то время въ высшей степени тяжелымъ: когда Дорошенко былъ въ походѣ вмѣстѣ съ турками, говоритъ Лизогубъ, то ему честь была добрая, называли его княземъ; но козакамъ нужда была великая, турки называли ихъ и теперь называютъ свиньями, гдѣ увидятъ свинью, называютъ козакомъ; турскіе люди теперь въ Каменцѣ, Межибожьѣ, Барѣ, Язловцѣ, Снятинѣ, Жванцѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ они церкви божіи разорили, подѣлали изъ нихъ житницы, изъ другихъ мечети, колокола на пушки перелили, жителямъ нужды чинятъ великія, малыхъ дѣтей берутъ, женятся силою, мертвыхъ погребать и младенцевъ крестить безпошлинно не даютъ, безпрестанно кандалы

---

[1]) Ibid. стр. 229.

куютъ и въ Каменецъ отсылаютъ, двѣ башни до верху наметали, также конскія желѣза дорогою цѣною покупаютъ—для чего, не вѣдомо» [1]) При такихъ обстоятельствахъ, Тукальскій понялъ, что онъ очень сильно ошибся въ своихъ расчетахъ на Турцію, что искать покровительства у Турціи—безумно. На Чигиринской радѣ онъ поносилъ Дорошенка за то, что тотъ продолжаетъ сношеніе съ Турціею и совѣтовалъ въ такомъ крайнемъ положеніи искать покровительства у однихъ Татаръ. Но козаки ужъ очень мало довѣрялись руководству митрополита въ политическихъ дѣлахъ: »ужь бы тебѣ, отче митрополитъ», говорилъ одинъ изъ присутствовавшихъ на радѣ казаковъ, «полно въ наши рады вступаться, своего бы ты духовнаго дѣла остерегалъ, а не насъ; ужъ ты насъ усовѣтовалъ, такъ не скоро отсовѣтуешь.« [2]) Дѣйствительно, и этотъ совѣтъ не могъ понравиться народу. Татаръ также мало любили въ Малороссіи, какъ и Турокъ. «Татаринъ—волкъ, писалъ Барановичъ, христіанинъ—овца Христова; татаринъ—песъ, а о христіанахъ написалъ св. Петръ: по звавшему вы Святому Духу, и сами святи во всѣмъ житіи будите. Боже, не дай святая псомъ! учивый насъ самъ: не дадите святая псомъ [3]). Обстоятельства вполнѣ оправдали подобный взглядъ на Татаръ: въ Каневѣ въ 1678 году Татары поступали съ жителями не менѣе жестоко чѣмъ Турки. Общая ненависть къ Татарамъ и къ Туркамъ достигла высшей степени, и собирались народныя ополченія для ихъ изгнанія. Такія обстоятельства заставили Тукальскаго обратиться къ Москвѣ. Просьбы его,

---

[1]) Соловьева Истор. Рос. т. XII, стр. 139.

[2]) Соловьева Истор. Рос. т. XII, стр. 140.

[3]) Письма Барановича стр. 57.

сначала бывшія только интригами, впослѣдствіи были искренними, вытекали изъ убѣжденія, что только во время подданства Москвѣ настанетъ счастье для южно-русской церкви. Тукальскій видѣлъ, что интригуя противъ Москвы, онъ потерялъ любовь своихъ пасомыхъ, самъ растерялъ свое стадо. »По беззаконіямъ моимъ, писалъ Тукальскій, которымъ нѣтъ числа, не признаю я себя душею страждущею за благочестіе... Въ горести душа моя. Какъ могу называться пастыремъ, когда растеряно стадо! О, да соберетъ его Создавшій и Искупившій своею кровію.« [1]) Это соединеніе паствы, какъ стало теперь очевидно, возможно было только въ томъ случаѣ, если вся Малороссія подчинится московскому царю православному. Тукальскій теперь искренно желалъ этого и передъ смертью усердно просилъ Дорошенка Москвѣ подчиниться [2]).

Мы прослѣдили, на сколько возможно, какъ представители малороссійскаго духовенства, по корыстнымъ побужденіямъ возставая противъ Москвы и склоняясь въ пользу подчиненія Польшѣ, Турціи или Татарамъ, должны были постоянно разочаровываться въ своихъ надеждахъ получить независимое, обезпеченное, почетное положеніе и, наконецъ, приведены были политическими обстоятельствами къ убѣжденію, что соединеніе съ Москвою—необходимо. Но существуетъ другое мнѣніе, по которому малороссійское духовенство возставало противъ соединенія съ Москвою не во имя личныхъ корыстныхъ расчетовъ, а по другимъ причинамъ. Костомаровъ, въ своей монографіи о Богданѣ Хмѣльницкомъ, говоритъ, что митрополитъ Сильвестръ

---

[1]) Филарета Ист. Рус. Церк. пер. IV стр. 51.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIII стр. 251.

Коссовъ вовсе не желалъ вмѣшиваться въ дѣла политическія, и не писалъ въ Москву вмѣстѣ съ Хмельницкимъ о подданствѣ, единственно потому, что не считалъ это дѣломъ, его касающимся. Недовольство же его подчиненіемъ Москвѣ, выразившееся послѣ, Костомаровъ объясняетъ общимъ существовавшимъ тогда въ Малороссіи противъ Москвы предубѣжденіемъ. «Даже о тождествѣ своей вѣры съ московскою вѣрою, говоритъ онъ, возникало у нихъ недоразумѣніе и сомнѣніе; имъ даже приходила мысль, что велятъ перекрещиваться. »Царь—писалъ въ то время Черниговскій протопопъ - обицуетъ се всіхъ при правахъ и мѣстностяхъ удержати, хто се добровольне придасть и охреститьсе» [1]). Преосвященный Филаретъ съ своей стороны объясняетъ поведеніе Коссова между прочимъ тѣмъ, что онъ хранилъ въ душѣ признательной постоянную, хотя и слабую, защиту константинопольскаго патріарха югу. [2])

Ложность перваго, распространяемаго въ Малороссіи, предубѣжденія обнаружилась очень скоро. Послѣ нашествія Поляковъ, т. е. въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, дѣйствительно патріархъ Филаретъ на соборѣ положилъ перекрещивать обращающихся изъ латинства въ православіе и, вѣроятно, это постановленіе послужило основаніемъ къ распространенному въ Малороссіи слуху. Но, конечно, скоро православные малороссы могли увидѣть, что къ нимъ постановленіе п. Филарета не имѣло никакого отношенія. На соборѣ, по поводу низверженія Никона, по словамъ Барановича, даже мысль о необходимости перекрещивать латинянъ, принимавшихъ православіе, была не одобрена восточными патріархами. [3])

---

[1]) Костомарова Монографіи т. XI стр. 138.
[2]) Филарета Ист. Рус. Церк. періодъ IV стр. 50.
[3]) Письма Барановича стр. 32.

Гораздо долѣе и съ большимъ правомъ на успѣхъ могли представители южно-русскаго духовенства, не желая поддаться Москвѣ, ссылаться на то, что они не могутъ оставить подчиненность патріарху константинопольскому. Отступить отъ повиновенія патріарху константинопольскому, дѣйствительно, при Сильвестрѣ Коссовѣ, казалось для православныхъ южнорусскихъ равнозначущимъ окончательной гибели православія. Шляхтичъ, Павелъ Олешкичъ, писалъ Бряславскому полковнику Богуну, что съ подчиненіемъ Малороссіи московской власти наступила послѣдняя гибель имени православному. »Не малую печаль наводитъ на всѣхъ насъ, писалъ онъ, единую церковь восточную за матерь почитающихъ, когда слышимъ, что патріархъ московскій духовнымъ нашимъ и всему міру христіанскому на повиновеніе себѣ присягать велитъ. Требуется отступить отъ пречестнѣйшаго отца святѣйшаго патріарха константинопольскаго, которому во власть мы и церкви наши отданы отъ отецъ святыхъ и предковъ нашихъ. Мы и съ костеломъ римскимъ унію принять не хотѣли для того, чтобы пастырю нашему старѣйшему, котораго намъ Богъ далъ, не противиться.« [1]) Пользуясь этимъ уваженіемъ къ константинопольскому патріарху въ народѣ, представители южно-русской церкви, отказываясь подчиниться московскому патріарху, долго ссылались на то, что они не могутъ оставить послушанія патріарху константинопольскому. Какъ нѣкогда народъ южнорусскій защитилъ свою православную вѣру отъ посягновенія польскаго правительства, ссылаясь на зависимость отъ константинопольскихъ патріарховъ, такъ теперь тѣмъ же самымъ

[1]) Правосл. Обозр. 1871 г. Августъ стр. 188.

думали представители духовенства защитить свою независимость отъ правительства московскаго. Въ XVI в. унія сблизила братства съ патріархами восточными; въ XVII вѣкѣ епископы южнорусскіе старались искать покровительства у патріарховъ. Коссовъ титуловался: митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея малыя Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ екзархомъ Константинопольскаго ѳрона, [1]) онъ просилъ, какъ милости, у московскаго правительства, чтобы онъ и паства его »отъ послушенства святѣйшаго патріарха, до котораго правомъ божіимъ и крещенія и по правиламъ святыхъ отецъ належатъ, не были отдалены.» [2]) Духовенство особенно усердно просило о этой привиллегіи, почитая ее основаніемъ всѣхъ своихъ вольностей и правъ. «На этомъ основаніи, говорилось въ челобитной, всѣ наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалованія вашего царскаго величества, то митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ сильно скорбѣть и унывать начнутъ, и другіе духовные, которые еще не подъ рукою вашего царскаго величества, а только усердно желаютъ этого, видя нашу скорбь, начнутъ малодушествовать.« [3]) Преемникъ Коссова, Балабанъ, также ссылался на константинопольскаго патріарха. Когда окольничій московскій Хитрово предложилъ ему обратиться съ просьбою о посвященіи къ царю и московскому патріарху Никону, Балабанъ отвѣчалъ на это, что отъ начала крещенія кіевскіе митрополиты благословеніе принимали отъ константинопольскаго патріарха, и потому безъ позволенія константинополь-

[1]) Евгенія описаніе Кіево-Соф. собора стр. 185.

[2]) Правосл. Обозр. 1871 г. Сентябрь стр. 315.

[3]) Соловьева Истор. Рос. т. X, стр. 292.

скаго патріарха посвятиться и онъ отъ Никона не смѣетъ, дабы константинопольскій на него и на всѣхъ духовныхъ малой Россіи не разгнѣвался и не повелѣлъ предать проклятію [1]). Вмѣсто московскаго патріарха Діонисій обратился за благословеніемъ къ патріарху константинопольскому Парфенію Кумкуму. Впослѣдствіи, когда онъ, возставая противъ московскаго правительства, долженъ былъ удалиться изъ Кіева, а въ Кіевъ на митрополію Московское правительство, считая ее праздною, назначило блюстителемъ ея — Меѳодія, Балабанъ отнесся къ константинопольскому патріарху съ жалобою, что Меѳодій изгналъ его и силою похитилъ митрополичій престолъ посредствомъ мірской власти. По просьбамъ Балабана и Юрія Хмельницкаго, патріархъ выдалъ на Меѳодія проклятіе, которое Балабанъ переслалъ въ Кіевъ, отчего здѣсь произошло сильное волненіе между духовными и мірскими людьми. [2]). Это волненіе было тѣмъ болѣе естественнымъ, что не задолго до того, послѣ измѣны Выговскаго, Малороссы просили московское правительство, чтобы духовенство малороссійское было подъ властію константинопольскаго патріарха и избраніе духовныхъ властей по прежнему оставалось вольное [3]). Іосифъ Нелюбовичъ—Тукальскій также искалъ у константинопольскаго патріарха подтвержденія правъ на митрополію. Въ 1670 году онъ посылалъ въ Константинополь Брацлавскаго протопопа Романа Ракушу, — съ просьбою къ патріарху Меѳодію, чтобы онъ утвердилъ кого нибудь одного митрополитомъ Кіев-

---

[1]) Евгенія Описаніе Кіево Соф. собора стр. 186.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 151—152.

[3]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 72.

скимъ, или его—Тукальскаго, или же Антонія Винницкаго. По ходатайству бывшаго тогда у султана Дорошенкова посла, патріархъ утвердилъ одного Іосифа на митрополіи Кіевской, а другимъ запретилъ именоваться митрополитами. [1]) Въ доказательство своей преданности восточнымъ патріархамъ Тукальскій поминалъ имена ихъ при богослуженіи.

Но какъ ни старались кіевскіе митрополиты казаться зависимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ—это не могло спасти ихъ отъ необходимости подпасть вѣденію патріарха московскаго. Уваженіе къ патріархамъ константинопольскимъ въ народѣ постепенно ослабѣвало, потому что извѣстно стало, что греки вовсе не такіе ревнители просвѣщенія и вѣры, какими были они во время уніи, поддерживая братства, и какими казались долго послѣ уніи. Извѣстно, что въ 1623—26 годахъ путешествовалъ на востокъ одинъ изъ епископовъ малороссійскихъ—Мелетій Смотрицкій и потомъ въ своихъ сочиненіяхъ сообщалъ очень дурныя вѣсти о состояніи просвѣщенія и вѣры на востокѣ. Онъ говорилъ, что въ греческой церкви вездѣ встрѣчался онъ съ протестанствомъ или латинствомъ и нигдѣ не могъ найти праваго ученія. Слѣды латинства Мелетій нашелъ не только между епископами и митрополитами, но и между двумя патріархами—Александрійскимъ и Іерусалимскимъ. Первый умеръ латиняниномъ, а второй, будто бы, передавалъ Мелетію разсказы о небывалыхъ видѣніяхъ апостола Петра. Что касается константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, то Смотрицкій обвинялъ этого іерарха въ невѣроятной измѣнчивости мыслей. Наконецъ, обо всей греческой церкви Смотрицкій говорилъ, что она день ото дня болѣе и болѣе

[1]) Евг. Описаніе Кіево-Соф. Собора стр. 195.

заражается протестанскими мыслями и страдаетъ отъ множества безпорядковъ: «въ духовенствѣ, писалъ онъ, такое непослушаніе низшихъ высшимъ, что пресвитеръ епископа, епископъ митрополита, митрополитъ патріарха, а три высшіе патріарха четвертаго высшаго слушаются до тѣхъ поръ пока хотятъ и какъ хотятъ.... Уже около нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на Антіохійскомъ престолѣ два патріарха—Игнатій и Кириллъ; первый посвященъ Тимоѳеемъ константинопольскимъ, а второй константинопольскимъ патріархомъ Кирилломъ.... Упала власть начальниковъ надъ подчиненными и послѣдніе не хотятъ повиноваться первымъ. Духовные въ такомъ невѣжествѣ, что сами не знаютъ, во что вѣруютъ.« [1]) Хотя сочиненія Смотрицкаго и были сожжены, какъ сочиненія отступника отъ православія, но скоро въ Малороссіи должны были признать, что въ словахъ его о патріархахъ есть доля правды, что образованность на востокѣ, дѣйствительно, до того ослабѣла, что патріархи не могутъ защищать своего правовѣрія. Между прочимъ съ цѣлью помочь востоку въ сохраненіи православія былъ составленъ на югѣ Россіи катехизисъ, извѣстный подъ именемъ катехизиса Петра Могилы. Съ теченіемъ времени ученые южной Руси совсѣмъ охладѣли къ Греціи и отличительною чертою ихъ была нелюбовь къ грекамъ. Замѣтимъ кстати, что подобное положеніе востока было извѣстно хорошо и въ сѣверной Руси. Немного позднѣе Смотрицкаго путешествовалъ на востокъ Арсеній Сухановъ и въ своемъ Проскинитаріѣ описалъ положеніе вѣры на востокѣ, пожалуй, еще болѣе мрачными красками, чѣмъ Смотрицкій. Не-

[1]) Правосл. Обозр. 1861 г. Іюль стр. 283, 284.

уваженіе къ патріархамъ мы видимъ также со стороны раскольниковъ при Никонѣ: «у васъ православіе пестро, говорилъ протопопъ Аввакумъ бывшимъ на соборѣ въ Москвѣ восточнымъ патріархамъ, и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться» [1]. Для поддержки православія на Востокѣ, какъ говоритъ Филаретъ, Алексѣй Михайловичъ основалъ славяно-греко-латинскую академію [2].

Потерявши уваженіе къ патріархамъ, и вообще къ православнымъ грекамъ, потому, что у нихъ очень мало процвѣтало просвѣщеніе, Малоруссы имѣли теперь возможность видѣть, что и нравственность у грековъ стоитъ на весьма низкой степени. Еще задолго до того времени малороссійскіе козаки заставили польское правительство дозволить пріѣзжать въ Малороссію и жить подолгу различнымъ греческимъ архіереямъ. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, многіе, по преимуществу недостойные пастыри греческой церкви, явились въ Малороссію и переходили здѣсь изъ одного города въ другой, ища привольной жизни. «Не меньшей помѣхой къ священному единству, писалъ о нихъ нѣкогда Рутскій, и славѣ Божіей въ королевствѣ бываютъ и иностранные владыки—греки и сербы, которые, когда имъ угодно—пріѣзжаютъ, когда угодно—уѣзжаютъ, никому не сказавшись, и никому не показывая своихъ охранныхъ листовъ (litteras conservationis), посвящаютъ поповъ и исправляютъ въ нашихъ епархіяхъ всѣ епископскія обязанности. Поэтому тутъ легко могутъ быть такіе обманщики, которые посвящаютъ поповъ, не имѣя сами епископскаго посвященія, и такимъ образомъ попы, безъ надлежащаго руко-

---

[1] Соловьева. Ист. Рос. т. XIII. стр. 216. См. еще статью о происхожденіи раскола въ прав. рус. церкви. В. Огнева. Прав. обозр. 1861 г. Ноябрь.

[2] Филарета Ист. русск. церкви пер. IV стр. 106—107.

положенія служать св. литургію и исполняютъ всѣ священническія обязанности, съ великимъ оскорбленіемъ Бога и обманомъ душъ человѣческихъ» [1]). Имѣя предъ глазами такихъ недостойныхъ пастырей греческой церкви, Малороссы должны были перемѣнить то высокое понятіе о грекахъ, которое они имѣли тотчасъ послѣ уніи, когда были имъ запрещены всякія сношенія съ греками. Это, напримѣръ, мы видимъ изъ отзывовъ Лазаря Барановича о грекахъ, которыхъ онъ часто къ себѣ принималъ. «Греки, — писалъ онъ однажды изъ Москвы въ Малороссію—и въ Москвѣ живутъ по гречески, т. е. весело» [2]). Въ другомъ письмѣ онъ осуждаетъ Паисія Лигарида, митрополита Газскаго. за то, что тотъ потакалъ какому-то старику малороссу въ волокитствѣ; «что отецъ митрополитъ Газскій, писалъ Барановичъ, будучи самъ старикомъ, старику потакаетъ, то у каждаго — свой разумъ. Приличнѣе намъ, старикамъ, помышлять о гробѣ, а не о свадебномъ весельи; стоило бы этому двоеженцу выколоть то, чѣмъ онъ смотритъ; да и другой двоеженецъ (т. е. Лигаридъ) не далеко видитъ, а какъ слѣпецъ слѣпца водитъ, то оба въ яму и упали» [3]). Даже самивосточные патріархи сознавали, что въ Малороссію являются греческіе архіереи, люди безполезные, только распространяющіе худую славу о востокѣ, и Досифей іерусалимскій совѣтовалъ построже къ нимъ относиться [4]).

---

[1]) Основа 1861 г. Авг. стр. 78. Еще болѣе характерное описаніе и рѣзкое обличеніе такой дѣятельности греч. еписк. въ Малороссіи встрѣчаемъ у Крижанича: Русское государство въ половинѣ XVII в. Приложеніе къ 2 № Русск. Бесѣды за 1859 г. стр. 66 и къ 5 № 1859 г. стр. 189—192.

[2]) Письма Барановича стр. 47.

[3]) Письма Барановича стр. 206.

[4]) № XXXV стр. 155 настоящаго тома актовъ.

Далѣе: во время уніи малоруссы горячо защищали восточныхъ патріарховъ отъ нарѣканія поляковъ: будто патріархи —рабы турецкаго правительства и являются въ Малороссію, какъ шпіоны султана. Теперь малоруссы многими фактами убѣдились, что патріархи, дѣйствительно, во всемъ должны слушаться султана, и поступать такъ, какъ онъ прикажетъ, т. е. дѣйствовать сообразно съ политическими видами Турціи. Патріархи не разъ дѣлали проклятія на различныхъ гетмановъ Малороссіи по приказанію султана и всегда въ отношеніи къ Малороссіи руководствовались этими приказаніями. Такъ напримѣръ въ 1670 году прибылъ въ Константинополь протопопъ Романовскій отъ Дорошенка и Тукальскаго —присяжниковъ султана и константинопольскій патріархъ по приказанію султана долженъ былъ исполнить все, о чемъ отъ лица Тукальскаго просилъ его Романовскій. Романовскій просилъ, чтобы на Галицкую епископію, куда патріархъ благословилъ уже во епископы Іосафа, поставленъ былъ нѣкто Симеонъ и когда патріархъ на то не соглашался, то пожаловался на него султану. «Тутъ дѣлать мнѣ было нечего, говоритъ патріархъ, «оставилъ я епископа Іосифа, а благословилъ Симеона». Въ это же время Романовскій жаловался на гетмана Многогрѣшнаго и просилъ патріарха выдать на Многогрѣшнаго анаѳему. Патріархъ долженъ былъ и это исполнить. Когда послѣ пріѣхалъ изъ Москвы посолъ и просилъ дать прощальную грамоту Многогрѣшному, патріархъ долго отказывался прежде чѣмъ рѣшился удовлетворить эту просьбу. «Никакъ мнѣ этаго сдѣлать нельзя; говорилъ патріархъ, «если-бы отъ этаго мнѣ одному приключилась бѣда, то я принялъ бы съ радостію; но опасаюсь, чтобъ не навести бѣды всему христіанству, пошлю я къ Демьяну Игнатовичу прощальную грамоту, а онъ станетъ

этимъ хвалиться, узнаетъ Дорошенко, тотчасъ отпишетъ къ султану, и будетъ отъ этого великое кровопролитіе» [1]) Другой патріархъ, Паисій, по султанскому повелѣнію далъ посламъ Дорошенка открытую грамоту, отлучающую отъ церкви и предающую анаѳемѣ всѣхъ непослушныхъ этому гетману и противъ него бунтующихъ [2]). Эти обстоятельства, говоритъ Маркевичъ и Аскоченскій, лишили навсегда Царьградъ вліянія на церковь малороссійскую [3]).

Бѣдственное положеніе церкви на Востокѣ съ другой стороны открывало московскому правительству возможность имѣть успѣхъ въ дѣлѣ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Такъ какъ константинопольскій патріархъ принужденъ былъ слушаться султана, то московскому правительству стоило только, помирившись съ султаномъ, просить его, чтобы онъ отдалъ приказаніе патріарху уступить кіевскую митрополію изъ подъ своего вѣдѣнія въ вѣдѣніе патріарха московскаго. Мы увидимъ впослѣдствіи, что, дѣйствительно, окончательное подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху совершилось благодаря султану. Съ другой стороны бѣдственное положеніе восточной церкви, помимо приказанія султана, дѣлало восточныхъ патріарховъ готовыми во всемъ содѣйствовать Московскому правительству, особенно въ дѣлѣ соединенія Малороссіи съ Москвою. Подданство Малороссіи московскому правительству при Хмѣльницкомъ возбудило большія надежды между православнымъ народонаселеніемъ турецкихъ областей. Въ Москву доходили слухи, что «греки Бога молятъ, чтобъ совокупилъ

---

1) Соловьева Ист. Рос., т. XII, стр. 97.

2) Маркевича. Ист. Малоросс. т. II стр. 180.

3) Аскоченскаго Кіевъ съ его училищемъ—академіею т. II стр. 206.

христіанство во едино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіанскимъ государемъ, только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай-рѣку перейдутъ или Хмѣльницкій съ Черкассами выступитъ, и они тотчасъ на турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять сообща» [1]. Тоже представители Востока обнаруживали и на дѣлѣ. Въ Кіевѣ, когда Хмѣльницкій въѣзжалъ въ него торжественнымъ образомъ, между прочимъ ожидалъ его дорогой гость—Паисій, патріархъ іерусалимскій. Отъ лица всего православнаго міра на Востокѣ онъ приносилъ Хмельницкому поздравленія и побуждалъ его на новую войну противъ ненавистнаго папизма. Немного позднѣе прибылъ въ Малороссію митрополитъ Коринѳскій и, благословляя Хмѣльницкаго на войну съ Польшею, препоясалъ его мечемъ, освященнымъ патріархомъ на самомъ гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы мощей изъ Греціи, кропилъ войско святою водой, ободрялъ надеждами на помощь Божію и рѣшился самъ съ духовенствомъ идти на брань за честь православной вѣры. Впослѣдствіи Хмѣльницкій, припоминая эти наставленія греческихъ іерарховъ, долго не желалъ согласиться на миръ съ Польшею. «Такъ какъ преосвященный патріархъ, говорилъ Хмѣльницкій, благословилъ уже меня на сію войну, вѣнчалъ меня съ моей супругой и приказалъ мнѣ окончательное истребленіе ляховъ, то какъ-же мнѣ неповиноваться великому святому владыкѣ, главѣ нашей, любезнѣйшему гостю» [2]. И другіе греки служили дѣлу возстанія Украины противъ Польши. Аѳонскіе монахи ходили по городамъ и се-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. X, стр. 329.

[2]) Маркевича Ист. Малорос. т. I стр. 221.

ламъ, призывая православныхъ къ оборонѣ своей святыни. Самъ константинопольскій патріархъ прислалъ Хмѣльницкому грамоту, въ которой, восхваляя его благочестіе и одобряя предпринятую войну противъ враговъ и утѣснителей вѣры, называлъ римскихъ католиковъ вообще измѣнниками, разорителями, орудіями самаго сатаны. Эту грамоту послалъ онъ съ какимъ-то Никитою Михайловичемъ русскаго происхожденія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ греки всемѣрно старались устроить соединеніе Малороссіи съ московскимъ государствомъ. Тотъ-же Коринѳскій митрополитъ, который благословилъ Хмѣльницкаго на войну съ Польшею, былъ главнымъ посредникомъ между Хмѣльницкимъ и московскимъ правительствомъ. Проживая въ Украинѣ, онъ тайно сносился съ Москвою чрезъ своего двоюроднаго брата Илью, писалъ къ цареву тестю Милославскому и къ самому царю, сообщалъ о томъ, что дѣлается въ Украинѣ, извѣщалъ о благожелательствѣ къ Москвѣ гетмана, котораго съ своей стороны настраивалъ вступить въ подданство царю. Кромѣ Коринѳскаго митрополита, былъ тогда въ Украинѣ другой митрополитъ съ Востока—Назаретскій, по имени Гавріилъ, котораго Хмѣльницкій отправилъ въ Москву съ письмомъ къ царю, умоляя царя прислать ему ратную помощь и изъявляя готовность поступить въ подданство со всею Украиною. Наконецъ постоянныя сношенія съ Москвою велись тогда также черезъ грековъ Илью, Ивана и Павла [2]). И впослѣдствіи очень часто гетманы малороссійскіе сносились съ Москвою чрезъ посредство восточныхъ патріарховъ

---

[1]) Костомарова Монографіи, т. X, стр. 304—306.

[2]) Ibid.

и различныхъ греческихъ архіереевъ, проѣзжавшихъ въ Москву. Такъ напримѣръ Дорошенко просилъ греческаго архіерея Манассію, ѣхавшаго въ Москву весною 1671 года, чтобы тотъ доложилъ московскому государю о готовности его, Дорошенко, подчиниться московскому правительству. «Писать я къ царскому величеству не смѣю, говорилъ Дорошенко, донеси великому государю, что мы рады ему служить; отъ польскаго насилія принуждены мы на время поддаться Агарянину. Чтобы великій государь для святой восточной церкви принялъ насъ подъ свою руку, держалъ-бы насъ, какъ держитъ братій нашихъ той стороны; а если не захочетъ принять, то помирилъ бы насъ съ польскимъ королемъ» [1]). Это сочувствіе восточныхъ патріарховъ въ дѣлѣ подчиненія Малороссіи Москвѣ, обусловленное желаніемъ освободиться отъ турецкаго ига, было весьма полезно московскому правительству въ дѣлѣ сношенія его съ турками. Московскіе послы, отправлявшіеся въ Константинополь для переговоровъ съ Турціею, часто обращались тамъ къ патріарху и руководствовались его совѣтами. Такъ напримѣръ, въ 1678 г. обращался къ патріарху стольникъ Поросуковъ за совѣтомъ, не слѣдуетъ ли москвичамъ помириться съ султаномъ; но патріархъ сообщилъ, что султанъ самъ боится московскаго государя. «Сами они, говорилъ патріархъ, явно пророчествуютъ, что царскимъ величествомъ побѣждены будутъ, только не могутъ узнать въ какое время. Молю царское величество, чтобы ради церквей Божіихъ и вѣры христіанской Чигирина и Украины султану не уступалъ, а если уступитъ, то не только малой Россіи, но и государству Московскому тяжекъ будетъ

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 98.

непріятель» [1]. Московское правительство поступило по совѣту патріарха. Въ 1681 году другой посолъ московскій, Возницынъ, обратился за совѣтомъ къ патріархамъ константинопольскому, іерусалимскому и александрійскому, которые всѣ тогда были въ Царьградѣ, и просилъ у нихъ совѣта, относительно того, брать ли ему отъ султана грамоту, утверждающую миръ Турціи съ Москвою, хотя турки не написали въ ней одного важнаго условія о Запорожьи. Патріархи посовѣтовали Возницыну взять грамоту и онъ принялъ ее [2]. По своей расположенности къ Москвѣ патріархи иногда по просьбѣ Москвы отмѣняли свои собственныя постановленія и шли противъ воли султана. Такъ напримѣръ, патріархи наложили анаѳему на гетмана Брюховецкаго за оскорбленіе грека Мигалевскаго. Эта анаѳема снята была по просьбѣ московскаго правительства [3]. Точно также патріархъ по просьбѣ московскаго правительства разрѣшилъ отъ анаѳемы гетмана Многогрѣшнаго, хотя эта анаѳема была наложена на него по приказанію султана [4]. Впрочемъ подобное послушаніе по отношенію къ просьбамъ Московскаго правительства происходило уже не подъ вліяніемъ надежды, что русскіе возмутъ Константинополь и освободятъ грековъ отъ ига турокъ, а по другимъ причинамъ. Греческіе патріархи и архіереи по своей бѣдности часто путешествовали въ Москву за милостынею [5]. Ихъ благосостояніе очень много зависѣло отъ того, насколько щедры будутъ къ нимъ московскіе госу-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIII стр. 271.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIII стр. 293.

[3]) Маркевича Ист. Малорос. т. II стр. 153.

[4]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 97.

[5]) Провосл. Собесѣдн. 1867 г.т. I и II. Очеркъ участія православной русской церкви въ дѣлахъ восточной до начала XVIII вѣка.

дари, а потому и слушались они московскаго государя иногда даже болѣе, чѣмъ султана. Это также, какъ увидимъ, весьма много содѣйствовало успѣху дѣла—о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріархату.

Въ то время какъ дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріархату подготовлялось такими побочными благопріятствующими обстоятельствами, московское правительство принуждено было нѣсколько замедлить устроеніемъ этого дѣла. При Хмѣльницкомъ это дѣло подвигалось очень быстро, какъ мы видѣли, исключительно благодаря вліянію этого гетмана. Въ договорѣ московскаго правительства съ Малороссіею въ 1659 году было постановлено даже: «Кіевскому митрополиту и прочему малороссійскому духовенству быть въ вѣдѣніи святѣйшаго московскаго патріарха, съ тѣмъ только, чтобъ онъ не касался преимуществъ малорусской церкви»[1]). Митрополитъ Коссовъ, не смотря на то, что питалъ глубокую антипатію къ Москвѣ, долженъ былъ, хотя по видимому, подчиниться этой статьѣ договора. Московское правительство считало для себя возможнымъ свысока относиться къ его недоброжелательству, высказывать ему за то свое неблаговоленіе. Послы, пріѣхавшіе для принятія Малороссіи въ Кіевъ, при первомъ свиданіи съ митрополитомъ, вмѣсто того, чтобъ спросить его о здоровьѣ, какъ того требовалъ обычай, начали выговаривать ему, почему онъ доселѣ не писалъ съ гетманомъ въ Москву о подданствѣ. Затѣмъ, когда митрополитъ отказывался привести своихъ людей къ присягѣ, то дьякъ Лопухинъ выговаривалъ ему за то *съ великимъ вычетомъ*. А когда митрополитъ не дозволялъ строить крѣпо-

---

[1]) Филарета Ист. Рус. Церк. періодъ IV стр. 50 въ примѣчаніи.

стей близь Софійскаго собора, и говорилъ воеводамъ, что онъ будетъ биться, если они станутъ строить, то воеводы отвѣчали ему: «ты это говоришь, не имѣя страха Божія и не желая къ себѣ государской милости. Хочешь съ государевыми людьми биться,—да кѣмъ тебѣ биться?» [1]). Во все это время московскій государь не прислалъ ни одной грамоты къ Коссову, что служило выраженіемъ немилости. Однажды московское правительство просило даже Хмѣльницкаго *велѣть* митрополиту ѣхать въ Москву для изъявленія покорности [2]). Такъ много и совершенно основательно полагалось оно на власть Хмѣльницкаго. Кромѣ надежды на помощь гетмана, московское правительство въ это время могло стремиться къ подчиненію Малороссіи въ духовномъ отношеніи еще потому, что въ главѣ сѣверно-русской церкви стоялъ тогда весьма дѣятельный и авторитетный человѣкъ—патріархъ Никонъ.

Послѣ смерти Хмѣльницкаго обстоятельства перемѣнились. Нельзя было разсчитывать на содѣйствіе преемниковъ Хмѣльницкаго по гетманству въ дѣлѣ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху; они и сами были шатки въ своей преданности Москвѣ и духовенство не желали ставить въ зависимость отъ московскаго патріарха. Потому-то московское правительство измѣнило свои отношенія къ малороссійскому духовенству, стало относиться съ меньшею властностію. По смерти Коссова, московское правительство чрезъ Бутурлина *просило* представителей духовенства малороссійскаго—Гизеля, архимандрита лавры, и Барановича, архіепископа Черниговскаго

[1]) Православное обозрѣніе 1871 г. августъ. стр. 183.

[2]) Православное обозрѣніе 1871 г. августъ. стр. 193.

скаго, «чтобъ поискали милости великаго государя, правду свою къ нему показали, были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха, безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патріаршаго благословенія митрополита не избирали» [1]. Затѣмъ, когда избранъ былъ Діонисій Балабанъ, московское правительство прислало ему утвердительную грамоту, хотя Балабанъ и отказался ѣхать въ Москву за посвященіемъ. Скоро московское правительство принуждено было даже заискивать въ духовенствѣ. Когда гетманы Юрій Хмѣльницкій и Выговскій и митрополитъ Балабанъ измѣнили и предались Польшѣ, московское правительство находилось относительно Малороссіи въ критическомъ положеніи. У него не было въ Малороссіи преданныхъ лицъ, на которыхъ оно могло бы положиться. Представитель свѣтской власти— гетманъ и представитель духовной власти — митрополитъ измѣнили. Оставшіеся въ Малороссіи полковники также, какъ и Выговскій, были возмущены присылкою воеводъ изъ Москвы и были къ Москвѣ не расположены. Единственный, послѣ удаленія Балабана епископъ въ Малороссіи Лазарь Барановичъ, епископъ Черниговскій, сдѣлавшись на время блюстителемъ митрополіи, также не показывалъ къ Москвѣ особеннаго расположенія. Только поспольство было довольно присылкою воеводъ, стѣснявшихъ своеволіе козацкихъ старшинъ, было вѣрно Москвѣ и расположено къ московскому правительству. Выразителемъ этой благорасположенности народа въ Москвѣ былъ Максимъ Филимоновъ, Нѣжинскій протопопъ. Московское правительство должно было съ радостію принять содѣйствіе этого лица и

[1]) Соловьева Ист. Россіи т. XI стр. 2.

сдѣлало его главнымъ агентомъ своимъ въ Малороссіи. Максимъ Филимоновъ своей дѣятельностью вполнѣ оправдалъ надежды Московскаго правительства, помогалъ ему, чѣмъ могъ. Московское правительство хотѣло вступить въ мирные переговоры съ поляками — Нѣжинскій протопопъ старался передать боярамъ, чтобъ были осторожны. «Знаю подлинно, что ляхи призвали въ Литву двѣнадцать тысячь татаръ и хотятъ подвести ихъ измѣною на царскихъ полномочныхъ» [1]. Затруднялось Московское правительство, кому отдать булаву гетманскую послѣ Выговскаго — Переяславскому ли полковнику Самко, или Нѣжинскому полковнику Золотаренко, — Нѣжинскій протопопъ даетъ благой совѣтъ: не давать ни тому, ни другому, потому что, «если будетъ гетманомъ Самко, то Золотаренко не будетъ ему послушенъ, а будетъ гетманомъ Золотаренко, то Самко станетъ подъ него подкапываться» [2]. Чтобъ усилить значеніе Филимонова въ Малороссіи, московское правительство вызвало его въ Москву. Тамъ митрополитомъ Питиримомъ посвященъ онъ былъ — съ именемъ Меѳодія, въ санъ епископа Мстиславскаго и Оршанскаго и вмѣсто бездѣятельнаго Лазаря Барановича назначенъ былъ блюстителемъ кіевской митрополіи. Насколько близко долженъ былъ онъ входить въ дѣла политическія, видно изъ того, что когда онъ возвращался изъ Москвы, то съ нимъ посланы были серебряныя деньги малороссійскому козачеству, недовольному тѣмъ, что ему платили за службу деньгами мѣдными [3]. Дѣйствительно, возвратив-

---

[1] Соловьева. Ист. Рос. т. XI стр. 111.

[2] Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 138.

[3] Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 134.

шись, епископъ Меѳодій весьма энергично началъ слѣдить за политическими дѣлами въ Малороссіи. Московское правительство постоянно обращалось къ нему за совѣтами и постоянно ими руководилось. По его совѣту московское правительство отказалось утвердить козацкую раду, гдѣ избранъ былъ въ гетманы Самко и утвердило гетманомъ избраннаго на другой радѣ, рекомендованнаго Меѳодіемъ, запорожца Брюховецкаго...

Когда вслѣдствіе борьбы Меѳодія, съ преданнымъ Москвѣ гетманомъ Брюховецкимъ, московскому правительству стало ясно, что на Меѳодія ему нельзя полагаться,—оно стало искать благорасположенности со стороны Барановича. Какъ прежде Меѳодій, такъ теперь Барановичъ былъ вызванъ въ Москву и принятъ очень любезно. «Богъ, держай сердце царево въ рукахъ своихъ, писалъ Барановичъ изъ Москвы гетману, преклонивый небеса, преклони сердце его ко мнѣ, богомольцу своему, яви мнѣ лице свое, пріятъ мя любезно, аки отецъ милостивый, словомъ утѣши мя, слуху моему даде радость, вопрошая мя о всемъ зъ милости своей царской; вмѣсто тихъ деревень, которіи благородіе твое держитъ, даде три села: Ивотъ, Шатрищи и Чернацкую слободу и млинокъ на Свержи чулатовской и перевозъ подъ монастыремъ всемилостиваго Спаса» [1]). Кромѣ этихъ подарковъ Барановичъ тогда же былъ возведенъ тремя патріархами, московскимъ, александрійскимъ и антіохійскимъ, изъ епископа въ архіепископы и епархія черниговская навсегда учреждена была, грамотою патріарховъ, архіепископіею [2]). Пріобрѣтя та-

---

[1]) Письмо Барановича стр. 41—42.

[2]) № II, стр. 9—11 настоящаго тома актовъ.

кимъ образомъ благорасположенность Барановича, московское правительство скоро поставлено было въ необходимость искать его содѣйствія относительно устройства политическихъ дѣлъ Малороссіи. Послѣ измѣны Брюховецкаго, Барановичъ былъ также полезенъ для московскаго правительства, какъ былъ полезенъ Меѳодій, послѣ измѣны Выговскаго. Онъ въ это время много содѣйствовалъ къ возстановленію тишины въ Малороссіи [1]) и потомъ былъ постояннымъ посредникомъ между гетманомъ Многогрѣшнымъ и московскимъ правительствомъ, хотя дѣятельность его въ этомъ отношеніи и подаетъ поводъ къ различнымъ о ней сужденіямъ. Преосвященный Филаретъ, въ «Обзорѣ русской духовной литературы», говоритъ о Барановичѣ: «сей пастырь своими увѣщаніями въ 1669 году убѣдилъ войско запорожское покориться царю Алексѣю Михайловичу». С. М. Соловьевъ, въ своей статьѣ по этому поводу, [2]) картинно изображаетъ, какъ Барановичъ противился введенію московскихъ воеводъ въ Малороссію. Эти мнѣнія относительно Барановича, не смотря на свою противоположность, совершенно справедливы. Дѣйствительно Барановичъ считалъ необходимымъ подчиненіе Москвѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ боялся того, что москвичи согнутъ и сломаютъ. Отсюда онъ съ одной стороны уговаривалъ малороссовъ подчиниться Москвѣ: «отверзалъ мрежу, сѣялъ сѣмя [3]), писалъ Многогрѣшному и другимъ,—съ другой стороны онъ уговаривалъ московское правительство сдѣлать уступки козакамъ, указывая въ нихъ московскому правительству надежную

---

[1]) Маркевича Ист. Малор. т. II стр. 167.

[2] Прав. Обозр. 1862 г. Февр.

[3]) Труды К. Д. Ак. 1860 г. часть I, стр. 209.

защиту противъ Польши. «Сосѣдство ненадежное, писалъ онъ въ Москву о полякахъ, какова ни есть собака, но для волковъ она нужна; не надо ихъ раздражать; окропить ихъ иссопомъ и очистятся. Не разъ они дали себя знать ляхамъ и доказали на самомъ дѣлѣ, что горе вразумляетъ: потерявши, полякъ умудряется, и разными способами приманиваетъ ихъ къ себѣ. Но когда они сами добровольно стремятся къ его царскому величеству, то ихъ не должно отталкивать, потому что для самаго же покумившагося и побратавшагося съ волкомъ сосѣда они стали бы опасными». На этомъ основаніи Барановичъ совѣтовалъ даже уступить нѣкоторымъ страннымъ желаніямъ малороссовъ: «если это родное нашего украинскаго края, писалъ онъ, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященною водою, и, хотя онъ черенъ, записать въ бѣлую книгу» [1]. Въ интересахъ Малороссіи Барановичъ усиленно хлопоталъ, чтобы прислано было въ Малороссію войско, для защиты отъ турокъ и поляковъ, и о томъ, чтобы не было воеводъ въ Малороссіи. Не смотря на все это, должно признать, что онъ принесъ великія услуги для утвержденія власти московскаго правительства въ Малороссіи, хотя и безъ особенной ревности, безъ особенной любви къ Москвѣ, а по побочнымъ обстоятельствамъ дѣйствовалъ въ его пользу. Московское правительство вполнѣ сознавало это и, когда измѣнилъ Многогрѣшный, оно, не смотря на протестъ старшинъ, повелѣло Барановичу быть на радѣ, собранной для избранія преемника Многогрѣшному. Барановичъ былъ на этой радѣ, гдѣ избранъ былъ Самойловичъ, и при избраніи его читалъ молитвы [2].

---

[1]) Письма Барановича стр. 354.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 123 и 125.

При Самойловичѣ, въ первые годы его гетманства, московское правительство снова искало опоры и находило ее въ новой духовной личности, Нѣжинскомъ протопопѣ Симеонѣ Адамовичѣ, который изъявлялъ особенную энергическую готовность содѣйствовать Москвѣ. По убѣжденіямъ Адамовича, дѣти Самойловича присланы въ Москву, въ качествѣ заложниковъ «Богъ да видитъ убогую службу мою и радѣніе мое къ царскому пресвѣтлому величеству, писалъ предъ тѣмъ Адамовичъ; многіе гетманы, архіереи и полковники, много поглотивъ государской казни, поизмѣняли и кровопролитіе чинили; а я убогій червь, а не человѣкъ, какъ почалъ, такъ и работаю Богу и великому государю. Нынѣшній гетманъ Иванъ Самойловичъ совершенно на мой совѣтъ положился; уже я его къ тому привелъ—если страна наша освободится отъ непріятельскаго нашествія, то по первому пути хочетъ дѣтей своихъ къ великому государю посылать со мною» [1]. Дѣйствительно, въ мартѣ 1673 года, протопопъ пріѣхалъ въ Москву и съ нимъ два сына гетманскихъ Семенъ и Григорій, съ начальникомъ своимъ Батуринскаго монастыря намѣстникомъ Исаакомъ и учителемъ Павломъ Ясилковскимъ, «для вѣрности подданства и службы его гетманской, чтобъ царскому величеству служба его гетманская была во всемъ вѣрна.« [2]) Адамовичу поручены были нѣкоторыя политическія дѣла. Отъ имени гетмана, Адамовичъ билъ челомъ въ Москвѣ, чтобъ государь приказалъ Ромодановскому и гетману идти войною на Крымъ, или на Дорошенко; и для этаго похода прислалъ пушекъ полковыхъ легкихъ, пороху и свинцу, а также

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 136.

[2]) Ibid.

еще ратныхъ людей въ малороссійскіе города. Просьба Адамовича была немедленно исполнена. При немъ были посланы пушки, и самъ протопопъ дивился, что пушки «везены зѣло урядствомъ, велики и къ войнѣ зѣло удобны.» Вообще пріемомъ въ Москвѣ Адамовичъ былъ весьма доволенъ. «Не могу перечислить, писалъ онъ гетману изъ Москвы, царскаго величества милости и Артамона Сергѣевича (Матвѣева) пріятства и любви [1]).«

Всѣ эти лица изъ духовенства—Меѳодій, Барановичъ, Адамовичъ дѣйствовали въ пользу Москвы главнымъ образомъ ради тѣхъ личныхъ мірскихъ выгодъ, какія представляла имъ эта дѣятельность. Для честолюбія Меѳодія и Адамовича было очень пріятно, что московское правительство дастъ имъ возможность вмѣшиваться въ дѣла политическія и имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ политическихъ событій въ Малороссіи. Барановичъ также былъ человѣкъ, не безразлично относившійся къ почестямъ и подаркамъ. Судя по его письмамъ, онъ былъ человѣкъ очень честолюбивый и скупой. Можетъ быть, эти два недостатка заставляли его принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ и дѣйствовать въ пользу Москвы. Искренней любви къ Москвѣ и готовности подчиниться московскому патріарху и въ духовномъ отношеніи, какъ вообще въ малороссійскомъ духовенствѣ того времени, такъ въ частности въ тѣхъ лицахъ, которые дѣйствовали въ политическихъ дѣлахъ въ пользу Москвы, вовсе не было. Когда Меѳодій возвратился изъ Москвы съ именемъ блюстителя кіевской митрополіи малороссійское духовенство отнеслось къ нему очень враждебно. Главною причиною этой враждебности было то, что духовенство опа-

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 136—137.

салось этаго тѣснаго сближенія Меѳодія съ Москвою, опасалось, какъ бы онъ не сталъ заботиться о подчиненіи духовенства малороссійскаго московскому патріарху. Подъ вліяніемъ такихъ предположеній духовенство очень энергично возставало противъ этаго, назначеннаго московскимъ правительствомъ, мѣстоблюстителя митрополіи. Всѣ кіевскіе игумены отправили отъ себя посольства къ врагу Меѳодія—гетману Самко, съ просьбою, чтобы вмѣсто Меѳодія назначенъ былъ блюстителемъ Барановичъ [1]). Дѣло это не состоялось, потому что самъ Барановичъ отказался принять на себя мѣстоблюстительство [2]). Но скоро оказалось, что духовенство напрасно опасалось близости Меѳодія къ Москвѣ, что онъ и духовенство не хочетъ принуждать и самъ считаетъ для себя несчастіемъ быть подъ вѣдѣніемъ московскаго патріарха. Когда дошелъ въ Малороссію слухъ, что Брюховецкій въ Москвѣ проситъ о томъ, чтобы присланъ былъ въ Кіевъ митрополитъ изъ Москвы, Меѳодій соединился съ духовенствомъ, чтобы не допустить исполниться этому. 22 февраля 1666 г., Меѳодій въ Кіевѣ явился съ печерскимъ архимандритомъ и игуменами другихъ монастырей къ Кіевскому воеводѣ Шереметьеву и долго толковали съ нимъ о дѣлѣ, затѣянномъ Брюховецкимъ. «Если будетъ на то великаго государя изволеніе, говорилъ епископъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, «чтобъ отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за

[1]) Письма Барановича стр. 26 и 12.

[2]) Письма Барановича стр. 11.

шею и за ноги поволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; а если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами, тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы.« [1]) Для успокоенія Меѳодія и малороссійскаго духовенства, московское правительство уклончиво отвѣчало Брюховецкому, что царь объ этомъ дѣлѣ пошлетъ совѣтываться къ патріарху константинопольскому. Меѳодій впрочемъ не только не могъ согласиться на такое стѣсненіе малороссійскому духовенству, которое предполагалось, но даже очень возмущенъ былъ тѣмъ, что московское правительство оказывало ему нѣкоторое недовѣріе и мало вознаграждало его труды. Когда Меѳодій былъ вызванъ въ Москву и не получилъ тамъ особенныхъ почестей, когда не дали ему въ Москвѣ соболей и корму, сколько онъ хотѣлъ, онъ возвратился въ высшей степени раздосадованный и сталъ возмущать Малороссію противъ московскаго государства съ большею, можетъ быть, энергіею, чѣмъ съ какою прежде дѣйствовалъ въ пользу Москвы. Онъ увѣрялъ народъ, что бояринъ Ордынъ—Нащокинъ приближается съ разными людьми къ Кіеву, чтобы обратить въ пепелъ всѣ малороссійскіе города [2]). Онъ увѣрялъ гетмана, что москвичи хотятъ выдать его полякамъ. Гетманъ Брюховецкій былъ главнымъ образомъ Меѳодіемъ, его разсказами

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 210.

[2]) Ibid. т. XII стр. 22—23.

о неблагодарности Москвы и его письмами подготовленъ къ тому, чтобы соединиться съ Дорошенко и измѣнить Москвѣ [1]).

Въ послѣдующее время, при Барановичѣ и Адамовичѣ, московское правительство, наученное опытомъ Меѳодія, не оказывало уже болѣе недовѣрія духовенству, въ помощи котораго оно такъ сильно нуждалось, и не пыталось устроивать подчиненіе Малороссіи Москвѣ въ духовномъ отношеніи, что, какъ оказывалось, также могло раздражить малороссійское духовенство. Подобнаго дѣла впрочемъ теперь и нельзя было начинать, потому что извѣстна была на югѣ Россіи печальная исторія суда надъ Никономъ. Въ числѣ бывшихъ на соборѣ, по поводу обвиненія Никона, были епископы изъ южной Руси Барановичъ и Меѳодій. Барановичъ, правда, представлялъ дѣло низверженія Никона, вполнѣ законнымъ, [2]) но Брюховецкій, вѣроятно со словъ Меѳодія, ставилъ низверженіе Никона въ большую вину Москвичамъ. »Жестокостію своею, писалъ онъ, превосходятъ они всѣ поганые народы, о чемъ свидѣтельствуетъ самое поганское ихъ дѣло: верховнѣйшаго пастыря своего, святѣйшаго отца патріарха свергли, не желая быть послушными его заповѣди; онъ ихъ училъ имѣть милость и любовь къ ближнимъ, а они его за это заточили». Преемникъ Никона Іоасафъ былъ человѣкъ не особенно авторитетный, и потому подчиненіе Малороссіи въ духовномъ отношеніи теперь никакимъ образомъ не могло состояться. Другое обстоятельство, которое уничтожало возможность начинать подобное дѣло, было общее неудовольствіе въ Малороссіи на Москву, по по-

---

[1]) Правосл. Обозр. 1862 г. Мартъ, стр. 173. Маркевича Ист. Малор. т. II стр. 156.

[2]) Письма Барановича стр. 45—47.

воду Андрусовскаго мира Москвы съ Польшею. По условіямъ этого мира, Кіевъ чрезъ два года со всѣми святынями д·лженъ былъ быть уступленъ москвичами Полякамъ. Такое условіе казалось малороссамъ предательствомъ вѣры со стороны москвичей. Всѣ представители духовенства - архимандритъ Гизель, Тукальскій, Барановичъ умоляли царя, чтобъ это условіе не было выполнено. [1]) Оно, дѣйствительно, не было выполнено, но пока оно еще существовало, не могло быть рѣчи о томъ, чтобы Кіевскій митрополитъ подчинился московскому патріарху. Вмѣсто того были другая забота: гдѣ бы устроить въ Малороссіи митрополію, когда Кіевъ будетъ отданъ Полякамъ? Относительно этого вопроса гетманъ и Барановичъ не соглашались между собою. Гетманъ предполагалъ устроить митрополію въ Переяславлѣ, а Барановичъ говорилъ, что лучше устроить въ Черниговѣ. потому что Черниговъ древнѣе, и епископія въ немъ устроена была прежде. [2]) Дѣло кончилось ничѣмъ. Митрополитъ въ малороссію не былъ избранъ и Барановичъ, титулуясь мѣстоблюстителемъ Кіевской митрополіи, былъ единственнымъ епископомъ на восточной сторонѣ Днѣпра....

Но подчиненіе Кіевской митрополіи московскому патріарху въ это время подготовлялось въ значительной степени тѣмъ, что развивалась великая ненависть между свѣтскими представителями козачества и представителями духовенства. Вмѣшательство духовенства въ дѣла политическія казалось гетманамъ въ высшей степени для нихъ стѣснительнымъ и они всѣ старались по возможности ограничивать права духовенства.

---

[1]. Бантышъ Каменскаго Истор. Малор. т. II стр. 76. Соловьева Ист. Рос т. XII стр. 51.

[2]). Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 54.

Когда Меѳодій вмѣшивался въ дѣла о избраніи гетмановъ, Самко очень противился этому. »Бью челомъ къ вашему царскому величеству, писалъ Самко въ Москву, чтобъ епископъ перестал побуждать на злое, а тѣ люди, которые были надуты совѣтами епископскими пусть начнутъ вмѣстѣ со мною вѣрно служить вашему царскому величеству. Смиренно молимъ, изволь на все войско положить вольный голосъ о выборѣ гетманскомъ, по старому предковъ нашихъ порядку, а епископъ чтобы въ это не вступался.« [1]) Еще сильнѣе высказывался Самко противъ Меѳодія московскому послу Ладыженскому — «Если государь епископа Меѳодія изъ Кіева и изо всѣхъ Черкасскихъ городовъ вывести не велитъ, а быть ему на радѣ, то мы и на раду не пойдемъ. Никогда и митрополиты на раду не ѣзжали и въ гетманы не выбирали. Служить великому государю отъ такихъ баламутовъ нельзя« [2]). Съ другой стороны Меѳодій докладывалъ Ладыженскому: »по государеву указу ѣхать мнѣ въ Кіевъ нельзя, потому что Самко государю не прочитъ, хочетъ измѣнить, а меня велитъ погубить.« [3]).

Брюховецкій, добившійся гетманства, благодаря содѣйствію Меѳодія, когда пріобрѣлъ довѣріе въ Москвѣ, всѣми мѣрами старался стѣснить духовенство и Меѳодія: онъ отнималъ маетности у Печерскаго монастыря и у Черниговскаго архіепископа Барановича; онъ писалъ въ Москву, «чтобъ отказывали попамъ, которые изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго въ Москву ѣздятъ и выпрашиваютъ

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 147.
[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 145.
[3]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 154.

себѣ маетности; войско на это сильно ропщетъ: козаки головы свои въ битвахъ съ непріятелемъ полагаютъ, а они, попы, имѣніемъ своимъ управить не могутъ, козакамъ въ помѣстьяхъ своихъ жить не позволяютъ, и налоги имъ чинятъ.« [1]) Онъ просилъ, чтобы въ Москвѣ не всякому духовенству вѣрили, потому что »горазды они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки, на кого нелюбье положатъ« [2]). Наконецъ, будучи лично въ Москвѣ, Брюховецкій просилъ московское правительство прислать митрополита въ Малороссію изъ Москвы, «чтобы духовный чинъ на митрополитовъ подъ рукою королевскою будучихъ оглядываючись, въ шатости войску вредительный не былъ« [3]). Въ частности по отношенію къ Меѳодію, Брюховецкій старался подорвать довѣріе Москвы. Онъ сообщалъ, что Меѳодій сносится съ Поляками, что сынъ епископа Меѳодія женился на Дубичовнѣ, у которой два родныхъ брата служатъ при королѣ [4]) Наконецъ, когда Меѳодій былъ въ Москвѣ, Брюховецкій усиленно просилъ не пускать его оттуда.« Запорожскихъ козаковъ, писалъ онъ, всякими гостинцами обсылаю, на доброе дѣло всячески уговариваю, только-бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ двоедушныя духовныя особы не были препоною и Запорожцамъ на всякое зло поджогою, какъ, напримѣръ, преосвященный епископъ Мстиславскій: съ его поджоги невинная кровь христіанская разливается; теперь, когда этаго епископа здѣсь, на Украйнѣ, нѣтъ, то многимъ кажется, что другой свѣтъ насталъ;

---

[1]) Соловьева т. XI стр. 196.

[2]) Соловьева т. XI стр. 215.

[3]) Евгенія Описаніе Кіево-Соф. Собора стр. 192.

[4]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 213.

пусть епископъ живетъ въ Москвѣ, или гдѣ будетъ угодно государю, только бы не въ городахъ, близкихъ къ Запорожью.» Вмѣстѣ съ тѣмъ Брюховецкій просилъ даже о томъ, чтобы Меѳодій не имѣлъ въ Москвѣ сношеній съ Малороссами. «Бью челомъ великому государю, писалъ онъ, чтобы не велѣлъ видѣться на Москвѣ съ епископомъ козакамъ, которые отъ меня пріѣзжаютъ, особенно Запорожцамъ: онъ ихъ научаетъ на всякое зло. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ сказывали, что епископъ тайно призывалъ къ себѣ голодныхъ Запорожцевъ и жаловался, будто по моей милости ему казны со дворца не доходятъ.« [1])

Подобнымъ же образомъ относился къ южно-русскому духовенству и гетманъ Многогрѣшный. Когда епископъ Меѳодій отправленъ былъ подъ стражею въ Москву, послѣ измѣны Брюховецкаго, Многогрѣшный все таки опасался его интригъ. »Нынѣшняя война съ великимъ государемъ, писалъ онъ Барановичу, возникла по благословенію его милости, отца Меѳодія Филимоновича, епископа Мстиславскаго, и его послушника, протопопа Нѣжинскаго (Симеона Адамовича). Слышу, что князь Ромодановскій отпустилъ этаго протопопа съ братомъ моимъ Васильемъ и съ Гвинтовкою къ великому государю; отпустилъ онъ его на послѣднюю гибель нашей бѣдной Малороссіи и всему міру, да туда же въ Москву поѣхалъ и отецъ Меѳодій. Этотъ пуще всего будетъ бунтовать и своими непотребными замыслами царское величество, бояръ и весь синклитъ побуждать и наговаривать. Пошли ваша святительская милость къ царскому величеству; бей челомъ, чтобы тѣмъ зло-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 8.

сѣятелямъ клеветникамъ не вѣрилъ [1]). Относительно Меѳодія опасенія Многогрѣшнаго были напрасны; онъ уже окончательно потерялъ довѣріе московскаго правительства. Но за то Адамовича государь такъ полюбилъ, что приказалъ не только гетману и полковникамъ, но даже воеводамъ совѣтоваться съ нимъ во всякомъ важномъ дѣлѣ [2]) Это очень не нравилось Многогрѣшному. Онъ самъ послѣ винился въ Москвѣ: »предъ великимъ государемъ я виноватъ, протопоповымъ рѣчамъ я не внималъ.» [3]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отдалить Адамовича отъ вмѣшательства въ политическія дѣла, Многогрѣшный стращалъ его Москвою. «Поѣзжай только въ Москву, говорилъ онъ разъ Адамовичу, вотъ тамъ тебя въ Москвѣ посадятъ» [4]) Въ другой разъ Многогрѣшный хотѣлъ самъ запугать Адамовича. «Если, что съ Москвы послышу непристойное, говорилъ онъ ему, велю тебя лютою смертію уморить.» [5]) Однажды гетманъ даже до такой степени разсердился на протопопа, что хотѣлъ своими руками отсѣчь ему голову саблею и бранилъ его всячески, кричалъ: »ты за одно съ москалями мною торгуешь!« Протопопъ перепугался, не сталъ при гетманѣ сходиться съ (москвичемъ) Неѣловымъ и ему подходить къ себѣ не велѣлъ, видѣлся съ нимъ тайно у церкви и велѣлъ беречься, »чтобы какого лиха отъ тѣхъ словъ не сдѣлалось въ Украинѣ.« [6]) Отношенія между Барановичемъ и Многогрѣшнымъ, въ послѣд-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 44.

[2]) Маркевича Ист. Малор. т. II стр. 212.

[3]) Соловьева Истор. Рос. т. XII стр. 118.

[4]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 117.

[5]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 101.

[6]) Ibid.

нее время его гетманства, также разстроились изъ за того, что Барановичъ хотѣлъ наблюдать за его поведеніемъ «Какъ скоро я узналъ, писалъ Барановичъ въ Москву, что Демка (Многогрѣшный) ссылается съ Дорошенкомъ, то писалъ къ нему, чтобы онъ эти ссылки прекратилъ и въ Кіевопечерскій монастырь молиться не ѣздилъ; онъ, прочтя мою грамоту, бросилъ ее по столу, и сказалъ моему посланцу: «зналъ бы архіепископъ свой клобукъ.« [1]) Наконецъ и гетманъ Самойловичъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ гетманамъ, стѣснялся вмѣшательствомъ въ политическія дѣла лицъ духовныхъ. Скоро послѣ своего избранія онъ разсорился съ Адамовичемъ, самымъ приближеннымъ къ нему лицомъ изъ духовенства. »Объявляю вашей милости, писалъ Самойловичъ Ромодановскому, печаль мою и жалость, которыя причинилъ мнѣ пріятель мой, Симеонъ протопопъ Нѣжинскій: какъ ѣхалъ онъ въ Москву съ книгами архіепископскими, то я ему никакихъ дѣлъ не поручалъ, потому что, по милости великаго государя, всякія вѣсти и указы и безъ него къ намъ доходятъ, а онъ тамъ оглашаетъ насъ нестаточными дѣлами предъ высокими людьми, самъ не имѣя въ себѣ постоянства, а ужъ пора бы ему перестать отъ того. Я здѣсь нѣсколько свидѣтелей надежныхъ имѣю, что онъ нѣсколько особъ здѣсь обнадежилъ: какіе захотятъ они чины, то въ Москвѣ имъ промыслитъ, не откажутъ ему тамъ ни въ чемъ, и добрыхъ людей своими вымыслами потерялъ.« [2]) За такіе хлопоты о непорученныхъ дѣлахъ Самойловичъ стал притѣснять Адамовича. Въ 1674 году, по

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 115.

[2]) Ibid. стр. 178.

словамъ Барановича, «Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска его царскаго величества Запорожскаго, ему же отъ царскія милости дана власть въ Малой Россіи всякаго постерегати порядку, усмотрѣлъ непорядокъ, яко Симеонъ Адамовичъ, протопопа Нѣжинскій, паче достоинства своего многими владѣетъ маетностями, а архіепископія Черниговская въ маетности зѣло оскудѣна... уважилъ самую слушность и, за совѣтомъ всѣхъ начальниковъ украинскихъ людей, село Воловицу и дер. Степановку, маетности его (Адамовича), зъ млынами дубровскими прилучилъ до добръ архіепископскихъ.« [1])

Доселѣ, кажется, сообщено все, что можетъ уяснить дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, которое формально совершилось наконецъ въ 85-мъ году XVII-го вѣка.—Акты, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, даютъ возможность подробно расказать о томъ, какъ это произошло.

При Самойловичѣ настало самое удобное время для подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Какъ мы видѣли, это дѣло имѣло наибольшій успѣхъ при Хмельницкомъ и при Никонѣ, благодаря тому, что Хмельницкій сознавалъ необходимость подчиниться Москвѣ, а Никонъ желалъ подчинить себѣ малороссійское духовенство. Теперь гетманъ Самойловичъ также сознавалъ необходимость быть вѣрнымъ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Хмельницкому, все въ Малороссіи старался подчинить своей власти, отъ всѣхъ требовалъ къ себѣ полнѣйшаго повиновенія. »Гетманъ, говоритъ одинъ изъ лѣтописцевъ, былъ сначала ласковъ и привѣтливъ, но, раз-

[1]) Письма Барановича стр. 209.

богатѣвъ, возгордился не только противъ козаковъ, но даже и противъ духовнаго чина. Старшины и даже знатнѣйшее духовенство принуждены были стоять въ его присутствіи. Ни онъ, ни сыновья его не ходили въ церковь по антидоръ, но священникъ подносилъ имъ оный. Встрѣчу съ духовными считалъ за несчастіе, не смотря на то, что самъ былъ поповичь. Сердюки, стоявшіе на караулѣ, не пускали къ его сыновьямъ въ дворъ не только козаковъ, но даже и священниковъ» [1]). Гетманъ, такимъ образомъ поставившій себя по отношенію къ духовенству, конечно, имѣлъ возможность заставить его исполнить свое желаніе относительно подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху. Патріархъ московскій того времени, Іоакимъ, еще болѣе Никона способенъ былъ устроить это дѣло, потому что лучше Никона зналъ состояніе малороссійскаго, духовенства такъ какъ въ юности своей много лѣтъ провелъ въ Малороссіи. Здѣсь обучался онъ въ Кіево-Братской коллегіи, потомъ проходилъ военную службу и, наконецъ, весною 1655 года (6 мая) на 35 году отъ рожденія принялъ постриженіе въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ, гдѣ пробылъ два года. Отсюда въ 1657 году по вызову Никона Іоакимъ отправился въ Москву, гдѣ чрезъ 17 лѣтъ сталъ московскимъ патріархомъ. Это пребываніе въ Малороссіи, въ частности въ Межигорскомъ монастырѣ, дало патріарху возможность имѣть съ Малороссіею постоянныя сношенія. Съ 1676 года игуменъ Кіево-Межигорскаго монастыря регулярно каждые два года наряжалъ монаховъ съ посланіемъ къ патріарху [2]).

---

[1]) Маркевича Ист. Малор. т. II стр. 297.

[2]) Кіевскія Епарх. Вѣд. 1865 г. № 7, статья М. А. Максимовича.

Съ этими лицами, пріѣзжавшими изъ Малороссіи въ Москву, Іоакимъ могъ очень часто бесѣдовать о поставленіи въ Кіевъ новаго митрополита. Но особенно часто разговаривалъ объ этомъ патріархъ съ пріѣзжавшими въ Москву людьми гетмана, и неоднократно писалъ о томъ гетману, зная, что отъ него главнымъ образомъ зависитъ устройство этаго дѣла. [1])

Въ 1683 году гетманъ съ своей стороны далъ поводъ патріарху входить въ дѣла малороссійской церкви. Въ этомъ году умеръ архимандритъ Кіево-Печерской лавры Иннокентій Гизель. Написавъ объ этомъ особое письмо къ московскому патріарху, гетманъ просилъ его дать благословеніе на избраніе преемника Гизелю. [2]) Патріархъ немедленно отвѣчалъ и, усердно благодаря гетмана за то, что тотъ къ нему отнесся по этому дѣлу, «давалъ на него свое благословеніе.» [3]) Участіе въ этомъ дѣлѣ было, по замѣчанію Устрялова, пробною попыткою со стороны патріарха и гетмана имѣть вліяніе на духовныя дѣла въ Малороссіи. [4]) Какъ же отнеслось къ этому малороссійское духовенство? Нельзя сказать, чтобы сочувственно. Преемникъ Гизеля, Варлаамъ Ясинскій избранъ былъ во архимандрита лавры вольными голосами, и наскоро посвященъ былъ въ санъ архимандрита Лазаремъ Барановичемъ, безъ всякихъ сношеній съ патріархомъ. Но обстоятельства скоро побудили Ясинскаго обратиться къ московскому патріарху. По обстоятельствамъ времени, для Ясинскаго необходимо было немедленно же получить утвержденіе въ санѣ архимандрита отъ

---

[1]) Стр. 36 и 37 настоящаго тома актовъ.

[2]) Стр. 40 наст. т. акт.—примѣчаніе.

[3]) № LIV стр. 211—212 наст. т. актовъ.

[4]) Устрялова Ист. Петра великаго т. I стр. 141.

какого нибудь патріарха. Монастырь печерскій находился на порубежномъ мѣстѣ между польскимъ и московскимъ государствомъ и польское правительство могло съ своей стороны назначить въ лавру архимандрита, который могъ оспаривать права у Ясинскаго. Эта опасность была еще сильнѣе потому, что Львовскій епископъ, Іосифъ Шумлянскій, весьма желалъ принять на себя титулъ архимандрита печерскаго, и просилъ у короля польскаго, чтобы тотъ далъ ему въ управленіе маетности Кіево-печерской лавры. Между тѣмъ сношеніе съ константинопольскимъ патріархомъ, по случаю войны между Турціею и Россіею, для Варлаама Ясинскаго были тогда не возможны. Такимъ образомъ онъ вынужденъ былъ искать подтвержденія на архимандрію у патріарха московскаго. Съ этою цѣлію онъ послалъ въ Москву изъ Кіево-печерской лавры: намѣстника новопечерскаго монастыря Іоанна Максимовича, намѣстника Чолнскаго Трубческаго монастыря Аѳанасія Мисловскаго, казначея лавры монаха Филарета Ляневича и писаря соборнаго Гавріила Филипповича, съ письмами къ патріарху отъ себя и отъ Лазаря Барановича. Барановичъ писалъ, [1]) что онъ посвятилъ Варлаама Ясинскаго во архимандрита лавры, и что Варлаамъ Ясинскій отправляетъ настоящее посольство для выраженія своего уваженія къ патріарху и для исходатайствованія ему грамоты на архимандрію. Ясинскій въ своемъ письмѣ [2]) извинялся предъ патріархомъ въ томъ, что лично не является въ Москву для изъявленія покорности, оправдываясь тѣмъ, что онъ еще не освоился съ своимъ новымъ послушаніемъ, т. е. съ управленіемъ Кіево-печерскимъ монасты-

---

[1]) № LV стр. 212—214.

[2]) № LVI стр. 214—216.

ремъ, управленіемъ очень труднымъ потому, что монастырь находится на порубежномъ мѣстѣ, и просилъ патріарха о томъ, чтобы дана была ему грамота на архимандрію Печерскую, наконецъ просилъ о томъ, чтобы патріархъ посвятилъ монаха Филарета и іеродіакона Гавріила во пресвитеры. Но Іоакимъ, вѣроятно принимая во вниманіе то обстоятельство, что Ясинскій посвященъ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, патріархомъ, не далъ тотчасъ Ясинскому грамоту на архимандрію. Онъ посвятилъ присланныхъ монаховъ въ санъ пресвитера, послалъ съ ними письмо Ясинскому, но открытой утвердительной грамоты не далъ [1]). Тогда Ясинскій, крайне нуждавшійся въ грамотѣ, ради цѣлости лавры, чтобы другой неизбранный архимандритъ не дерзалъ отдалять маетности лавры, вынужденъ былъ послать патріарху новое письмо. [2]) Въ этомъ письмѣ Ясинскій, расточая патріарху величайшую благодарность за присланное къ нему, Варлааму, письмо патріарха, билъ челомъ о прощеніи за то, что принялъ посвященіе безъ особаго разрѣшенія патріарха, и просилъ усердно о томъ, чтобы прислана была ему грамота утвердительная съ большою печатью патріаршескою за рукою архипастырскою. Ясинскій прилагалъ даже проектъ того, что должно было быть въ ней написано. »Азъ же, подписался Ясинскій подъ этимъ письмомъ, всегдашній рабъ, послушный, аще и недостойный, сынъ и подножіе святительства вашего.« По этому письму патріархъ рѣшилъ послать Ясинскому утвердительную грамоту, но при редакціи ея, желая высказаться наиболѣе милостивымъ, былъ въ высшей степени осторожелъ. Изъ двухъ утвердитель-

---

[1]) № LVII стр. 217—218.
[2]) Ibid.

ныхъ грамотъ на Кіево-печерскую архимандрію, составленныхъ по поводу просьбы Варлаама Ясинскаго [1]), Іоакимъ счелъ болѣе удобнымъ послать ту, гдѣ менѣе говорилось объ обязанностяхъ Кіевопечерскаго архимандрита и болѣе о его правахъ.

Совмѣстно съ перепискою по дѣлу о поставленіи архимандрита въ Кіево-печерскую лавру, начинается съ 1683 года переписка между патріархомъ Іоакимомъ и гетманомъ Самойловичемъ относительно поставленія въ Кіевъ митрополита. Къ своемъ письмѣ къ Самойловичу (отъ 4 сентября 1683 г.) [2]) патріархъ высказываетъ глубочайшее сожалѣніе о томъ, что, по дошедшимъ къ нему патріарху слухамъ, Кіевская митрополія безъ начальнаго пастыря, кіевскаго митрополита, всякаго благочинія лишилась. Дѣйствительно, положеніе іерархіи въ кіевской митрополіи могло подать поводъ патріарху къ сожалѣнію и къ вмѣшательству въ дѣла митрополіи. Іерархія тогда совсѣмъ пала. Вмѣсто настоящихъ архіереевъ въ кіевской митрополіи ходило много греческихъ и сербскихъ архіереевъ, выгнанныхъ изъ Греціи патріархами и лишенныхъ сана, которые, тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ въ Малороссіи настоящихъ архіереевъ, совершали всякія священнодѣйствія и требы. Точно также и единственный настоящій архіерей въ Малороссіи, Лазарь Барановичъ, по своей старости и немощности допускалъ церковные безпорядки. Вопреки постановленію московскаго собора 1656 г., коимъ запрещено было архіереямъ на одной литургіи поставлять многихъ въ діаконы и священники,—собора, на которомъ самъ онъ былъ и подъ правилами котораго собственноручно подписался,

---

[1]) №№ LVIII, LIX, стр. 219—226.

[2]) № IV стр. 37—40.

Барановичь поставлялъ на одной литургіи по десяти и болѣе лицъ въ эти священныя должности [1]. Но еще болѣе сильное побужденіе заботиться объ избраніи въ Кіевъ митрополита имѣлъ московскій патріархъ потому, что въ тоже время и польское правительство могло выставить съ своей стороны претендента на кіевскую митрополію. Въ это время польское правительство возобновило попытку привлечь въ унію представителей южно-русской іерархіи—епископовъ тѣхъ областей, которыя находились еще подъ польскимъ обладаніемъ Ради различныхъ обѣщаемыхъ привиллегій, и въ это время изъ высшаго южно-русскаго духовенства нашлись люди, готовые измѣнить вѣрѣ. Таковы были: Иннокентій Винницкій, нареченный еписк. Перемышльскій, Іоаннъ Малаховскій, игуменъ Лисянскаго монастыря, и многіе другіе. Но во главѣ ихъ стоялъ Іосифъ Шумлянскій, епископъ Львовскій, который охотно соглашался принять унію. Снискавъ себѣ такимъ образомъ расположеніе поль-

---

[1]) Барановичь, впрочемъ, хотя и подписывался подъ правилами московскаго собора, но былъ убѣжденъ, что посвященіе по нѣскольку лицъ во пресвитеры и дьяконы на одной литургіи не есть незаконно. Вотъ что писалъ онъ однажды Паисію Лигариду. »Твоя святыня признается, что не читалъ и не видалъ ты, чтобы бывало поставленіе многихъ въ священный санъ въ одно и тоже время. Въ дѣяніяхъ апостольскихъ читаемъ: »выберете изъ себя седмь человѣкъ испытанныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости, ихъ поставимъ на сіе дѣло; и избрали Стефана, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена и Николая; ихъ поставили предъ апостолами; а сіи, помолясь, возложили на нихъ руки (Дѣян. 6, 3. 5. 6). «Не мѣрою даетъ Богъ Духа Іоан. 3. 33. Въ началѣ церкви Духъ наполнилъ весь домъ, а не часть, гдѣ сидѣли, и всѣ исполнились Духа Святаго и стали говорить разными языками, какъ давалъ имъ провѣщевать Духъ святой (Дѣян. 2, 4). (Письма Барановича стр. 14).

скаго правительства. Шумлянскій началъ незаконно титуловаться администраторомъ кіевской митрополіи и архимандритомъ Кіево-печерской лавры и просилъ, чтобы ему даны были маетности кіевской митрополіи и Кіево-печерской лавры, находящіяся въ польскихъ областяхъ. Но, что особенно должно было побудить московское правительство поспѣшить дѣломъ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху,—это то, что Шумлянскій, принявъ на себя титулъ администратора Кіевской митрополіи, сталъ помогать польскому правительству устроить возмущеніе противъ Москвы въ Малороссіи, находящейся подъ вѣдѣніемъ московскаго правительства. Онъ отправилъ отъ себя въ Малороссію двухъ монаховъ съ подробною инструкціею, какъ они должны дѣйствовать, чтобы устроить это возмущеніе. Между прочимъ этою инструкціею повелѣвалось монахамъ внушать духовенству, что въ церквахъ, находящихся подъ державою королевскою, нѣтъ никакой перемѣны; священникамъ воздается честь; дань и подводы отставлены; изъ подданства пановъ своихъ духовенство освобождено. Внушать мысль о томъ: что лучше въ Кіевѣ имѣть своего главу, какъ имѣетъ Москва; что прежде кіевскіе митрополиты ставили московскихъ, которые теперь патріархами называются; что многими столѣтіями св. Софія кіевская старше соборной церкви московской, что лучше видѣть власть духовную и мірскую въ Кіевѣ, чѣмъ искать ее раболѣпнымъ образомъ въ Москвѣ. [1]) Въ виду этихъ обстоятельствъ и этихъ интригъ, патріархъ Іоакимъ, въ 1684 году, написалъ новое письмо гетману, [2]) въ которомъ, высказывалъ искреннее желаніе, чтобы въ Кіевъ из-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 7.
[2]) № V стр. 40—42.

бранъ былъ настоящій митрополитъ, мотивируя это желаніе главнымъ образомъ тѣмъ, дабы церковь Божія кіевской митрополіи коей либо тщетѣ отъ пронырливыхъ и злокозненныхъ людей не подстала, дабы подыскъ творящіи уніаты, митрополитэми и иными начальниками малороссійскія страны въ своихъ странахъ не отзывалися, и тѣмъ въ польской державѣ обитающихъ православныхъ христіанъ лжепастырско не прельщали.

Въ это время (въ 1684 году [1]) прибылъ въ Малороссію епископъ Луцкій и Острожскій Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій. Этотъ епископъ, его многочисленные родственники и вся луцкая паства очень усиленно возставали противъ возобновленія польскимъ правительствомъ мѣръ для распространенія уніи. На Люблинскомъ съѣздѣ православныхъ и уніатовъ 1679 года, устроенномъ польскимъ правительствомъ съ цѣлью рѣшить вопросъ объ уніи, депутаты луцкаго братства клялись въ томъ, что они будутъ прилагать всѣ усилія къ сохраненію цѣлости церкви св. восточной, состоящей въ повиновеніи четырехъ восточныхъ патріарховъ [2]. Такимъ защитникамъ православія очень худо жилось въ Польшѣ въ то время, потому что правительство всѣми мѣрами старалось ихъ утѣснять. Тѣмъ болѣе притѣсненій долженъ былъ испытывать представитель партіи православныхъ Гедеонъ Четвертинскій. Представитель епископовъ, отступившихъ въ унію—Іосифъ Шумлянскій имѣлъ еще другія побужденія желать, чтобы Четвертин-

---

[1]) Въ Описаніи Кіево-Соф. собора (стр. 197) сказано, что Четвертинскій прибылъ весною 1685 года, но это вѣроятно по ошибкѣ.

[2]) Архивъ Юго-зап. Рос. изд. Кіевск. Коммис. ч. I т. IV, предисловія стр. 2.

скій лишился луцкой епископіи. Шумлянскій надѣялся, послѣ изгнанія Четвертинскаго, завладѣть имѣніями, и разсчитывалъ поставить епископомъ луцкимъ брата своего Аѳанасія [1]). Интриги Шумлянскаго противъ Четвертинскаго еще болѣе усилили ненависть къ этому послѣднему польскаго правительства и, по словамъ Четвертинскаго, король и королева прямо объявили ему, что если онъ не сдѣлается уніатомъ, то сошлютъ его на вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ [2]). Тогда, писалъ Четвертинскій [3]), »немощь человѣческую имый, устрашился абіе, соглядая сіе, яко не точію азъ имѣхъ быти въ толикомъ лишеніи, но и овцамъ словеснаго стада не возмоглъ быхъ помощи ни въ чемъ же, сего ради оставити престолъ мой и вся своя понужденъ есмь.»

Прибывъ на восточную сторону Днѣпра къ гетману въ то время, когда здѣсь поднятъ былъ вопросъ объ избраніи митрополита въ Кіевъ, Четвертинскій сдѣлался первымъ кандидатомъ на занатіе этой должности. Онъ происходилъ изъ самой древнѣйшей дворянской фамиліи, ведшей свой родъ отъ Святополка—Михаила, внука Ярослава I-го, [4]) отчего составилось и двойное имя Четвертинскаго: »Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій.» Онъ уже 25 лѣтъ носилъ санъ епископа луцкаго и острожскаго, былъ посвященъ въ этотъ санъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ и еще въ 1663 году, по смерти Балабана, былъ первѣйшимъ въ средѣ духовенства, собравшагося въ Корсунь, для погребенія митрополита и для избра-

---

[1]) Евген. Описан. Кіево-Соф. собора стр. 197.

[2]) Соловьева Истор. Рос. т. XIV стр 26.

[3]) № VI стр. 43.

[4]) Устрялова Ист. Петра великаго т. I прим. 66 стр. 291

нія ему преемника. [1]) Кромѣ всего этого весьма много говорило въ пользу Четвертинскаго и послѣднее время его жизни въ Польшѣ, когда онъ былъ защитникомъ православія и много претерпѣлъ за свою преданность вѣрѣ. Само малороссійское духовенство восточной стороны Днѣпра сознавало, что это былъ первый кандидатъ для занятія престола кіевской митрополіи. »Епископу Барановичу, говорилъ гетманъ Самойловичъ, и то нелюбо, что епископъ луцкій пріѣхалъ сюда, въ Малороссію, говоритъ: »развѣ его митрополитомъ кіевскимъ сдѣлать, а то другаго ему мѣста нѣтъ». [2])

Кромѣ личныхъ достоинствъ и заслугъ Четвертинскій былъ первымъ кандидатомъ на митрополію еще болѣе потому, что былъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ гетману Самойловичу. Самойловичь давно уже желалъ породниться съ родомъ Четвертинскихъ и выдать свою дочь за одного изъ князей Четвертинскихъ. Это дѣло не состоялось только потому, что московское правительство предложило Самойловичу выдать свою дочь за одного изъ московскихъ вельможъ — Ѳедора Петровича Шереметьева [3]). За этимъ человѣкомъ дочь Самойловича была не особенно счастлива, и онъ долго сожалѣлъ, что не выдалъ ее за Четвертинскаго. [4]) А потомъ, когда умеръ Шереметьевъ, тотчасъ же исполнилъ свое давнишнее желаніе. [5]) Потому-то, можетъ быть, Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій, епископъ луцкій, оставивъ луцкую епископію, явился въ Батуринъ къ

---

[1]) Лѣтоп. С. Велички т. II стр. 78.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 26.

[3]) Бантышъ-Каменскаго Ист. Малорос. т. II стр. 156.

[4]) Соловьева Истор. Рос. т. XIV стр. 19.

[5]) Бантышъ-Каменскаго Ист. Малор. т. II стр. 173.

гетману; онъ вполнѣ могъ расчитывать на протекцію Самойловича.

Наконецъ Гедеонъ Четвертинскій угоденъ былъ по своей покорности и московскому правительству. Когда былъ въ 1684 году въ Малороссіи дьякъ Украинцевъ, Самойловичь рекомендовалъ ему Четвертинскаго—какъ человѣка добраго и смирнаго, который никакой власти не желаетъ. [1]) Украинцевъ былъ и у самого Четвертинскаго, спрашивалъ его о замыслахъ и поведеніи короля польскаго, спрашивалъ для чего онъ, епископъ, пріѣхалъ въ малороссійскіе города, давно-ли онъ поставленъ во епископы, кѣмъ и гдѣ? На всѣ эти вопросы Четвертинскій отвѣчалъ съ полною откровенностью, безъ всякой хитрости. [2]) Вѣроятно даже, что у Четвертинскаго уже было намѣреніе отправиться въ Москву, чтобы засвидѣтельствовать преданность патріарху, но Украинцевъ, находя Четвертинскаго, по видамъ московскаго правительства, весьма годнымъ для занятія каѳедры митрополита въ Кіевѣ, совѣтовалъ гетману Самойловичу не пускать его въ Москву до тѣхъ поръ, пока состоится соборъ, для избранія въ Кіевъ митрополита. [3]) Вмѣсто личнаго представленія патріарху, Четвертинскій тогда-же, въ ноябрѣ 1684 года, послалъ ему письмо, [4]) въ которомъ, увѣдомляя о причинахъ своего бѣгства изъ Польши, препосылаетъ смиренное поклоненіе патріарху и изъявляетъ полную покорность московскимъ царямъ. На это письмо Четвертинскаго от-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 26.

[2]) Ibid. стр. 25.

[3]) Ibid. стр. 26.

[4]) № VI стр. 43—44.

вѣчали и цари и патріархъ. Патріархъ въ своемъ письмѣ [1]) очень ласкалъ Четвертинскаго, одобрялъ его за то, что онъ не пожелалъ предать вѣры, но рѣшился луше Авраамски и Моусейски отъ своихъ сущихъ странствовати, и посылалъ ему въ подарокъ 10 рублей. Въ генварѣ 1685 года, пріѣхавшій отъ гетмана посолъ—писарь Василій Кочубей, привезъ новое доказательство покорности Гедеона. Кочубей объявилъ въ Москвѣ о Гедеонѣ, что онъ былъ очень боленъ, едва не умеръ; болѣзнь приключилась ему съ того времени, какъ пріѣхалъ его священникъ изъ Москвы и привезъ ему царскую грамоту, въ которой епископъ не былъ названъ княземъ, тогда какъ король польскій въ своихъ грамотахъ всегда называлъ его княземъ: епископъ человѣкъ мнительный, ему показалось, что на него за что нибудь государскій гнѣвъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кочубей снова спрашивалъ, можно-ли епископу пріѣхать въ Москву, поклониться великимъ государямъ [2]).

Между тѣмъ дѣло объ избраніи митрополита въ Кіевъ имѣло такой ходъ: Украинцеву, пріѣзжавшему въ Малороссію осенью 1684 года, между прочимъ приказано было поговорить объ этомъ дѣлѣ съ гетманомъ, и онъ имѣлъ объ этомъ особенный разговоръ съ Самойловичемъ. »Я всегда этого желалъ, и хлопоталъ, сказалъ Самойловичъ, чтобъ въ Малой Россіи на кіевскомъ престолѣ былъ пастырь. Духъ св. вліялъ въ сердца великихъ государей и сестры ихъ, что прислали они тебя съ указомъ объ этомъ дѣлѣ. Я стану около этаго дѣла радѣть и промышлять, съ духовными и мірскими людьми совѣ-

[1]) № VII стр. 44—45.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 28.

товать, а думаю, что инымъ малороссійскимъ духовнымъ будетъ это нелюбо. Знаю я подлинно, что это дѣло нелюбо будетъ архіепископу Черниговскому (Лазарю Барановичу) [1].» Но Самойловичу удалось скоро склонить духовенство къ согласію на это дѣло. Кочубей, бывшій въ Москвѣ въ генварѣ 1685 года, привезъ въ Москву отвѣтныя грамоты къ Самойловичу отъ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, также отъ кіево-печерскаго архимандрита, Варлаама Ясинскаго и другихъ игуменовъ кіевскихъ монастырей: всѣ благословляли мысль великихъ государей дать пастыря первѣйшей русской митрополіи [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ просилъ совершеннаго наставленія, какое чинить духовному чину предложеніе относительно избранія митрополичьяго?

Съ отвѣтомъ гетману поѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ въ февралѣ мѣсяцѣ окольничій Неплюевъ. Чрезъ него московское правительство приказывало Самойловичу «совѣтовавъ съ духовными всѣхъ малороссійскихъ городовъ, съ старшиною генеральною войсковою и со всѣми полковниками, выбирать мужа въ божественномъ писаніи искуснаго, тихаго и разумнаго изъ тамошнихъ природныхъ обывателей, а не изъ пріѣзжихъ; а какъ тому митрополиту поступить и какое послушаніе оказывать святѣйшему Киръ Іоакиму, патріарху московскому и всея руси и его преемникамъ, какъ судить, по какимъ причинамъ и тягостямъ власть константинопольскаго патріарха отложить, въ какомъ почитаніи гетмана, старшину и все войско запорожское имѣть, и о всякихъ церковныхъ дѣлахъ писать къ св. патріарху московскому, а къ св. константинопольскому

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 26.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 28.

патріарху ни о чемъ не писать и не посылать, причитанія никакого къ нему не имѣть, подъ послушаніемъ у него не быть и изъ подъ его паствы, за растояніемъ дальнаго пути, совершенно отстать, потому что прежнее отлученіе и благословенство константинопольское нанесено было завистію и рвеніемъ непріятельскимъ, особенно въ нынѣшнія времена отъ богоотступника уніята епископа Львовскаго Іосифа Шумлянскаго и другихъ подобныхъ ему, на развращеніе церкви божіей, отъ чего выросли многіе расколы и паденіе церкви въ Руси Красной и на Волыни, и въ другихъ мѣстахъ: кіевскому митрополиту имѣть у себя въ области духовныхъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ; по степени кіевской митрополіи быть первою между россійскими митрополіями: обо всемъ этомъ написать статьи со всякою крѣпостію и осторожностію, подписать ихъ митрополиту и всему освященному собору, также гетману, старшинѣ, всѣмъ полковникамъ, ясауламъ и сотникамъ и печатями укрѣпить, и новоизбраннаго митрополита для архипастырскаго рукоположенія отпустить въ Москву.» [1])

Между тѣмъ съѣздъ для избранія митрополита былъ уже назначенъ въ Кіевѣ, при Софійскомъ соборѣ. Гетманъ сообщилъ Неплюеву, что онъ уже послалъ отъ себя въ Кіевъ для присутствія на выборахъ войсковаго есаула Ивана Мазепу и четырехъ полковниковъ. [2]) Эти полковники были: Василій Борковскій, полковникъ черниговскій, Леонтій Полуботокъ, полковникъ переяславскій, Григорій Карповъ, полковникъ кіевскій. Іаковъ Жураковскій, полковникъ нѣжинскій. Кромѣ того у нихъ были еще товарищи. [3]) Гораздо менѣе было на соборѣ представителей духовенства, чему главною виною былъ,

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 29—30.
[2]) Ibid.
[3]) № XXIV стр. 65.

кажется, Лазарь Барановичъ. Видя невозможность идти противъ гетмана, Барановичъ по видимому уступилъ ему и разослалъ отъ себя универсалы духовенству, чтобы были на соборѣ Кіевскомъ. [1]) Это вѣроятно, ввело въ заблужденіе гетмана и онъ докладывалъ Неплюеву, что духовенство не будетъ противиться подчиненію кіевскаго митрополита московскому патріарху. [2]) Но, хотя и разосланъ былъ Барановичемъ универсалъ, однако ни онъ самъ и никто изъ черниговской епархіи на соборѣ не былъ. Не былъ архимандритъ новгородскій, не былъ архимандритъ черниговскій и другіе представители малороссійскаго духовенства; не былъ на соборѣ кіевскомъ и самъ Гедеонъ Четвертинскій. [3])

При такихъ обстоятельствахъ результатъ выбора можно было предугадывать. Хотя Самойловичь, въ одномъ письмѣ своемъ къ Голицыну, высказывалъ, что, отправляя въ Кіевъ Мазепу съ товарищами, онъ далъ имъ наказъ ни подъ какимъ видомъ не объявлять, кого желаетъ гетманъ въ митрополиты, а только прислушиваться, къ кому будетъ духовенство желательно, и кого изберутъ—этого избранія не разорять» [4]); но, такъ какъ на соборѣ представителей гетмана было много, а представителей духовенства мало, то, очевидно, долженъ былъ быть избранъ человѣкъ, предназначенный гетманомъ. Дѣйствительно, на каѳедру кіевской митрополіи единогласно былъ избранъ Гедеонъ—Святополкъ князь Четвертинскій, епископъ луцкій и острожскій.

---

[1]) № XII стр. 57.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 30.

[3]) № XII стр. 56—57.

[4]) Соловьева т. XIV стр. 31.

Съ собора отправлены были къ Четвертинскому послы, съ увѣдомленіемъ объ этомъ избраніи: игуменъ Выдубецкаго монастыря Θеодосій Углицкій и игуменъ Переяславскаго монастыря Іеронимъ Дубина съ двумя протопопами. [1] Что отвѣчалъ Четвертинскій этимъ депутатамъ? «Нареченный митрополитъ, говоритъ Аскоченскій, опытно свѣдавъ слабость и медленность патріарховъ восточныхъ въ защищеніи православія, при первомъ же актѣ избранія своего изъявилъ желаніе принять жезлъ архипастырскій не отъ кого другаго, какъ отъ московскаго патріарха.» [2])

По этому случаю, говоритъ М. А. Максимовичъ, въ іюнѣ (8 іюля?) мѣсяцѣ былъ новый соборъ въ Кіевѣ, на которомъ противъ посвященія Гедеона въ Москвѣ протестовалъ многоученый Варлаамъ Ясинскій. Вмѣстѣ съ Ясинскимъ и другіе, бывшіе на соборѣ, изложили свой протестъ въ листахъ, посланныхъ съ этого собора къ гетману Самойловичу. Въ этихъ листахъ бывшіе на соборѣ объявляютъ, что они не имѣютъ права окончательно рѣшить дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху и довольно ясно высказываютъ, что они очень не желаютъ, чтобы оно устроивалось. [3])

Прежде всего въ этомъ протестѣ бывшіе на соборѣ въ четырехъ пунктахъ доказываютъ, что не считаютъ себя обязанными и не могутъ устроить этаго дѣла, и объективно разсуждаютъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могли быть, если бы они согласились на подчиненіе. Не считали они себя обязанными рѣшать это дѣло во 1-хъ на томъ основаніи, что не было приказанія ни

[1]) № XXVII стр. 83.
[2] Аскоченскаго Кіевъ съ его училищемъ академіею т. II стр. 236.
[3]) Кіевск. Епарх. Вѣд. 1865 г. № 7 стр. 270.

со стороны царя, ни со стороны гетмана думать объ этомъ дѣлѣ, а сказано было объ этомъ какъ то глухо. [1]) Во 2-хъ не считали они себя въ правѣ рѣшать это дѣло на томъ основаніи, что не было главныхъ представителей духовенства на соборѣ. »Они, конечно, могли бы на насъ свалить вину, если бы мы что нибудь рѣшили противное ихъ мыслямъ. Поэтому-то этотъ соборъ не силенъ рѣшать такого дѣла, которое подлежитъ всей церкви.» Въ 3-хъ не считали они себя въ правѣ рѣшать это дѣло потому, что, по ихъ мнѣнію, рѣшеніе его исключительно принадлежитъ константинопольскому патріарху. »Тотчасъ безъ сомнѣнія отлучимся отъ константинопольскаго патріарха, исконнаго отца своего, говорили они, когда собственными глазами увидимъ, и ушами услышимъ, что царегородскій патріархъ согласенъ уступить свои права патріарху московскому, а теперь, пока еще не выправлена эта уступка, боимся отступать отъ исконнаго отца нашего, патріарха константинопольскаго, чтобы не подпасть клятвѣ, потому что развѣ это приличное дѣло дѣтямъ отрекаться отъ отца своего?» Наконецъ, въ 4-хъ бывшіе на соборѣ отказывались рѣшать дѣло о подчиненіи на томъ основаніи, что отъ этого могутъ выйти весьма вредныя послѣдствія для православныхъ, живущихъ въ польскихъ областяхъ. «Если мы откажемся отъ константинопольскаго патріарха, говорили они, «и отдадимся московскому, то польское правительство будетъ имѣть больше возможности склонить православныхъ, которые тамъ живутъ, къ уніи. Ука-

[1]) Очевидно, что, благодаря такой неопредѣленности приказанія, въ первое засѣданіе собора и вовсе не было сужденія о подчиненіи, а было только разсужденіе объ избраніи митрополита; но отвѣтъ Четвертинскаго заставилъ теперь избирателей разсуждать о подчиненіи.

зывая на насъ, польское правительство можетъ сказать тамошнимъ православнымъ: «если тѣ добровольно отказались отъ послушанія константинопольскому патріарху, то почему не можете поступить также и вы?» Указываемая опасность, дѣйствительно, въ то время была очень велика: склонивъ въ унію представителей духовенства, Шумлянскаго и другихъ, польское правительство для распространенія уніи дѣйствовало очень энергично, и между прочимъ, какъ и прежде, заботилось объ уничтоженіи всякихъ отношеній православныхъ къ константинопольскому патріарху. Въ 1676 году запрещено было православнымъ, подъ смертною казнію съ конфискаціею имущества, входить съ патріархомъ въ какія бы то ни было сношенія [1]). Вмѣсто того, какъ выше уже было замѣчено, предполагали устроить на сѣверо-западѣ особаго патріарха для православныхъ.

Въ пятомъ пунктѣ своего листа къ гетману, бывшіе на соборѣ высказали субъективную причину своего нежеланія, чтобъ дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріархату устроилось, именно: опасеніе, что малороссійская церковь лишена будетъ чрезъ это многихъ привиллегій, которыми пользовалась доселѣ. Такъ какъ избранный митрополитъ, Гедеонъ Четвертинскій, былъ, такъ сказать, главнымъ виновникомъ того, что нужно было рѣшать дѣло о подчиненіи, то избиратели прежде всего старались поставить на видъ, какихъ привиллегій долженъ будетъ лишиться чрезъ подчиненіе собственно митрополитъ. «Въ статьяхъ», говорили они, (разумѣя, вѣроятно, отвѣтъ, данный московскимъ правительствомъ

---

[1]) Флерова О православныхъ церковныхъ братствахъ стр. 60.

на вопросъ гетмана о томъ, какъ устроять дѣло о избраніи митрополита) «готовая неволяя сно выражена, потому-что тамъ сказапо, что митрополитъ кіевскій долженъ имѣть только такія же права, какъ прочіе митрополиты московскіе, а извѣстно, что московскіе митрополиты далеко не имѣютъ тѣхъ правъ, какими пользовались митрополиты кіевскіе». Кіевскій митрополитъ, дѣйствительно, и въ служеніи и по титулу имѣлъ права сходныя съ самимъ патріархомъ московскимъ и далеко превышающія права въ этомъ отношеніи митрополитовъ московскихъ. Патріархъ московскій имѣлъ титулъ «всея россіи», также точно и митрополитъ кіевскій. Патріархъ въ богослуженіи, въ отличіе отъ митрополитовъ, имѣлъ митру съ крестомъ, на верху ея водруженнымъ, а въ путешествіи предшествовалъ ему крестъ, а послѣдовалъ жезлъ. Митрополитъ кіевскій имѣлъ также крестъ на митрѣ и предъ нимъ въ путешествіи также носили крестъ. Это право ношенія креста подтверждено было даже грамотою польскихъ королей [1]. Очевидно, что эти привиллегіи могли быть отняты у кіевскихъ митрополитовъ со времени подчиненія ихъ московскому патріархату, потому что сохраненіе ихъ было бы въ нѣкоторомъ родѣ умаленіемъ патріаршаго достоинства. Кромѣ отнятія этихъ внѣшнихъ знаковъ отличія, подчиненіе кіевской митрополіи повлекло бы за собою полнѣйшее уничтоженіе той независимости, какою пользовался кіевскій митрополитъ въ то время. Кіевскіе митрополиты избирались вольными голосами и, будучи такимъ образомъ избраны многими, въ частности никому не были въ этомъ обязаны, и никому не должны были за то подчиняться. Въ Москвѣ же избраніе митрополитовъ зависѣло главнымъ образомъ отъ воли.

[1]) Костомарова Монографіи т. X стр. 208.

царя и патріарха. Хотя въ чинѣ избранія архіереевъ, утвержденномъ при патріархѣ Іоакимѣ, самое избраніе кандидатовъ для занятія вакантной архіерейской каѳедры предоставляется собору архіереевъ, но право окончательнаго утвержденія одного изъ этихъ кандидатовъ предоставляется исключительно патріарху [2]). Назначенный такимъ образомъ патріархомъ, отъ него же принималъ и посвященіе, давая при этомъ, вмѣстѣ съ архіерейскою присягою, обѣщаніе полнѣйшаго послушанія патріарху. Въ этомъ отношеніи не было различія между митрополитами и епископами: всѣ они находились въ одинаково подчиненномъ патріарху положеніи. Отличіе митрополита отъ епископовъ состояло исключительно только во внѣшнихъ правахъ при священнослуженіи. Восточные патріархи, между прочимъ, замѣчая это безправіе митрополитовъ, предлагали дать митрополитамъ право управлять епископами сосѣднихъ епархій. Туже мысль о епископахъ предлагалъ собору 1682 года царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Но въ оба раза предложеніе о подчиненіи епископовъ митрополитамъ не признано полезнымъ для русской церкви. Кіевскій митрополитъ, подчинясь московскому патріарху, конечно, долженъ былъ также получать утвержденіе и посвященіе отъ самаго патріарха и оказывать ему во всемъ полнѣйшее повиновеніе, какъ всѣ московскіе митрополиты. Вольное избраніе митрополита вольными голосами съ тѣхъ поръ естественно должно было быть отмѣнено. Далѣе, это подчиненіе кіевскаго митрополита московскому патріарху влекло за собою весьма тяжелую подсудность кіевскаго митрополита патріарху. Находясь въ подчиненіи константинопольскому патріарху, митро-

[1]) Рукоп. Кіево-печ. лавры № 35.

[2]) Филарета Ист. Рус. Цер. пер. VI стр. 16—17.

политъ кіевскій могъ распоряжаться въ своей епархіи совершенно по собственному усмотрѣнію и никакихъ доносовъ на его рѣшеніе не бывало, особенно въ дѣлахъ, не имѣющихъ отношенія къ вѣрѣ, въ дѣлахъ по управленію. Не то могло быть при подчиненіи патріарху московскому; «въ Москвѣ о и меньшихъ дѣлахъ бываютъ апелляціи на митрополита къ суду патріарха». Московскій патріархъ, дѣйствительно, имѣлъ обыкновеніе вмѣшиваться въ дѣла митрополитовъ по управленію. При тогдашнемъ состояніи Малороссіи, когда и въ духовенствѣ, и въ козачествѣ было распространено стремленіе искать возвышенія посредствомъ интригъ, доносы на митрополита патріарху были бы весьма возможны, если бы они были узаконены. Поэтому, даже во время Богдана Хмѣльницкаго, договоръ о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху состоялся единственно съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы патріархъ московскій въ суды митрополита кіевскаго не вмѣшивался.

Наконецъ принявъ подчиненіе московскому патріарху, кіевскіе митрополиты должны были принять на себя одну непріятную обязанность—путешествовать въ Москву по вызову патріарха. Въ Москвѣ тогда организовалось нѣчто въ родѣ соборнаго правленія. Патріархъ по очереди вызывалъ митрополитовъ изъ ихъ епархій въ Москву и вмѣстѣ съ ними разсуждалъ о дѣлахъ патріархата. Между прочимъ попытка вызывать митрополита и епископовъ изъ южной руси въ Москву бывала и прежде со временъ Богдана Хмѣльницкаго. Такъ, Сильвестръ Коссовъ, и Діонисій Балабанъ, и Іосифъ Тукальскій, кіевскіе митрополиты, получали приглашеніе побывать въ Москвѣ. Такимъ же оффиціальнымъ приглашеніемъ вызваны были въ Москву мѣстоблюстители престола: Лазарь Барановичъ и Меѳодій, епископъ мсти-

славскій. А между тѣмъ лично ѣздить на поклонъ для посвященія или для присутствія въ синодѣ къ константинопольскому патріарху кіевскіе митрополиты давно уже не имѣли обыкновенія.

Наконецъ духовенство, бывшее на соборѣ, указывало на то, что съ подчиненіемъ кіевской митрополіи московскому патріарху возможно ожидать уничтоженія самыхъ полезныхъ учрежденій, бывшихъ доселѣ подъ вѣдѣніемъ кіевскаго митрополита: типографіи и кіево-братской школы, потому что въ московскомъ патріархатѣ ни одинъ митрополитъ не имѣетъ права завести типографію или училище. Дѣйствительно, при той ересебоязни, которая существовала въ Москвѣ, законы о печати, такъ сказать, были въ высшей степени строги, и единственный печатный дворъ въ Москвѣ былъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ патріарха [1]). Потому опасеніе духовенства было вполнѣ основательно. Хотя доселѣ московское правительство не только не препятствовало, но даже содѣйствовало развитію типографій на югѣ, и Лазарю Барановичу, епископу черниговскому, позволило завести свою типографію въ Черниговѣ [2]); но то было время, когда московское правительство нуждалось въ малорусскомъ духовенствѣ, и не то могло быть, когда дѣло о подчиненіи было бы уже кончено и московскіе патріархи стали примѣнять общіе принципы къ управленію митрополіей. А между тѣмъ для малороссовъ было въ высшей степени священнымъ это право имѣть типографіи. Дѣло заведенія типографій было одобрено восточными патріархами. Благодаря типографіямъ распространялись въ большемъ количествѣ экземпляровъ сочиненія, воодушевлявшія пра-

---

[1]) Филарета Ист. Рус. Церкви пер. IV стр. 12.

[2]) Письма Барановича стр. 203—204.

вославныхъ къ борьбѣ съ уніею, и такимъ образомъ благодаря типографіямъ успѣшно поддерживалось православіе на югѣ Россіи. Потребность отражать нападенія іезуитовъ была и во 2-й половинѣ XVII в. Лазарь Барановичъ съ Іоанникіемъ Голятовскимъ писали обширныя сочиненія противъ Боймы и другихъ іезуитовъ и горячо заботились о томъ, чтобы эти сочиненія были напечатаны. Поэтому мысль о великомъ значеніи типографій была весьма сильна въ это время. Лазарь Барановичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ печерскому архимандриту, побуждая его спѣшить дѣломъ изданія книгъ, говоритъ въ заключеніе: «пускай себѣ завистники терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею» [1]. Между тѣмъ нельзя было расчитывать на московскую патріаршую типографію, что сочиненія южно-русскихъ ученыхъ будутъ издаваться въ ней очень скоро. Лазарь Барановичъ, отправившій въ Москву свои сочиненія «Трубы словесъ» и «Лиру Аполлонову» для напечатанія, горько жаловался потомъ, что въ Москвѣ «трубы не скоро трубятъ, а Аполлонъ не играетъ.» [2]) Кромѣ такого значенія типографій для поддержанія православія, типографія Кіево-печерской лавры приносила не мало и матеріальныхъ выгодъ, такъ что архимандриты лавры считали ее почти главнымъ источникомъ доходовъ лавры. [3]) Что касается до уничтоженія школъ послѣ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, то и того ожидать было очень

[1]) Письма Барановича стр. 50.
[2]) Письма Барановича стр. 93.
[3]) № CXIV стр. 363.

возможно. Хотя восточные патріархи и совѣтовали поставлять въ обязанность каждому новопосвященному въ Москвѣ митрополиту или епископу заводить школы, но патріархи московскіе не были особенно расположены настаивать и слѣдить за выполненіемъ епископами этой обязанности, а потому, въ дѣйствительности школъ у митрополитовъ московскихъ не было. Что же касается въ частности Малороссіи, то московское правительство могло имѣть желаніе, чтобы тамъ менѣе распространялись школы, подобныя Кіево-братской. Московское правительство охотно вѣрило доносу Брюховецкаго, что духовенство очень способно интриговать въ политическихъ дѣлахъ отъ іезуитской своей науки и когда Брюховецкій отъ имени духовенства просилъ позволенія завести школу, то получилъ въ отвѣтъ, что лучше было бы ихъ не заводить. [1]) Подобнымъ же образомъ неодобрительно смотрѣли на южно-русскую ученость братской школы и представители сѣверно-русской церкви, находя въ ней весьма много еретическаго, хотя до нѣкотораго времени и сдерживались въ сужденіи объ ней, потому что въ силѣ былъ въ Москвѣ одинъ изъ представителей этой учености—Симеонъ Полоцкій. Теперь Полоцкаго не было и неободрительные взгляды на южно-русскую ученость высказывались откровеннѣе. Въ Москву ученыхъ русскихъ не вызывали и сочиненія ихъ находили полными ересей. [2]) Патріархъ Іоакимъ, хотя самъ получилъ образованіе въ Кіево-могилянской коллегіи, вполнѣ раздѣлялъ такое, господствовавшее въ Москвѣ, неблагосклонное отношеніе къ южно-русской учености. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что подчиненіе

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XI стр. 213.

[2]) Филарета Ист. Рос. періодъ IV стр. 107 эпоха 1869 г. кн. I статья Образцова: «Кіевскіе ученые въ великороссіи».

кіевской митрополіи московскому патріарху могло имѣть весьма гибельныя послѣдствія для процвѣтанія малорусскихъ школъ. А между тѣмъ представители южно-русской церкви очень дорожили Кіево-могилянскою коллегіей и стѣсненіе правъ на образованіе, такъ сказать, тѣмъ болѣе могло показаться имъ тяжелымъ при подчиненіи московскому патріарху, что будучи подъ польскимъ владычествомъ они не разъ получали привиллегіи на основаніе и поддержаніе школъ и въ этомъ отношеніи были совершенно свободны.

Въ другомъ письмѣ [1]) къ гетману лица, бывшіе на соборѣ въ Кіевѣ, указывали, что въ случаѣ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху въ ней могутъ быть введены такіе же порядки, какъ и въ митрополіи Бѣлогородской, и представляли списокъ тѣхъ измѣненій, какія послѣдовали въ Бѣлогородской митрополіи послѣ подчиненія ея московскому патріарху. Какъ нѣкогда при Брюховецкомъ кіевское духовенство, въ образецъ того, какіе стѣснительные порядки могутъ быть при управленіи московскимъ патріархомъ, указывало на смоленскую митрополію, такъ теперь указывало оно на бѣлогородскую. Дѣйствительно бѣлогородская епархія, управлявшаяся нѣкоторое время по образцу епископій южно-русскихъ, скоро московскимъ патріархомъ была переформирована по образцу митрополій московскихъ. Это случилось по политическимъ обстоятельствамъ. Въ бѣлогородскую сторону со времени Хмельницкаго во множествѣ перебѣгали съ западной стороны Днѣпра притѣсняемые панами малороссійскіе крестьяне, отдаваясь во власть московскаго царя. Поселяясь здѣсь они служили весьма важнымъ опло-

[1]) № XII стр. 59—61.

томъ для охраненія московскихъ предѣловъ отъ нашествій татаръ и турокъ. Понятно, какъ важна была для московскаго правительства преданность здѣшнихъ жителей. Поэтому лучшіе люди московскіе назначались въ воеводы бѣлогородскіе. Такъ нѣкоторое время былъ здѣсь воеводою князь Ромодановскій. [1]) Точно также для московскаго правительства важно было и въ духовномъ отношеніи подчинить бѣлогородскую сторону московскому патріарху. И вотъ, по предложенію восточныхъ патріарховъ, московскій патріархъ устроилъ въ бѣлогородской странѣ митрополію, отдѣливъ къ ней даже часть изъ собственной епархіи. [2]) Принявши подъ свое вѣдѣніе бѣлогородскую митрополію, и отдавши часть своей епархіи для увеличенія ея средствъ, патріархъ скоро сталъ назначать въ нее людей, ему вполнѣ преданныхъ. Такъ напримѣръ, вторымъ митрополитомъ бѣлогородскимъ былъ Мисаилъ, переведенный изъ епископовъ коломенскихъ, а третьимъ Авраамій, назначенный на бѣлогородскую митрополію изъ архимандритовъ московскаго Андроніева монастыря [3]) Эти митрополиты бѣлогородскіе, Мисаилъ и Аврамій, охотно вводили въ бѣлогородскую митрополію московскіе порядки. На такіе новые порядки въ бѣлогородской епархіи и указывало духовенство, бывшее въ Кіевѣ на соборѣ, въ доказательство того, что возможно ожидать большихъ перемѣнъ въ кіевской митрополіи послѣ ея подчиненія московскому патріарху.

На какія же перемѣны въ бѣлогородской митрополіи особенно духовенство указывало? Нельзя было указать на то что положеніе бѣлогородскаго митрополита было худо, указать на стѣ-

[1]) Маркевича Ист. Малор. т. II стр. 175.
[2]) Филарета Ист. Рус. церкви. пер. IV стр. 11.
[3]) Амвросія Исторія іерархіи т. I стр. 171.

сненія, какія пертерпѣвалъ представитель бѣлогородской епархіи. Напротивъ, кіевское духовенство возмущалось тѣмъ, что митрополиты бѣлогородскіе слишкомъ много власти имѣютъ надъ низшимъ духовенствомъ и низшее духовенство терпитъ большія стѣсненія. Кіевскому духовенству, бывшему на соборѣ, казалось несправедливымъ, что въ бѣлогородской митрополіи уничтожена прежняя свобода священниковъ: «безмѣстные священники не могутъ безъ перехожей грамоты архіерейской служить, а дьячки дьяковать; приходскіе священники не могутъ по своей волѣ отставлять своихъ викаріевъ и другихъ викаріевъ принимать, потому что всѣ духовныя мѣста зависятъ отъ митрополита.« Указывали на то, что митрополитъ бѣлогородскій, имѣя въ своемъ распоряженіи замѣщеніе церковно-служительскихъ мѣстъ, даетъ ихъ тѣмъ, кто больше дастъ подкупа и для выгоды наставилъ въ каждомъ городѣ протопоповъ и десятильниковъ, которые въ свою очередь берутъ дани съ поповъ и съ мірскихъ людей. Съ поповъ берутъ церковную дань по количеству дворовъ въ ихъ приходѣ, для чего сдѣлано самое подробное изслѣдованіе, сколько въ каждомъ приходѣ жителей; кромѣ этого бываютъ и другіе поборы съ священниковъ: «слуги архіерейскіе по попамъ съ нерпачами ѣздятъ. Берутъ и съ другихъ членовъ клира: дьячки, пономари, ктиторы подводы одбываютъ, дань роковую даютъ архіерею. Кромѣ того получаетъ митрополитъ и съ мірянъ въ извѣстныхъ случаяхъ дань: кто утонетъ, кого громъ убьетъ или кто наглою умретъ смертью, платятъ за то по гривнѣ митрополиту. Всѣ эти поборы собираются съ особенною жестокостію. Безъ всякаго уваженія наказываютъ духовныхъ лицъ и въ томъ случаѣ, если они хотя и въ маломъ чемъ провинятся.

священника вольно шелепами, рубаху снявши, бить, также поступают и съ лицами высшаго духовнаго сана. Кромѣ печальнаго положенія духовенства въ бѣлогородской митрополіи, указывалось и на то, что въ ней совершенно измѣнены церковные обряды: антиминсы съ престоловъ сняты и даны патріаршіе; церковно-богослужебныя книги кіевскія велѣно отложить, а присланы московскія; церковное пѣніе и служеніе отмѣнено, а все по московски поставлено; дѣтей велѣно священникамъ не поливать, а погружать, и многіе священники, не привыкшіе къ этому обычаю, многихъ дѣтей потопили.

Такія были причины, по которымъ кіевское духовенство не желало подчиниться московскому патріарху.

По поводу кіевскаго собора гетманъ и Гедеонъ Четвертинскій написали донесенія въ Москву и послали ихъ вмѣстѣ съ депутатами собора—Ѳеодосіемъ (Углицкимъ), игуменомъ Выдубецкимъ, и Іеронимомъ Дубиною, игуменомъ Переяславскимъ. Вмѣстѣ съ этими депутатами послалъ Самойловичъ и отъ своего гетманскаго начала особу—Савву Прокоповича, писаря войсковаго, съ товариствомъ. Въ письмахъ царю и патріарху [1]) гетманъ отъ своего имени и отъ духовенства просилъ, чтобы послано было изъ Москвы посольство въ Константинополь къ патріарху съ большою посылкою и просьбою, чтобъ константинопольскій патріархъ прислалъ свое согласіе на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ просилъ, чтобы соблюдены были права и преимущества кіевской митрополіи. Но наиболѣе сочувствуя новоизбранному кіевскому митрополиту, чѣмъ вообще духовенству,

---

[1]) №№ XIII—XV стр. 62—80.

гетманъ ходатайствовалъ не о томъ, чтобы не было никакихъ перемѣнъ относительно низшаго духовенства кіевскаго, а исключительно о томъ, чтобы соблюдены были неприкосновенными права и привиллегіи кіевскаго митрополита. Въ этомъ случаѣ онъ желалъ даже болѣе, чѣмъ желало духовенство, бывшее на соборѣ въ Кіевѣ. Отъ своего лица и отъ лица духовенства онъ просилъ, чтобы оставлено было митрополиту прежнее облаченіе: митра съ крестомъ и предношеніе креста, просилъ, чтобы избраніе кіевскаго митрополита по прежнему совершалось вольными голосами, чтобы по прежнему дозволено было имѣть въ кіевской митрополіи типографіи и заводить школы, и о томъ, наконецъ, чтобы митрополитъ кіевскій принималъ только посвященіе отъ патріарха московскаго но въ суды кіевскаго митрополита московскій патріархъ не вступался. Въ подтвержденіе послѣдней просьбы Самойловичъ ссылался на статьи договора о подчиненіи митрополіи, бывшаго при Богданѣ Хмельницкомъ и подтвержденнаго при избраніи Юрія. Нельзя было просить только объ одной привилегіи кіевскаго митрополита, изъ указанныхъ духовенствомъ, именно, чтобы онъ назывался по прежнему митрополитомъ всея Россіи. Вмѣсто того, гетманъ просилъ отъ своего имени, чтобы дозволено было кіевскому митрополиту именоваться по прежнему «екзархомъ константинопольскаго трона.» Эту прозьбу гетманъ подкрѣплялъ тѣми соображеніями, что, если кіевскій митрополитъ сохранитъ этотъ титулъ, то ему будутъ повиноваться всѣ православные, не только живущіе въ Малороссіи, но и въ Польшѣ и въ Литвѣ и даже въ Прибалтійскомъ краѣ, потому что доселѣ они всѣ признавали только того настоящимъ кіевскимъ митрополитомъ, кто носилъ этотъ титулъ. Действи-

тельно, предъ этимъ временемъ было иногда по два и по три митрополита кіевскихъ одновременно, но только къ тому изъ нихъ всѣ южнорусскіе православные относились съ одинакимъ уваженіемъ, который титуловался екзархомъ константинопольскаго трона. Далѣе, отъ своего же имени исключительно гетманъ просилъ чтобы тѣ епископіи, архимандритства и братства, которыя были прежде подъ вѣдѣніемъ кіевскаго митрополита, оставались подъ вѣдѣніемъ кіевскаго митрополита и послѣ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Наконецъ просилъ и о матеріальномъ обезпеченіи митрополита, «чтобы села не далеко отъ Кіева на кіевской сторонѣ Днѣпра будучіе, старые митрополическіе маетности, которые позаѣзжалъ Шумлянскій, епископъ луцкій, милостивымъ монаршескимъ попеченіемъ во область преосвященному отцу митрополиту были изысканы, чѣмъ бы его милости могло быть прокормленіе» Гедеонъ Четвертинскій въ своихъ письмахъ къ патріарху Іоакиму и царямъ московскимъ [1]) изъявлялъ прежнюю покорность и, увѣдомляя о своемъ избраніи, предоставлялъ свою судьбу въ полное ихъ распоряженіе. «Каково о томъ будетъ вашего царскаго величества изволѣнія, писалъ онъ, тако сіе дѣло и збытися имѣетъ. Азъ же, аще и не ищу сего, яко немощенъ и недостоинъ есмь, однако же не мощно мнѣ отврещися монаршескаго васъ великихъ государей указу, котораго чрезъ тѣхъ же посланныхъ ожидаю.» Эти письма гетмана и Четвертинскаго, привезенныя въ Москву ихъ посланными во второй половинѣ августа, 25 августа были прочитаны великимъ государямъ и сестрѣ ихъ великой государынѣ. И великіе

---

[1]) №№ XVI и XVII стр. 80—83.

государи указали: совѣтовать объ этомъ дѣлѣ съ патріархомъ, и присланнымъ изъ Малороссіи быть у его архипастырскаго благословенія и на разговорѣ. [1])

Съ великою радостію принялъ патріархъ извѣстіе объ избраніи Четвертинскаго, видя, что давно желаемое имъ дѣло, подчиненіе кіевской митрополіи, исполняется. Но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ вести дальше это дѣло, что отвѣчать гетману и Четвертинскому. Для него необходимо было придать хотя видимую законность своему вмѣшательству въ дѣла кіевской митрополіи, хотя на чемъ нибудь обосновать свое право на это. Самый естественный путь получить это право было послать къ константинопольскому патріарху съ просьбою уступить кіевскую митрополію и ожидать отвѣта. Но этотъ путь почему то не былъ избранъ: можетъ быть потому, что политическія отношенія Россіи къ Турціи не давали возможности послать изъ Москвы посла въ Константинополь; можетъ быть, и это вѣроятнѣе, - боялись, что эта переписка съ константинопольскимъ патріархомъ займетъ очень много времени и очень замедлитъ дѣло о подчиненіи, а между тѣмъ обстоятельства въ Малороссіи и образъ мыслей могутъ измѣниться такъ, что это дѣло уже будетъ невозможнымъ; [2]) можетъ быть, наконецъ, не были увѣрены, что получатъ благопріятный отвѣтъ отъ константинопольскаго патріарха. Какъ бы то ни было, но Іоакимъ рѣшился кончать это дѣло безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Вмѣсто пересылки съ патріархомъ константинопольскимъ, патріархъ Іоакимъ, чтобы представить

[1]) стр. 79.
[2]) стр. 114.

законнымъ свое право на подчиненіе своей власти кіевской митрополіи рѣшилъ поискать для этого основаній въ исторіи русской церкви. Съ этою цѣлію нарочно сдѣлана была выписка изъ лѣтописцевъ о томъ, какіе митрополиты всероссійскіе гдѣ были, а также какимъ образомъ и когда кіевскій митрополитъ особый учинился. [1]) Въ этой выпискѣ изъ лѣтописцевъ сообщалось о томъ, какъ кіевскіе митрополиты перешли жить сперва во Владиміръ, а потомъ въ Москву и, живя въ Москвѣ, обладали Кіевомъ и всею Россіею, а въ Кіевъ посылали своихъ намѣстниковъ; сообщалось, что въ Кіевъ избранъ особый митрополитъ не по каноническимъ правиламъ, а по приказанію литовскаго князя Витовта; сообщалось, что первые отдѣльные митрополиты Кіева были склоняемы къ уніи или были назначаемы уніаты. На основаніи этой выписки изъ лѣтописцевъ патріархъ Іоакимъ отвѣчалъ Самойловичу [2]), что онъ согласенъ избраннаго епископа на престолъ въ кіевскую епархію возвести и благословеніемъ его утвердить во первыхъ потому, что съ самого начала распространенія христіанской вѣры въ Россіи митрополія была одна и повсюду россіяне были въ повиновеніи и послушаніи всероссійскому престолу; во вторыхъ потому, что недавно, когда соборомъ святѣйшихъ восточной церкви всѣхъ патріарховъ устроился въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршескій престолъ, то на соборѣ повелѣно было всѣмъ россійскихъ престоловъ архіереямъ повиноваться патріаршему престолу московскому. Въ письмѣ къ Четвертинскому Іоакимъ приглашалъ его въ Москву для посвященія. [3]) Но относительно про-

[1]) № XX стр. 89—93.
[2]) № XIX стр. 85—88.
[3]) № XVIII стр. 84—85.

симаго сохраненія привиллегій кіевскаго митрополита не встрѣчается ни одного слова въ письмахъ патріарха. Очевидно эти просьбы были для него очень непріятны и потому онъ сдѣлалъ такое умолчаніе. Особенно непріятна была для патріарха просьба о томъ, чтобы митрополитъ кіевскій по прежнему именовался екзархомъ константинопольскаго патріарха. Чтобы ознакомиться съ тѣмъ, какія права давались константинопольскимъ екзархомъ, отыскана была грамота, данная константинопольскимъ патріархомъ Іеремією протосинкеллу Никифору, бывшему въ южной Руси на Брестскомъ соборѣ. [1]) Изъ этой грамоты Іоакимъ увидѣлъ, что константинопольскій патріархъ даетъ особенно важныя права своимъ екзархамъ. Никифоръ по этой грамотѣ долженъ былъ занимать первое мѣсто между всѣми архіереями на всѣхъ соборахъ и при священнослуженіяхъ....

Съ меньшею расчетливостію относились къ этому дѣлу государи московскіе. Очень довольные тѣмъ, что дѣло о подчиненіи близилось къ концу, они въ грамотѣ къ гетману [2]) обѣщали, что всѣ привиллегіи, о которыхъ просилъ гетманъ, будутъ даны. Всѣ эти привиллегіи были перечислены и, послѣ перечисленія говорилось вообще: «всѣ обыкновенія прежнія безъ примѣненія вольно содержати повелѣваемъ, и сею нашею государскою жалованною грамотою обнадеживаемъ и утверждаемъ, и въ томъ быти имъ на нашу государскую милость во всемъ надежнымъ» Только на одну просьбу цари не дали согласія, на просьбу, чтобы кіевскій митрополитъ назывался екзархомъ константинопольскаго патріарха.

Получивши изъ Москвы такія грамоты съ торжественнымъ

[1]) № XXI стр. 93.
[2]) № XXII стр. 93—101.

обѣщаніемъ, что привиллегіи кіевскихъ митрополитовъ будутъ сохранены и съ просьбою, чтобы Четвертинскій ѣхалъ въ Москву для посвященія, гетманъ въ октябрѣ отправилъ Четвертинскаго въ Москву. Съ Четвертинскимъ отправились: игумены Кириловскаго и Подгорскаго монастыря, 3 іеромонаха, іеродіаконъ, діаконъ и протодіаконъ, 2 протопопа и множество шляхты и служителей: всего 45 человѣкъ.

24 октября прибыли они въ Москву и приняты были очень щедро. [1]) Въ день пріѣзда сдѣлано было имъ большое угощеніе, а потомъ, съ 24 числа, опредѣлено было, какое содержаніе пищею должны были они получать ежедневно. Кромѣ пищи и питій и всѣхъ необходимыхъ припасовъ, митрополитъ и его свита получали еще поденное жалованье въ размѣрахъ довольно значительныхъ. Такъ, напримѣръ, митрополитъ ежедневно получалъ по 3 рубля. Соразмѣрно съ этимъ давалось жалованье и лицамъ составлявшимъ свиту митрополита. Такимъ образомъ Гедеонъ прожилъ въ Москвѣ весь октябрь и ноябрь.

Посвященіе Гедеона въ санъ митрополита Кіевскаго было 8-го ноября при торжественномъ служеніи патріарха въ московскомъ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царей. Стоя предъ патріархомъ среди церкви на орлицѣ, и произнося обыкновенную архіерейскую присягу, Гедеонъ давалъ обѣщаніе, что во всемъ будетъ повиноваться московскому патріарху. [2]) «Еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдати.... и послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда отцу моему, великому господину, святѣйшему киръ Іоакиму, патріарху московскому, и всея Россіи, и сѣверныхъ странъ, и аще случится и по немъ благословеніемъ божіимъ будущему святѣй-

---

[1]) Евгенія описаніе Кіево-Соф. собора прилож. № 18, стр. 82—87.
[2]) № XXIII стр. 102—104.

щему патріарху московскому и всея Россіи, и всему преосвященному собору—россійскимъ преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, братіи моей, во всемъ согласну быти и купночину, по божественнымъ закономъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; и любовь духовную вседушно къ нимъ имѣти, и яко братію почитати я.... Аще же, еже обѣщано здѣ мною что преступлю, и отцу моему, святѣйшему кирь Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и по немъ будущимъ святѣйшимъ московскимъ и всея Россіи патріархамъ, и всему священному собору явлюся не послушенъ, или противенъ, или отъ него во особность восхощу отступити и епархію, мнѣ врученную, каковымъ либо образомъ ему, отцу моему, святѣйшему патріарху и всему святому собору въ чемъ непослушну сотворю, и тогда абіе лишенъ буду всего сана своего и власти, безъ всякаго извѣта и слова».... «Во извѣстную же крѣпость и вѣчное утвержденіе, сіе мое во храмѣ первопрестолныя церкве успенія пресвятыя Богородицы, яже въ царствующемъ градѣ Москвѣ, обѣщаніе, подписавъ моею рукою, вручаю отцу моему, великому господину, святѣйшему кирь Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ.«

Послѣ посвященія Гедеонъ получилъ двѣ утвердительныя грамоты на митрополію кіевскую: одну отъ царей, другую отъ патріарха. Такъ какъ цари въ своемъ письмѣ къ гетману, посланномъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, давали обѣщаніе, что всѣ привиллегіи кіевскаго митрополита будутъ ненарушимо сохранены, то и въ грамотѣ, данной Четвертинскому въ декабрѣ, [1])

---

[1]) Евгенія Описаніе Кіево Соф. собора прилож. № XIX стр. 87—95. Ригельмана лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи часть II стр. 180. Собраніе актовъ и договоровъ часть IV стр. 495.

они утверждали за нимъ всѣ привилегіи, о которыхъ было сказано въ грамотѣ сентябрской; такъ что даже по изложенію декабрская грамота была совершенно сходна съ сентябрскою, составляла буквальный ея списокъ. А въ концѣ ея было еще прибавлено о томъ, въ какихъ отношеніяхъ долженъ былъ стоять митрополитъ кіевскій къ гетману. По выраженію грамоты «въ дѣлѣхъ, приключающихся малыя Россіи, какъ въ военныхъ, такъ и въ росправныхъ, воля ему, преосвященному митрополиту, и впредь по немъ будучимъ митрополитомъ кіевскимъ быти не имѣетъ, и вступатись не довлѣетъ, понеже то належитъ отъ насъ великихъ государей, отъ нашего царскаго величества, подданному нашему, гетману Ивану Самойловичу, и впредь по немъ будучимъ гетманамъ. Также и королевства польского въ державу къ духовнымъ особамъ ни къ кому безъ совѣту подданного нашего гетмана Ивана Самойловича, и впредь по немъ будучихъ гетмановъ, ни о какихъ духовныхъ дѣлехъ ему, богомольцу нашему, и впредь будучимъ митрополитамъ не писати и съ ними ссылокъ не имѣти. А когда ему, преосвященному митрополиту, прилучится о приключающихся духовныхъ дѣлехъ, въ тѣхъ странахъ въ благочестіи къ духовнымъ особамъ писати, и о томъ о всемъ ему, преосвященному митрополиту, и по немъ будучимъ митрополитомъ, совѣтовать съ нимъ, подданнымъ нашимъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и по немъ будучими гетманы; а безъ совѣту того не имѣть. А естьлибы къ нему, богомольцу нашему, митрополиту, и впредь по немъ будучимъ митрополитомъ кіевскимъ, изъ странъ польскихъ и литовскихъ и иныхъ съ какими письмы, присланными до него, кто прибылъ, или чрезъ кого, или почтою что донесено будетъ—и ему, богомольцу нашему,

преосвященному митрополиту, и по немъ будучимъ митрополитомъ кіевскимъ, о томъ объявлять и письма присылать къ подданному нашему, гетману Ивану Самойловичу, и впредь инымъ по немъ будучимъ гетманомъ; а ему, подданному нашему, о томъ къ намъ, великимъ государемъ, къ нашему царскому величеству, писать.» Но патріархъ въ своихъ письмахъ къ гетману не давалъ ему никакихъ обѣщаній относительно того, что важнѣйшія привиллегіи кіевскаго митрополита будутъ соблюдены. Поэтому и теперь (въ декабрѣ) въ настольной грамотѣ, данной патріархомъ Гедеону на кіевскую митрополію, [1]) патріархъ распространялся о томъ, по какимъ побужденіямъ и на основаніи какихъ правъ онъ посвятилъ Гедеона въ митрополиты Кіевскіе, какъ совершилось это посвященіе, какъ долженъ онъ своею жизнію показывать примѣръ своимъ пасомымъ и учить ихъ вѣрѣ и благочестію, какъ пасомые должны повиноваться и покоряться ему во всемъ и т. д., но о главныхъ привиллегіяхъ кіевскаго митрополита, о неподсудности его московскому патріарху напримѣръ, онъ въ своей грамотѣ умалчивалъ. Напротивъ, въ этой же грамотѣ патріарха можно замѣтить стремленіе съ его стороны поставить Гедеона въ такое же положеніе, въ какомъ были и другіе московскіе митрополиты. Такъ онъ титулуетъ новопоставленнаго митрополита «митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и малыя Россіи,» и ни разу не называетъ его митрополитомъ всея Россіи. Затѣмъ, попуская Гедеону носить митру съ крестомъ и ношеніе креста предъ нимъ въ своей его епархіи, патріархъ, ради единочества съ протчими россійскими митрополитами,

---

[1]) № XX стр. 95—103 лѣтоп. Величкп т. II стр. 603. Евгенія Описаніе Кіево-Соф. собора прилож. № XX стр. 95—103.

повелѣваетъ носить бѣлый клобукъ, что до сихъ поръ не было въ обыкновеніи у кіевскихъ митрополитовъ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить еще, что въ грамотѣ патріарха не было ни слова о томъ, какія отношенія должны существовать между митрополитомъ кіевскимъ и гетманомъ.

14 декабря Гедеонъ Четвертинскій былъ отпущенъ изъ Москвы причемъ подарена была ему карета, обитая бархатомъ съ различными мѣдными и рѣзными украшеніями и шестерка карихъ лошадей. Соразмѣрно этому получили подарки и лица, составлявшія свиту митрополита, а также и свѣтскія лица, посланныя гетманомъ. [1])

Возвратившись изъ Москвы въ Кіевъ, Четвертинскій послалъ 29 генваря патріарху Іоакиму благодарственное письмо, въ которомъ смиренно молилъ патріарха «вспоминать его и при благословеніи своемъ отеческомъ всегдашнимъ посѣщать наставленіемъ», а самъ давалъ обѣщаніе принимать эти наставленія «честно и любезно, такъ какъ долженъ сынъ отеческія, овца пастырскія почитать велѣнія.» [2]) Но гетманъ, очевидно, былъ недоволенъ тѣмъ, что патріархъ не утвердилъ за Гедеономъ его привилегій, хотя сначала рѣшился игнорировать это и вывелъ только то заключеніе, что не слѣдуетъ обращаться къ патріарху съ просьбами о какомъ бы то ни было дѣлѣ. Посылая въ генварѣ 1686 года сына своего Григорія въ Москву, гетманъ далъ ему письмо къ патріарху, [3]) въ которомъ, благодаря патріарха за посвященіе Четвертинскаго и за благосклонность къ нему, гетману, просилъ благословенія себѣ и сыну своему Григорію, съ которымъ посылалось письмо; но о дѣлахъ, ради

[1]) Евгенія описаніе Кіево-Соф. собора прилож. № 18 стр. 85.
[2]) № XXXII стр. 136—137.
[3]) № XXX стр. 133—134.

которыхъ посланъ былъ въ Москву Григорій, гетманъ и не упомянулъ въ этомъ письмѣ къ патріарху. Равно и Григорій, явившись къ патріарху, ни о чемъ съ нимъ не совѣтовался. «Абіе же сынъ твой, писалъ патріархъ въ отвѣтъ гетману, въ скоромъ времени явилъ намъ отъѣздъ свой изъ царствующаго града Москвы, въ самую сыропустную недѣлю, и мы упражденіе имѣхомъ до службы божія вопросити его по духовной твоей любви въ пространствѣ времени не улучихомъ. О чемъ его пріѣзду въ царствующій градъ Москву и съ Москвы съ чѣмъ къ тебѣ отъѣздъ ни отъ кого не увѣдѣхомъ» [1]) А между тѣмъ Григорію поручены были весьма важныя дѣла, и дѣла такого рода, въ коихъ содѣйствіе патріарха было бы очень умѣстнымъ. Ему поручено было передать мнѣніе гетмана о томъ, на какихъ условіяхъ московскому правительству слѣдуетъ заключить миръ съ поляками, и просьба въ мирныхъ договорахъ съ Польшею выговорить, чтобы православные, живущіе въ польскихъ областяхъ, не терпѣли притѣсненій и принужденія къ уніи. [2]) Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ апрѣлѣ 1686 года, гетманъ нашелъ нужнымъ просить патріарха, [3]) чтобы онъ въ ставленной грамотѣ, данной Гедеону, сдѣлалъ приписку о томъ, что всѣ права и привиллегіи кіевскаго митрополита остаются ненарушимыми, чтобы, такимъ образомъ, грамота его сдѣлалась совершенно сходною съ грамотою, данною царями. Вмѣстѣ съ этою просьбою гетманъ прислалъ патріарху переводъ съ сакръ, данныхъ отъ патріарха константинопольскаго Парѳенія митрополиту Бала-

---

[1]) № XXXI стр. 134—135.

[2]) Бантышъ-Каменскаго Ист. малор. т. II стр. 166.

[3]) № XXXIII стр. 137—141.

бану, а отъ Діонисія митрополиту Іосифу Тукальскому. Сдѣлалъ ли патріархъ желаемую гетманомъ приписку въ ставленной грамотѣ, данной Гедеону, или нѣтъ—остается неизвѣстнымъ.

Послѣ того какъ Гедеонъ Четвертинскій принялъ посвященіе въ санъ митрополита кіевскаго въ Москвѣ отъ московскаго патріарха и торжественно обѣщалъ повиноваться ему во всемъ, подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату было на дѣлѣ свершившимся. Но, пока константинопольскій патріархъ не далъ своего согласія на это дѣло, оно не могло еще считаться совершенно оконченнымъ. Заявленіе лицъ, бывшихъ на соборѣ въ Кіевѣ, что они согласятся признать надъ собою власть московскаго патріарха и отказаться отъ подчиненія патріарху константинопольскому въ томъ только случаѣ, если патріархъ константинопольскій самъ сперва на это соизволитъ, положимъ не имѣло особеннаго значенія, потому что волѣ гетмана духовенство не могло противорѣчить и отправленіе Гедеона въ Москву состоялось прежде сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ несмотря на заявленіе духовенства. Но дѣло въ томъ, что гетманъ и Четвертинскій сами считали необходимымъ, по своимъ личнымъ интересамъ, чтобы константинопольскій патріархъ зналъ о совершающемся подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху и далъ на это свое согласіе. Не разъ до этого времени были примѣры того, что патріархи константинопольскіе проклинали гетмановъ малороссійскихъ: такъ, патріархомъ Паисіемъ былъ проклятъ гетманъ Брюховецкій, патріархомъ Меѳодіемъ гетманъ Многогрѣшный. Это проклятіе патріарховъ очень смущало гетмановъ, потому

что подрывало къ нимъ народное довѣріе и оба проклятые гетмана усердно просили московское правительство, чтобы оно ходатайствовало предъ патріархомъ о снятіи съ нихъ этого проклятія. О Многогрѣшномъ разсказывали даже, что извѣстіе о проклятіи, наложенномъ на него патріархомъ, до такой степени поразило его, что онъ сдѣлался чрезвычайно задумчивъ и въ этой задумчивости, ничего предъ собою не видя, разъ на что-то наткнулся и очень больно ушибъ себѣ голову. [1]) Самойловичъ зналъ эти примѣры, зналъ что патріархи «по малой винѣ склонны къ недачѣ благословенія», [2]) и потому имѣлъ полное основаніе опасаться, что патріархи проклянутъ его за дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, если это дѣло совершится безъ ихъ вѣдома. Избранный митрополитъ, Гедеонъ Четвертинскій, еще болѣе имѣлъ побужденій желать, чтобы константинопольскій патріархъ дозволилъ ему быть въ зависимости отъ патріарха московскаго. При посвященіи въ санъ епископа луцкаго, Четвертинскій давалъ присягу никогда не выходить изъ повиновенія константинопольскому патріарху. [3]) Соглашаясь подчиниться московскому патріарху, онъ такимъ образомъ нарушалъ свою прежнюю присягу, становился клятвопреступникомъ. Смыть съ него это тяжелое пятно клятвопреступленія могло только прощеніе, данное торжественно самимъ константинопольскимъ патріархомъ. Кромѣ того власть митрополита Гедеона на югѣ Россіи была бы да-

---

[1]) Маркевича Ист. Малор. т. I стр. 153. Бантышъ-Каменскаго Ист. Малор. т. II стр. 53 и 85—86.

[2]) Соловьева Ист. Россія т. XIV, стр. 30.

[3]) № XV стр. 78.

леко не такъ велика, если бы патріархъ константинопольскій не объявилъ его законно поставленнымъ митрополитомъ кіевскимъ, не отдалъ приказанія всѣмъ южнорусскимъ православнымъ ему повиноваться. Безъ этого приказанія повиновались бы Гедеону только духовенство и міряне, живущіе въ областяхъ, подчиненныхъ Москвѣ, но православные, живущіе въ польскихъ областяхъ, могли чуждаться его, и чуждались-бы, какъ клятвопреступника. По всѣмъ этимъ побужденіямъ и гетманъ и Четвертинскій усердно просили московское правительство, чтобы оно отправило посольство въ Константинополь къ патріарху, съ большою посылкою и просьбою, чтобъ патріархъ далъ согласіе на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату. Благодаря этимъ настоятельнымъ просьбамъ, немедленно послѣ посвященія Гедеона, въ ноябрѣ 1685 года, послано было посольство въ Константинополь

Это было не первое сношеніе съ константинопольскими патріархами по этому дѣлу. Еще при Брюховецкомъ, когда этотъ гетманъ просилъ, чтобъ въ Кіевъ присланъ былъ митрополитъ изъ Москвы, а духовенство кіевское просило, чтобы дозволено было ему избрать митрополита въ Кіевъ вольными голосами, московское правительство хотѣло послать по поводу этихъ просьбъ къ патріарху константинопольскому, хотя и не извѣстно состоялось ли это посольство [1]). Затѣмъ, послѣ Андрусовскаго договора, говорено было о переводѣ малороссійскаго духовенства изъ подъ вѣдомства константинопольскаго патріарха въ вѣдѣніе московскаго патріарху александрійскому, и онъ хотѣлъ писать объ этомъ къ константинопольскому патрі-

---

[1]) Соловьева Истор. Рос. т. XI стр. 198—200, 202.

арху съ прошеніемъ, только сказалъ, что безъ совѣта всѣхъ своихъ духовныхъ константинопольскій патріархъ сдѣлать этого не можетъ, а онъ, александрійскій, въ чужую епархію о томъ писать и указывать не смѣетъ [1]). Потомъ, въ 1669 году, когда отправился изъ Москвы въ Константинополь греческій архимандритъ Мелетій, долгое время предъ тѣмъ жившій въ Москвѣ и занимавшійся составленіемъ писемъ къ патріархамъ [2]), то ему кажется поручено было хлопотать о дозволеніи московскому патріарху рукоположить митрополита въ Кіевъ, и вручена была общая просьба объ этомъ дѣлѣ ко всѣмъ патріархамъ. По свидѣтельству патріарха іерусалимскаго Досиѳея, бывшій тогда вселенскій патріархъ опасался вступаться въ это дѣло, и все, что было сдѣлано, было сдѣлано имъ, Досиѳеемъ [3]). Можетъ быть въ это время, а можетъ быть и позднѣе, по поводу другаго посольства въ Константинополь, патріархъ константинопольскій Парѳеній прислалъ грамоту, за собственноручнымъ подписомъ и подписомъ двѣнадцати архіереевъ, въ которой дозволялъ московскому патріарху посвятить въ митрополиты кіевскіе Иннокентія Гизеля, архимандрита кіево-печерскія лавры [4]). Наконецъ, въ послѣднее время, въ декабрѣ 1684 года, когда уже были сношенія съ гетманомъ Самойловичемъ по дѣлу подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, цари отправили въ Константинополь съ гра-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XII стр. 68.

[2]) Православное обозрѣніе 1872 г. Іюль стр. 57.

[3]) № XXXIV стр. 144 и № XXXV стр. 152. О хлопотахъ Мелетія въ Константинополѣ свѣдѣнія заимствованы исключительно изъ писемъ Досиѳея; но Досиѳей выражается очень неопредѣленно относительно того, о чемъ собственно хлопоталъ Мелетій.

[4]) № XXXV стр, 110, № XXVI стр. 122.

мотою объ этомъ дѣлѣ грека Захарія Софира [1]. Но хотя великіе государи послали тогда къ патріарху 40 соболей въ 200 рублей и увѣряли, что будутъ всегда посылать ему тоже, что и прежде посылали, патріархъ отказался дать просимую грамоту, потому что боялся турецкаго правительства. Онъ отвѣчалъ Софиру, что теперь у нихъ смутное время, ничего нельзя сдѣлать: визирь при смерти, и неизвѣстно, кто будетъ на его мѣсто. Когда былъ у патріарха грекъ Софиръ съ грамотою великихъ государей, сообщалъ послѣ грекъ Юрій Мецевитъ, то я говорилъ святѣйшему, чтобъ послалъ отпустительную грамоту о переходѣ кіевской митрополіи къ московскому патріарху. Патріархъ отвѣчалъ мнѣ: безъ совѣта съ другими патріархами и безъ созванія своей епархіи митрополитовъ не могу этого сдѣлать, боюсь визиря; если стану собирать митрополитовъ и узнаетъ объ этомъ визирь и спроситъ, въ чемъ дѣло, то мнѣ какъ ему не объявить? А если мнѣ одному рѣшить это дѣло, то мое отпущеніе не будетъ имѣть никакой силы; да и визирь, если объ этомъ узнаетъ, велитъ мнѣ голову отсѣчь, и я безъ визирскаго указа за это дѣло не примусь» [2].

Въ ноябрѣ 1685 года посланъ былъ въ Константинополь дьякъ Никита Алексѣевъ. Онъ получилъ для доставленія патріарху константинопольскому Іакову грамоту отъ патріарха Іоакима, грамоту отъ царей и особую инструкцію отъ Іоакима о томъ, что на словахъ долженъ онъ сказать Іакову. Патріархъ московскій сперва написалъ довольно подробную грамоту константинопольскому [3]. Въ ней онъ не извиненія просилъ въ томъ, что

[1]) № VIII стр. 46—50.

[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 33.

[3]) № XXIV стр. 104—111.

присвоиваетъ себѣ кіевскую митрополію, а представлялъ это дѣло съ своей стороны совершенно законнымъ, приводилъ извѣстныя историческія доказательства своихъ правъ, говорилъ, что прежде былъ одинъ митрополитъ во всей Россіи, и раздѣлилась митрополія нѣкоихъ любоначальствомъ, что особаго митрополита поставили въ Кіевъ литовскіе епископы безъ собора, неправильно,—разсказывалъ, что Іеремія учредилъ патріаршество въ Москвѣ, какъ будто бы главнымъ образомъ для того, чтобы не титуловались въ Россіи два митрополиты единствомъ наименованія: «всея Россіи», и для тогоже прислалъ изъ Константинополя хрисовулъ, утверждающій патріаршество въ Москвѣ. Потомъ, замѣтивъ, что константинопольскому патріарху неудобно управлять кіевскою митрополіею въ настоящее время, и стоять изъ-за нея ему нечего, Іоакимъ просилъ подтвердить хрисовулъ Іереміи Но Іоакимъ не послалъ эту грамоту, а послалъ другую [1]), гдѣ, не выставляя своихъ правъ на митрополію Кіевскую, просто просилъ подчинить ее ему по случаю современныхъ обстоятельствъ, въ виду того, что патріарху константинопольскому невозможно самому ею владѣть. О правахъ патріарха московскаго на кіевскую митрополію, подробно изложенныхъ въ непосланной грамотѣ Іоакима, говорилось также подробно въ грамотѣ царей къ патріарху константинопольскому [2]), и данъ былъ приказъ отъ Іоакима Никитѣ Алексѣеву при случаѣ выставить это патріарху на словахъ [3]). Въ грамотѣ царей говорилось еще, что въ подарокъ патріарху посылаются золотые и соболи, но безъ опредѣленія числа. «И вашему бъ архи-

[1]) № XXV стр. 112—115.
[2]) № XXVI стр. 116—123.
[3]) XXVII стр. 123—129.

пастырству, говорилось въ грамотѣ, тѣ золотые и соболи у него, т. е. Алексѣева, принять велѣть, и о нашемъ государскомъ здравіи всесильнаго Бога молити соборнѣ и келейнѣ. А сколько числомъ тѣхъ золотыхъ и соболей у него принято будетъ, и о томъ къ намъ великимъ государемъ, къ нашему царскому величеству писать, и свое архипастырское отпустительное благословеніе на митрополію кіевскую подати» [1]).

По всему этому и за все это патріархъ и царь въ своихъ письмахъ просили константинопольскаго патріарха прислать нѣсколько отпустительныхъ грамотъ относительно митрополіи кіевской. Одну патріарху Московскому, въ которой опредѣлялось бы, что онъ, патріархъ московскій, имѣетъ всѣ права на кіевскую митрополію; другую—Гедеону Четвертинскому, митрополиту кіевскому, утверждающую его въ достоинствѣ митрополита кіевскаго, и опредѣляющую, что онъ долженъ повиноваться патріарху московскому; третью грамоту, всѣмъ живущимъ въ малой Россіи и въ Польшѣ православнымъ, чтобъ они повиновались, поставленному московскимъ патріархомъ, митрополиту Гедеону Четвертинскому, а равно и другимъ послѣ него митрополитамъ кіевскимъ, которые будутъ принимать посвященіе отъ патріарха московскаго. Давая инструкцію послу, отправляемому въ Константинополь, относительно этаго пункта, патріархъ московскій велѣлъ даже продиктовать патріарху константинопольскому тѣ выраженія, какія долженъ былъ онъ употреблять въ этой послѣдней отпустительной грамотѣ [2]). Алексѣевъ когда проѣзжалъ чрезъ Малороссію, и

[1]) № XXVI стр. 123.
[2]) № XXVII стр. 126—127.

былъ у гетмана Самойловича, то гетманъ съ своей стороны послалъ грамоту къ константинопольскому патріарху и особаго отъ себя человѣка, Ивана Лисицу. Въ своей грамотѣ [1]) гетманъ просилъ объ отпущеніи кіевской митрополіи во власть московскаго патріарха, указывая въ болѣе короткихъ выраженіяхъ тѣже самыя причины необходимости и законности этого дѣла, какія указаны въ письмахъ патріарха и царей.

Когда Алексѣевъ и Лисица пріѣхали въ Адріанополь, то тамъ обстоятельства показали имъ, что съ порученнымъ имъ дѣломъ слѣдуетъ обращаться не къ патріарху, а къ визирю. Такъ, прежде всего явился къ Алексѣеву грекъ, Юрій Мецевитъ, и совѣтовалъ ему домогаться у визиря, чтобы онъ приказалъ патріарху заняться этимъ дѣломъ. «Это дѣло, отвѣчалъ Алексѣевъ, можно патріарху сдѣлать и безъ визирскаго указа: визирю объ этомъ дѣлѣ вовсе не нужно знать, и запрещенія патріарху отъ визира никакого за это не будетъ». «Нѣтъ, возражалъ Юрій, никакъ нельзя: надо созвать митрополитовъ, а изъ этихъ митрополитовъ одни патріарху друзья, а другіе недруги, и если патріархъ сдѣлаетъ это дѣло безъ визирскаго указа, и какой нибудь митрополитъ донесетъ, что патріархъ списывался съ Москвою, то патріарха сейчасъ казнятъ». Такое мнѣніе Мецевита оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Когда Алексѣевъ въ Адріанополѣ началъ хлопотать, какъ бы повидаться съ іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ; то тотъ велѣлъ сказать ему, что прежде свиданія съ великимъ визиремъ этого сдѣлать нельзя. Дѣлать было нечего; Алексѣевъ выпросилъ у визиря позволеніе повидаться съ Досиѳеемъ и отправился къ нему.

[1]) Евгенія Описаніе Кіево-соф. собора прилож. стр. 103. Маркевича Ист. Мал. т. IV стр. 103. Бантышъ-Каменскаго Ист. Мал. т. II стр. 308.

Но принятъ былъ не ласково. Досиθей началъ прямо съ того, что не будетъ совѣтовать константинопольскому патріарху отказываться отъ кіевской митрополіи въ пользу патріарха московскаго, потому что подобные поступки запрещены въ правилахъ св. отецъ. «Мы, говорилъ онъ, не дадимъ своего благословенія: прежде митрополиты кіевскіе пріѣзжали для поставленія въ Царь-градъ, и теперь бы изволили великіе государи писать къ намъ о поставленіи въ Кіевъ митрополита, и мы бы дали благословеніе, что вольно поставить его московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ А то прислали просить благословенія, когда ужъ поставили! Это восточной церкви раздѣленіе. Я совѣтоваться объ этомъ съ константинопольскимъ патріархомъ не буду, и отпустительнаго благословенія, конечно, не дамъ». Досиθею отвѣчалъ Лисица рѣзко: «гетманъ, все войско Запорожское и народъ малороссійскій въ подданствѣ у великихъ государей; гетманъ желаетъ, чтобъ и духовный чинъ былъ весь подъ благословеніемъ московскаго патріарха; да какъ уже то сдѣлано, тому такъ и быть». Алексѣевъ уговаривалъ Досиθея тихо и ласково, представлялъ, что малороссіянамъ нельзя сноситься съ константинопольскимъ патріархомъ по дальности пути, за бусурманскимъ гоненіемъ, за военными случаями, обѣщалъ государево жалованье. Досиθей отвѣчалъ: «Я въ это дѣло вступаться не буду, какъ хочетъ константинопольскій патріархъ, а я и за большую казну такого дѣла не сдѣлалъ-бы, да и константинопольскому патріарху нельзя сдѣлать безъ визирскаго указа». «Лучше было бы, говорилъ Алексѣевъ, если бы св. патріархи это святое дѣло сдѣлали не разглашая невѣрнымъ». Но Досиθей остался ---

своемъ [1]). Естественная причина, по которой Досиѳей отказалъ Алексѣеву, была, конечно, та, что въ тоже время жилъ въ Адріанополѣ визирь и, слѣдовательно, Досиѳей подлежалъ ближайшему контролю турецкаго правительства. Но, будучи человѣкомъ практическимъ, Досиѳей вмѣстѣ съ тѣмъ былъ величайшимъ изъ ученыхъ грековъ своего времени. Отъ него осталось намъ весьма солидное въ 12 томахъ сочиненіе объ исторіи церкви, осталось много и другихъ, менѣе значительныхъ трудовъ въ области церковнаго права и церковной апологетики. При всемъ томъ, его сочинительскіе труды, столь обширные, ничтожны въ сравненіи съ его издательскими трудами [2]). Еще болѣе замѣчателенъ Досиѳей по своему характеру; онъ, сколько можно судить даже по слогу его сочиненій и писемъ, былъ не сухой кабинетный ученый, но ученый, принимавшій горячее участіе въ современныхъ церковныхъ вопросахъ [3]). Авторъ одной статьи о Досиѳеѣ, мало даже обращая вниманія на его ученые труды, главною заслугою его поставляетъ то, что онъ былъ предсѣдателемъ на іерусалимскомъ соборѣ [4]). Поэтому, рѣшившись возстать противъ дѣла о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, Досиѳей приводилъ для того много каноническихъ основаній. Вѣроятно послѣ разговора съ Алексѣевымъ и Лисицею, онъ написалъ царямъ московскимъ и патріарху Іоакиму письма, въ которыхъ съ величайшимъ воодушевленіемъ

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 34.

[2]) Перечисленіе сочиненій и изданій Досиѳея сл. у Саты Νεοελληνική φιλολογία стр. 379.

[3]) По выраженію Ricaut Досиѳей былъ prelat plein de feu, plein de hardiesse, remuant et interpretant, qui irrita les latins. Σαθα Νεοελληνική φιλολογία. стр. 381.

[4] Allgemeine Enciclopädie Wissenschaften und Künste, herausgegeben von Ersch und Grubér. Erste section. Dositheus.

доказывалъ всю незаконность и неумѣстность задуманнаго ими дѣла [1]).

Въ присвоеніи кіевской митрополіи московскимъ патріархомъ Досиѳей указывалъ явное нарушеніе отеческихъ постановленій, по которымъ епархіи должны быть неприкосновенными въ своихъ предѣлахъ и никто изъ епископовъ не долженъ искать власти въ чужой епархіи,—приводя въ доказательство того, какъ строго относились отцы церкви къ нарушителямъ этого правила, тотъ фактъ, что антіохійскій патріархъ, желавшій хиротонисать кипрскаго архіепископа, былъ епитимисанъ отцами церкви, бывшими на третьемъ вселенскомъ соборѣ [2]).

Это усвоеніе кіевской митрополіи Досиѳей тѣмъ болѣе выставлялъ преступнымъ, что самыя причины, по которымъ московскіе цари и патріархъ считали это дѣло необходимымъ, казались ему неосновательными. Неосновательными казались ему надежды московскаго правительства, что со времени подчине-

---

[1]) №№ XXXIV, XXXV, стр. 142—158.

[2]) Что подобныя мысли были глубочайшимъ убѣжденіемъ Досиѳея видно отчасти изъ письма его къ православнымъ, живущимъ въ Польшѣ (№ III стр 11—33). Извѣщая въ этомъ письмѣ православныхъ, что онъ уже въ третій разъ приходитъ въ сосѣднюю страну Молдавію, Досиѳей говоритъ, что не писалъ къ нимъ доселѣ ни одного письма потому, что не считалъ себя вправѣ безъ нужды это дѣлать. «Теперь, говоритъ онъ, хотѣлъ я послать и человѣка съ настоящимъ письмомъ, но не посылаю, повинуясь постановленію Карѳагенскаго собора, которое запрещаетъ посылать клириковъ безъ нужды. «Наконецъ въ томъ же письмѣ Досиѳей совѣтуетъ православнымъ, живущимъ въ Польшѣ, въ случаѣ нужды, обращаться непосредственно къ патріарху константинопольскому, и самъ, не посылая своего клирика, обѣщается просить константинопольскаго патріарха, чтобы тотъ послалъ къ нимъ своего экзарха.

нія кіевской митрополіи московскому патріархату козаки будутъ болѣе ему преданы. «А кажется, писалъ онъ, что это подчиненіе митрополіи принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что православные, живущіе въ Польшѣ, будутъ искать себѣ новаго митрополита». Не менѣе страннымъ казалось Досиѳею то, что московскіе цари и патріархъ, въ доказательство необходимости устроить подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату, указывали въ современныя неустройства въ константинопольскомъ патріархатѣ. «Если вы находите побужденія для подчиненія кіевской митрополіи въ томъ, что патріархи константинопольскіе часто мѣняются, писалъ Досиѳей, но, тѣмъ не менѣе, доселѣ рукополагались же отъ нихъ не только митрополиты кіевскіе, но даже и патріархи московскіе, и были законно посвящены. Если въ томъ, что Царь-градъ далеко, но, тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи возсіяла православная вѣра и даже до вчерашняго дня, всегда, не смотря на дальность, россіяне сносились съ Константинополемъ и ничего кромѣ пользы оттуда не получали. Наконецъ, если въ томъ, что Царь-градъ работаетъ язычникамъ, а Кіевъ находится подъ вѣденіемъ благочестиваго царя московскаго, то и это не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, потому что въ то время, какъ Антіохія болѣе семисотъ лѣтъ работала арабамъ, а третья часть епархіи антіохійской была подъ благочестивымъ царемъ греческимъ, константинопольскій патріархъ, не смотря на это, не взялъ и пяди земли отъ епархіи антіохійской».

Признавая, такимъ образомъ, что къ начинанію дѣла о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріархату не было никакихъ достаточныхъ побужденій, Досиѳей представляетъ это начинаніе исключительно дѣломъ славолюбія со сто-

роны московскаго патріарха и жестоко осуждаетъ его за это. «Хощеши, писалъ онъ Іоакиму, да тебѣ имя останетъ послѣ на Москвѣ, како сотворилъ еси такое дѣло. Но праведно и благословно есть, въ семъ настоящемъ вѣцѣ въ церкви, и въ будущемъ на судищи божіи да имѣли бы вы имя: како храните церковная предѣлы и како послѣдствуете церковнымъ законамъ, како не уничтожаете тѣхъ, отъ нихъ же имѣете тое, иже есте».

Считая незаконнымъ дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху само въ себѣ, Досиѳей находилъ совершенно незаконнымъ и тотъ путь, который избрали московскіе цари и патріархъ, чтобы дать санкцію этому дѣлу, считалъ незаконнымъ, что они просили разрѣшенія только отъ одного константинопольскаго патріарха, и ему одному прислали свои граматы. Когда учреждалось патріаршество въ Москвѣ, говорилъ Досиѳей, то это дѣло утверждено было общимъ согласіемъ всѣхъ патріарховъ, точно также и теперь, патріархъ константинопольскій одинъ своею властью не можетъ уступить кіевскую митрополію патріарху московскому, но только съ согласія всѣхъ патріарховъ, а потому просьбу объ отпущеніи кіевской митрополіи слѣдовало писать ко всѣмъ патріархамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осуждалъ Досиѳей и то, что московское правительство старалось дѣйствовать посредствомъ подкуповъ. «И подобаетъ ли, писалъ онъ, апостольской великія Москвы просити отъ матери своей восточныя церкви духовныя дарованія за деньги? И есть ли грамата оная, юже емлетъ честность его отъ константинопольскаго, и такимъ образомъ прошенія, и изъ денегъ, есть-ли праведна, есть-ли грамата достойна? И аще суть нищіи и обыкли имати деньги и давати граматы—

лѣпо есть вашей церкви проснти такимъ образомъ сицевая великая прощенія, яже дабы святый Богъ презритъ».

Вмѣсто совершеннаго подчиненія кіевской митрополіи, Досиѳей совѣтовалъ московскому патріарху принять на себя только титулъ намѣстника константинопольскаго патріарха. «Довольно бы было братской твоей любви, писалъ онъ Іоакиму, да еси намѣстникъ константинопольскаго патріарха, да испытываеши того кіевскаго митрополита, и да повелѣваеши ему, и да судиши его, и предразсуждаеши ему, яко присны домостроитель; и была бы честь ваша и преданія церковная невредимы бы были, и христіане бы были тоя митрополіи мирны. И тако, совѣтуемъ, и сіе есть праведное и непорочное во церкви Христовѣ и въ день Господень, не гнѣвается и Богъ въ такихъ вещѣхъ». Но признать полное подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату Досиѳей окончательно отказался. «И аще хощете имѣти хотѣніе свое, вѣдайте, яко церковная воля не есть, яко же и мы не хощемъ, да не причастимся сему грѣху; такожъ не хощемъ ниже васъ, да будете подлежими въ семъ грѣсѣ». Живя въ Адріанополѣ, Алексѣевъ имѣлъ сношенія и съ константинопольскимъ патріархомъ, но также безъ желаемыхъ результатовъ, какъ и съ іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ. Константинопольскій патріархъ Діонисій самъ сперва завелъ сношенія съ Алексѣевымъ. «Близь насъ стоялъ посланникъ вашъ, сообщалъ Досиѳей въ Москву объ этихъ сношеніяхъ, и приходилъ къ нему нѣкто архимандритъ святогорскій отъ страны Діонисія патріарха и просилъ денегъ у посланника и послѣ да дастъ ему грамоты, и посланникъ отвѣщалъ, яко прежде да дастъ ему грамоты, и потомъ да возметъ деньги отъ него. Стр. 145.

Видя, что сношенія съ патріархами ни къ чему не ведутъ, Алексѣевъ рѣшился наконецъ послѣдовать тому совѣту, который далъ ему грекъ Тафлари, т. е. обратился къ визирю и просилъ у него содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, просилъ его, дозволить патріархамъ дать согласіе на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Эта просьба была исполнена. Турція тогда находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи: ей объявлена была война съ трехъ сторонъ: со стороны Польши, Венеціи и Австріи. Между тѣмъ Россія хранила еще видимую пріязнь къ Турціи. Очевидно, что для послѣдней весьма важно было поддержать въ это время такую пріязнь. Потому, когда явился къ визирю Алексѣевъ, то визирь изъявилъ полнѣйшую готовность исполнить всѣ его желанія, и между прочимъ обѣщалъ призвать къ себѣ Досиѳея и приказать ему исполнить желаніе московскаго правительства относительно подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху. Какъ важно было согласіе визиря въ этомъ случаѣ видно изъ того, что когда Алексѣевъ послѣ вторичнаго свиданія съ визиремъ отправился къ Досиѳею, то нашелъ въ немъ совершенную перемѣну. «Я, сказалъ патріархъ, пріискалъ въ правилахъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи къ другому архіерею; я буду уговаривать патріарха Діонисія, чтобъ онъ исполнилъ волю царскую, и самъ буду писать къ великимъ государямъ и къ патріарху Іоакиму, и благословеніе отъ себя подамъ особо, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ» [1]. Этой грамоты Досиѳея

[1] Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 35. Досиѳей вообще не признавалъ Діонисія настоящимъ патріархомъ (Le Quien. Oriens Christianus см. въ перечисленіи патріарховъ константинопольскихъ о Діонисіѣ), а въ это собственно время могъ быть особенно на него недоволенъ по поводу синайскаго дѣла. Труды К. Д. Акад. 1871 г. май, стр. 377—388.

къ царямъ, съ изъявленіемъ полнаго согласія на отпущеніе кіевской митрополіи изъ подъ власти константинопольскаго патріарха, къ сожалѣнію не находится въ «икопѣ», не находится и въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, гдѣ митрополитъ Евгеній нашелъ другія грамоты восточныхъ патріарховъ по этому дѣлу [1]). Но о перемѣнѣ отношеній Досиѳея къ дѣлу о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху свидѣтельствуетъ грамата его ко всѣмъ православнымъ, живущимъ въ Польшѣ [2]), въ которой Досиѳей увѣщеваетъ ихъ признавать Гедеона Четвертинскаго истиннымъ митрополитомъ, и другая грамота гетману Самойловичу, съ увѣщаніемъ во всемъ содѣйствовать кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому [3]). Обѣ эти граматы составлены въ томъ духѣ, какъ только могло желать московское правительство. За свое согласіе Досиѳей получилъ отъ Алексѣева 200 золотыхъ [4]).

Патріархъ константинопольскій Діонисій, прибывшій въ Адріанополь для того, чтобы получить отъ визиря утвержденіе въ достоинствѣ патріаршескомъ, съ своей стороны, вѣроятно узнавъ волю визиря, не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія Алексѣеву и обѣщалъ во всемъ исполнить царскую волю, какъ только возвратится въ Константинополь и соберетъ митрополитовъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени отправившись въ Константинополь, Алексѣевъ получилъ отъ патріарха Діонисія всѣ нужныя по кіевскому дѣлу бумаги [5]). Діонисій послалъ съ Алексѣевымъ очень много бумагъ. Во-первыхъ грамоты объ отпущеніи кіевской митрополіи подъ власть московскаго патрі-

---

[1]) Евгенія Описаніе Кіево-соф. собора въ приложеніи стр 110
[2]) № XXXVII стр. 160—164.
[3]) № XXXVIII стр. 164—166.
[4]) Соловьева т. XIV стр. 35.
[5]) Ibid.

арха, двѣ грамоты къ царямъ, одну къ патріарху московскому и одну къ гетману [1]). Въ этихъ грамотахъ Діонисій писалъ, что на соборѣ съ епископами, (коихъ было девятнадцать, какъ видно изъ ихъ собственноручныхъ подписей въ одной грамотѣ царямъ), онъ разсуждалъ о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, и, принимая во вниманіе обстоятельства времени, всѣ согласились въ необходимость этаго подчиненія, а потому онъ повелѣваетъ Гедеону Четвертинскому повиноваться московскому патріарху и дозволяетъ по смерти Гедеона вновь избраннаго митрополита посылать для хиротоніи въ Москву, а не въ Константинополь. Но при этомъ патріархъ сдѣлалъ нѣкоторое ограниченіе, именно: повелѣвалъ, чтобъ митрополитъ кіевскій во время служенія, на ектеніяхъ, прежде всего поминалъ восточныхъ патріарховъ, а потомъ уже патріарха московскаго. Затѣмъ Діонисій послалъ еще двѣ грамоты: одну Гедеону Четвертинскому, а другую московскому патріарху [2]), въ которыхъ разрѣшаетъ ихъ отъ нареканій, взводимыхъ на Четвертинскаго за то, что онъ, присягая прежде патріарху константинопольскому, поѣхалъ для поставленія въ митрополиты въ Москву, и на патріарха московскаго за то, что онъ посвятилъ Гедеона въ кіевскіе митрополиты, не имѣя на то никакого права. Грамота Діонисія, разрѣшающая патріарха, подписана была 21-мъ греческимъ митрополитомъ. Наконецъ, Діонисій послалъ двѣ грамоты ко всѣмъ членамъ южнорусской церкви [3]), объявляя что онъ уступаетъ кіевскую митрополію московскому патріарху, и повелѣвая, чтобъ они всегда въ Москву посылали избраннаго для хиротоніи.

---

[1]) №№ XLI. XLII, XXXIX, XL, стр. 166—183.
[2]) №№ XLIV и XLV стр. 184—189.
[3]) №№ XLIII стр. 182—184 и XLVI стр. 189—191.

Получивъ эти граматы, Алексѣевъ далъ Діонисію 200 золотыхъ и три сорока соболей [1]), и выпросилъ у султана позволеніе грекамъ вновь построить въ Константинополѣ сгорѣвшую церковь Іоанна Предтечи. Но Діонисій просилъ еще многаго. Получивши самъ награду, онъ просилъ государей чрезъ Алексѣева прислать жалованье и всѣмъ митрополитамъ подписавшимся на граматѣ объ уступкѣ кіевской митрополіи, по примѣру царя Θеодора Іоанновича, который прислалъ жалованье всѣмъ архіереямъ, подписавшимся на граматѣ объ установленіи московскаго патріаршества [2]). Въ письмахъ своихъ къ царямъ Діонисій сдѣлалъ нѣсколько собственноручныхъ приписокъ, въ коихъ также проситъ разнаго рода вспомоществованій. Въ одной изъ нихъ онъ просилъ прислать различныя церковныя вещи для константинопольской патріаршей церкви; тѣ самыя вещи которыя были уже нѣкогда присланы въ Константинополь отъ царей московскихъ, но незадолго предъ тѣмъ погибли отъ пожара [3]). Въ другой припискѣ Діонисій просилъ московское правительство оказать содѣйствіе его родственникамъ, которые дали взаймы московскимъ людямъ большія суммы денегъ, но никакъ не могутъ ихъ обратно получить [4]). Наконецъ, третья приписка имѣетъ тоже практическій характеръ, хотя и не понятно по какимъ побужденіямъ Діонисій могъ ее сдѣлать; въ ней онъ просилъ московское правительство не дозволять иностраннымъ купцамъ безпошлинно торговать въ московскомъ государствѣ [5]).

---

[1]) № XLI стр. 177.
[2]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 35.
[3]) № XLI стр. 176.
[4]) № XLII стр. 181.
[5]) Ibid.

Но ни турецкое правительство, ни патріархъ константинопольскій не извлекли изъ уступки кіевской митрополіи, тѣхъ выгодъ какія ожидали. Надежды турокъ поддержать миръ съ московскимъ государствомъ, надежды, ради которыхъ они сдѣлали всѣ просимыя Алексѣевымъ уступки, не оправдались: московское правительство, еще до отпуска Алексѣева изъ Москвы въ Константинополь, задумывало разорвать миръ съ Турціею и вступить въ союзъ съ врагомъ Турціи, королемъ польскимъ. Не смотря на то, что гетманъ Самойловичъ долго отговаривалъ московское правительство отъ союза съ Польшею, осенью 1686 года миръ съ королемъ польскимъ Іоанномъ Собѣсскимъ былъ заключенъ, а противъ Турціи объявленъ былъ походъ, потому что этой войны съ Турціею желалъ любимецъ Софіи Алексѣевны—князь Голицынъ, надѣявшійся прославиться побѣдами. Когда слухи объ этомъ достигли Константинополя, патріархъ Діонисій весьма былъ смущенъ ими, предвидя, что турки на православныхъ грекахъ станутъ вымѣщать измѣну единовѣрной имъ Москвы, а всего болѣе конечно на немъ. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, онъ писалъ тогда въ Москву письмо, умоляя не начинать войны съ Турками. «Молимъ и просимъ ваше царское величество, писалъ Діонисій, не становитесь виновниками пролитія крови такого множества христіанъ, не старайтесь помогать французамъ и истреблять единовѣрныхъ христіанъ православныхъ; это не будетъ ни Богу угодно, ни передъ людьми похвально.» [1]) Но письмо это, кажется, очень нескоро пришло въ Москву, да если бы пришло и во время то едвали бы имѣло какой нибудь успѣхъ. Подготовленія Москвы къ войнѣ съ Турціею про-

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 37,

должались, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывались и опасенія Діонисія увеличивалось недовольство на него турецкаго правительства. Этимъ недовольствомъ воспользовались недоброжелательные къ Діонисію греческіе епископы [1]) и, указывая на сношенія его съ Москвою, на то, что онъ согласился на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху, чрезъ это, какъ по крайней мѣрѣ самъ Діонисій свидѣтельствуетъ, достигли того, что онъ лишенъ былъ патріаршества въ тотъ же 1686 г., черезъ два мѣсяца послѣ вступленія на патріаршескую каѳедру. Послѣ лишенія патріаршества Діонисій снова писалъ къ царямъ и къ патріарху. Горько жаловался онъ московскому патріарху на то что московское правительство не присылаетъ ему никакихъ даровъ и совсѣмъ забыло его, хотя онъ лишился патріаршества за дѣло, на которое согласился въ угоду царямъ, и просилъ ихъ по крайней мѣрѣ теперь отмстить Туркамъ за тѣ притѣсненія, какія они дѣлаютъ православнымъ грекамъ. [2]) Отвѣчая на это письмо, [3]) патріархъ московскій Іоакимъ жестоко порицаетъ патріарха Діонисія за то, что тотъ въ привѣтствіи назвалъ его, московскаго патріарха, своимъ екзархомъ, и даетъ понять, что уступка кіевской митрополіи — дѣло въ высшей степени маловажное, не заслуживающее особенной благодарности.

Но и московское правительство черезъ объявленіе войны Турціи едва не погубило всего, что сдѣлалъ Алексѣевъ на востокѣ для подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Онъ, вмѣстѣ съ граматами восточныхъ патріарховъ по этому

---

[1]) Ипсилантія хроника. Ἀθανάσιου Κόμνηνου Ὑψηλάντου ἐκκλησιαστικῶν και πολιτικῶν. См. подъ 1686 годомъ.

[2]) № XLVII стр. 191—193.

[3]) № XLVIII стр. 193—200.

дѣлу, былъ арестованъ при проѣздѣ черезъ Крымъ единомысленнымп туркамъ крымскими татарами. Но московское правительство позаботилось освободить его, пославъ крымскому хану въ обмѣнъ одного весьма важнаго татарскаго плѣнника. [1])

Къ концѣ 1686 года Алексѣевъ прибылъ въ Москву и привезъ патріаршія грамоты. Это было послѣднее, что нужно было для окончательнаго утвержденія подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху. Цѣль, къ которой такъ стремились патріархъ, митрополитъ кіевскій и гетманъ, наконецъ была достигнута. Граматы восточныхъ патріарховъ немедленно изъ Москвы посланы были къ гетману, и въ отвѣтъ отъ него скоро получено извѣстіе, что онъ разослалъ универсалъ о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріархату по всѣмъ церквамъ митрополіи. [2])

Въ первое время своего правленія, Четвертинскій имѣлъ особенную власть, былъ особенно счастливъ. Гетманъ Самойловичъ, который пользовался не только надъ войскомъ, но и надъ духовенствомъ особенною властью, какъ и всегда, такъ и теперь покровительствовалъ Четвертинскому. Пользуясь всемощнымъ покровительствомъ гетмана, Четвертинскій могъ свысока относиться ко всѣмъ духовнымъ лицамъ, въ которыхъ могъ предполагать своихъ недоброжелателей. Такими недоброжелателями могли быть для Четвертинскаго Барановичъ архіепископъ черниговскій, который, какъ извѣстно, не сочувствовалъ возведенію Гедеона въ санъ митрополита, и Варлаамъ Ясин-

---

[1]) стр. 141.

[2]) Бантышъ-Каменскаго Ист. Малорос. т. II стр. 173.

скій, архимандритъ лавры, который открыто высказался нѣкогда противъ желанія Четвертинскаго подчиниться московскому патріарху. Теперь же и черниговская архіепископія и архимандрія лавры грамотою московскихъ царей были формально подчинены Четвертинскому, а благодаря волѣ гетманской архіепископъ черниговскій Барановичъ и архимандритъ лавры Яснинскій должны были безпрекословно подчиняться Четвертинскому и на самомъ дѣлѣ. [1]) Но Четвертинскій былъ такъ счастливъ, что даже епископы областей, бывшихъ подъ польскимъ владѣніемъ, принуждены были въ первое время ему подчиниться. И московскій патріархъ и іерусалимскій патріархъ Досиѳей опасались, что это подчиненіе не совершится, что православные епископы въ областяхъ польскихъ пожелаютъ имѣть себѣ отдѣльнаго митрополита и произойдетъ такимъ образомъ раздѣленіе кіевской митрополіи. Главнымъ образомъ изъ опасенія этого раздѣленія, московскій патріархъ усердно просилъ восточныхъ патріарховъ узаконить своими грамотами подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху и послать грамоту православнымъ, живущимъ въ польскихъ областяхъ, чтобъ они во всемъ повиновались кіевскому митрополиту Гедеону и его преемникамъ. Такія грамоты, какъ извѣстно, были посланы. Но не столько благодаря приказанію патріарха, сколько благодаря особенно благопріятно сложившимся политическимъ обстоятельствамъ, православные епископы, живущіе въ польскихъ владѣніяхъ, должны были признать надъ собою власть Четвертинскаго. Какъ извѣстно, московское государство разорвало миръ съ Турціею для того, чтобы вступить въ союзъ съ

([1] См. ниже на стр. 150—152).

Польшею: за эту помощь Польшѣ московское государство выговорило нѣсколько выгодныхъ для себя условій и, между прочимъ, въ девятой статьѣ союзнаго договора польское правительство обѣщало, что всѣ православныя епископіи, коихъ тогда было пять (луцкая, галицкая, перемысльская, львовская и полоцкая) будутъ при своихъ правахъ и вольностяхъ: православные, живущіе въ этихъ епископіяхъ не будутъ принуждаемы къ уніи, а высшее духовенство этихъ епископій будетъ принимать посвященіе отъ кіевскаго митрополита. [1]) Такимъ образомъ, даже самый главный врагъ Четвертинскаго, Іосифъ Шумлянскій, долженъ былъ теперь ему подчиниться.

Но все это для Четвертинскаго было временнымъ счастьемъ: та же война съ Турками, которая дала Четвертинскому власть въ Польшѣ, послужила причиною гибели гетмана Самойловича. Походъ московскихъ войскъ и козачества былъ въ высшей степени неудаченъ, по причинѣ случившагося въ степи пожара, принудившаго войско возвратиться обратно ни съ чѣмъ. Голицынъ, затѣявшій этотъ походъ, чтобъ нажить себѣ славу, и вовсе не желавшій нести отвѣтственности за неудачу этого похода, указалъ главную причину этой неудачи въ злостной измѣнѣ Самойловича. Благодаря этому обвиненію и множеству другихъ доносовъ на Самойловича, онъ былъ арестованъ и осужденъ, а на мѣсто его избранъ былъ въ гетманы Мазепа. Когда же погибъ Самойловичъ, тогда и бывшему подъ его покровительствомъ Четвертинскому никто уже не хотѣлъ подчиняться: ни Барановичъ, ни Ясинскій, ни епископы, живущіе въ польскихъ областяхъ. Всѣ противъ Четвертинскаго писали въ Москву. «Забвенъ былъ

---

[1]) Евгенія Описаніе Кіево-Соф. собора стр. 204.

яко мертвъ», писалъ Барановичъ царямъ, «быхъ яко человѣкъ безъ помощи; еще живу мнѣ сущу погребохся. Я, смиренный богомолецъ вашъ, при старости моей и ослабѣвшихъ всесовершенно силахъ, возненавидѣнный бывшимъ гетманомъ, утѣсненъ былъ многими отъ него обидами, многими скорбями и неисповѣдимыми печалями, и утѣсненъ былъ не просто, но какъ мертвый забвенъ и при жизни землею покровенъ явился; что могло быть тяжелѣ, когда гетманъ запрещалъ мнѣ посылать предъ вашъ царскій престолъ письменныя челобитья, дабы возмогъ пріять милость и обрѣсти благодать? Хотѣлъ онъ, да обрящуся, яко человѣкъ безъ помощи въ мертвыхъ свободь. Но Богъ, животворяй мертвыя, даровалъ такое улучить время, о которомъ могу сказать: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія. Изшедъ отъ забвенія гроба, прихожу предъ свѣтлѣйшій престолъ съ смиреннымъ челобитьемъ: не отвергните меня во время старости моей, призрите на озлобленіе мое! Когда преосвященный отецъ Гедеонъ Святополкъ принялъ престолъ кіевскій, то я, презрѣвъ мою старость, встрѣтилъ святыню его въ Батуринѣ, преклонилъ предъ нимъ ослабѣвшія колѣна мои, надѣясь, что призритъ меня своею милостію за тридцатилѣтніе мои труды, въ архіерейскомъ санѣ подъятые. Я просилъ его подкрѣпить данную мнѣ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ грамоту на семь протопопій; желалъ я также видѣть данную ему вашимъ царскимъ величествомъ грамоту на митрополію кіевскую. Но преосвященный митрополитъ обиду великую старости моей нанесъ: прежде всего отнялъ у меня архіепископское имя велѣдъ называть меня только епископомъ, тогда какъ это названіе далъ мнѣ отецъ вашъ, блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ по благословенію

троихъ вселенскихъ патріарховъ. Потомъ отнялъ три протопопіи; въ укорительномъ письмѣ къ Воронежскому священнику глуховской протопопіи назвалъ меня пастушкомъ и похитителемъ нѣкоторыхъ приходовъ, ему будто бы принадлежащихъ. Падаю предъ вашего царскаго величества лицемъ, примите прошеніе мое: да буду со всею епархіею моею прямо подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго наравнѣ съ прочими великороссійскими архіереями, и пусть преемники мои поставляются въ Москвѣ, а не въ Кіевѣ.» [1]) Съ такою же просьбою отправилъ Барановичъ письмо патріарху Іоакиму. [2]) Съ своей стороны и Варлаамъ Ясинскій просилъ, чтобы лавра была сдѣлана ставропигіею московскаго патріарха, а отъ подчиненія кіевскому митрополиту была освобождена, жалуясь на гетмана Самойловича, что онъ «крѣпости данныя святой Кіево-печерской обители повредилъ и ставропигію патріаршую разорилъ.» [3]) Наконецъ и Іосифъ Шумлянскій въ тоже время писалъ особое письмо патріарху московскому, въ которомъ [4]) жаловался на Гедеона Четвертинскаго, что онъ, сдѣлавшись митрополитомъ кіевскимъ, началъ безчестить его Шумлянскаго и другихъ епископовъ, находящихся въ польскихъ областяхъ, называя ихъ еретиками и уніатами, и православныхъ этихъ епископій, ходившихъ въ Кіевъ на поклоненіе кіево-печерскимъ мощамъ, притѣснялъ, и такимъ образомъ насильно ихъ, епископовъ и пасомыхъ, отгонялъ отъ греческаго благочестія. По этому, отъ лица епископовъ: луцкаго, львовскаго, перемышль-

---

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 53 и 54.

[2]) № LXIX стр. 246—249.

[3]) Евгенія Описаніе Кіево-печерскія лавры прилож. XV стр. 57—59.

[4]) № LXXVII стр. 271—276.

скаго и бѣлогородскаго, Шумлянскій просилъ патріарха, чтобъ онъ «отъ таковаго послушанія къ князю и митрополиту ихъ уволилъ, но самъ ихъ благословилъ и руку помощи подавалъ на всякъ часъ. «Поневажъ мѣешь святительство твое, отче святѣйшій, власть отъ фрону святаго константинопольскаго такую себѣ данную, аже бысь о васъ вѣдалъ.» Далѣе Шумлянскій просилъ патріарха Іоакима въ своемъ письмѣ открыть особую митрополію въ Галиціи. «Митрополія галицкая давняя есть, писалъ онъ, и фундаціею есть великихъ князей россійскихъ, чему же бы святительство твое, отче святѣйшій, не мѣлъ и въ нашихъ странахъ поставить митрополита своего галицкаго? Понеже бывали иные митрополиты кіевскіе, а иные галицкіе.»

Какъ-же отнесся московскій патріархъ ко всѣмъ этимъ просьбамъ и жалобамъ на Гедеона? Естественно, ему очень пріятны были эти просьбы Барановича, Ясинскаго и Шумлянскаго принять ихъ подъ свое непосредственное покровительство, и такъ какъ при самомъ поставленіи Четвертинскаго онъ не обѣщалъ, что привиллегіи кіевской митрополіи будутъ сохранены ненарушимо, то теперь съ полнымъ спокойствіемъ воспользовался удобнымъ случаемъ отнять самую важную изъ этихъ привиллегій—право владѣть южно-русскими епископіями и архимандріею лавры, тѣмъ болѣе что со стороны новоизбраннаго гетмана Мазепы не было къ тому никакихъ препятствій. Мазепа вовсе не желалъ въ данномъ случаѣ вступаться за права Четвертинскаго, а напротивъ, тогда-же особою нарочною грамотою въ Москву ходатайствовалъ, чтобы просьба Барановича и Ясинскаго была исполнена [1]). «Покорственно

[1]) Соловьева Ист. Рос. т. XIV стр. 34, и Евгенія Описаніе Кіевопечерской лавры приложеній № 23 стр. 79.

прошу», писалъ по поводу просьбы Барановича Мазепа, «дабы ваше царское пресвѣтлое величество изволили прошенія и желанія архіепископа милостиво выслушать и премилосердымъ удовольствовать призрѣніемъ». И вотъ, съ тѣмъ-же архидіакономъ Анастасіемъ, съ которымъ Барановичъ и Мазепа прислали свои письма царямъ и патріарху, цари и патріархъ послали имъ свои грамоты, ¹) коими утверждали, что черниговская архіепископія должна отселѣ быть въ вѣдѣніи московскаго патріарха, а не кіевскаго митрополита, на томъ, главнымъ образомъ, основаніи что по каноническимъ правиламъ митрополиту подчиняются только епископы, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ подчиняться архіепископы. А между тѣмъ черниговская епархія уже давно сдѣлана архіепископіею и грамота на это утверждена подписомъ трехъ патріарховъ. Далѣе, въ грамотѣ царей утверждается, что черниговская епархія должна владѣть семью протопопіями: черниговскою, менскою, борзенскою, глуховскою, конотопскою, новгородскою и стародубскою, и митрополитъ кіевскій не долженъ имѣть къ нимъ никакого отношенія. Но, давая такую грамоту, цари вспомнили, что они, при посвященіи Четвертинскаго, дали ему право владѣть черниговскою архіепископіею и потому сочли нужнымъ въ настоящей грамотѣ оговорить это. «А что въ нашей, царскаго величества жалованной грамотѣ, писали они, данной преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, по прошенію тогда бывшаго гетмана, оная черниговская епархія учинена въ присутствѣ ему, преосвященному митрополиту, и то препятствіемъ быти не имѣетъ, понеже

¹) № LXX—LXXI стр. 250—258.

тогда онъ, преосвященный архіепископъ Лазарь Барановичъ, челобитья своего намъ, великимъ государемъ, нашему царскому величеству не принесъ, и святѣйшихъ патріарховъ благословенныя грамоты не объявилъ; да и правиламъ святыхъ то, по вышеобъявленному изображенію противно.» [1])

---

[1]) № LXX, стр. 256. Подчиненіе черниговской епископіи московскому патріарху выражалось тѣмъ, что Барановичъ, желая имѣть Углицкаго себѣ помощникомъ и преемникомъ, на все это просилъ соизволенія у московскихъ патріарховъ. Такъ, отъ патріарха Іоакима Углицкій получилъ дозволеніе быть помощникомъ Барановичу въ дѣлахъ управленія черниговскою епархіею, а отъ патріарха Адріана утвержденіе въ этой должности (№ XCIXC стр. 330—333), причемъ Адріанъ подавалъ Углицкому надежду быть преемникомъ Барановича. «Аще благотворя въ терпѣніи», писалъ Адріанъ, «здѣшнихъ всякихъ приключимыхъ скорбій благодушнѣй явится, и во исполненіи должности сея непороченъ пребудетъ, убо воспріиметъ, Богу хотящу, и вящшее достоинство, и по немъ, архіепископѣ Лазарѣ, степени архіерейства наслѣдство; ибо Господь Богъ человѣку изрядну даетъ въ чести быти славну». Но когда чрезъ годъ представители черниговской епарх'и — гетманъ Барановичъ и духовенство просили патріарха посвятить Ѳеодосія Углицкаго въ санъ епископа, (№ CVIII—CIX стр. 348—351) то патріархъ долго колебался исполнить эту просьбу, находя незаконнымъ поставить въ черниговскую епархію новаго епископа, когда прежній епископъ еще живъ и не отрекся отъ управленія епархіею (№ CX стр. 351—356). Однако, послѣ нѣкотораго колебанія, патріархъ посвятилъ Углицкаго въ санъ епископа, (№№ CXI — CXII стр. 356—358 CXX — CXXI стр. 381—383) хотя и не нашелъ возможнымъ дать ему тотчасъ ставленную грамоту (№№ CXXII—CXXIII стр. 384—385). Эту грамоту Углицкій получилъ уже послѣ смерти Барановича, въ 1694 г. (№№ CXXVI — CXXVIII стр. 395—406). Въ ней вновь весьма подробно опредѣлялись права епископа Черниговскаго и то, въ чемъ должна была выражаться его подчиненность Московскому патріархату.

Что касается отношеній Барановича и его преемниковъ къ кіев-

Точно такъ же весьма благосклонно въ Москвѣ приняли и посланныхъ изъ Кіево-печерской лавры: имъ, а ихъ было 14 человѣкъ

скимъ митрополитамъ, то онѣ окончательно разстроились по поводу возникшаго между ними спора о трехъ протопопіяхъ (глуховской, борзенской и конотопской). Вскорѣ послѣ непосредственнаго подчиненія черниговской епархіи московскому патріарху Барановичъ долженъ былъ уступить эти протопопіи кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, потому что Ясинскій, во время посвященія своего въ митрополиты въ Москвѣ, склонилъ патріарха утвердить ихъ за нимъ. Барановичъ глубоко оскорбился такимъ поступкомъ Ясинскаго, тѣмъ болѣе, что дотолѣ былъ съ нимъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. «Въ то время», писалъ онъ Ясинскому, узнавъ объ отчужденіи протопій, «въ то время, когда уже отъ титуловъ моихъ я спѣшу въ могилу и каждый день ожидаю призывнаго голоса смертной трубы, суждено старымъ ушамъ моимъ выслушать: Лазаре, гряди вонъ! Я полагалъ, что, по крайней мѣрѣ, теперь безъ всякихъ огорченій почію въ мірѣ; но, какъ видно, желаніямъ моимъ выпалъ противный жребій..... Напрасно я такъ думалъ, что та сыновняя, горячая любовь, которую вы такъ часто и теперь и прежде выражали въ письмахъ ко мнѣ, и которая въ безпрестанныхъ болѣзненныхъ недугахъ моихъ приносила мнѣ утѣшеніе, продолжится, дѣйствительно, въ той же силѣ и навсегда, ибо вижу теперь, что ваше высокопреосвященство, подъ видомъ только братской расположенности, скрывали тайную ко мнѣ непріязнь, которую въ настоящее время предъ лицомъ всей Россіи ваше высокопреосвященство и обнаружили, какъ я имѣю о томъ достовѣрныя извѣстія; ибо хлѣбъ, который данъ щедрою десницею ихъ царскаго величества, чрезъ грамоты, не мнѣ только, но и преемникамъ моимъ, вы разсудили отнять изъ устъ моихъ, чего и блаженной памяти предшественники вашего высокопреосвященства не дѣлали. Что же дѣлать? Я уже привыкъ страдать; съ пострадавшимъ Христомъ потерплю и теперь отъ вашего высокопреосвященства. О чемъ, еже писахъ, но не бумага и не буква, а скорбь сама говоритъ: блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день онъ воздаст ему Господь» (Письма Барановича стр. 250). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ декабрѣ 1691 года

данъ былъ кормъ и питье съ поденнымъ вдвое. Потомъ, въ день пятидесятницы и въ день апостоловъ Петра и Павла сдѣлано было имъ особенно щедрое угощеніе.

Барановичъ послалъ въ Москву съ Θеодосіемъ Углицкимъ, архимандритомъ черниговскимъ, письмо къ патріарху Адріану (№ XCIV стр. 319—322), въ которомъ, жалуясь на митрополита кіевскаго, что тотъ отнимаетъ отъ епархіи его три протопопіи, просилъ патріарха укрѣпить ихъ за черниговскою епархіею, потому что эти протопопіи малости ради епархіи приданы ему, Барановичу, отъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества и за нимъ и наслѣдниками его милостивою утверждены граматою. «Сего ради, писалъ Барановичъ, старчески и рабски припадая, молю: умилосердися святѣйшій архипастырю, и даждь мнѣ съ наслѣдниками моими благословеніе свое на тыя протопопіи, да не въ печали скончаюся». Но предлагая патріарху такую просьбу, Барановичъ въ томъ же письмѣ очень колко даетъ замѣтить, что онъ знаетъ о неблагосклонности къ нему патріарха и о благосклонности къ другимъ, въ частности къ кіевскому митрополиту. Извиняясь предъ Адріаномъ въ томъ, что онъ послѣдній приноситъ ему поздравленіе со вступленіемъ на патріаршество, Барановичъ пишетъ: «не сужду себѣ большаго быти паче иныхъ, вѣмъ бо паче иныхъ мній нарещися могу; имъ бо подобаетъ расти, мнѣ же малитися». Затѣмъ, сравнивая патріарха съ солнцемъ, которое все освѣщаетъ, Барановичъ говоритъ: «сице и святыня твоя на превысочайшемъ пастырства твоего престолѣ общее есть намъ свѣтило, сего ради прилично ти есть лучами благословенія твоего всю россійскую страну, не точію вышпія *митрополитанскія* горы, но и низшее всесмиреннаго архипастырства моего просвѣщати удоліе». Очевидно, что просьба Барановича, предшествуемая такими намеками, не могла у патріарха встрѣтить сочувствія. «Что касается трехъ протопопій, писалъ патріархъ Барановичу (№ XCIX стр. 330—332), о которыхъ писалъ ты, что они были прежде въ твоей епархіи, и просилъ возвратить ихъ отъ митрополита кіевскаго, то у насъ нѣтъ опредѣленныхъ документовъ, о какихъ протопопіяхъ ты просишь и къ какой епархіи они прежде принадлежали; а между

Наконецъ, при отпускѣ всѣ они были щедро одарены и въ подарокъ лаврѣ должны были отвезти 40 соболей съ хвостами въ 50 рублей, 15 ведеръ вина церковнаго и пудъ ладану; да патріархъ послалъ для поминовенія Варсонофія Сарскаго и Подонскаго денегъ 30 рублей, да нѣсколько платковъ. [1]) Наконецъ, вручены были имъ грамоты царей и патріарха, [2]) гдѣ лавра

тѣмъ мы знаемъ, что кіевская митрополія имѣла прежде опредѣленное разграниченіе владѣній съ черниговской епархіей. Поэтому нужно имѣть ясныя документы, чтобы опредѣлить границы этихъ епархій». Ясинскому, между тѣмъ, Адріанъ писалъ, (№ CII стр. 336—337) чтобы онъ не безпокоился, если узнаетъ, что Барановичъ хочетъ оспаривать у него протопопіи. «Хотя и было о томъ прошеніе Лазаря Барановича къ великимъ государямъ и нашей мѣрности, но такъ какъ прежде опредѣлено было, чтобъ эти протопопіи были подъ твоимъ вѣдѣніемъ и тебѣ даны были на это грамоты, то и нынѣ рѣшено было, что все должно быть по прежнему, и твое преосвященство должно удержать эти протопопіи въ своемъ вѣдѣніи». Точно такъ же не имѣла результатовъ попытка посланнаго въ Москву Барановичемъ архимандрита Ѳеодосія обвинить Ясинскаго въ томъ, что онъ незаконно присвоиваетъ себѣ имѣнія выдубецкаго монастыря, (CIV—CVI стр. 338—345) потому что хотя доносу Углицкаго, который не задолго предъ тѣмъ былъ игуменомъ выдубецкаго монастыря, сначала повѣрили и особою царскою грамотою опредѣлено было, что имѣнія выдубецкаго монастыря не должны быть въ зависимости отъ митрополита кіевскаго, но когда Ясинскій по этому поводу прислалъ письмо къ патріарху. (№ CIV стр. 338—342) то патріархъ отвѣчалъ ему, (№ CV стр. 342—343) что несправедливость доноса Углицкаго ему, патріарху извѣстна, а Углицкому послалъ весьма суровое письмо, чтобъ онъ не мѣшался не въ свое дѣло (№ CVI стр. 343—345).

[1]) № LXXII стр. 259—260. Евгенія Описаніе Кіево-печерской лавры приложеній №№ 16—21 стр. 59—65.

[2]) Евгенія Описаніе Кіево-печерской лавры приложеній № 21 и 24 стр. 65—77 и 81—92.

утверждалась ставропигіею московскаго патріарха и объявлялась независимою отъ митрополита кіевскаго Четвертинскаго. Сперва, какъ кажется, составилъ эту грамоту одинъ патріархъ, гдѣ дѣлалъ такое распоряженіе отъ своего имени и вмѣстѣ отъ имени царей. Но когда просмотрѣна была эта грамота московскимъ правительствомъ, то она возвращена была патріарху для передѣлки, потому что цари нашли съ своей стороны приличнымъ лично послать отъ себя особую грамоту по этому дѣлу. Въ грамотѣ царей и въ передѣланной грамотѣ патріарха говорилось, что лавра утверждается ставропигіею патріарха московскаго во вниманіе къ тому, что лавра была ставропигіею патріарха константинопольскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ древнія грамоты, присланныя въ настоящее время изъ лавры въ Москву: грамоты великаго князя Андрея Георгіевича и весьма многихъ константинопольскихъ патріарховъ. Въ особой грамотѣ Гедеону Четвертинскому [1]) патріархъ, увѣдомляя его о томъ, что лавра сдѣлалась ставропигіею, будущія отношенія митрополита къ лаврѣ опредѣляетъ такъ: «и ты, сыну и сослужителю нашей мѣрности, въ монастырѣ печерскомъ ни чѣмъ да не владѣеши и не управляеши его, и ничто изъ него да не во́змлеши, чтобы былъ древнихъ и нынѣшнихъ грамотъ указъ и опредѣленіе ненарушны; такожде и клятвамъ бы не подпасти. По прошенію же Печерскія лавры, нашея ставропигіи, архимандрита и братіи, по чину и удостоенію братіи того монастыря въ іеромонахи и діаконы да посвящаеши невозбранно. Архимандритъ же въ тую лавру въ чинъ степени ни отъ кого иного, точію отъ нашея

---

[1]) № LXXIII стр. 260—262.

мѣрности благословеніе пріемлетъ. Убо и впредь будущимъ въ кіевской митрополіи архіереемъ и всякаго чина людемъ о печерскомъ монастырѣ и о всѣхъ ево стяжаніяхъ соблюдати заповѣдуемъ такожде.» [1])

---

[1]) Кіево-печерская лавра въ утвердительной грамотѣ на ставропигію признана была первою архимандріею московскаго патріарха. Архимандриты лавры дорожили этою ставропигіальностію, какъ это видно изъ просьбы Ясинскаго къ патріарху прислать снова грамоту на ставропигію, потому что первая была затеряна печерскимъ монахомъ Силлою, которому она была вручена въ Москвѣ для доставленія въ лавру (№ LXXX стр. 281—287). Дорожили потому, что признавая себя ставропигіальными патріарха, архимандриты лавры могли часто относиться къ патріарху съ различными просьбами. Такъ Ясинскій напр., на этомъ основаніи просилъ патріарха Іоакима (№ LXXX стр. 284—287), чтобы онъ далъ въ лавру священнаго мура и антиминсовъ для новыхъ церквей, а преемникъ Ясинскаго, Вояхевичъ, на томъ же основаніи просилъ у патріарха (CXV стр. 364—367) Адріана позволенія совершать священнодѣйствіе въ монастырѣ по тому же чину, какъ совершалъ священнодѣйствіе архимандритъ московскаго Троицко-Сергіева монастыря.

Но высказывая во всѣхъ письмахъ къ патріарху глубочайшую покорность, братія лавры на дѣлѣ не всегда ему повиновались и, главнымъ образомъ, въ двухъ случаяхъ лавры старались дѣйствовать независимо отъ патріарха московскаго: во 1-хъ въ дѣлѣ избранія и поставленія архимандрита лавры, во 2-хъ въ дѣлѣ по изданію книгъ въ лаврской типографіи. Относительно своего участія въ первомъ дѣлѣ въ грамотѣ на ставропигію патріархъ обусловливалъ, что избранный на Кіево-печерскую архимандрію долженъ принять посвященіе въ Москвѣ отъ самаго патріарха, потому что патріарху необходимо лично знать избранныхъ на такія важныя мѣста. Но это постановленіе было нарушено очень скоро: при избраніи преемника архимандриту Ясинскому, во время котораго совершилось подчиненіе лавры. Преемникомъ Ясинскому былъ избранъ Вояхевичъ, бывшій до

Въ тоже время патріархъ Іоакимъ призналъ ставропигіальнымъ и Кіево-межигорскій монастырь. (№ CLXX стр. 446).

этого времени генеральнымъ судьею Запорожскаго войска, не смотря на то, что предложены были для занятія архимандріи болѣе достойные для этого кандидаты: намѣстникъ лавры Паисій, архимандритъ черниговскій Ѳеодосій Углицкій и пустынно-Николаевскій игуменъ Іоасафъ Кроковскій (Евгенія Описаніе Кіево-печ. лавры стр. 119). Патріархъ московскій Адріанъ былъ очень недоволенъ этимъ выборомъ и въ письмѣ своемъ къ гетману Мазепѣ (№ LXXXIV стр. 296—298) высказывалъ удивленіе, какимъ это образомъ состоялось такое избраніе свѣтскаго человѣка въ архимандриты, не смотря на то, что, насколько ему, патріарху, извѣстно, въ лаврѣ не мало достойныхъ духовныхъ лицъ для избранія на эту должность. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ требовалъ, чтобы Вояхевичъ нѣкоторое время несъ монастырское послушаніе въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, а потомъ, если окажется достойнымъ архимандритства, для поставленія въ архимандриты пріѣзжалъ непремѣнно въ Москву. Но Вояхевичъ, по полученіи этаго письма отъ патріарха будучи немедленно посвященъ въ санъ іеродіакона и іеромонаха Варлаамомъ Ясинскимъ, рѣшился уклониться отъ необходимости ѣхать въ Москву и для поставленія въ архимандриты, а получить этотъ санъ въ Кіевѣ же, отъ кіевскаго митрополита. Съ этою цѣлью отправлены были изъ лавры къ патріарху письма отъ Вояхевича и братіи лаврской, а по просьбѣ ихъ послалъ письмо съ ходатайствомъ за Вояхевича, Ясинскій (№№ XCI—XCIII стр. 311—319). Во всѣхъ письмахъ говорилось, что Мелетій Вояхевичъ по своей старости и немощамъ не можетъ прибыть въ Москву для поставленія, и съ величайшимъ усердіемъ предлагалась просьба дозволить по этому Вояхевичу принять поставленіе въ санъ архимандрита въ Кіевѣ отъ митрополита Варлаама Ясинскаго. Получивши столько просьбъ за Вояхевича, патріархъ нашелся вынужденнымъ дозволить просимое, хотя и выразилъ неудовольствіе (№ XCVI—XCVIII стр. 323—330). «И сего сотворити, писалъ онъ, ради вышеписанныхъ винъ и обители вашей потребства, всяко невозможно было, но по совѣту и благоволенію ихъ царскаго пре-

Такимъ образомъ митрополитъ кіевскій лишенъ былъ власти надъ архіепископією черниговскою, надъ Кіево-печерскою лаврою и надъ Кіево-межигорскимъ монастыремъ.

свѣтлаго величества, благочестивѣйшихъ нашихъ государей и царей, ради вашего прошенія и трудности въ пути, ради времени непогодственнаго, старости лѣтъ его, попустихомъ нынѣ тому быти и послахомъ нашу грамоту къ преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому, съ благословеніемъ: да избраннаго мужа іеромонаха Мелетія въ обитель святую посвятитъ въ архимандриты и произведетъ на степень достоинства того. Въ предшедшая же времена тако творити весьма не повелѣваемъ и запрещаемъ, да никтоже, неявися нашей мѣрности, впредь будетъ въ печерской лаврѣ архимандритъ. И сему по благополучну пути къ намъ въ царствующій градъ Москву прибыти благословеніе же и ставленную грамоту отъ насъ пріяти повелѣваемъ». Но Вояхевичъ не прибылъ въ Москву и для принятія ставленной грамоты. Хотя послѣ посвященія Вояхевича братія монастыря, въ благодарственной грамотѣ патріарху за дозволеніе, (№ CI стр. 334—336) давали обѣщаніе, что новопоставленный архимандритъ «благополучнаго времени сподобився», пріѣдетъ въ Москву. Но ровно черезъ годъ Вояхевичъ самъ увѣдомлялъ патріарха (№ CXV стр. 364—367), что онъ не имѣетъ возможности лично побывать въ Москвѣ, а посылаетъ вмѣсто себя изъ лавры нѣсколькихъ братій и проситъ черезъ нихъ дать ему прощеніе и утвердительную грамоту на архимандрію. Патріархъ и въ этомъ случаѣ уступилъ и, по прошенію Вояхевича, послалъ ему грамоту на управленіе печерскою лаврою. (№ CXVIII стр. 373—379). Впрочемъ, слѣдующій архимандритъ лавры, Іоасафъ Кроковскій, не разъ бывшій въ Москвѣ и до своего избранія и пользовавшійся благосклонностію патріарха, для посвященія въ архимандрита отправился въ Москву лично и принялъ этотъ санъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ отъ патріарха. (Евгенія Описаніе Кіево-печ. лавры стр. 120).

Еще труднѣе было для патріарха московскаго имѣть вліяніе на печатаніе книгъ въ лаврской типографіи. Въ то время, когда лавра поступала подъ непосредственное вѣдѣніе патріарха, архимандритъ ея

Желаніе Іосифа Шумлянскаго не было исполнено московскимъ патріархомъ съ такою готовностью. Онъ отвѣчалъ Шу-

---

Ясинскій, просилъ патріарха Іоакима дать особую грамоту относительно лаврской типографіи (Евгенія Описаніе Кіево-печ. лавры въ прилож. № 15 стр. 58). Но такой грамоты небыло дано, и отъ этой неопредѣленности правъ и обязанностей лаврской типографіи по отношенію патріарху, возникало много недоразумѣній. Такъ въ 1689 году, по поводу изданія первой части миней Димитрія, Іоакимъ весьма сурово осуждалъ братію лавры (№ LXXVI стр. 280—284) за то, что эта книга была издана безъ его позволенія. Еще болѣе недоволенъ былъ патріархъ тѣмъ, что въ лаврѣ была издана книга «Вѣнецъ Христовъ», въ предисловіи къ коей сказано, что она издается съ патріаршескаго благословенія, а между тѣмъ онъ, патріархъ, не только не подавалъ благословенія на это дѣло, но, напротивъ, наложилъ запрещеніе печатать эту книгу, пока она не будетъ разсмотрѣна соборно. «Сами судите», говоритъ патріархъ, чего достойно дѣло сіе безъ благословенія нашего архипастырства синодальнаго дерзновенно изнесенное? По нашему же суду достойно огнесожженія. Дѣлавшія же безсовѣстно, или паче лѣпотнѣе рещи преслушнѣ, достойни по священническимъ канонамъ великаго запрещенія и правильныя тяжкія епитиміи». По поводу этого, на будущее время патріархъ требовалъ, чтобы всѣ книги, печатаемыя въ лаврѣ, предварительно присылались къ нему для разсмотрѣнія. «А впредь бы вамъ каковы книги, малы или великія, новосочиненныя случится печатати, первѣе къ намъ, святѣйшему патріарху, объявити и, написавъ, присылати, и мы разсмотря и благословеніе подадимъ на подобающая; а не объявя, и намъ первѣе не приславъ, отнюдь бы вамъ не дерзати таковыхъ книгъ новослагаемыхъ печатати, да не казни церковнѣй запрещеніемъ, яко преступницы, подпадете». Въ отвѣтномъ письмѣ изъ лавры обѣщались исполнять это приказаніе патріарха, но въ дѣйствительности оно не исполнялось. Такъ, въ 1692 году, напечатаны были въ лаврской типографіи, безъ вѣдома патріарха, литургіи, и въ предисловіи къ нимъ не было упомянуто именъ царей и патріарха, а только имя архимандрита лавры Мелетія Вояхевича. Патріархъ Адріанъ этимъ былъ очень не-

млянскому, что Гедеонъ Четвертинскій поставленъ законно и по древнему праву дано ему благословеніе начальствовать

доволенъ. «А тако бы не подобало творити», писалъ онъ Вояхевичу (№ CXIII стр. 358—360), «зане еще и самъ ты у насъ самолично благословенія не пріялъ еси, а уже за твоимъ точію веленіемъ книги издаются, еже весьма непристойно и дерзновенно». Вояхевичъ прислалъ извиненіе (№ CXIV стр. 360—364), говорилъ, что этихъ книгъ напечатано небольшое количество экземпляровъ, говорилъ, что онъ и своего имени не приказывалъ печатать, но типографіи, по своей должности любочествуя его, сіе сотворили, за что слово воспріяли»; наконецъ утверждалъ, что ничего не зналъ о распоряженіяхъ патріарха, бывшихъ до его архимандритства, чтобы никакихъ книгъ церковныхъ безъ патріаршаго благословенія не печатать. Но это распоряженіе, очевидно, было въ высшей степени для Вояхевича непріятно. «Ужасе бо насъ, писалъ онъ, вашъ архипастырскій милостивый отеческій указъ, яко ни малой какой книжицы безъ вашего архипастырскаго милостиваго указу не печатать. Не отрицаемъ сего, но и со радостію всякій милостивый архипастырскій указъ пріемлемъ, точію превысокому благоразумному разсмотрительству милостивому разсужденію вашему архипастырству сію нашу привегію болѣзненную нужду предлагаемъ: аще намъ богомольцемъ нашемъ на всякую и малѣйшую книжицу по благословеніе посылати къ вамъ, нашему премилосердному отцу и архипастырю, то въ святой обители всякому строенію монастырскому превеліе препятіе будетъ. И не точію строенію, но и безхлѣбни будемъ». Затѣмъ, сообщая, что типографія составляетъ главный доходъ лавры, Вояхевичъ просилъ, чтобы Адріанъ, какъ и прежніе патріархи, дозволилъ печатать книги безъ предварительной съ нимъ ссылки. Но патріархъ Адріанъ, прощая Вояхевичу за напечатаніе литургій, требовалъ (№ CXVII стр. 371—373) по прежнему, чтобы большія книги, печатаемыя въ лаврѣ, были присылаемы предварительно для просмотра ему патріарху. Тѣмъ не менѣе и послѣ того только по поводу изданія миней Димитрія лавра имѣла сношенія съ патріархомъ (№№ CXXII—CXXV стр. 415—420 и CXXXIX—CXLII стр. 429—436), потому, конечно, что для составленія этихъ миней

надъ подчиненными епископіями. Поэтому патріархъ уговаривалъ Шумлянскаго, ради любви божія, пріѣзжать въ городъ Кіевъ и съ митрополитомъ совѣтовать въ полезное во всемъ. Точно также находилъ патріархъ нарушеніемъ древнихъ правилъ и учрежденіе въ Галиціи особой митрополіи, потому что издревле кіевскій митрополитъ назывался вмѣстѣ и галицкимъ. Вмѣсто того патріархъ предлагалъ открыть архіепископію или

нужно было Димитрію выпросить у патріарха минеи Макарія. Преемникъ Адріана мѣстоблюститель патріаршества Стефанъ Яворскій не обращалъ вниманія на то, какъ идетъ печатаніе книгъ въ Кіево-печерской лаврѣ, и тамъ стали допускать большія вольности. Книга о богомысліи напечатана съ нѣкоторыми раскольническими мнѣніями. Въ мѣсяцесловѣ 1718 года напечатано было, якобы онъ изданъ ставропигіею вселенскаго константинопольскаго патріарха. Очевидно, лавра снова старалась отдѣлиться отъ московскаго патріархата. Но все это прекращено было указомъ Петра Великаго отъ 5 октября 1720 года. «Великому государю вѣдомо учинилось», говорилось въ этомъ указѣ, «что въ кіевской и черниговской типографіяхъ въ печатанныхъ книгахъ печатаютъ несогласно съ великороссійскими печатьми, которыя со многою противностію къ восточной церкви. А именно въ Черниговѣ, учебные часословы по желанію раскольническому. Въ книгѣ богомыслія явилась многая лютерская прибавность. Того ради его царское величество указалъ: вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать, а и оныя церковныя старыя книги, для совершеннаго согласія съ великороссійскими такими-же церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ оныхъ не было; а другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ ни новыхъ изданій, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи и не взявъ отъ оной позволеніе, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой къ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью разности произойти. (Русск. Вѣстн. 1869 г. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода, т. I стр. 77).

митрополію въ какомъ нибудь другомъ городѣ западной Руси, если будетъ на то изволеніе рѣчи посполитой и благочестивѣйшихъ государей. [1]) Но въ то время какъ московскій патріархъ отказывалъ Шумлянскому въ просьбѣ сдѣлать его независимымъ отъ кіевскаго митрополита Четвертинскаго, Шумлянскій сталъ de facto отъ него независимымъ благодаря перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ. Польское правительство, никогда не соблюдавшее твердо условій, тѣмъ менѣе готово было соблюдать условія мирнаго договора съ Москвою теперь, когда войско московское потерпѣло неудачу не подавъ помощи полякамъ противъ Турокъ и такимъ образомъ недавно заключенный миръ съ Москвою не принесъ Польшѣ ожидаемой выгоды. Вопреки условіямъ этого договора, оно по прежнему покровительствовало уніи и не только отдало уніатамъ епископіи западнорусскіе, съ имѣніями этихъ епископій, но вмѣстѣ и всѣ митрополичьи деревни, находящіяся въ польскихъ областяхъ. Всего болѣе конечно въ это время досталось на долю Шумлянскаго. Такимъ образомъ и на западной сторонѣ Днѣпра всѣ имѣнія отошли изъ подъ вѣдѣнія митрополита и Гедеону остались только въ кіевскомъ округѣ двѣ деревни: Погребки и Зазимье, изъ которыхъ послѣднюю оспоривала еще у него лавра [2])

Кромѣ лишенія имѣній, патріархъ московскій и цари, послѣ паденія Самойловича, нашли возможнымъ окончательно утвердить и то сокращеніе въ титулѣ митрополита кіевскаго, какое допускалъ въ своей ставленной грамотѣ Гедеону патріархъ Іоакимъ, именно: отнять у него право именоваться митрополитомъ

---

[1]) № LXXXI стр. 290—293.

[2] Евгенія Описаніе Кіево-Соф. собора стр. 205.

всея Россіи. Доселѣ митрополитъ Гедеонъ, основываясь на томъ, что на ободкѣ митры, которая была дана ему при посвященіи, былъ вычеканенъ его титулъ вполнѣ: «митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи«, такимъ титуломъ подписывался на всѣхъ бумагахъ. Но теперь, въ 1688 году, особымъ указомъ отъ 27 генваря подписываться митрополитомъ всея Россіи было ему запрещено. [1])

Принявъ подъ свое вѣдѣніе кіевскую митрополію, патріархъ Іоакимъ обращалъ свое вниманіе и на религіозныя убѣжденія Гедеона Четвертинскаго и малороссійскихъ епископовъ. Іоакимъ былъ человѣкъ, такъ сказать, ригористически-энергическій въ дѣлахъ вѣры. Извѣстно, что онъ принималъ чрезвычайно горячее участіе въ полемикѣ по вопросу о томъ, когда и какими словами совершается въ таинствѣ евхаристіи пресуществленіе хлѣба и вина въ истинное тѣло и кровь Христову. Объ этомъ патріархъ составилъ цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: «Остенъ». Подъ вліяніемъ этой полемики, Іоакимъ былъ въ высшей степени недовѣрчивъ, и вездѣ старался видѣть и преслѣдовать ересь и еретиковъ, а особенно въ ученыхъ южной Руси. Оставивъ кіево-могилянскую коммиссію еще въ то время, когда въ ней мало были развиты порядки латинскихъ школъ, онъ очень возмущался тѣмъ что послѣ образованіе въ коллегіи приняло характеръ преподаванія въ католическихъ школахъ. [2]) Къ ученымъ, выходившимъ въ это время изъ коллегіи, онъ не благоволилъ; обличалъ въ ереси даже Симеона Полоцкаго, и во время своего патріаршества не вызвалъ изъ Малороссіи

---

[1]) Евгенія Описаніе Кіево-Соф. собора стр. 201.

[2]) Такъ объясняетъ образъ мыслей патріарха Іоакима Образцовъ въ своей статьѣ «Кіевскіе ученые въ Великороссіи» Эпоха 1859 г. кн. 1 я.

ни одного ученаго въ Москву. Главную причину развитія латиномыслія на югѣ Россіи, патріархъ Іоакимъ полагалъ въ томъ, что константинопольскіе патріархи, управлявшіе до этого времени кіевскою митрополіею, не имѣли возможности слѣдить за неизмѣнно твердымъ соблюденіемъ здѣсь православной вѣры. Въ грамотѣ своей къ Діонисію, патріарху константинопольскому, [1]) онъ укоряетъ его, что онъ доселѣ не слѣдилъ за религіознымъ настроеніемъ въ Малороссіи, и проситъ Діонисія помогать теперь ему, Іоакиму, преслѣдовать явившіяся въ Малороссіи еретическія ученія, послать отъ себя въ южную Русь грамоту, съ изложеніемъ истиннаго ученія, особенно о таинствѣ евхаристіи, и съ приказаніемъ оставить новыя мнѣнія. Самъ Іоакимъ на первый разъ считалъ неудобнымъ очень рѣзко писать отъ себя объ этомъ въ южную Русь. Онъ сдѣлалъ только Четвертинскому и Барановичу вопросъ [2]) о томъ, что такое соборъ Флорентійскій и какъ они объ немъ думаютъ, стараясь при томъ мотивировать этотъ вопросъ такъ, чтобы онъ не казался обиднымъ. «У насъ, говорилъ Іоакимъ, возникло разногласіе относительно этого собора: одни признаютъ его истиннымъ, другіе еретическимъ, но ни тѣ, ни другіе не могутъ ничего доказать, потому что нѣтъ у насъ такихъ книгъ, гдѣ бы можно было справиться, что это былъ за соборъ, а у васъ книги есть.» На это письмо Іоакима Барановичъ отвѣчалъ немедленно, излагая коротко исторію Флорентійскаго собора, и сообщая, что онъ не признаетъ его справедливымъ; [3]) а Четвертинскій нѣсколько позднѣе. [4]) Но скоро обнаружилось,

[1]) № XLVIII стр. 193—200.
[2]) № LXVIII стр. 244—246.
[3]) Письма Барановича стр. 230.
[4]) № LXXV стр. 269—270.

что Іоакимъ вовсе не нуждался въ справкахъ относительно Флорентійскаго собора, а спрашивалъ объ немъ исключительно съ цѣлью испытать православіе представителей кіевской митрополіи. Въ письмѣ къ Барановичу, [1]) благодаря его за отвѣтъ о флорентійскомъ соборѣ и похваляя за то, что онъ не признаетъ этого собора истиннымъ, Іоакимъ спрашиваетъ его, почему онъ не упомянулъ о разсужденіяхъ, бывшихъ на флорентійскомъ соборѣ относительно таинства евхаристіи, и самъ подробно описываетъ бывшія на этомъ соборѣ относительно этого пункта разсужденія. Затѣмъ, указывая, что въ малорусской церкви существуютъ относительно таинства евхаристіи мнѣнія, подобныя лжеученіямъ флорентійскаго собора, патріархъ увѣщеваетъ Барановича возстать противъ нихъ. Вѣроятно подобное же изложеніе ученія о таинствѣ евхаристіи послалъ Іоакимъ и Четвертинскому, митрополиту кіевскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ возмущенъ былъ встрѣтивъ нѣкоторыя еретическія мысли въ книгахъ, изданныхъ Кіево-печерскою лаврою; [2]) возмущался тѣмъ, что въ одной книгѣ напечатано было, будтобы пресвятая Богородица зачата и рождена безъ первороднаго грѣха, а въ другой книгѣ сказано было, что Іеронимъ—учитель православный. О всемъ этомъ патріархъ Іоакимъ писалъ Варлааму Ясинскому, архимандриту лавры. На эти учительныя посланія Варлаамъ и Гедеонъ отвѣчали съ благодарностью и давали обѣщаніе всегда и во всемъ слѣдовать ученію православной восточной церкви. [1]) «Во всегдашней бо памяти имѣемъ, писали они, яко отъ Стопа изыде

---

[1]) № LXXIV стр. 262—268.

[2]) № LXXIX стр. 280—284.

законъ и слово Господне отъ Іерусалима, и яко во святомъ крещеніи россійскія земли посѣти насъ востокъ, а не западъ; ниже хощемъ сынове быти тмы и нощи, но свѣта и дне.» Еще съ большимъ выраженіемъ преданности прислалъ письмо патріарху Барановичъ: онъ совершенно отказывался имѣть свое мнѣніе по вопросу о пресущественіи даровъ въ таинствѣ ѳвхаристіи. «Аще убо египтяне, писалъ онъ, не спасенія души, но токмо поврежденія тѣлесъ трепещуще, не движущеся отъ мѣстъ своихъ належащей тмѣ земней, что подобаетъ намъ во духовныхъ творити? нощь велія и темная есть невѣдѣніе, множае достоитъ намъ ко предлежащему дѣлу во прождаміи истиннаго свѣта благоразумнаго разсужденія пребыти, ибо коль красно ѳсть сѣдинамъ разсужденіе и старцемъ разумѣти законъ говоритъ Сирахъ....» [1]

Въ 1690 году апрѣля 6-го умеръ Гедеонъ Четвертинскій, митрополитъ кіевскій. Преемникъ ему—съ дозволенія царя, былъ избранъ вольными голосами, и выборъ палъ на Ясинскаго. Но по повелѣнію же царей, поставленіе въ санъ митрополита Ясинскому необходимо было принять отъ московскаго патріарха въ Москвѣ, и онъ отправился туда. Въ Москвѣ принятъ былъ онъ радушно [2] и возвратившись изъ Москвы всегда относился потомъ къ патріарху Адріану съ величайшею довѣрчивостію. Письма его къ патріарху наполнены не однимъ голословнымъ выраженіемъ преданности (какъ письма Четвертинскаго), но видно въ нихъ со стороны Ясинскаго стремленіе познакомить патріарха съ своею дѣятельностью по управленію митрополіею. Возвратившись изъ Москвы въ Кіевъ, Ясинскій описываетъ

[1]) Письма Барановича стр. 112.

[2]) Евгенія Описаніе Кіево-соф. соб. прилож. № 25 стр. 124—134.

патріарху подробно [1]), какъ онъ вступилъ въ городъ, когда и какъ совершалъ первое богослуженіе и т. д. Затѣмъ, желая содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ Кіевѣ и процвѣтанію Кіево братской коллегіи, Ясинскій послалъ нѣсколько учителей этой школы въ Москву къ патріарху съ рекомендательнымъ письмомъ [2]), объясняя, какъ благодѣтельно было бы для Малороссіи такое процвѣтаніе Кіево-братской школы. Ясинскій сообщалъ также патріарху о своихъ отношеніяхъ къ православнымъ и лютеранамъ, живущимъ въ польскихъ областяхъ [3]). Онъ даже нарочно посылалъ къ патріарху Іоасафа Кроковскаго, котораго прежде онъ отправлялъ въ Вильно къ живущимъ тамъ православнымъ, чтобы Кроковскій поподробнѣе разсказалъ патріарху о своей тамъ дѣятельности и о положеніи православныхъ, тамъ живущихъ. Иногда Ясинскій спрашивалъ у патріарха и о дѣлахъ болѣе маловажныхъ: такъ, спрашивалъ: можно ли дозволить Гуменскому, судьѣ и сотнику, вступить въ четвертый бракъ? можно ли бывшаго Донской обители архимандрита Никона, теперь живущаго въ лаврѣ, поставить архимандритомъ монастыря Ядяцкаго? и т. д.

Съ своей стороны и патріархъ Адріанъ въ своихъ письмахъ къ Ясинскому оказывалъ ему болѣе довѣрія, чѣмъ Іоакимъ оказывалъ Гедеону. Благосклонность Адріана къ Ясинскому выразилась во многомъ: въ томъ, напримѣръ, что Адріанъ рѣшилъ въ пользу Ясинскаго споръ между имъ и Барановичемъ относительно протопопій; въ томъ, что онъ не повѣрилъ доносу на Ясинскаго со стороны Углицкаго; въ томъ, что онъ

---

[1]) № LXXXVI стр. 302—305.

[2]) № LXXXVIII стр. 306—309.

[3]) № CXXIV стр. 385—391.

дозволилъ Ясинскому поставить въ архимандриты лавры Мелетія Вояхевича. Въ послѣднемъ случаѣ Ясинскій становился какъ-бы намѣстникомъ патріарха. На всѣ донесенія Ясинскаго патріархъ отзывался вполнѣ сочувственно: по поводу просьбы о Кіево-братской школѣ правда, немедленно не состоялось указа [1]), но чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1694 году, грамотою царей [2]) утверждалось много имѣній за братскою школою и назначалось отъ казны опредѣленное жалованье учителямъ. По поводу донесенія Ясинскаго о своихъ сношеніяхъ съ православными и лютеранами, живущими въ польскихъ областяхъ, Адріанъ прислалъ ему благодарность за подобную дѣятельность [3]) и т. д.

Находясь въ такихъ отношеніяхъ къ митрополиту Ясинскому, патріархъ Адріанъ имѣлъ возможнымъ позаботиться о лучшемъ устройствѣ іерархіи въ кіевской митрополіи. Главнымъ зломъ въ этомъ отношеніи были странствующіе греческіе архіереи, которые, странствуя по Малороссіи, посвящали духовныхъ лицъ *въ праздность*, ни къ какому мѣсту, отчего размножилось много переходящихъ изъ одного мѣста въ другое безъ всякаго дѣла духовныхъ лицъ По поводу одного изъ такихъ духовныхъ, явившагося въ Москву, и объявившаго, что онъ посвященъ въ Нѣжинѣ патріархомъ Ахридонскимъ, патріархъ Адріанъ высказывая въ письмѣ къ Ясинскому [4]) свое крайнее удивленіе, спрашивалъ: много ли еще есть въ Малороссіи подобныхъ странствующихъ греческихъ архіереевъ, и совѣтовалъ Ясинскому запрещать имъ всякое священнодѣйствіе. Точно также относи-

---

[1]) №№ LXXXIX—XC стр. 309—311.

[2]) Памятники изд. Кіевск. арх. коммиссіею т. II стр. 316—323.

[3]) № CXXV стр. 391—395.

[4]) № CXXIX—CXXXI стр. 406—415.

тельно переходящихъ монаховъ, Адріанъ повелѣвалъ Ясинскому слѣдить, чтобы подобныхъ не было [1]). Вооружался Адріанъ и противъ дозволяемыхъ подобными духовными различныхъ преступленій, различныхъ нарушеній противъ каноническихъ уставовъ. Такъ, онъ повелѣвалъ Ясинскому воспрепятствовать Гуменскому вступить въ четвертый бракъ [2]).

Но когда по волѣ патріарха, странствующіе греческіе іерархи лишены были права священнодѣйствовать въ Украинѣ, то Ясинскому одному сдѣлалось невозможнымъ исполнять всѣ дѣла по управленію кіевской митрополіей; и онъ просилъ патріарха посвятить ему въ помощника епископа въ Переяславль [3]). Находя законною такую просьбу, патріархъ посвятилъ въ епископы переяславскіе Захарія Корниловича. Такимъ образомъ организовано было въ кіевской митрополіи правильное іерархическое устройство. *Сергѣй Терновскій.*

---

[1]) № CXXV стр. 391—395.

[2]) Ibid.

[3]) № CXXXVI стр. 423—428.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ІЕРАРХІИ.

«Естьли спрошу васъ, кто вы и какое ваше званіе, то вы вѣрно дадите отвѣтъ, что вы государственныя особы, состоящія подъ властію Монарха и законовъ Евангельскихъ, призванныя на проповѣдываніе истинъ Религіи и наставленіе въ законѣ, служащемъ правиломъ нравовъ.»

Слова изъ рѣчи Екатерины II, по случаю отобранія церковныхъ имуществъ (см. «Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. за 1862 г., кн. 2, въ смѣси, стр. 187).

СОЧИНЕНІЕ

Андріану Степановичу Лебедеву отъ Геннадія Карпова.

1869 года 28 Сентября

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1865.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1864 г., кн. 3 и 4.

СВ. ПЕТРЪ МИТРОПОЛИТЪ.

Въ единомъ отъ мѣстъ страны Волынскія, отъ родителя Христіянина и матери благовѣрныя, родился великій во Святителяхъ, блаженный Петръ, разсказывается въ житіи Митрополита Петра, сочиненномъ однимъ изъ его преемниковъ, Митрополитомъ Кипріаномъ[1]. Вслѣдъ за словами о рожденіи Петра, въ житіи его разсказываются два чуда: одно, случившееся съ матерью Петра, еще до его рожденія, предвѣщавшее будущую славу человѣка, который долженъ отъ нея родиться, а другое уже съ самимъ Петромъ, бывшее во время его малолѣтства. Кромѣ этѣхъ чудесъ, не дающихъ даже средствъ къ предположеніямъ, кто былъ Петръ по происхожденію, житіе ничего не сообщаетъ о дѣтскихъ годахъ Митрополита Петра.

Петръ, имѣя только 12 лѣтъ отъ рожденія, отошелъ въ пустыню и поступилъ въ одинъ изъ находящихся въ ней монастырей, и тамъ отъ Игумена былъ постриженъ. Съ постриженіемъ Петра начались его иноческіе подвиги: онъ находился въ глубокомъ послушничествѣ у своего духовнаго отца; кромѣ того, принималъ на себя всевозможные труды: носилъ воду въ поварню, мылъ для братіи власяницы. Въ подобныхъ трудахъ его не останавливало ничто: онъ работалъ лѣто и зиму, и въ тоже время исполнялъ въ точности и даже съ большимъ прилежаніемъ, чѣмъ другіе монахи, всѣ правила монастырской жизни. Въ те-

[1] Ст. Кн. Ч. I, стр. 410 — 424.

чении времени, не уставая въ трудахъ и служеніи братіи, онъ сподобился Діаконскаго, а потомъ Пресвитерскаго сана. Пребывая въ этомъ монастырѣ, Петръ занялся иконною живописью; написанныя иконы онъ отдавалъ своему наставнику, а тотъ уже раздавалъ братіи и приходящимъ.

Изучивши и прошля всѣ степени иноческихъ подвиговъ, Петръ, по благословенію и повелѣнію наставника своего, вышелъ изъ монастыря, въ которомъ сначала жилъ, и для большихъ подвиговъ удалился въ пустыню и тамъ, въ уединенномъ мѣстѣ, на рѣкѣ Ратѣ, въ Галиціи, въ Жолковскомъ уѣздѣ[2] устроилъ себѣ жилище. Сюда къ нему стали сбираться ученики. Сдѣлавшись по этому наставникомъ и начальникомъ собравшейся къ нему братіи, Петръ съ кротостію заставлялъ ихъ исполнять свои обязанности; въ монастырь же принималъ нищихъ, кормилъ ихъ, отдавалъ имъ все, что имѣлъ; не могши отказать нищему, когда не имѣлъ что ему дать, то отдавалъ свою власяницу, или икону, имъ написанную. Такіе иноческіе подвиги не могли укрыться: всѣ, слышавшіе о Петрѣ, шли въ его монастырь молиться съ нимъ и посмотрѣть на святаго подвижника: «славимъ былъ дивный сей человѣкъ, и всѣ слову и ученію его внимали», говоритъ авторъ житія Святителя Петра. Когда Митрополитъ Максимъ, во время объѣздовъ своей обширной Митрополіи, прибылъ на Волынь, Игуменъ Петръ съ своею братіею явился къ нему и поднесъ образъ Богородицы, имъ самимъ написанный. Митрополитъ Максимъ благословилъ братію и образъ Богородицы принялъ съ великою радостію. Такъ текла жизнь Петра до самой смерти Митрополита Максима.

Послѣ смерти Митрополита Максима, въ продолженіи значительнаго времени, не было въ Россіи Митрополита. Въ житіи Митрополита Петра разсказывается, что, по смерти Максима, нѣкто игуменъ Геронтій дерзнулъ восхитить для себя Святительскій санъ: захватилъ Святительскую утварь, одежды, пастырскій жезлъ и, взявъ съ собою церковныхъ сановниковъ, отправился въ Константинополь. Можно предполагать, что Геронтій это

---

[2] Ист. Рус. Цер. Ч. 2, стран. 154, изд. 2.

сдѣлалъ при помощи и покровительствѣ кого нибудь изъ Сѣверныхъ Русскихъ Князей, да и самъ, должно быть, былъ изъ Игуменовъ монастырей Сѣверной Россіи.[3] Вѣроятнѣе всего, что Геронтію помогалъ въ этомъ дѣлѣ Тверской Князь Михаилъ Ярославичь, бывшій въ это время Великимъ Княземъ. Впрочемъ въ житіи Митрополита Петра сказано: Геронтій сдѣлалъ это «своеуміемъ» и никто ему этого не возбранялъ; но могъ ли Геронтій самъ принудить итти за собою церковныхъ сановниковъ и безнаказанно захватить принадлежности Митрополичьяго сана? Такой поступокъ Геронтія возбудилъ всеобщее неудовольствіе и когда извѣстіе о немъ достигло Волыни, то и тамъ всѣ на это негодовали. У Галицкаго Князя, по этому случаю, проявилась мысль превратить Галицкую Епископію въ Митрополію, мысль, которую авторъ житія, Митрополитъ Кипріанъ, называетъ «неблагою».[4] Дѣло ли Геронтія, или, что вѣроятнѣе, просто вообще желаніе имѣть для своихъ владѣній отдѣльнаго Митрополита отъ Всероссійскаго, теперь почти не жившаго на Югѣ Россіи, побудило Юрія Львовича обратиться съ предложеніемъ къ Игумену Петру, какъ къ человѣку, котораго указывало всеобщее уваженіе за его святую жизнь, отправиться въ Константинополь и поставиться тамъ въ Митрополиты. Вслѣдствіе ли того, что Князь предлагалъ Петру поставиться въ отдѣльные Митрополиты Галицкіе, или вслѣдствіе чего либо другаго, но Петръ отказывался отъ предложенія, и только послѣ многихъ просьбъ наконецъ согласился. Послѣ того, какъ далъ онъ на предложеніе свое согласіе, Князь отправилъ его въ Константинополь, вмѣстѣ съ посломъ и письмами къ Патріарху. Когда Петръ пріѣхалъ въ Константинополь, то былъ радушно принятъ Патріархомъ и по избраніи собора Митрополитовъ, былъ поставленъ въ Митрополиты всея Россіи. Геронтій, остановленный на Черномъ морѣ бурею, не могъ пріѣхать въ Константинополь ранѣе Петра; а когда онъ пріѣхалъ, то Патріархъ ото-

[3] Въ исторіи древняго Галицкаго Княжества соч. Дениса Зубрицкаго* сказано: «Геронтій, вѣроятно покровительствуемый или Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, или Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ, исполнялъ уже три года Митрополитскую должность». — Откуда послѣднее извѣстіе взято?

[4] См. о Галицкой Митрополіи въ концѣ.

* Ч. 3, стр. 256 и 257.

бралъ у него всѣ принадлежности Святительскаго сана и Митрополичьихъ сановниковъ, передалъ все это Петру и высказалъ Геронтію, по правиламъ Святыхъ отцовъ какъ должны избираться Святители, равно какъ и то, что онъ, Геронтій, совершенно недостоинъ такого сана, какъ посягнувшій на него самовольно, до избранія соборомъ. Петра же Патріархъ, послѣ нѣкотораго времени, въ продолженіи котораго онъ преподавалъ поученія и бесѣдовалъ съ нимъ о душеполезномъ, отпустилъ въ Россію.

Поставленіемъ Петра въ Митрополиты всея Россіи не осуществилась, на этотъ разъ, мысль Галицкаго Князя имѣть отдѣльнаго Митрополита для своихъ владѣній. Петръ же изъ Константинополя, отправившись въ Россію, остановился сначала въ прежней столицѣ Русскихъ Митрополитовъ, въ Кіевѣ, но въ слѣдующемъ же послѣ этого году окончательно оставилъ Югъ Россіи и переселился на Сѣверъ, во Владиміръ на Клязьмѣ. Послѣднее дѣло совершено было имъ по примѣру своихъ предшественниковъ: Митрополитъ Кириллъ жилъ больше на Сѣверѣ Россіи и умеръ тамъ; Максимъ въ концѣ своей жизни перенесъ и самую Митрополію во Владиміръ, Петръ же послѣдовалъ ихъ примѣру вскорѣ за тѣмъ, какъ получилъ посвященіе въ санъ Митрополита. Такимъ образомъ мы видимъ, что переселеніе Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи совершается постепенно, и теперь мѣстомъ пребыванія ихъ сдѣлался Владиміръ, видимый центръ Сѣверной Россіи, гдѣ сосредоточивалась жизнь Русскаго народа; но удобно ли было жить Митрополитамъ во Владимірѣ, это окончательно рѣшилъ самъ Митрополитъ Петръ.

Пріѣхавъ во Владиміръ, Петръ сначала долженъ былъ удовлетворять нуждамъ Церкви; политическая же роль его была та же теперь, какъ и его предшественниковъ и другихъ членовъ духовенства, т. е. въ отношеніяхъ между Князьями онъ могъ мѣшаться какъ примиритель въ ссорахъ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1310 годомъ, разсказывается, что во время своего пребыванія въ Брянскѣ, Митрополитъ уговаривалъ Брянскаго Князя Святослава прекратить ссоры съ племянникомъ его Василіемъ: подѣлиться Княженіемъ, или бѣжать отъ князя Василія, пришедшаго съ Татарскою ратью, и оставить ему все; Князь Святославъ не послушалъ Святителя, вступилъ въ битву съ врагами и былъ

убитъ; Митрополитъ спасся отъ Татарской рати, затворившись въ церкви.[5] Подъ слѣдующимъ за тѣмъ годомъ, въ лѣтописи разсказывается другое подобное событіе: Митрополитъ Петръ остановилъ Тверскаго Княжича Дмитрія Михайловича во Владимірѣ, когда тотъ шелъ съ большимъ войскомъ на Князя Юрія Даниловича; Дмитрій Михайловичъ, простоявъ во Владимірѣ три недѣли, не пошелъ далѣе и сталъ просить разрѣшенія себѣ у Митрополита.[6] Кромѣ этѣхъ двухъ дѣлъ, мы не видимъ изъ лѣтописи, чтобы Митрополитъ принималъ участіе въ отношеніяхъ между Князьями, и борьба Москвы съ Тверью, повидимому, шла безъ его участія. Но нельзя изъ всего этого заключить, чтобы онъ относился къ дѣламъ, совершавшимся при немъ въ Россіи, безъ всякаго сочувствія. Соборъ въ Переяславлѣ, бывшій при немъ, а главное то, что онъ предъ своею смертію перенесъ Митрополичій столъ въ Москву, и изъ словъ, которыя онъ сказалъ по этому случаю, видно, какъ онъ смотрѣлъ на дѣла Князей.

Для того, чтобы объяснить побуждающія причины, заставившія Святителя совершить главное его дѣло, т. е. переѣздъ въ Москву, а не въ другой городъ, мы должны посмотрѣть на его характеръ и тѣ отношенія, въ которыхъ онъ находился лично, и на положеніе Церкви въ Россіи при немъ, и наконецъ на самый характеръ Церкви, представителемъ которой онъ былъ въ Россіи.

Познаніе характера такого человѣка, какъ Митрополитъ Петръ, о которомъ дошло такъ мало извѣстій, представляетъ затрудненіе; конечно, мы имѣемъ житіе его, написанное съ особенною цѣлью Митрополитомъ Кипріаномъ, и нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія; но объ обстоятельствахъ его жизни здѣсь находится не много свѣдѣній; для объясненія характера его мы главное имѣемъ дошедшее до насъ поученіе, обращенное къ игуменамъ, попамъ и дьяконамъ.[7] Оно проникнуто идеей любви Хри-

---

[5] Это событіе относятъ къ тому времени, когда Митрополитъ Петръ ѣхалъ изъ Кіева, на другой годъ послѣ своего поставленія, т. е. къ 1309.; см. Ист. Рос. т. 4., стр. 298 изд. 2.

[6] Это мѣсто не ясно въ лѣтописи, см. объ этомъ Ист. Рос. т. 3., стр. 272 и пр. 372.

[7] Помѣщено въ приб. къ Тв. Св. От. за 1844 г., стр. 85 — 90 въ статьѣ о

стіянской, но не блеститъ краснорѣчіемъ, какимъ отличаются слова нѣкоторыхъ пастырей Русской Церкви до Татарскаго времени. Смыслъ поученія его заключается въ слѣдующемъ: «Дѣти, поймите, въ какой вы чинъ поставлены. Вы, дѣти, называетесь стражами церковными и пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ Свою кровь. Такъ будьте же истинными пастырями, а не наемниками, которые только молоко съѣдаютъ и волну снимаютъ, а объ овцахъ не заботятся. Вы же, дѣти, вслѣдъ тѣхъ не йдите, а старайтесь уподобиться истинному пастырю-Христу, какъ Тотъ сказалъ въ Своемъ Евангеліи: «Я пастырь добрый, и душу Свою полагаю за овцы». Будьте, дѣти, образцомъ стаду своему по Спасову слову, сказанному имъ Своимъ Апостоламъ: «Вы есте свѣтъ міру, вы есть соль земли, да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣками, и они, видя ваши добрыя дѣла, прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесехъ». По этому вамъ слѣдуетъ просвѣтиться этѣми дѣлами, кротостію, смиреніемъ и такъ же соблюденіемъ себя отъ тѣхъ дѣлъ, которыми міръ соблазняется. Вы, дѣти, откиньте все душегубное: гнѣвъ, ярость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу, и кощунныя бесѣды. Дѣти, будьте какъ маслина плодовитая, приносите духовные плоды — святость. Читайте, дѣти, книги и поученія день и ночь. Такъ какъ, дѣти, имя ваше священство, пусть и дѣла ваши будутъ соотвѣтствовать вашему имени. Если, дѣти, будете себя такъ вести, тогда можете и другихъ научить. Такъ позаботьтесь, Бога ради, жить въ страхѣ Божіемъ и упасти себя и свое стадо. По этому-то понуждаю васъ на дѣло святое, по тому что моя обязанность напоминать и писать вамъ душеполезное и спасительное. За симъ, дѣти, молю васъ помолиться о моемъ недостоинствѣ и о моей худости. Да сподобитъ насъ Богъ безъ вреда освободиться отъ сей суетной жизни и получить вѣчное блаженство. Наконецъ прославимъ безначальнаго Отца, Единороднаго Его Сына и Святаго Духа; и такъ да прославляется Пресвятое имя Божіе вѣрными человѣками, и этою Божественною силою избавимся отъ враговъ видимыхъ и невиди-

Митр. Петрѣ; о другихъ приписываемыхъ Митр. Петру сочиненіяхъ, см. тамъ же, стр. 84, прим. С, и въ обзорѣ Рус. Дух. Лит. Преосв. Филарета, въ Запис. 2 отд. Акад. Наукъ кн. 3, подъ № 65.

мыхъ, въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Аминь». Совѣтъ членамъ духовенства вести себя, какъ указываетъ вѣчная истина, изложенная въ Евангеліи: безконечная любовь къ ближнимъ и вѣра въ Бога, а съ ними только и считалъ возможнымъ Святитель избавиться отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Изъ этого поученія виденъ кроткій, незлобивый, любящій характеръ поучающаго, исполняющаго свою обязанность, учить съ раченіемъ. А какъ онъ исполнялъ эту обязанность, то это можемъ видѣть изъ житія его. Тамъ, при описаніи его кончины, говорится, что Митрополитъ Петръ передъ своею смертію призвалъ къ себѣ весь причетъ церковный и довольно ихъ поучалъ, по тому что имѣлъ обычай поучать всѣхъ, приходящихъ къ нему. Кромѣ того у него была и другая, рѣзко выдававшаяся добродѣтель, — благотворительность, выражавшаяся въ постоянной раздачѣ милостыни всѣмъ нуждающимся и бѣднымъ. [8]

Если въ поученіи довольно ясно выражается кроткій характеръ Митрополита Петра, то теперь обратимся къ другому случаю его жизни, а именно къ собору въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. [9] Черезъ нѣкоторое время по прибытіи на Сѣверъ Россіи Петра Митрополита, Епископъ Тверской Андрей [10] сталъ распускать дурные слухи про Митрополита и свои «ложныя и хульныя» слова переслалъ къ Патріарху. Константинопольскій Патріархъ, по этому случаю, прислалъ въ Россію своего клирика съ письмомъ къ Митрополиту, совѣтуя ему очиститься, если онъ виноватъ. Этѣ дурные разсказы, пускаемые въ ходъ Тверскимъ Епископомъ, еще до письма Патріарха, дошли до Митрополита Петра; но онъ, увѣренный въ своей правотѣ, оставался спокоенъ, и какъ только пришло письмо отъ Патріарха, то созвалъ соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ; это было въ 1313 году. На соборъ, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ и Андрей, Епископъ Тверской.

---

[8] Ст. кн. ч. 1 стр. 420.

[9] Ст. кн. ч. 1, стр. 418; Татищевъ ч. 4, стр. 92 — 93; а почему такъ исторія собора здѣсь изложена см. въ концѣ о соборѣ Переяславскомъ.

[10] Епископъ Андрей былъ родомъ изъ Литовскихъ Князей, поставленный во Епископы въ 1389 г. Ист. Р. Іер. ч. 1, стр. 274, изд. 2; Рус. Св. чтимые всею Церковью или мѣстно, Филарета Арх. Черн., Февраль, стр. 6, прим. 2.

На этомъ же соборѣ было обсуждаемо, въ связи съ вышеизложеннымъ, и дѣло еретика Сеита, Новгородскаго протопопа, учившаго противно Церкви Православной. Сеитъ говорилъ, что рай на землѣ погибъ, и ругалъ монашескій чинъ; къ нему присоединились многіе изъ причта церковнаго и изъ иноковъ, которые, подъ вліяніемъ его, оставили монашество и оженились. Епископъ Тверской былъ согласенъ съ его мнѣніями,[11] принявши его ученіе по легкомыслію. Въ житіи Митрополита Петра объ Епископѣ Тверскомъ говорится, въ подтвержденіе послѣдняго, что онъ былъ «легка убо суща умомъ, легчайше-же и разумомъ». На этотъ соборъ съѣхались многіе Князья, въ томъ числѣ были Тверскіе Дмитрій и Александръ Михайловичи, былъ тутъ и Иванъ Даниловичъ Московскій, а Великаго Князя Михаила Ярославича не было, по тому что онъ находился въ это время въ Ордѣ.

Когда открыли соборъ и Патріаршій клирикъ прочелъ письмо Патріарха, содержащее обвиненія на Митрополита, то тогда произошло сильное волненіе между присутствовавшими «о лживомъ и льстивомъ оклеветаніи». Святитель Петръ, чтобы утишить волненіе, сказалъ: «Братія и чада о Христѣ возлюбленная, не лучше я пророка Іоны, и если ради меня это великое волненіе, то нждените меня, да утишится молва отъ васъ; къ чему ради меня такое движеніе.» Послѣ этѣхъ словъ у всѣхъ присутствовавшихъ явилось желаніе узнать клеветника, и когда отрылось, что это Епископъ Андрей, то онъ предъ всѣми былъ посрамленъ и униженъ; Святитель же Петръ сказалъ ему только слова любви: «миръ ти, о Христѣ чадо, не ты сіе сотворилъ, но изначала завидующій роду человѣческому дьяволъ; ты же отнынѣ соблюдайся, мимошедшее же отпуститъ тебѣ Господь». Потомъ Митрополитъ Петръ преодолѣлъ Сеита, съ помощію Ивана Даниловича: на Андрея же, какъ на послѣдователя Сеита, не обращено вниманіе, или по тому, можетъ быть, что онъ по легкомыслію своему не былъ особенно жаркимъ его послѣдователемъ, а былъ его ученіемъ зараженъ, какъ новостію, или, что важнѣе, принято во вниманіе, что тутъ находились Тверскіе Князья, которые представлялись, нѣкоторымъ образомъ, его защитниками, осо-

---

11. Тат.

бенно если относительно Сеита помощникомъ Митрополита Петра явился Иванъ Даниловичъ Московскій.

Объ этомъ соборѣ дошли до насъ извѣстія краткія и притомъ еще довольно спутанныя, и по этому, относительно Московскаго и Тверскихъ Князей, я принимаю во вниманіе и другія ихъ политическія отношенія, тѣмъ болѣе, что извѣстія о соборѣ даютъ этому намеки.

По окончаніи этого собора, Митрополитъ Петръ, Князей, весь причетъ и народъ поучивъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Сдѣсь замѣчу, для объясненія клеветъ Епископа Андрея слѣдующее: выше сказано, что Геронтій въ своихъ дѣлахъ, относительно желанія сдѣлаться Митрополитомъ, не могъ это сдѣлать одинъ и ему нуженъ былъ сильный покровитель, такой, какимъ былъ Великій Князь, который могъ самъ желать, чтобы занялъ праздный Митрополичій престолъ человѣкъ, обязанный дѣйствовать въ его пользу. Не было ли какой связи между Геронтіемъ и Епископомъ Андреемъ? Не удовлетворенное честолюбіе Геронтія не перешло ли къ Епископу Андрею? Соперничество Княжескихъ семей очень легко могло передаться къ людямъ, близко ихъ окружавшимъ, и они въ своей сферѣ дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и ихъ Князья. Митрополитъ Петръ, который по своему положенію долженъ былъ быть человѣкомъ нейтральнымъ, подобными поступками, въ которыхъ онъ даже не имѣлъ средствъ дать сильный матеріальный отпоръ, затягивался въ отношенія политическія, и особенно, если, съ одной стороны, встрѣчалъ вражду, а съ другой заискиваніе и угожденіе. Переѣздъ его въ Москву не могъ совершиться по личной его прихоти: всѣ совершившіяся прежде и кругомъ его совершавшіяся событія направляли такъ же и его поступки; дѣло Епископа Андрея могло служить только толчкомъ для Митрополита Петра въ его любви къ Московскому Князю. На сколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненныя отношенія Твери и ея Епископа Андрея, мы опредѣлить не можемъ; но мы не должны опускать этого обстоятельства изъ вниманія». [12]

[12] Ист. Рос. т. 4, стр. 299.

Теперь обратимся къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находился Митрополитъ Петръ, какъ начальникъ Русской Церкви, къ Русскому обществу. Начну съ отношеній по поводу покровительства завоевателей Россіи вообще къ Церкви. Монголы отличались полнѣйшею вѣротерпимостію, происходившею вслѣдствіе отсутствія всякой религіи у нихъ; а отсюда вмѣстѣ съ вѣротерпимостію являлось у нихъ безпредѣльное суевѣріе.[13] Лѣтописи наши говорятъ, что во время переписей, дѣлаемыхъ Монголами въ завоеванной ими Россіи, они все пересчитывали, исключая только лицъ духовнаго званія и вообще всѣхъ тѣхъ, кои служатъ Божіимъ церквамъ. Имущества духовенства были освобождены отъ всякихъ даней въ пользу Хана и подданнымъ его запрещалось что либо трогать принадлежащее церкви. Лица духовнаго званія почти не имѣли никакихъ обязанностей въ отношеніи къ Ханамъ. Послѣдними постоянно, при восшествіи на престолъ, подтверждались всѣ права духовенства, и потому Митрополитамъ, какъ начальникамъ Русской Церкви, нужно было иногда ѣздить въ Орду для полученія ярлыковъ. Митрополитъ Петръ, такъ же какъ и другіе, ѣздилъ въ Орду; подъ 1313 годомъ въ лѣтописи говорится, что Князь Великій Михаилъ Ярославичъ и съ нимъ Митрополитъ Петръ пошли въ Орду, по тому что въ Ордѣ Ханъ Узбекъ сѣлъ, и все обновилось, и всѣ приходили въ Орду и ярлыки брали, каждый на свое имя. Митрополитъ Петръ былъ въ Ордѣ у Хана въ великой чести, и отпущенъ былъ отъ Хана со многою честію и управою на Русь, и всѣ Православные Христіяне встрѣчали его по этому со многою радостію. Отъ Узбека Митрополитъ Петръ получилъ ярлыкъ, въ которомъ подтверждались права, принадлежащія Церкви и духовенству. Этотъ ярлыкъ есть распространеніе ярлыка Менгу-Темирова, древнѣйшаго, который до насъ дошелъ.[14] Вотъ содержаніе ярлыка, даннаго Митрополиту Петру: во 1-хъ, признавая полную свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность всего

---

[13] Это выводъ изслѣдованія г. Григорьева въ его соч. О дост. хан. ярлыковъ М. 1842 г., стр. 32.

[14] Ярлыкъ, данный Митрополиту Петру, у Григорьева, О дос. хан. ярл., стр. 112—118; С. Г. Г. и Д. т. 2 N 7.

церковнаго, Ханъ приказываетъ своимъ чиновникамъ и вообще всѣмъ своимъ подданнымъ высокимъ и нижнимъ, чтобы они не трогали ничего Митрополичьяго и церковнаго. [15] Во 2-хъ, въ ярлыкѣ пересчитываются люди и все имущество церковное и все то, что не должно трогать чиновникамъ и подданнымъ Хана; при томъ запрещается всѣмъ, кромѣ того, что не трогать, но даже и осуждать что-либо церковное. [16] Въ 3-хъ, признавъ все церковное неприкосновеннымъ, ярлыкъ освобождаетъ всѣхъ членовъ духовенства и всѣхъ лицъ, чѣмъ либо служащихъ церкви, отъ податей и повинностей. [17] При этомъ, въ ярлыкѣ опредѣляется

---

[15] Всѣмъ нашимъ княземъ великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ и вельможамъ и князем нашимъ удѣльнымъ, и дорогамъ славнымъ и Польскимъ князем высокимъ и нижнимъ, и книжникомъ, уставодержательнымъ, и учительнымъ людскимъ и вѣстникомъ и собирателемъ и баскакомъ, и посломъ нашимъ и гонцомъ, и данщикомъ, и писцомъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людямъ, высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра.... А намъ въ то вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ князем нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ.

[16] Да никто же обидитъ ... и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни имѣній, ни людей.... Да не вступаются въ церковное и Митрополичье никто же, занеже то Божіе все суть.... да не вступаются никто же, ни въ чемъ, въ церковныя и въ Митрополичьи, ни въ волости ихъ и въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни улусы ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни въ ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища, ни въ стада конныя, ни во всякія скотскія стада.... А поѣдутъ наши баскаки, и таможники, данщики, поборщики, писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило, да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви Митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ: архимандриты, и игумены и попы, и вся причты церковные, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ.» Потомъ еще перечисляются кромѣ духовныхъ лицъ и всѣ мастеровые и ремесленные люди, всѣхъ ихъ не должно трогать. «А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ ни въ чемъ да не вредятъ ихъ, ни хулятъ.»

[17] Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли,

ясно: кого именно должно считать избавленнымъ отъ податей, и предоставляется Митрополиту право, кого онъ захочетъ, по своей мысли, включить въ число этѣхъ привилегированныхъ лицъ. [18] Въ 4-хъ, ярлыкъ признаетъ зависимость всѣхъ церковныхъ лицъ и имуществъ отъ Митрополита, по этому предоставляется ему право, всѣхъ лицъ подчиненныхъ Церкви судить независимо, во всѣхъ дѣлахъ, по своимъ законамъ и по законамъ прежнихъ царей; запрещается всѣмъ вступаться въ это право, и приказывается лицамъ, подчиненнымъ Митрополиту, слушаться его суда или суда того, кому онъ прикажетъ судить. [19] Въ 5-хъ, ярлыкомъ постановляется, что, за нарушенiе всѣхъ вышеизложенныхъ правъ, будутъ на нарушителя, кромѣ гнѣва Божiя, и отъ Хана самыя строгiя наказанiя и даже смертная казнь. [20] Въ 6-хъ, послѣ всего вышеизложеннаго, ярлыкъ

ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли какая ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восходимъ воевати, а отъ соборныя и отъ Петра Митрополита никто же да не взимаетъ, и отъ ихъ людей и отъ всего его причта.

[18] А что попы и дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ, и во единомъ дому живутъ, у кого братъ или сынъ, и тѣмъ, по томужъ пути, наше жалованье; ожъ кто будетъ отъ нихъ не вступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отынмается, но даетъ дань.

[19] Вся стяжанiя и имѣнiя ихъ церковныя, и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ — то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ... да сiю грамоту видяще и слышаще вси людiе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чѣмъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ.... А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотъ и дефтеремъ.

[20] ....а кто вступится и нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ, а гнѣвъ на себя отъ него прiиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная.... а кто взимаетъ Божiя, и тотъ будетъ Богу повиненъ; а гнѣвъ Божiй на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ.... а что возмутъ, и они от-

требуетъ только одного отъ Митрополита и отъ всего духовенства, чтобы они молились Богу за Хана, его семейство и воинство его, для того и дается этотъ ярлыкъ, чтобы Митрополитъ и духовенство Русское жили безъ всякихъ притѣсненій и въ тишинѣ молили Бога. Если же они не будутъ Бога молить правымъ сердцемъ, то это должно лежать на ихъ совѣсти, и пусть они примутъ наказаніе отъ Бога.[21] Наконецъ въ 7-хъ, высказывается причина пожалованія ярлыка и изложенныхъ въ немъ льготъ въ пользу духовенства, та, что ярлыкъ дается, по примѣру прежде данныхъ, отъ бывшихъ Хановъ, ярлыковъ.[22]

Въ этѣхъ правахъ ясно выражается весь характеръ отношеній Татаръ къ духовенству Русскому и его начальному человѣку, Митрополиту. Монголы, которые, по выраженію Плано Карпини, «въ Сарацинской землѣ и въ другихъ, гдѣ они владѣютъ какъ будто у себя, берутъ всѣхъ лучшихъ ремесленниковъ и заставляютъ ихъ работать на себя»[23] льготами, пожалованными духовенству Русскому, дали средства къ развитію ихъ имуществен-

дадутъ назадъ третицею, аще будетъ взяли за нужду великую; а отъ насъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ.... а кто учнетъ вѣру хулити или осуждати, и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію.... А кто вступится въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ничимъ же и умретъ злою казнью.

[21] Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя.... тѣ бо (духовенство) за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ.... Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ.

[22] И мы бо такоже управляемъ и жалуемъ якоже и прежніе цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы потомужъ пути, тѣмижъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ;.... и мы, Богу моляся, по первымъ же царей грамотамъ, грамоты имъ давали и жалованныя, а не изыначивали ни въ чемъ. Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя и наше слово уставило.

[23] Соб. Пут. къ Тат. изд. Языковымъ С.-Петерб. 1826 г., стр. 193.

ныхъ правъ, и въ тоже время, ограждая лица и имущества духовенства, ставили въ болѣе лучшее положеніе, чѣмъ остальныхъ Русскихъ въ отношеніи къ завоевателямъ.

Но здѣсь должно сказать о томъ, по какому случаю ѣздилъ Митрополитъ Петръ въ Орду. Въ предисловіи къ ярлыкамъ сказано, что Митрополитъ Петръ отправился въ Орду, кромѣ той причины, что воцарился новый Ханъ, и для подтвержденія отъ него правъ духовенства, главное обиды ради, отъ лукавыхъ человѣкъ, церковныхъ: судовъ, управленій, пошлинъ, уроковъ, даней, имѣній и всѣхъ стяжаній причта церковнаго и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьихъ. Ханъ отпустилъ Митрополита со многою честію и управою. Это, кажется, показываетъ положеніе Церкви и ея имуществъ въ Россіи въ то время, когда почти никакое право не уважалось, кромѣ права силы; не стѣснялись видно и въ нарушеніи церковныхъ правъ, хотя существовали уставы церковные и ярлыки прежнихъ Хановъ, въ которыхъ точно такъ же ограждались права Церкви. Митрополитъ Петръ думалъ защищать обижаемую отъ всѣхъ Церковь, и съ этою цѣлію добывалъ, какъ и его предшественники, ярлыкъ отъ Хана;[24] но могъ ли онъ надѣяться, что теперь, послѣ того, какъ его оправили и подтвердили права его и Церкви, не будетъ дальнѣйшихъ правонарушеній и обидъ. Да притомъ онъ, Митрополитъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся власть въ Русской Церкви, могъ ли постоянно, когда произойдетъ отъ кого либо обида Церкви, обращаться за защитой въ Орду къ Хану, по тому что самъ не имѣетъ матеріяльной силы защитить Церковь; духовная же его власть, безъ сильной опоры въ Россіи и въ Константинополѣ, на врядъ ли тогда могла имѣть особенное значеніе и силу.

Хотя мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о состояніи и объемѣ имуществъ духовенства во времена Митрополита Петра, но из-

---

[24] Этѣ хлопоты Митрополитовъ о защитѣ правъ всѣми обижаемой Церкви, хлопоты, вынужденные необходимостію, такъ же называютъ: «испрашиваніемъ милостей и покровительства сильныхъ нехристей» (!) въ противуположность Новогородскимъ владыкамъ, не добивавшимся ихъ. Сѣв. Рус. Народоправства. Н. Костомарова т. 2, стр. 268.

вѣстно то, что въ этѣ времена имущества духовенства, избавленныя отъ всякихъ даней, въ отношеніи къ Ханамъ и пользовавшіяся такими важными правами по ярлыкамъ, значительно увеличивались. При довольно низкомъ состояніи общественной нравственности, сильныя лица въ Россіи позволяли себѣ въ продолженіи своей жизни дѣлать много такого, что часто безпокоило ихъ совѣсть, а особенно въ смертный часъ; отсюда явилась масса вкладовъ церквамъ и монастырямъ, на поминовеніе души; обычай отдавать часть имущества на поминовеніе души обратился даже въ правило, которое всѣ избѣгали нарушать. Кромѣ того, «вклады наиболѣе умножались во время междуусобія Князей и при властительствѣ Татаръ отъ многихъ отяготительныхъ вотчинникамъ налоговъ и взысканій со стороны тѣхъ и другихъ.»[25] Эта постоянно увеличивающаяся масса имуществъ, которая при томъ могла только увеличиваться, по тому что духовенство въ сущности не имѣло права ихъ отчуждать, имѣла въ себѣ для Россіи, въ то время, много полезнаго, какъ по тому, что часть Россіи не несла дани къ Ханамъ, такъ и по тому, что, находясь въ лучшемъ положеніи, этѣ имущества могли служить помощію для народа при тягостяхъ дани, ибо церковныя имущества дѣйствительно принимали на себя часть ея. Обладаніе недвижимыми имуществами духовенствомъ и кромѣ всего этого приносило много и другаго полезнаго: имущества этѣ уже прямо назначались какъ на содержаніе духовенства, которое безъ нихъ въ то время совершенно не могло бы существовать, такъ и на помощь массы бѣдныхъ; въ хозяйственномъ же отношеніи такое право духовенства было тоже полезно: такъ напр. духовенству не всегда жертвовались заселенныя земли, но часто пустыни, которыя новые владѣльцы разчищали, призывали людей для заселенія и такимъ образомъ обращали пустыни въ заселенныя мѣста. Митрополитъ Русской былъ такъ же въ числѣ владѣльцевъ и обладалъ значительными имѣніями, а какъ глава Русской Церкви, отъ него зависѣло во многомъ распоряженіе всѣми имѣніями Церкви и къ нему духовенство обращалось по всѣмъ дѣламъ. Самое управленіе этѣми имуществами походило болѣе на управленіе го-

---

[25] Ист. Рос. Іер. ч. 2, стр. XV, М. 1810 г.

родами и областями, чѣмъ на управленіе имѣніями частныхъ владѣльцевъ.[26] Такимъ образомъ Церковь сама по себѣ съ своими имуществами представлялась, такъ сказать, отдѣльнымъ княжествомъ, въ числѣ другихъ Княжествъ, имѣвшимъ свои собственные интересы. Перечетъ имуществъ въ ярлыкахъ показываетъ значительный ихъ объемъ. Но этѣ имущества, пожертвованныя Церкви Князьями и другими лицами, избавленныя отъ податей Ханами, однако не были безопасны отъ раззореній не только во время войны, но Князья въ своихъ княжествахъ, во время нужды въ деньгахъ, или даже изъ корыстолюбія, очень естественно могли смотрѣть съ завистью на значительныя и процвѣтающія, относительно, имущества духовенства; въ такихъ случаяхъ у Князей могло явиться желаніе попользоваться, и кромѣ помощи, незаконно, отъ этѣхъ имуществъ. Особенно въ Новгородѣ, при происходившихъ въ немъ волненіяхъ, часто нарушалось спокойное владѣніе духовенства имуществами и даже, въ настоящее время, въ Новгородѣ появилось ученіе, возстававшее противъ монашества и, слѣдовательно, очень легко оно могло касаться, въ связи съ монашествомъ, и имуществъ ему принадлежащихъ: я говорю объ Сектѣ;[27] хотя нельзя положительно сказать, на сколько оно могло относиться къ имуществамъ духовенства. Но во всякомъ случаѣ права духовенства, какъ собственника значительныхъ недвижимыхъ имуществъ, раскиданныхъ во всѣхъ Русскихъ Княжествахъ и не имѣющаго крѣпкой опоры въ свѣтской власти, могли подвергаться различнымъ обидамъ; чему доказательствомъ служитъ значительный перечетъ обидъ «отъ лукавыхъ человѣкъ,» наносимыхъ Церкви, на которыя жаловался Митрополитъ Петръ Хану. Ярлыки могли защитить отъ обидчиковъ изъ среды Монголовъ, а противъ обидчиковъ, и притомъ сильныхъ, изъ Русскихъ нельзя же было выставлять ярлыковъ, хотя угрозы въ нихъ заключающіяся относились и къ Русскимъ. Могъ ли Митрополитъ, подобно Князьямъ, позвать Монголовъ для защиты себя и всего духовенства, отъ обидъ? Конечно не могъ, онъ дол-

---

26 О недвиж. имущ. духов. въ Россіи Милютина, стр. 333. въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ.»

27 Тамъ же, стр. 398, 415, пр. 714.

женъ былъ искать такой защиты внутри Россіи; по тому что на жалобы его въ Ордѣ, безъ просьбы войска, выдавали ярлыкъ, чего онъ и самъ не могъ больше просить. А если сила защищающая будетъ въ Россіи и при томъ Русская, то уже самыя нарушенія, которыя, какъ можно полагать, отличались своею мелочностію, будутъ тотчасъ остановлены и вознаграждены. При томъ должно и то сказать, Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, дала бы въ вознагражденіе за защиту себя, кромѣ духовной власти, и то что всѣ богатства духовенства при случаѣ могли чрезъ Митрополита идти на помощь защитнику. Митрополиту вообще необходимъ былъ защитникъ не только имущественныхъ правъ Церкви, но даже и въ самомъ церковномъ управленіи, въ дѣлахъ, касающихся чисто одной духовной его власти, въ судѣ надъ членами духовенства. Здѣсь Митрополиту являлась необходимость имѣть если не исполнителя своихъ рѣшеній, то, покрайней мѣрѣ, матеріяльную силу, на которую бы онъ могъ опереться. Мы видѣли выше, что осилить еретика Сеита Митрополитъ Петръ могъ только при помощи со стороны Ивана Даниловича Московскаго; а между тѣмъ клеветникъ, и такъ же можетъ быть зараженный ересью, Тверской Епископъ Андрей, остался безнаказаннымъ. Въ это время, кромѣ произнесенія словъ любви, Митрополитъ Петръ не могъ ничего лучше найти для его наказанія: и что онъ тогда могъ сдѣлать, когда Епископъ, подчиненный ему, находился подъ защитою Князей; рѣзкое наказаніе его могло повести, пожалуй, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ и для самаго Митрополита; онъ только устыдилъ клеветника и оставилъ при томъ, какъ видно, въ сторонѣ его еретическія мнѣнія.

Эта беззащитность Русской Церкви и ея представителя выражается и въ поученіи Митрополита Петра: онъ въ немъ неприказываетъ, а совѣтуетъ; учитъ, но за неисполненіе обязанностей не грозитъ наказаніемъ, не напоминаетъ о своей власти, а только говоритъ о своихъ обязанностяхъ. Такое грустное настроеніе видно не только въ поученіи послѣдняго, независимо стоявшаго отъ свѣтской власти въ Россіи, Митрополита, но и въ поученіи перваго Митрополита, послѣ Монгольскаго завоеванія, Кирилла;[28] между тѣмъ, мы ниже увидимъ какъ, при другомъ по-

[28] Поученіе его въ приб. къ Тв. Св. От. ч. I, стр. 428—432; о сочин. его

ложеніи, другой Митрополитъ заговорилъ и показалъ, какъ можетъ иногда высоко поднимать тонъ начальникъ одной изъ Восточныхъ Церквей.

Не пускаясь въ разсказы о дѣлахъ Митрополита Петра, авторъ его житія, послѣ упоминанія о Соборѣ въ Переяславлѣ говоритъ, что проходя грады и мѣста Божіій человѣкъ Петръ, пришелъ въ славный градъ, зовомый Москва, бывшій тогда малымъ и немноголюднымъ. Въ этомъ городѣ обладалъ благочестивый и Великій Князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго; видя его блаженный Петръ въ православіи сіяюща, очень полюбилъ и началъ больше иныхъ мѣстъ жить въ томъ городѣ; а потомъ и переѣхалъ къ нему совсѣмъ и сталъ совѣтовать Князю, чтобъ тотъ построилъ храмъ, во имя Богородицы, и когда тотъ послушался его, то Митрополитъ Петръ приготовилъ въ томъ храмѣ себѣ могилу, гдѣ впослѣдствіи и былъ положенъ. [29] Но кромѣ любви къ Князю существуетъ извѣстіе, что Митрополита Петра привлекала жить въ Москвѣ любовь къ какому то иноку Алексѣю, у гроба котораго совершались чудеса. [30] Оба этѣ извѣстія увеличиваютъ только наши познанія, въ совокупности съ другими событіями, заставившими Митрополита Петра совершить этотъ переѣздъ. Вопросъ, кажется, заключается въ томъ, по чему всѣ Россійскіе Митрополиты предпочитали Сѣверъ Югу и по чему Митрополитъ Максимъ, передъ своею смертію, окончательно перенесъ Митрополичій престолъ во Владиміръ, а Петръ, такъ же передъ своею смертію, перенесъ его въ Москву? Митрополиты ставились къ Кіеву и всей Руси; когда жизнь Русскаго народа сосредоточивалась на Югѣ Россіи, то и Митрополиты жили тамъ, около Великихъ Князей. Митрополитъ Кириллъ, Галичанинъ родомъ, жилъ уже большею частію на Сѣверѣ, куда начала переноситься главная дѣятельность Русскаго народа, особенно послѣ Монгольскаго завоеванія; но Кириллъ

см. Обз. Рус. Дух. Лит. Преосв. Филарета, въ Зап. 2 отд. Ак. Н. кн. 3, подъ N. 52.

[29] Ст. Кн. ч. 1. стр. 419.

[30] Пр. къ Тв. Св. От. за 1844 г. стр. 80, ссылка на Герберштейна.

не перенесъ сюда Митрополичьяго престола, однако же онъ умеръ въ Переяславлѣ, городѣ, которымъ обладалъ сильнѣйшій Князь. [31] Митрополитъ Максимъ не можетъ уже противиться обстоятельствамъ и предъ своею смертію окончательно переноситъ на Сѣверъ свой престолъ, въ видимый центръ Сѣверной Россіи, во Владиміръ. Преемникъ его Петръ такъ же ѣдетъ въ Кіевъ, послѣ поставленія въ Константинополѣ, въ старую столицу Велико-Княжескую и Митрополичью; но уже скоро оттуда уѣзжаетъ на Сѣверъ и не возвращается на Югъ. Такимъ образомъ въ этѣхъ переѣздахъ мы видимъ борьбу стараго начала, правила, что Митрополиты ставятся къ Кіеву, и новаго, противъ котораго не могутъ Митрополиты устоять и безъ сопротивленія повинуются обстоятельствамъ. Но въ первомъ же изъ этѣхъ Митрополитовъ высказалось, куда должны наклоняться ихъ переѣзды; въ дѣйствіяхъ же Митрополита Петра это выражается вполнѣ. Онъ ѣдетъ во Владиміръ, куда указалъ ему идти его предшественникъ; но остается ли онъ во Владимірѣ? Мы объ его жизни, какъ уже было замѣчено, мало имѣемъ извѣстій; но есть два упоминанія въ житіи его, на которыя должно обратить вниманіе: первое, соборъ въ Переяславлѣ, принадлежащемъ по прежнему сильнѣйшимъ Князьямъ; а второе, въ житіи не упоминается, чтобы Митрополитъ Петръ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, а есть намеки на то, что онъ постоянно ходитъ, ищетъ чего-то, и вотъ попадаетъ въ Москву: «проходилъ грады и мѣста Божій человѣкъ.» На Москву ему необходимо должно было наткнуться: сдѣсь всего чаще приходилось Митрополитамъ проходить, въ своихъ переѣздахъ, по срединному ея положенію въ Сѣверной Россіи. [32]

Но сдѣсь можетъ явиться вопросъ, что если затруднительное и беззащитное положеніе Русской Церкви заставило главу ея, Митрополита, искать себѣ опоры въ свѣтской власти, то въ такомъ же грустномъ положеніи, въ какомъ была наша Церковь, въ описываемое время, не разъ находилась и Западная Церковь? Но тамъ Папы не дѣлали такихъ поступковъ, какой сдѣлалъ Ми-

---

[31] Ист. Рос. т. 4, стр. 296

[32] Ист. Рос. т. 4, стр. 146—147.

трополитъ Петръ. Во времена Митрополита Петра, на Западѣ мы видимъ совершенно другое: у насъ каждое дѣствіе, выходящее извнутри и извнѣ Церкви, заставляло начальника ее искать себѣ защиты у свѣтской власти; тамъ же въ настоящее время кончилась борьба Папъ съ Императорскою властію, и началось, въ началѣ XIV-столѣтія, что-то подобное тому, что было и у насъ; но это такое явленіе, о которомъ духовенство Западной Церкви воспоминаетъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, считаетъ его источникомъ церковныхъ смутъ и приравниваетъ къ несчастнѣйшему событію въ исторіи избраннаго народа; но у насъ напротивъ, такое событіе считается величайшимъ и полезнѣйшимъ дѣломъ, а человѣка, которому предназначила Исторія его совершить, называютъ «великимъ во Святителяхъ» и называетъ такъ тотъ человѣкъ, который всѣхъ больше, своею личностію, пострадалъ за это дѣло, Митрополитъ Кипріанъ. Остальные всѣ Святаго Митрополита Петра считаютъ основателемъ и руководителемъ всей послѣдующей послѣ него дѣятельности Церковной Іерархіи, на пользу образованія и развитія Русскаго Государства.

Для объясненія всѣхъ дѣйствій Митрополита Петра и его преемниковъ, я постараюсь, сколько съумѣю, объяснить, въ нѣсколькихъ словахъ, характеръ Церкви, представителемъ которой онъ былъ въ Россіи, въ противоположность Церкви Западной.

Церковь Христіянская, съ того времени какъ довольно хорошо развила свое внутреннее устройство и сплотилась въ крѣпкую Іерархію, попала въ двухъ половинахъ Христіянскаго міра въ совершенно различное отношеніе къ свѣтской власти. На Западѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, грубыя массы народовъ смѣняли одна другую; этѣ массы не были сами въ себѣ сплочены твердо и не имѣли настоящаго понятія о государственномъ союзѣ и даже въ то время, когда онѣ наконецъ утвердились на разныхъ мѣстахъ прежней Западной Римской Имперіи. Среди такого общества, отличавшагося притомъ еще и необразованіемъ, учитель вѣры являлся представителемъ не только нравственности, но и вообще образованія и всего лучшаго. Очень естественно, что представитель духовнаго учрежденія самъ и чрезъ своихъ подчиненныхъ распространилъ свое право учить очень далеко и

явился, даже съ благою цѣлію, и поощряемый окружающимъ невѣжественнымъ міромъ, руководителемъ въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ, чтобъ смягчить грубость своихъ духовныхъ дѣтей. Но когда на первосвятительскомъ престолѣ стали являться лица, которыя начали къ своей учительской дѣятельности примѣшивать требованія собственнаго эгоизма, прикрывая ихъ даже правилами религіи и преданіями Церкви, а при случаѣ даже сочиняя послѣднія; а окружающія народныя массы, не могли понять и отличить справедливыхъ требованій своихъ духовныхъ отцовъ отъ несправедливыхъ, а только ожидали отъ нихъ молитвъ, наставленій и утѣшеній въ скорбяхъ мірскихъ, какъ отъ лицъ, которыя одни только могутъ дать это: при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, Церковная Іерархія Западной Церкви составила въ массахъ народа сильный и твердый фундаментъ, на основаніи котораго могла широко распространять свои требованія. Но не одно необразованіе массъ дало средство къ развитію теоріи Папской власти, существующей въ Западной Церкви, теоріи, заключающейся въ руководительствѣ и управленіи всѣмъ на свѣтѣ. Причина главная была та, что этѣ не образованныя массы народа не были, какъ уже сказано, сплочены въ государства; у свѣтскихъ владѣльцевъ не было своей теоріи власти въ противуположность церковной. Вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Папамъ дала еще большее средство послѣднимъ практически показать и выяснить притязанія Церкви. Константинопольскій Императоръ, по своему безсилію, не могъ остановить Папъ въ ихъ свѣтской дѣятельности; враги Папъ на Западѣ, въ то время, когда теорія власти церковной слагалась, или не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія, или дѣлали уступки, а главное, не имѣя теоріи о своей власти въ противуположность церковной и вслѣдствіе этого не будучи въ состояніи поддержать ею свои временныя побѣды надъ Папами, въ заключеніе пали одинъ за другимъ. А когда Императоры, съ одинаковыми притязаніями, какъ и Папы, на всемірное господство, пали въ борьбѣ съ церковною властію, имѣвшею крѣпкую опору въ народныхъ массахъ, тогда окончательно утвердилось и выяснилось, чего требуетъ Церковь и ея глава въ отношеніи къ паствѣ. Но послѣ такой громадной побѣды у побѣдителя, убѣдившагося въ своемъ могуществѣ, закружилась голова, и онъ еще шире, даже до нелѣ-

ности, выставилъ свое право на повелительство всѣмъ міромъ. Но въ это уже время народныя массы начали слагаться въ государства, а вслѣдствіе этого никто не хотѣлъ бороться съ Папами такъ, какъ боролись Императоры, а повели борьбу другіе люди, съ другимъ духомъ и съ другой стороны. Между тѣмъ Церковь, развивъ теоріи своей власти въ безгосударственное время, осталась при ней, а вслѣдствіе этого сдѣлалась врагомъ всякаго союза, всякой самостоятельности, вообще Церковью противугосударственною.

Совершенно противуположное всему этому было съ Церковной Іерархіей на Востокѣ, въ Византіи. Церковное учрежденіе, сложившись въ крѣпкую Іерархію, попало въ среду Государства, чего не было на Западѣ; общество этого Государства было значительно образовано, Императорская власть была обширна и имѣла о своей власти теорію, въ противуположность Церкви, теорія власти которой должна была еще слагаться, въ отношеніи къ свѣтской власти, и она начала слагаться подъ самыми неблагопріятными для себя условіями; каждое притязаніе церковной власти было въ началѣ же останавливаемо верховною свѣтскою властію, которая въ гніющемъ Государствѣ безобразничала надъ всѣмъ. Каждый Императоръ, по своему произволу, если хотѣлъ, смѣнялъ начальниковъ Церкви и даже высказывалъ свои притязанія на опредѣленіе смысла ученія вѣры. Къ тому же постоянныя смуты въ самой Церкви, ереси, въ которыхъ принимали живѣшее участіе какъ члены Государства, такъ особенно глава его. Это и тому подобное совершенно уничтожало всякія притязанія, какія бы то ни было, о коихъ могъ подумать начальникъ Церкви, и превратило церковную іерархію въ одно изъ государственныхъ учрежденій, находящихся въ распоряженіи свѣтской власти, дѣйствовавшей чрезъ него по своему желанію. Свѣтская власть допускала церковной іерархіи пользоваться извѣстными матеріяльными выгодами, въ мѣрѣ, опредѣленной ею, а если и при этомъ лица, въ рукахъ которыхъ была церковная власть, протягивали свои руки, куда не слѣдовало, или это только казалось свѣтской власти, то такіе Патріархи и имъ подчиненные тотчасъ лишались своей власти. Послѣ того, какъ церковная іерархія была доведена до такого положенія, что свѣт-

ская власть могла съ нею дѣлать что угодно, окончательно сложилась и теорія о церковной власти, какъ власти, подчиненной государству.

Вслѣдствіе этой противуположности вліяній и исхода борьбы при образованіи теорій о власти церковной, двухъ половинъ Христіянской церковной іерархіи, Восточной и Западной, это вліяніе и борьба выразились въ характерѣ Церквей, во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и въ ихъ непримиримой между собою враждѣ.

Изъ Византіи приняла Россія Христіянскую Вѣру и съ нею церковною іерархію, которая на первый разъ стала въ зависимость отъ власти Константинопольскаго Патріарха и отъ Императора. Въ Россіи въ это время не было государства. Владиміръ Святой и его преемники, при своей привязанности къ новой Вѣрѣ, не могли думать серьезно о неловкости подобной зависимости, по тому что самое понятіе, въ подобномъ обществѣ, какъ тогда была Россія, о зависимости и независимости, твердо не сложилось и выражалось только въ одномъ опредѣленномъ видѣ—въ видѣ грубаго владѣнія. Церковная іерархія, въ продолженіе времени отъ принятія Христіянской Вѣры Владиміромъ до завоеванія Россіи Монголами, не могла себѣ составить другой теоріи о своей власти по простой причинѣ: она находилась въ зависимости отъ Константинополя и оттуда получала своихъ начальниковъ Митрополитовъ и даже другихъ членовъ духовенства. Свѣтская власть Великихъ Князей тоже было успѣла попробовать свою силу надъ церковной іерархіей; но это были случаи, относительно, особенные, выходящіе изъ общаго порядка дѣлъ. Митрополитъ постоянно зависѣлъ отъ Константинополя, сама же Церковь вообще явилась благодѣтельницею для Россіи, умирительницею Княжескихъ усобицъ, снабдительницею Русскихъ наукою; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣтская власть требовала отъ нея содѣйствія, Церковь опиралась въ своихъ совѣтахъ и дѣятельности вообще на Византійское законодательство, не прибавляя ничего своего къ этой опорѣ. [33] Но явилось событіе, которое могло выставить характеръ Церкви и ея притязанія; Россію завоевали Мон-

[33] См. Калачева «О Кормчей» Чтенія, годъ 3, 1847 г. стр. 8—9.

голы, Константинополь попалъ въ руки Крестоносцевъ. Въ Россіи Князья перебиты и ослаблены не борьбою съ церковною властію, какъ на Западѣ Императоры, но отъ силы, явившейся извнѣ; Кіевъ, столица Великокняжеская и Митрополичья, былъ раззоренъ, и жизнь Русскаго народа сосредочилась на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи на Юго-Западѣ и Сѣверо-Востокѣ. Для Церкви, кромѣ того что общество было потрясено нашествіемъ варваровъ, завоеваніе Константинополя Крестоносцами являлось благопріятно тѣмъ, что Церкви Греческой въ сущности нѣкогда было думать о нуждахъ Русской; да наконецъ не только Императоры, но и Патріархи иногда были склонны къ Западной Церкви. Но что же мы видимъ? Высказываютъ ли Митрополиты притязанія на свою особенную власть? Живутъ ли въ раззоренномъ Кіевѣ, очень удобномъ для того, чтобы устроить въ немъ Русскій Римъ? Въ отношеніи притязаній можно сказать развѣ только то, что съ XIII-столѣтія вытащенъ былъ на свѣтъ, и дошелъ до насъ во многихъ спискахъ, уставъ Владиміра Святаго. Но такъ какъ во 1-хъ, самую подложность его весьма трудно доказать [34] и во 2-хъ, его никакъ нельзя ставить въ параллель съ выдумками монаховъ въ пользу Папской власти: онъ основанъ весь на Византійскомъ правѣ и скорѣй появленіе его, въ это время, на свѣтъ доказываетъ только то, что имъ хотѣла Церковь оградить себя отъ правонарушеній, въ это смутное время. Русская Церковь, вполнѣ проникнутая теоріею власти Византійской Церкви, должна была принять въ Россіи такое же положеніе, какое она занимала тамъ, въ Византіи, и если напр. по уставу Святаго Владиміра, пространство ея власти, въ сравненіи съ властію церковной іерархіи Константинопольской, первоначально было увеличено [35] то это зависѣло отъ того, что самая необходимость заставляла это дѣлать въ обществѣ не развитомъ. Но лучшимъ доказательствомъ того, что Церковь не могла и не хотѣла установить своей независимости, служитъ то, что Митрополитъ, прежде жившій въ Кіевѣ, рядомъ съ Великимъ Княземъ

---

[34] Неволина прос. Цер. суда въ Россіи до Петра Великаго П. С. его С. т. 6 стр. 273 — 295.

[35] Тамъ же стр. 334.

и въ своей церковной власти зависѣвшій отъ Патріарха, теперь совершенно освободившись отъ перваго, а отъ втораго завися только, болѣе или менѣе, по преданію, какъ отъ верховнаго Святителя, почти не живетъ въ Кіевѣ; онъ побываетъ во Владимірѣ, съѣздитъ въ Новгородъ, оттуда поѣдетъ въ Галицію, а потомъ въ свой старый городъ Кіевъ; но на мѣстѣ не живетъ, какъ живетъ въ это время Папа въ своемъ Римѣ. Не величается ничѣмъ Русскій Митрополитъ, не отлагается отъ власти Вселенскаго Патріарха и по прежнему ставится отъ него, для чего отыскиваетъ его даже въ Никеѣ. Въ его переѣздахъ видимъ, что Митрополитъ ищетъ чего-то, тоскуетъ объ чемъ-то, какъ будто желаетъ отыскать себѣ какое нибудь положеніе. Но въ этѣхъ переѣздахъ мы замѣчаемъ, что Митрополитовъ всея Россіи всего больше тянетъ на Сѣверо-Востокъ. Что же такое тамъ? Почему ихъ туда тянетъ? Въ это время во всей Европѣ началось переходное состояніе общества, изъ прежняго къ новому, начинаютъ зараждаться государства. Вездѣ свѣтскіе владѣльцы, въ противуположность прежнимъ, высказываютъ характеръ владѣльцевъ-хозяевъ; старые идеалы падаютъ. Императорскую власть сокрушилъ Папа, и теперь, стоя на высотѣ своего величія, онъ не замѣчаетъ, что почва подъ нимъ начинаетъ колебаться новымъ какимъ-то неизвѣстнымъ ему движеніемъ; вездѣ началась борьба со старыми идеалами. Въ Россіи, Европейской странѣ, тоже самое происходитъ. Мы сказали, что Византійская церковная іерархія есть государственное учрежденіе, въ настоящее время, во второй половинѣ XIII-столѣтія, она осталась совершенно свободна отъ всякой зависимости, въ лицѣ Митрополита, отъ свѣтской власти. Но часть можетъ жить, въ своемъ первоначальномъ видѣ, только, когда живъ цѣлый организмъ: въ Константинополѣ государство уже сгнило и если Русская церковная іерархія тянетъ на Сѣверо востокъ земли Русской, то значитъ тамъ есть государство или, по крайней мѣрѣ, оно въ зародышѣ? Именно государство тамъ зарождается, но еще всѣ сѣмена, которыя должны образовать его составъ, находятся въ какомъ-то бродячемъ состояніи, но стекаются уже въ одну сторону и только покуда не отыщутъ настоящаго гнѣзда, гдѣ должно совершиться ожидаемое. По переѣздамъ Митрополитовъ мы можемъ замѣтить, какъ по точному мѣрилу, ни чѣмъ не стѣсняемому, ни извнѣ, ни изъ

внутри Россіи, въ своихъ движеніяхъ, и опредѣлить, какъ постепенно опредѣлялось мѣсто, гдѣ должно родиться государство. Первый Митрополитъ послѣ Монгольскаго завоеванія, стершаго многія принадлежности стараго порядка вещей, сначала колеблется между Юго-западомъ и Сѣверо-востокомъ, но Сѣверо-востокъ перетягиваетъ, и Митрополитъ, мѣстомъ своей смерти, указываетъ что и гдѣ должно быть. Максимъ въ заключеніе своей дѣятельности переселяется на Сѣверовостокъ, но въ его время трудно было что либо опредѣлить; идетъ страшная борьба, которая по мѣсту, за которое борются, указываетъ на Владиміръ, какъ на пунктъ, въ которомъ долженъ произойти поворотъ къ новому. Но Митрополитъ Максимъ по этой примѣтѣ ошибся, или, лучше сказать, и не могъ отгадать, что Владиміръ съ своею областью есть средство для Князей, а не цѣль; ему нужно было избрать сильнѣйшаго изъ борющихся, а борьба и при немъ продолжалась. Петру Митрополиту, по указанію его предшественниковъ, можно было дѣйствовать и продолжать ихъ дѣло, и онъ пріѣхалъ прямо на Сѣверовостокъ, началъ проходить города и мѣста, ища — чего еще не успѣли отыскать окончательно двое изъ его предшественниковъ, и наконецъ онъ попалъ въ Москву; а совокупность событій, случившихся при немъ, указала на это мѣсто, какъ на такое, гдѣ онъ долженъ утвердиться.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему изложенію событій, связанныхъ съ личностію Митрополита Петра, скажемъ еще нѣсколько словъ о нашей Церкви. — Мы несравненно счастливѣе, имѣя такую церковную іерархію, которая сама нуждалась въ защитѣ и никогда не возбуждала вражды между Князьями; она была прежде поставлена въ такое положеніе, что дѣла свѣтскія не ея дѣло, и къ участію въ нихъ могла себя допустить, на сколько позволяютъ ей идеи Христіанской религіи, или если участіе какого либо духовнаго лица выгодно допускающимъ. Римская Церковь, отличаясь великимъ мастерствомъ въ употребленіи нравственныхъ силъ своихъ служителей, выставляла изъ себя одинъ за другимъ монашескіе ордена съ характеромъ необходимымъ, чтобы приладиться къ духу времени, съ цѣлію употребить силы общества на свою пользу. Наша Церковь, не имѣя никакихъ притязаній на господство, не имѣла и нужды прибѣгать къ подоб-

нымъ средствамъ: ея дѣло было нравственное воспитаніе народа. Но она кромѣ нравственныхъ силъ имѣла у себя и матеріяльныя средства, и по этому Князьямъ выгодно было имѣть ее на своей сторонѣ, какъ это было выгодно и на Западѣ; но тамъ можно было получить помощь отъ Церкви во первыхъ временную, а во вторыхъ такую, какую у насъ можно было получить изъ Орды, или еще лучше изъ Новгорода. При томъ у насъ не нужно было хитрить съ Церковью и подчиняться ей, по тому что Митрополитъ этого не требуетъ, такъ какъ онъ не имѣетъ понятія о притязаніяхъ, подобныхъ Папскимъ. Наша Церковь, когда была свободна отъ всякой зависимости, отыскала, побуждаемая къ этому своимъ характеромъ, гдѣ должно быть государство, и то, что было въ зародышѣ, успѣла развить средствами въ ней находящимися, по тому что все, что нужно было для новаго порядка вещей, она носила въ себѣ и къ этому вела. Конечно, наша Церковь не могла особенно много дать, но на первый разъ ея средства являлись громадною помощію Московскому Княжеству. По этою способностію дѣлать все на пользу государства, за то и отъ государства Церковь пользуется покровительствомъ, какъ лучшій изъ его помощниковъ, она существуетъ только въ связи съ существованіемъ государства, а уступки, дѣлаемыя Церковью, въ чью бы то ни было пользу, есть уступки государства, которое не хочетъ, или не можетъ поддержать ее, или наконецъ само желаетъ, чтобы онѣ были сдѣланы.

Не знаю, удовлетворительно ли изложилъ я эту необходимость переѣзда Митрополита Петра къ сильнѣйшему Князю, но теперь должно сказать, что дѣйствительно ли Москва была сильнѣйшее Княжество, и въ самомъ дѣлѣ не одна ли любовь къ Князю, или къ святому иноку, заставила его переѣхать туда. — Здѣсь я не буду распространяться. Москва и Тверь, во время жизни Митрополита Петра, стояли впереди всѣхъ остальныхъ Княжествъ Россіи по своей силѣ; могущество же ихъ, повидимому, было равно и между ними по этому, изъ соперничества въ дѣлѣ собиранія Русской земли, шла борьба на смерть. Кромѣ физическихъ условій страны, высказавшихъ намъ, по чему Москва побѣдила Тверь, многое могъ и самъ видѣть Митрополитъ Петръ. За Тверью, въ продолженіи правленія Митрополіею Петра,

большую часть времени, находилось великое Княженіе, но неспособность ея къ усиленію уже выяснилась: два Князя ея были убиты въ Ордѣ, по приказанію Хана; такой выдержанности и обдуманности въ поступкахъ, бывшей принадлежностію Сѣверныхъ Князей, у Тверскихъ, въ сравненіи съ Московскими, не было. Большій порядокъ внутри Княжества, богатство, населенность, вслѣдствіе большей внутренней тишины, находились на сторонѣ Москвы. Эту силу Москвы, чрезъ годъ по смерти Митрополита Петра, хорошо очертилъ лѣтописецъ словами: «сѣлъ на великое Княженіе Князь Иванъ Даниловичъ и стала тишина по всей Русской землѣ, на многія лѣта.» А между тѣмъ какъ кончили въ этотъ же годъ Тверскіе Князья: Александръ Михайловичъ избилъ Татаръ въ Твери; а изъ за этого потерялъ не только великое Княженіе, но и Тверь, а въ заключеніе чрезъ нѣсколько лѣтъ и жизнь. Объ умѣ и способностяхъ Московскихъ Князей все свидѣтельствовало, въ сравненіи съ другими Князьями, да при томъ еще и то надо замѣтить, что Иванъ Даниловичъ, кромѣ выдержанности въ поступкахъ и енергіи къ дѣятельности, обладалъ способностію заискивать у людей ему нужныхъ: умѣлъ сіять благочестіемъ предъ тѣмъ человѣкомъ, для котораго благочестіе было главное дѣло. На долю же Ивана Даниловича выпало и счастіе, состоящее въ томъ, что во время жизни Митрополита Петра всѣ нечистыя дѣла Москвы падали на его брата, Юрія, который заправлялъ внѣшними дѣлами Московскаго Княжества. Кромѣ силы и ума, которыя, конечно, зналъ Митрополитъ Петръ, наконецъ и самыя отношенія его къ Московскому Князю показывали, что онъ долженъ къ нему обратиться и стать на его сторону. Московскій Князь заискивалъ у Митрополита, покоилъ его старость; Тверскіе же Князья не только не съумѣли поправить прежній промахъ, могшій, пожалуй, имѣть вліяніе на нерасположеніе къ нимъ Петра Митрополита, т. е. желанія имѣть Митрополитомъ своего близкаго человѣка — Геронтія; [36] но еще допустили своему Епископу, можетъ быть даже съ своего согласія, сдѣлать доносъ на Митрополита, какъ видно довольно важный и можетъ быть грозившій Митрополиту Петру лишеніемъ Митрополіи, по тому что ради его

[36] См. выше.

собранъ былъ соборъ; а на соборъ Князья явились какъ бы защитниками клеветника. Могъ ли послѣ всего этого Митрополитъ Петръ обратиться къ Твери? Если поступокъ Епископа Андрея былъ сдѣланъ безъ ихъ согласія, то отъ чего же Князья его не выдали, отъ чего послѣ того, какъ Андрей сошелъ съ Епископіи въ 1315 году, они въ продолженіи 11 лѣтъ не съумѣли примириться съ Митрополитомъ и, по крайней мѣрѣ, пріостановить его переѣздъ?

Вообще же прочность и правильность дѣла Митрополита Петра, въ отношеніи его переѣзда въ Москву, всего яснѣе выказалась въ дальнѣйшей, послѣ того, исторіи Русской церковной іерархіи.

Переѣхавъ въ Москву, Митрополитъ Петръ [37] началъ, такъ сказать, закладывать для своихъ преемниковъ необходимое зданіе Митрополичьяго стола. Для того, чтобы Москва являлась дѣйствительно столицею Митрополита, Святитель Петръ обратился къ Ивану Даниловичу съ слѣдующими словами: «Если ты, сынъ мой, меня послушаешь и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь въ своемъ градѣ, то самъ прославишься паче иныхъ Князей и сыновья и внуки твои въ роды: градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ градехъ Русскихъ и Святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плеща враговъ его, и прославится Богъ въ немъ.» Въ заключеніе, какъ бы сознавая важность своего поступка и своей личности въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ: «Еще и мои кости въ немъ будутъ положены.» Эти слова Иванъ Даниловичъ съ великою радостію принялъ и началъ исполнять совѣтъ Святителя съ великимъ раченіемъ. 4-го Августа 1326 года заложена была въ Москвѣ первая каменная церковь Успенія Богородицы. По мѣрѣ того какъ церковь воздвигалась, Митрополитъ Петръ торопилъ дѣло. Чувствуя приближеніе смерти, онъ началъ въ устроиваемомъ храмѣ приготовлять для себя могилу, а между тѣмъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Иваномъ Даниловичемъ дѣ-

---

37 О времени окончательнаго переѣзда Митрополита Петра въ Москву можно сказать только то, что оно относится къ послѣднимъ годамъ его жизни. Въ 1325 году онъ присутствовалъ при погребеніи Юрія Даниловича.

далъ ему постоянно душеполезныя наставленія. Святителю Петру не удалось видѣть вполнѣ построеннаго храма: въ одинъ день, отправившись въ церковь и совершивъ службу церковную, поучивъ всѣхъ и раздавъ многую милостыню, онъ почувствовалъ, что конецъ его жизни недалекъ. Въ это время Князя Ивана Даниловича не было въ Москвѣ, по этому Святитель Петръ пригласилъ къ себѣ тысяцкаго Протасія, [38] и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему, возлюбленному Князю Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ, и да не оскудѣютъ отъ сѣмени его, обладающіе мѣстомъ его, и память его прославится.» Потомъ Святитель завѣщалъ все свое имѣніе истратить на строеніе соборной церкви, и послѣ этого, простившись со всѣми, началъ пѣть вечерню и во время ея пѣнія съ молитвою на устахъ и съ воздѣтыми руками къ небу скончался. Князь Иванъ Даниловичъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Москву, чтобъ присутствовать при погребеніи, которое совершено было 21-го Декабря 1326 года. Тѣло Митрополита положено было въ гробѣ, имъ для себя приготовленномъ.

Въ заключеніе здѣсь должно сказать еще объ одномъ: въ какомъ отношеніи находился Митрополитъ Петръ къ Князю, къ которому онъ переѣхалъ — духовная власть къ свѣтской. Самъ Митрополитъ Петръ и его ближайшіе предшественники, находясь въ постоянномъ движеніи по Россіи, наклонялись въ ту или другую сторону, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независящимъ, не высказывали, въ какомъ отношеніи должны находиться они и подчиненное имъ учрежденіе къ свѣтской власти. Между Князьями мы можемъ замѣтить только желаніе, поставить начальника Церкви на своей сторонѣ. Какія же отношенія существовали между Митрополитомъ Петромъ и Иваномъ Даниловичемъ? На это можно сказать покуда одно, что Святитель, принужденный обстоятельствами переѣхать къ Московскому Князю, не могъ показать, по короткости времени и по другимъ обстоятельствамъ, какія отношенія должны быть между ними; вообще Митрополитъ

[38] Предка знаменитыхъ Вельяминовыхъ Ист. Р. т. 4, стр 213.

Петръ очень любилъ Ивана Даниловича и ко всему, что имѣетъ произойти отъ его переѣзда, отсылаетъ самъ къ послѣдующему за нимъ времени.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГАЛИЦКОЙ МИТРОПОЛІИ ВЪ XIV СТОЛѢТІИ.

«Князь Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ, восхотѣ Галицкую Епископію въ Митрополію претворити», по тому что не хотѣлъ, чтобы Геронтій былъ Митрополитомъ. Такъ говоритъ авторъ житія Митрополита Петра и чуть ли не этѣми словами онъ первый далъ намъ извѣстіе о существованіи Галицкой Митрополіи въ XIV вѣкѣ; но этѣми же словами онъ даетъ намекъ, что прежде въ Галиціи не было другихъ, кромѣ Всероссійскихъ Митрополитовъ; а извѣстно, что Галицкой Епархіею управляли съ конца XIII столѣтія намѣстники Митрополитовъ,[39] а когда Митрополиты, до окончательнаго перенесенія Митрополіи во Владиміръ, бывали на Югѣ Россіи (послѣ Монгольскаго завоеванія), то жили почти постоянно въ Галиціи.[40] Разрывъ окончательный, произведенный Монгольскимъ завоеваніемъ, въ интересахъ двухъ половинъ Россіи—Юго-Западной и Сѣверо-Восточной, очень могъ побудить Князей Галицкихъ разорвать и послѣднюю связь—единство управленія Церковью, соединенное въ рукахъ Митрополитовъ Всероссійскихъ. Но созрѣла ли эта мысль окончательно, при поставленіи въ Митрополиты Петра, нельзя положительно сказать, и Юрій Львовичъ могъ просить Патріарха посвятить Петра въ Митрополиты, но наврядъ ли въ отдѣльные для одной Галиціи, по тому что Князь могъ надѣяться, что Петръ будетъ жить на Югѣ, куда его могло тянуть какъ въ страну родную; а между тѣмъ, какъ если Геронтій будетъ поставленъ въ Митрополиты, то навѣрно будетъ жить на Сѣверѣ Россіи. Но въ этомъ желаніи Галицкой Князь ошибся и, какъ мы видѣли, Митрополитъ Петръ

---

[39] Ист. Р. Іер. ч. I, стр. 427.

[40] Ист. Юго-Зап. Руси до половины XIV стол. Клепанова М. 1849 г. стр. 217.

уѣхалъ во Владиміръ, на Клязьмѣ, вскорѣ послѣ своего посвященія въ Митрополиты всея Руси. Конечно, послѣ этого Галицкій Князь могъ снова просить себѣ у Патріарха Митрополита для Галиціи; но просилъ ли онъ этого, при жизни Петра, по скудости извѣстій о Галиціи въ началѣ XIV столѣтія, не извѣстно положительно.

Говоря о желаніи Галицкаго Князя учредить Галицкую Митрополію, считаю долгомъ упомянуть, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію событій, о жалованныхъ грамотахъ отца Юрія Львовича — Льва Галицкой Митрополіи и особенно о грамотѣ 1301 года. [41] Карамзинъ говоритъ объ ней: «Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій и Галицкій въ 1581 году представилъ оную, въ самомъ ветхомъ видѣ, Королю Польскому Стефану на утвержденіе». Король утвердилъ съ оговоркою: «поколику ея содержаніе непротивно настоящимъ законамъ». Сію грамоту тогда вновь переписанную, скрѣпили печатями Стефанъ Баторій, а послѣ и Сигизмундъ III. Нужно ли изъяснять намѣреніе подлога? Читатель вспомнитъ нашъ мнимый церковный уставъ Владиміровъ и Ярославовъ, изобрѣтенный съ такимъ же намѣреніемъ: то есть для мірской пользы духовенства» Доказательствомъ подлога приводится упомянутое въ грамотѣ имя Митрополита Кипріана, который не былъ тогда Митрополитомъ, и потомъ языкъ, испорченный вставками словъ, не употреблявшихся въ древнемъ Русскомъ языкѣ и другія внѣшнія ошибки. Митрополитъ Евгеній [42] склоняется во мнѣніи объ этѣхъ грамотахъ къ авторитету Исторіографа; а Преосвященный Филаретъ, [43] признавая этѣ грамоты положительно подложными, дѣлаетъ странную прибавку: «этѣ грамоты доказываютъ только одно, что Галицкіе Князья желали имѣть особаго Митрополита»; что подложно, то кажется кромѣ подлога и цѣли его ничего не доказываетъ. Зу-

---

[41] Этѣ грамоты помѣщены у Карамзина въ Ист. Г. Р. т. 4. пр. 203 (двѣ) и у Зубрицкаго въ его Критико-Исторической повѣсти о Галицкой Руси (пер. Бодянскаго) подъ буквами Б. В. Г. Е. и Ж.

[42] Опис. Кіево-Соф. Собора и Кіевской Іерархіи стр. 88.

[43] Ист. Рус. Цер. изд. 2, ч. 2, прим. 188.

брицкій хотѣлъ было признать ихъ не подложными, а потомъ [44] согласился съ мнѣніемъ Карамзина. Дѣйствительно, масса внѣшнихъ ошибокъ закрываетъ собою внутренній смыслъ грамотъ, между тѣмъ какъ правами и все то, что жаловалось этѣми грамотами, всѣмъ этѣмъ пользовалась всегда Православная Церковь и наврядъ ли Западно-Русское православное духовенство сочинило этѣ грамоты, чтобы ими убѣдить свѣтскихъ властителей въ правахъ на то, что ему давно принадлежитъ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ слова Стефана Баторія. По какимъ причинамъ представилъ Гедеонъ Балабанъ на утвержденіе Королю грамоту, можно видѣть изъ ея содержанія, но конечно не по случаю смутъ въ Галицкой Епископіи, бывшихъ при Гедеонѣ; хотя вообще Гедеонъ, какъ извѣсгно, былъ великій мастеръ составлять подложныя грамоты и подсовывать ихъ для подписи тѣмъ, которые не понимали смысла или совсѣмъ не могли понимать содержанія подписываемой ими грамоты, таковымъ лицомъ особенно являлся Патріархъ Константинопольскій.

Имени Митрополита Кипріана въ перечетѣ Галицкихъ Митрополитовъ въ грамотѣ Короля Казиміра Великаго къ Константинопольскому Патріарху, мы не встрѣчаемъ, но нашъ извѣстный Митрополитъ Кипріанъ управлялъ Галицкой Митрополіей, какъ увидимъ ниже.

«Первый Митрополитъ нашего благочестія былъ Нифонъ, второй Митрополитъ Петръ, третій Митрополитъ Гавріилъ, четвертый Өеодоръ» [45] Такія имена Митрополитовъ Галицкихъ сообщены намъ въ грамотѣ Казиміра къ Патріарху Константинопольскому, въ то время, когда онъ требовалъ, чтобы Патріархъ поставилъ въ Митрополиты Галицкіе Антонія. Если подъ именемъ Митрополита Петра разумѣется нашъ Митрополитъ Петръ всея Россіи, то значитъ Нифонъ былъ Митрополитомъ Галицкимъ еще при жизни Максима Митрополита. Но утвердительно этого сказать нельзя. Однако жь какъ видно, Галицкіе Князья весьма желали имѣть для Галиціи отдѣльнаго Митрополита, чѣмъ увѣнчалось ихъ

---

[44] На стр. 12.

[45] Өеодоритъ см. ниже Митр. Алексѣя стр. 4

желаніе при жизни Митрополита Петра, мы не знаемъ. Митрополитъ Ѳеогностъ, по поставленіи своемъ, пріѣхалъ въ Кіевъ, а потомъ и въ Москву; но въ 1328 году онъ отправился въ Юго-Западную Россію и пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, гдѣ большею частію пребывалъ во Владимірѣ Волынскомъ. Въ Юго-Западную Россію могли его призывать дѣла церковныя по двумъ причинамъ: во 1-хъ, Кіевъ и множество областей Русскихъ подпали подъ власть Гедимина; а во 2-хъ, Галицкіе Князья видя, что Митрополитъ всея Россіи, бросивъ совершенно Югъ для Сѣвера, оставляетъ дѣла церковныя въ ихъ владѣніяхъ въ пренебреженіи, могли требовать отъ Патріарха себѣ отдѣльнаго Митрополита. Ради этѣхъ-то причинъ, Ѳеогностъ жилъ на Югѣ Россіи долгое время (около 5 лѣтъ), въ это время онъ ѣздилъ всюду по дѣламъ, побывалъ въ Константинополѣ и въ Ордѣ, часто бывалъ онъ и въ Галичѣ [46] и около него мы встрѣчаемъ здѣсь Галицкаго Епископа Ѳеодора. Въ 1332 году въ лѣтописи говорится, что пріѣхалъ въ Москву Митрополитъ Ѳеогностъ, побывавъ прежде этого въ Царь-градѣ и въ Ордѣ. Галицкіе Князья не удовлетворились, какъ видно, этѣмъ посѣщеніемъ Митрополита Ѳеогноста и добыли для своихъ владѣній отъ Патріарха Исаіи особаго Митрополита: его Митрополію составляли епископіи: Галицкая, Владиміро-Волынская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская. Но Митрополитъ Ѳеогностъ не намѣренъ былъ такимъ образомъ потерять часть своей Митрополіи; но при Галицкихъ Князьяхъ уничтожить ихъ дѣло было трудно. Въ 1337 году родъ Галицкихъ Князей прекратился въ лицѣ послѣдняго Князя Юрія, и Галиція сдѣлалась предметомъ для завоеваній сосѣдей, часть ея подпала Литвѣ, другая часть Польшѣ и наконецъ она сдѣлалась предметомъ спора между Литвоій, Польшей и Венгріей. Свѣтскіе владѣльцы Галиціи въ это время наврядъ ли особенно заботились о дѣлахъ Церкви, между тѣмъ какъ Митрополитъ Ѳеогностъ хотѣлъ возстановить въ ней свою духовную власть. При помощи Симеона Ивановича онъ началъ хлопотать объ этомъ въ Константинополѣ. Императоръ и Патріархъ 1347 года рѣшили дѣло о Галицкой Митрополіи въ пользу Митрополита всея Руси.

---

[46] Ник. Лѣт. ч. 3, стр 158—160.

Императоръ въ Сентябрѣ 1347 года извѣстилъ Митрополита Ѳеогноста, что Галицкая Митрополія, установленная прежнимъ Патріархомъ Исаіей, уничтожается и подчиняется ему, Митрополиту Кіева и всея Руси. При этомъ Императоръ совѣтуетъ Митрополиту, что если не будетъ никакихъ препятствій, то поступалъ бы онъ соотвѣтственно церковнымъ правиламъ, а если будутъ препятствія, то прислалъ бы вѣрныхъ людей къ Патріарху и Синоду, для извѣщенія объ этомъ, и они рѣшатъ дѣло соотвѣтственно правиламъ Подобное же письмо получилъ Симеонъ Ивановичъ; въ письмѣ Императоръ возведеніе Галицкаго Епископа въ Митрополиты называетъ тщетною новизною. Любартъ Князь Владиміро-Волынскій получилъ извѣщеніе, отъ того же Императора, о томъ, что только по причинѣ бывшихъ смутъ въ Константинополѣ и подкупности Патріарха (который вездѣ обвиняется въ этомъ дѣлѣ и говорится, что ради его дурныхъ дѣлъ онъ и свергнутъ съ своего престола), поставленъ Галицкій Епископъ въ Митрополиты, а теперь, при новомъ Императорѣ и Патріархѣ, вся Малая и Великая Россія приведены подъ власть Митрополита Кіевскаго. Императоръ убѣждаетъ Любарта, чтобъ онъ содѣйствовалъ къ успѣшному рѣшенію этого дѣла. Синодальнымъ рѣшеніемъ Константинопольскаго Патріарха въ 1347 году это дѣло было утверждено, на основаніи вышеизложенныхъ мнѣній Императора, окончательно, а тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ дѣлѣ раздѣленія Митрополіи, Синодъ своею властію разрѣшаетъ отъ ихъ грѣха, такъ какъ они дѣйствовали по невѣдѣнію. Во всѣхъ этѣхъ грамотахъ принимается за основаніе рѣшенія то, что въ Россіи прежде всегда былъ одинъ Митрополитъ. Наконецъ Митрополитъ Галицкій Исидоръ [47] былъ вызванъ въ Константинополь. [48]

---

[47] Въ грамотѣ Казиміра Великаго имени Исидора, Митрополита Галицкаго, не упоминается, слѣдовательно имена Митрополитовъ не вѣрно сообщены.

[48] Acta Patriarchatus Constantinopolitani, 1315—1402, e codicibus manu scriptis bibliothecae palatinae Vindobonentis, sumptus praebente Caesarea scientiarum academia, издали Профессора Францискъ Миклошичь и Іосифъ Мюллеръ. Вѣна. 1860 года. Т. I. стр 261 — 271. Грамоты этѣ изданы въ Вѣнѣ, но прежде краткое содержаніе всѣхъ грамотъ, относящихся до Россіи, было издано Г Григоровичемъ въ 1847 году, въ журналѣ Мин. Народ. Просв. Извлеченіе, сдѣланное Г. Григоровичемъ до того хорошо, что самая суть въ нихъ вполнѣ

Теперь не было никакихъ препятствій, и Митрополитъ Ѳеогностъ, выхлопотавъ уничтоженіе этого непріятнаго для себя дѣла, и самъ, для укрѣпленія за своею властію возвращенныхъ къ Митрополіи земель, съѣздилъ туда; и въ лѣтописи, подъ 1348 годомъ, говорится, что пришелъ въ Москву Митрополитъ Ѳеогностъ изъ Волыни.

Но сдѣсь должно замѣтить, что если Митрополитамъ непріятно было отдѣленіе отъ ихъ власти Галиціи, то и они въ то же время, живя на Сѣверѣ Россіи, не имѣли средствъ хорошенько заботиться о церковныхъ дѣлахъ Юго-Западной Руси, отсюда выходило то, что Галиція всегда могла добыть себѣ отдѣльнаго Митрополита. Но если Галиція могла добыть себѣ Митрополита, то по этому-то Галицкіе православные постоянно объ этомъ и заботились; вѣроятно, по ихъ просьбамъ Казиміръ Великій послѣ того, какъ хорошо утвердился въ Галиціи, и потребовалъ, чтобы Патріархъ поставилъ Антонія въ Митрополиты Галиціи. Антоній былъ поставленъ. Границами Митрополіи были тѣ земли, которыя находились въ Галиціи подъ властію Короля Польши.[49] Митрополитъ Кипріанъ въ то время, когда жилъ въ Кіевѣ, по тому что въ Москвѣ его не принимали, занялся дѣломъ присоединенія къ Всероссійской Митрополіи отпавшихъ отъ нея мѣстъ, покуда сначала тѣхъ, которыя принадлежали къ Литвѣ. Его умѣнье ужиться съ Литовскими Князьями, которые его и выхлопотали у Патріарха для занятія Митрополичьяго престола, давали ему для этого средство и онъ этѣмъ своимъ дѣломъ гордился. Въ письмѣ къ Преподобному Сергію, писанному послѣ того, какъ его въ 1378 году выпроводили изъ Москвы, Митрополитъ Кипріанъ выставляетъ въ числѣ своихъ заслугъ, которыя не хотѣли въ Москвѣ брать во вниманіе, слѣдующее: «я хочу отпавшія мѣста воз-

---

находится и потому ссылки на этѣ грамоты, которыя встрѣтятся ниже, будутъ сдѣланы по Русскому изданію, и только тамъ я буду ссылаться на Вѣнское изданіе, гдѣ прибавлено что нибудь лишнее противъ Русскаго изданія, но вообще извлеченія Г. Григоровича вполнѣ могутъ не только удовлетворить, но даже избавить отъ труда всякаго, кто хочетъ добиться смысла въ темныхъ и многорѣчивыхъ письмахъ Патріарха.

[49] См. ниже. Митр. Алексѣй стр. 51.

вращать къ Митрополіи, чтобъ до вѣка такъ стояло на честь и величіе Митрополіи, Князь же Великій хочетъ двоить Митрополію».[50] Эгѣ его хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ не только въ той части прежняго Галицкаго Княжества, которая принадлежала Литвѣ, но и въ остальной Галиціи. Ягайло, женившись на Ядвигѣ, сдѣлался Королемъ Польскимъ. Въ 1387 году Ядвига, во время отсутствія своего мужа, предприняла походъ въ Галицію, принадлежавшую теперь Венгріи и возвратила ее Польшѣ. Этѣмъ случаемъ, должно быть, воспользовался Митрополитъ Кипріанъ и выхлопоталъ у Ягайла, чтобъ Галичь въ церковномъ управленіи, православными церквами, подчинить ему, Кипріану; по тому что въ лѣтописи говорится, что когда, по смерти Дмитрія Ивановича, въ 1389 году, Митрополитъ Кипріанъ принятъ былъ въ Москвѣ, «то кончился мятежъ въ Митрополіи и стала одна Митрополія: Кіевъ и Галичь и всея Руси».[51] Но и Митрополиту Кипріану, кажется, и при его связяхъ съ домомъ Литовскихъ Князей, не только не удалось въ продолженіи всей своей жизни удержать Галичь за своею духовною властію, но еще и вести борьбу. Онъ, также какъ и его предшественники, не могъ хорошенько заботиться о дѣлахъ такой отдаленной страны отъ Москвы и, утвердивъ свою власть надъ нею, когда былъ въ Литвѣ, послѣ долженъ былъ опять потерять ее. Въ Галиціи, какъ видно, не хотѣли подчиняться его власти. Старый Митрополитъ Галицкій просилъ Патріарха, чтобы послѣ его смерти, былъ поставленъ въ Митрополиты Галиціи Іеромонахъ Симеонъ: это было въ 1391 году.[52] Потомъ въ 1393 г. Патріархъ извѣщалъ Кіевскаго Митрополита, что Епископъ Луцкій явился къ нему съ письмами отъ Короля, который требовалъ, чтобы Епископъ Луцкій былъ поставленъ въ Митрополиты Галицкіе; когда же собрался Синодъ, то прочтены письма, которыя были прежде присланы отъ Митрополита Кіевскаго, что было сдѣлано какъ нельзя болѣе кстати; и хорошо сдѣлали, по тому что явился послѣ Епископъ Владимірскій и начался у него споръ съ Луцкимъ Епископомъ. Послѣдній убѣжалъ, но, не успѣвши уѣхать, былъ заклинаемъ возвратиться, но онъ не хотѣлъ и предпочелъ

---

[50] Прав. Соб. 1860 г. Т. 2, стр. 99.

[51] П. С. Р. Л. т. 1, стр. 233.

[52] Acta Patriarchatus Constantinopolitani т. 2. стр. 157.

лучшимъ уѣхать и находиться подъ запрещеніемъ. По этому Патріархъ извѣщаетъ Митрополита о происшедшемъ, чтобы онъ считалъ Епископа Луцкаго такимъ же, какимъ его считаютъ въ Константинополѣ и извѣстилъ бы объ этомъ Короля, чтобы и тотъ не принималъ его, пока не разберутъ его дѣло. Между прочимъ Патріархъ извѣщаетъ, что Епископъ Луцкій, когда не хотѣлъ выходить изъ корабля, сказалъ, что ему Король далъ Галицію и ему не доставало только благословенія Патріарха; получивъ же это благословеніе ему больше ничего не нужно и что, слѣдовательно, ему въ Синодѣ нечего дѣлать и онъ возвращается въ свою Церковь. Дѣйствительно, говоритъ Патріархъ, Епископъ и сопровождавшіе его, явившись къ нему (Патріарху) просто какъ христіяне, получили благословеніе, но какого либо обѣщанія или письма не получили, и по этому если Епископъ Луцкій скажетъ что нибудь болѣе, то онъ лжетъ. Узнавъ все вышеизложенное, совѣтуетъ Патріархъ Митрополиту послать письмо объ этомъ къ Королю, а послѣдній также получитъ письмо и отъ Патріарха, чтобы Король выгналъ Епископа Луцкаго изъ его Епископіи и послалъ бы къ Митрополиту, а Митрополитъ тогда долженъ удалить Епископа и рукоположить на его мѣсто другаго.[53] По этѣмъ дѣло не кончилось; въ 1398 году Луцкій Епископъ Іоаннъ, явно для всѣхъ, просилъ помощи у Короля Ягайла на поставленіе его въ Митрополиты и за это обѣщался дать Королю 200 гривенъ Русскихъ, 30 коней, безъ хитрости: въ чемъ и далъ отъ себя запись Королю.[54] Къ такимъ средствамъ должны были прибѣгать православные жители Галиціи, чтобы задобрить апостола Католицизма для полученія себѣ Митрополита. Вообще должно сказать, что въ томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ находилась Галиція, она, потерявшая свою политическую самостоятельность, и отдѣлившись отъ Всероссійской Митрополіи вслѣдствіе различныхъ побудившихъ къ тому причинъ, изъ которыхъ главная была та, что Митрополиты, живя въ Москвѣ, не имѣли средствъ заботиться о церковныхъ дѣлахъ Галиціи, а, потерявъ ее изъ подъ

---

[53] Тамъ же, стр. 180—181.

[54] Опис. Кіево-Соф. Соб. въ приложеніяхъ стр. 38 N. 8, также у Зубрицкаго въ повѣсти о Галицкой Руси подъ буквою Л.; Ак. Зап. Рос. т. I, N 12.

своей власти, старались ее возвратить, иногда и съ успѣхомъ, не имѣла у себя непрерывнаго ряда Митрополитовъ въ XIV столѣтіи, да и въ XV также, Митрополичій престолъ часто бывалъ празднымъ. Такъ, по смерти Митрополита Кипріана, когда Ѳотій явился въ Россію, для занятія Митрополичьяго престола, то въ лѣтописи Литовскихъ Великихъ Князей упоминается по этому случаю, что въ это время въ Галичѣ былъ Митрополитъ, [55] какъ будто это дѣло есть дѣло случайное.

О ПЕРЕЯСЛАВСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ 1313 ГОДУ.

Источниками для исторіи собора служатъ: разсказы объ немъ въ житіи Митрополита Петра, помѣщенномъ въ Степенной Книгѣ [56] и слова лѣтописи Татищевской. [57] Изъ Степенной Книги, сколько мнѣ извѣстно, разсказъ о соборѣ повторяется въ лѣтописяхъ, кромѣ Татищевской, въ тѣхъ, гдѣ объ немъ упоминается. Изслѣдованіе о соборѣ Переяславскомъ писали: во 1-хъ, Турчаниновъ въ сочиненіи о соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней Христіянства до царствованія Іоанна Васильевича IV. [58] Изслѣдованіе это безъ всякой критики; соборъ Переяславскій разсказанъ совершенно согласно съ Никоновскою лѣтописью, куда переписанъ изъ Степенной Книги, а также взята во вниманіе и самая Степенная Книга; во 2-хъ, Рудневъ въ сочиненіи о ересяхъ и расколахъ: сдѣсь взятъ во вниманіе разсказъ лѣтописи Татищева. Изслѣдованіе Г. Руднева болѣе обстоятельное, чѣмъ Г. Турчанинова, но только относится къ Степенной Книгѣ съ излишнимъ почтеніемъ. На основаніи этого, я

---

[55] Въ Уч. Зап. 2 отд. Акад. Наукъ, кн. 1, стр. 56.

[56] Стр. 418.

[57] Ч. 4 стр. 92 — 93.

[58] СПБ. 1829 г. стр. 62 — 68.

[59] Стр. 72 — 73.

думаю, будетъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія объ изслѣдованіи Г. Руднева: у него выставляются разнорѣчія разсказа житія Митрополита Петра и словъ Татищевской лѣтописи: въ житіи сказано, что на соборѣ присутствовали дѣти Тверскаго Князя Михаила Ярославича, Дмитрій и Александръ Михайловичи, а у Татищева упоминается Иванъ Даниловичъ Московскій, только одинъ; но тутъ нѣтъ противорѣчія; въ житіи упоминаются Тверскіе Князья, какъ дѣти Великаго Князя и, пожалуй, защитники Епископа Андрея; у Татищева же — Иванъ Даниловичъ, какъ заступникъ Митрополита Петра, по тому что этотъ послѣдній съ помощію его одолѣлъ еретика Сеита. А что Иванъ Даниловичъ могъ присутствовать на соборѣ, то это можно заключить и изъ словъ житія: «Князю бо Михаилу тогда самому въ Ордѣ сущу, но сынове его пріидоша Дмитрій и Александръ, и иныхъ Князей довольно, и вельможъ множество». Отъ чего же въ числѣ этѣхъ иныхъ Князей не быть и Ивану Даниловичу? Если же въ житіи Митрополита Петра говорится о знакомствѣ его съ Иваномъ Даниловичемъ такъ, какъ будто оно относится къ послѣднимъ годамъ жизни Митрополита Петра; то слова житія вообще такъ неопредѣленны, что скорѣе ихъ можно принять въ томъ смыслѣ, что Митрополитъ Петръ узналъ окончательно характеръ и жизнь Ивана Даниловича и по этому, особенно его полюбивъ, переѣхалъ къ нему жить. Да и нельзя предположить, чтобы Митрополитъ Петръ не зналъ лично Ивана Даниловича долгое время; Иванъ Даниловичъ былъ лицо не послѣднее на Руси и при жизни брата Юрія Даниловича. Наконецъ, Иванъ Даниловичъ естественно и необходимо долженъ былъ присутствовать на соборѣ, по тому что Переяславль, гдѣ былъ соборъ, принадлежалъ не къ Твери или другому Княжеству, а къ Москвѣ; а еще сюда должно прибавить: по чему соборъ былъ именно въ Переяславлѣ, — городѣ, принадлежавшемъ Москвѣ?

Что бы объяснить далѣе по чему въ текстѣ я такъ изложилъ разсказъ о соборѣ, когда объ немъ извѣстія такъ противорѣчащи, то представляю слѣдующія соображенія. Авторъ житія Митрополита Петра разсказываетъ о соборѣ такъ: что по случаю клеветы Епископа Андрея былъ созванъ соборъ, на которомъ клеветникъ былъ обличенъ, и послѣ этого говорится да-

лѣе, что Петръ отпустилъ всѣхъ, и потомъ «безъ лѣности прохождаше грады же и веси поучалъ, и въ то же время и Сеитъ еретикъ, явися и чуждая Церкви Христовы и Православныя Вѣры мудрствуя. Его же Святыйі препрѣ и не покаряющася того проклятію предастъ, иже и погибе.» У Татищева оба предыдущія событія, т. е. о Тверскомъ Епископѣ Андреѣ и еретикѣ Сеитѣ, разсказываются другимъ образомъ: они связываются вмѣстѣ и говорится, что Сеитъ Протопопъ Новгородскій, къ которому присоединились многіе міряне и изъ причта церковнаго, а Епископъ Андрей помогалъ имъ; говорили, что рай погибъ на землѣ и ругали монашескій чинъ, подъ вліяніемъ чего многіе изъ иноковъ оставили монашество и оженились; и по этому случаю былъ соборъ въ Переяславлѣ, на которомъ, при клирикѣ Константинопольскаго Патріарха Аѳанасія, съ помощію Князя Ивана Даниловича, Митрополитъ Петръ преодолѣлъ еретика Уже въ этѣхъ двухъ разсказахъ есть противорѣчія, но вотъ еще другія: въ Степенной Книгѣ это событіе разсказано безъ года, у Татищева подъ 1313 годомъ; но и по Степенной Книгѣ соборъ можно отнести къ 1313 году. Тамъ говорится, что Великій Князь во время собора былъ въ Ордѣ. Дѣйствительно, Михаилъ Ярославичъ въ 1313 году былъ въ Ордѣ; другой разъ, при жизни Митрополита Петра, онъ былъ въ Ордѣ въ 1319 году, когда онъ былъ тамъ убитъ; такъ, во всякомъ случаѣ, легче отнести событіе къ 1313 году. Но въ Степенной Книгѣ встрѣчаются указанія на имена: Патріарха Аѳанасія, Епископа Симеона и Игумена Прохора. Этѣ имена поставляютъ въ затрудненіе, по тому что они не занимали всѣ въ это время обозначенныхъ ихъ мѣстъ.[60] Сдѣсь по этому случаю можно замѣтить одно, что, разсматривая житіе Святителя Петра, приходишь къ слѣдующему заключенію, что оно написано болѣе съ цѣлью доказать Московскимъ Князьямъ, главнымъ автора житія, чѣмъ они обязаны Всероссійскимъ Митрополитамъ, въ лицѣ Петра, а отсюда восхваленія Святителя, и, при описаніи извѣстныхъ случаевъ его жизни, авторъ житія съ пренебреженіемъ относится къ обработкѣ и выясненію факта; а вмѣсто этого, предполагаемаго извѣстнымъ, наполняетъ житіе удивительно

---

60 См. у Руднева, стр. 72.

обильнымъ краснорѣчіемъ, по чему и не беретъ ни чего другаго во вниманіе; имя же Патріарха Аѳанасія, въ житіи Митрополита Петра, въ родѣ имени Фотія въ Уставѣ Св. Владиміра, т. е. лѣтопись связала имя Патріарха Аѳанасія съ именемъ Митрополита Петра. По этому, во всякомъ случаѣ, на основаніи того, что Князь Великій былъ въ Ордѣ, годъ собора должно обозначить 1313. Согласно же съ Степенной Книгой Игнатій Митрополитъ Тобольскій и Сибирскій въ своихъ посланіяхъ самую ересь Сеита относилъ къ 1308 году, однако ересь, но не соборъ.[61] Другія противорѣчія кажутся болѣе возможными для объясненія. Въ житіи Епископъ Андрей является только клеветникомъ (по что онъ клеветалъ вообще, не извѣстно) и связи его съ Сеитомъ не показано, а дѣло о ереси и соборъ разсказаны, пожалуй, такъ, какъ будто они относятся къ различному времени, а именно слѣдующимъ образомъ: «въ то же время и Сеитъ еретикъ» — въ какое время? — не видно ясно, и можно отнести къ тому, что предъ этѣмъ говорится, т. е. что Митрополитъ Петръ жилъ и въ старость пришелъ, или къ тому что сказано еще выше, т. е. къ собору, по поводу клеветъ Епископа Андрея.

Видя не точность разсказа Степенной Книги, лучше принять разсказъ Татищева и его пополнять изъ Степенной Книги. На основаніи вышеизложеннаго полагаю, что на соборѣ, по случаю клеветъ Епископа Андрея, рѣшали и дѣло о ереси Сеита. Но для полноты нужно указать на связь еретика Сеита съ Епископомъ Андреемъ; въ Степенной Книгѣ говорится, что соборъ былъ по случаю клеветы Епископа Андрея, а у Татищева сказано, что соборъ былъ на еретика, которому помогалъ прежде Епископъ Андрей; но на соборѣ объ Андреѣ не упоминается. Сдѣсь нужно сдѣлать послѣднее предположеніе, которое указано у Г. Руднева[62], что мнѣніе о раѣ, подобное мнѣнію Сеита, чрезъ нѣсколько времени, послѣ собора, распространилось въ Твери; то, очень можетъ быть, оно было принято Епископомъ Андреемъ, по тому что онъ «помогалъ» Сеиту въ его дѣятельности.

---

[61] Посланія изданы въ Прав. Соб. 1855 г., стр. 71.

[62] Стр. 73.

Въ Никоновской лѣтописи разсказъ о соборѣ переписанъ изъ Степенной Книги, какъ и все житіе Митрополита Петра, и и, вѣроятно, переписчикъ надѣлалъ тамъ ошибокъ, на которыя указываетъ Г. Рудневъ: вмѣсто слова «чуждая» написано «тужъ дая» вмѣсто «Сеитъ» — «се инъ»: такихъ ошибокъ въ Никоновской лѣтописи множество; а въ отношеніи имени Сеита можно встрѣтить ошибки и не въ одной Лѣтописи Никоновской, такъ напр. въ Царственномъ лѣтописцѣ [63] съ картинами, гдѣ о соборѣ также разсказывается согласно съ Степенной Книгой, вмѣсто «Сеитъ» написано «Исеитъ». [64]

---

[63] Соборъ помѣщенъ на стр. 124 — 128.

[64] Въ Лѣтописяхъ занятій Археологической коммисіи, въ выпускѣ 2-мъ, вышедшемъ въ 1864 году, помѣщено изслѣдованіе о Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ оную Христіанской Вѣры до восшествія на престолъ Іоанна IV. Сдѣсь помѣщено краткое, но довольно обстоятельное изслѣдованіе о Переяславскомъ соборѣ, на стр. 31 — 32. Когда было писано мною о Переяславскомъ соборѣ, то о существованіи этого, тогда еще не напечатаннаго, изслѣдованія я не зналъ.

СВ. АЛЕКСѢЙ МИТРОПОЛИТЪ-БОЯРИНЪ.

«О владыко! что ти воздамъ противу труду твоему? имъ же намъ мирн житіе даровалъ еси» (слова Дмитрія Донскаго).

«А донынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого Митрополита, каковъ сей Митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови!» (слова Ольгерда).

При Даніилѣ Александровичѣ переѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Ѳедоръ Плещеевъ; причиною переѣзда была трудность и опасность жить въ родномъ городѣ. У этого боярина отъ жены его Маріи, въ концѣ XIII или началѣ XIV-столѣтія, родился сынъ Елевѳерій-Симеонъ, воспріемникомъ котораго былъ Иванъ Даниловичъ, бывшій тогда еще очень молодъ.[1] О первыхъ годахъ жизни Елевѳерія-Симеона мало извѣстно; въ житіи разсказываются, точно также какъ и о Митрополитѣ Петрѣ, что съ нимъ совершилось чудо, въ слѣдствіе котораго онъ пристрастился къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и, наконецъ, поступилъ въ монахи Богоявленскаго монастыря, находящагося въ Москвѣ, близь торга, принявъ имя Алексѣя. Въ монастырѣ онъ возложилъ на себя такіе иноческіе подвиги и повелъ такую монашескую жизнь, что удивлялъ всѣхъ. Сдѣсь Алексѣй сошелся съ двумя монахами, подвизавшимися точно также какъ и онъ, Геронтіемъ и Стефаномъ, братомъ знаменитаго Сергія Радонежскаго. Всѣ они трое обратили на себя вниманіе Митрополита Ѳеогноста, который часто призывалъ ихъ къ себѣ и бесѣ-

---

[1] О годѣ рожденія Митр. Алексѣя см. Русскіе Святые, чтимые всею Церковью или мѣстно, Филарета Арх. Черниговскаго, февраль прим. 121, 122, 123 и 156.

довалъ съ ними. — Стефанъ былъ посвященъ Митрополитомъ въ священики и назначенъ игумномъ Богоявленскаго монастыря, а потомъ сдѣлался духовникомъ Великаго Князя Симеона Ивановича и многихъ бояръ. Алексѣя же ожидало совершено другое; принадлежность его къ знатному боярскому семейству, близкому къ Великокняжескому Двору, очень можетъ быть, имѣла вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. Митрополитъ Θеогностъ, по совѣту съ Великимъ Княземъ Симеономъ Ивановичемъ, назначилъ Алексѣя къ себя намѣстникомъ, для занятія дѣлами церковнаго суда и управленія имуществами Митрополіи. Должность чрезвычайно трудная, была, можетъ быть, причиной тому, что Алексѣй, кромѣ желанія остаться простымъ монахомъ, отказывался отъ этого назначенія. Но принявъ должность, онъ хорошо исполнялъ ее и правилъ порученными ему дѣлами въ продолженіи 12 лѣтъ.

Великій Князь и Митрополитъ рѣшили, чтобы по смерти Митрополита Θеогноста, Алексѣй былъ его преемникомъ. Съ этою цѣлію въ 1352 году 6 декабря Алексѣй «добрыхъ ради правленій,»[2] т. е. хорошаго исполненія должности Митрополичьяго намѣстника, былъ поставленъ Епископомъ во Владиміръ Залѣсскій, вторую Митрополичью столицу послѣ Кіева. Вслѣдствіе всего этого было отправлено посольство въ Константинополь къ Патріарху съ просьбой, отъ великаго Князя и Митрополита Θеогноста, чтобъ онъ не ставилъ для Россіи никого въ Митрополиты, кромѣ Алексѣя. Въ скоромъ времени послѣ этого, въ 1353 году 11-го Марта, скончался Митрополитъ Θеогностъ, а вскорѣ за нимъ умеръ Симеонъ Ивановичъ, отъ черной смерти, опустошавшей тогда Россію. Алексѣй, будучи Епископомъ Владимірскимъ, какъ нареченный Митрополитъ, принялъ въ свое завѣдываніе всѣ дѣла Митрополіи.[3] Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о дѣятельности

---

[2] Смотри житіе его Ст. Кн. ч. 1, стр. 450

[3] Въ Никонов. Лѣт. ч. 4 стр. 58 говорится, что Алексѣй былъ Епископомъ 4 года. Это извѣстіе считается неправильнымъ, приб. къ Тв. Св. От. годъ 6 въ статьѣ о Митр. Алексѣѣ стр. 97 прим. 3. Но въ лѣтописи считается время отъ постановленія во Епископы, до времени поставленія въ санъ Митрополита, по этому счетъ 4 года, приблизительно вѣренъ; слич. Ист. Рос. Іерархіи, изд. 2, ч. 1 стр. 91; Русс. Святые, Арх. Филарета, Февраль, прим. 103.

Алексѣя въ должности Митрополичьяго намѣстника мы видимъ только однѣ похвалы ему, но самыхъ дѣлъ не видимъ; а какимъ человѣкомъ онъ заявилъ себя въ этой должности, это мы можемъ видѣть изъ завѣщанія Симеона Ивановича, въ которомъ умирающій Великій Князь говорилъ своимъ братьямъ, Ивану и Андрею (послѣдній вскорѣ за Симеономъ Ивановичемъ умеръ), какъ отецъ намъ приказывалъ жить за одинъ, такъ и я вамъ приказываю, братьи своей, жить за одинъ; а лихихъ людей вы бы не слушали, это можетъ васъ ссорить, ас лушали бы отца нашего, Владыки Алексѣя, такъ же и старыхъ бояръ, кто отцу нашему хотѣлъ добра и намъ.[4] Симеонъ Ивановичъ, не отдѣливъ Владыки Алексѣя отъ тѣхъ бояръ, которые хотѣли добра Ивану Даниловичу и сыновьямъ его, назначаетъ ихъ всѣхъ какъ бы опекунами своихъ преемниковъ, не отличавшихся, какъ видно, особенными способностями. Но это опекунство, конечно, должно было яснѣе выразиться, когда послѣ короткаго, по времени, княженія Ивана Ивановича, Московскими Князьями стали малолѣтнія дѣти. Сдѣсь дѣятельность и заслуги опекуновъ должны были выказаться вполнѣ и, конечно, особенно того изъ нихъ, который между всѣми опекунами указанъ лично. Отъ этѣхъ опекуновъ мы не можемъ ждать, чтобы въ управленіи Великимъ Княженіемъ было между ними какое-либо раздѣленіе труда: по тогдашнему времени они всѣ правили вмѣстѣ; но одинъ изъ нихъ, какъ Митрополитъ всея Россіи, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи учрежденіе, независимое отъ власти Московскаго Князя, и предѣлы власти котораго простирались на всю Россію. Такой опекунъ Московскаго Князя, имѣющій надъ подобнымъ учрежденіемъ и его средствами почти ничѣмъ неограниченную власть, такой опекунъ, если онъ дѣйствительно желалъ добра опекаемымъ, могъ направить въ пользу ихъ свою власть и средства подвѣдомственнаго ему учрежденія. При подобныхъ отношеніяхъ Митрополита Алексѣя къ Московскимъ Князьямъ и при томъ умѣньи употреблять средства, что мы увидимъ ниже, можно опредѣлить, кажется, все значеніе великаго Святителя въ исторіи Московскаго Государства.

---

[4] С. Г. Г. и Д. т. 1, N. 24, стр. 38.

При поставленіи Епископа Владимірскаго Владыки Алексѣя на Митрополичій престолъ выяснялось то значеніе отношеній, относительно всего Русскаго общества, въ которыя попали Всероссійскіе Митрополиты, переѣхалъ на сѣверъ Россіи, а потомъ утвердивши свое пребываніе въ Москвѣ. Еще при жизни Ѳеогноста былъ поставленъ отъ Терновскаго Патріарха Митрополитомъ къ Кіеву Ѳеодоритъ, что побудило Терновскаго Патріарха, не признаваемаго даже въ санѣ Патріарха отъ остальной Восточной Церкви, поставить туда Митрополита, куда онъ не имѣлъ права ставить, а до страны самой почти и дѣла-то никакого не имѣлъ? Вѣроятно, по просьбѣ кого-либо изъ Южныхъ Князей, замѣчаетъ объ этомъ Преосвященный Филаретъ.[5] Дѣло это возмутило всѣхъ, никто не хотѣлъ признавать Ѳеодорита какъ Митрополита Всероссійскаго; Ѳеодоритъ пріѣхалъ въ Кіевъ, но ничего не получилъ; кромѣ того онъ посылалъ и въ Новгородъ; но такъ же ничего не получилъ.[6] Константинопольскій Патріархъ называлъ это поставленіе дѣломъ безмысленнѣйшимъ и беззаконнѣйшимъ[7] и не хотѣлъ такъ же признавать Ѳеодорита Митрополитомъ Всероссійскимъ. Такимъ образомъ Ѳеодоритъ ничего не достигнулъ въ Россіи и только, какъ можно предполагать, въ послѣдствіи сдѣлался Митрополитомъ Галицкимъ,[8] что очень могло случиться при тогдашнемъ смутномъ состояніи Галиціи. Но если Ѳеодоритъ ничего не получилъ ни въ Сѣверо-Восточной Россіи, ни въ Литовскихъ владѣніяхъ, то изъ Константинополя вышло дѣло гораздо хуже. Въ то время, какъ въ отвѣтъ на просьбу Великаго Князя и Митрополита Ѳеогноста въ Константинополѣ постановили: «что хотя не дозволено, чтобъ кто либо не изъ Константинополя поставлялся въ Митрополиты Кіева,

---

[5] Истор. Русск. Цер. изд. 2, т. 2, стр. 115.

[6] Тат. ч. 4, стр. 177, объ этомъ ниже.

[7] Прот. Конст. Патріарха Ж. М. Н. Пр. т. 54, 1847 г. стр. 140.

[8] См. И. Р. Іерарх. ч. 1. стр. 21 и 89; Оп. Кіево-Соф. Соб. Мит. Евгенія стр. 88; въ перечетѣ Галицкихъ митрополитовъ (Ж. М. Н. Пр. 1847 г.) есть имя, послѣдняго предъ Антоніемъ Митрополита, Ѳеодора. Издатель протоколовъ говоритъ, что онъ прочелъ это имя по догадкѣ. Не имя ли Ѳеодорита онъ долженъ былъ прочесть?

однако жь, внявъ свидѣтельствамъ Великаго Князя и покойнаго Митрополита, Алексѣю дѣлаютъ исключеніе».[9] На основаніи всего этого Алексѣй, вызванный въ Константинополь, былъ поставленъ въ Митрополиты всея Руси. Но еще прежде его поставленія въ Константинополѣ поставили другаго Митрополита къ Кіеву — Романа, и обоихъ ихъ отпустили въ Россію. Подобное дѣло, явившееся, какъ выражаетъ авторъ житія Митрополита Алексѣя, «человѣческаго ради сребролюбія,» имѣло важное значеніе: явилось на одну Митрополію два Митрополита, и оба хотѣли управлять ею всецѣло. Романъ пріѣхалъ въ Литву,[10] а Алексѣй въ Москву и начался между ними споръ. Говоря о Митрополитѣ Петрѣ мы видѣли, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Галиція успѣла было отдѣлиться отъ общей Митрополіи Русской; Θеодоритъ, какъ можно полагать, теперь снова возстановилъ самостоятельную Митрополію въ Галиціи; въ лицѣ же Романа теперь видимъ, что отдѣленіе клонится уже къ большей части Митрополіи. Первая причина этому была та, что Митрополитъ, живя въ Сѣверной Россіи, не могъ часто посѣщать Юго-Западныя Епархіи своей Митрополіи. Дѣло раздѣленія Митрополіи только что началось, и оно еще легко могло быть остановлено на время; теперь, по мѣрѣ того какъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, высказывалось сознаніе самостоятельности двухъ половинъ Россіи и уяснялись ихъ границы, высказывалось и уяснялось и стремленіе къ раздѣленію Митрополіи.

Митрополитъ Романъ началъ положительно тянуть къ Литвѣ, Алексѣй же къ Москвѣ; первое столкновеніе между ними произошло въ Твери: къ Владыкѣ Тверскому явились послы отъ обоихъ Митрополитовъ, еще во время ихъ пребыванія въ Константинополѣ, и «была священническому чину тяжесть великая вездѣ».[11] Причина появленія пословъ отъ обоихъ Митрополитовъ въ Тверь объясняется не только географическимъ ея положеніемъ, но и

---

[9] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54.

[10] Вѣроятно, Романъ былъ поставленъ по ходатайству изъ Литвы: тамъ онъ былъ принятъ, оттуда получалъ поддержку въ своихъ дѣйствіяхъ и тамъ въ заключеніе назначена ему была Митрополія

[11] Ник лѣт. ч. 3, стр. 204; Ст. Кн., ч. 1, стр. 452.

тѣмъ, что относительно сильная Тверь была въ близкихъ связяхъ съ Литвою, въ лицѣ семьи Александра Михайловича. До чего достигло первое посольство Митрополита Романа — не извѣстно, вѣроятно ничего, по тому что когда въ послѣдствіи Митрополитъ Романъ самъ лично явился въ Тверь, то Владыка Тверской не хотѣлъ съ нимъ имѣть никакого дѣла. Два Митрополита не ужились рядомъ: въ 1356 году оба они отправились въ Константинополь — сначала Романъ, а потомъ Алексѣй, и былъ у нихъ тамъ «споръ велій». Но изъ Константинополя опять ихъ отпустили; но все-таки Митрополитъ Алексѣй получилъ нѣкоторое преимущество предъ Романомъ: онъ долженъ былъ, по господствующему обыкновенію, быть Митрополитомъ «начальнымъ и Архіепископомъ Кіевскимъ и всея Россіи»; Роману же дозволено было «по снисхожденію ради мира» править, кромѣ Епархій Литовскихъ, Полоцкомъ, Туровомъ и Новымъ городомъ (Волынскимъ).[12] Но сдѣлавъ такъ въ Константинополѣ, не могли конечно предупредить, что не будетъ впередъ споровъ между Митрополитами. Такъ и вышло: не прошло много времени, какъ тотъ же Романъ началъ высказывать свои притязанія на Кіевъ, а потомъ явился въ Тверь. — Кіевъ имѣлъ особенное значеніе, онъ считался главнымъ городомъ Русской Митрополіи, и по этому Митрополитъ Алексѣй не могъ допустить, уже потерявши часть своей Митрополіи, потерять и главный городъ ея, а съ нимъ конечно и старшинство. Въ 1358 году Митрополитъ Алексѣй отправился въ Кіевъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы личнымъ своимъ присутствіемъ утвердить тамъ свою власть, и пробывъ тамъ слишкомъ годъ, возвратился на Сѣверъ Россіи. Но въ то время, какъ Митрополитъ Алексѣй возвращался изъ Кіева, Митрополитъ Романъ самъ прибылъ въ Тверь, «не обославшись и не по любви съ преосвященнымъ Алексѣемъ»; но Романъ сдѣсь не много получилъ: Владыка Тверской Ѳеодоръ не воздалъ ему никакой чести; только Князья, бояре и нѣкоторые другіе давали ему потребное; изъ Князей Всеволодъ Александровичъ Холмскій особенную честь воздалъ Митрополиту Роману; одарилъ многими дарами и приказалъ обратно проводить его въ Литву.[13] На подобныя дѣла Ро-

---

[12] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 141.

[13] См. ниже стр. 55.

мана Митрополитъ Алексѣй сталъ жаловаться Патріарху. Въ Константинополѣ узнавъ, что Романъ дерзаетъ называть себя всеобщимъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи и дѣлаетъ другія многія противозаконныя дѣла, отправили въ 1361 году пословъ съ порученіемъ: «собрать письменныя свѣдѣтельства съ собственноручными подписями Епископовъ, Князей и другихъ достовѣрныхъ мужей, препроводить оныя къ Императору и Патріарху». При этомъ послана была грамота и къ Роману о томъ, что наряжены послы для произведенія слѣдствія о его притязаніяхъ.[14] Вѣроятно, еслибы удалось только собрать подобныя бумаги и подписи въ Россіи, и при томъ въ пользу одного изъ спорющихъ лицъ, въ Константинополѣ хорошо бы рѣшили дѣло; но въ слѣдующемъ 1362 году Романъ умеръ и Митрополитъ Алексѣй сталъ управлять не частію, а цѣлою Митрополіею Всероссійскою. Послѣ смерти Романа Восточные Патріархи рѣшили дѣло о раздѣленіи Митрополіи въ пользу Алексѣя; въ грамотѣ, которая хотя и не послана была въ Россію, они выразили мысль о вредѣ раздѣленія Митрополіи, слѣдующимъ образомъ: «земля Литовская на все послѣдующее время, ни по какимъ причинамъ, не должна отдѣляться отъ области и духовнаго управленія Митрополита Кіевскаго: ибо уже подобный случай произвелъ замѣшательство и много неумѣстнаго».[15]

Но Патріарху Константинопольскому пришлось дѣйствовать не такъ, какъ онъ думалъ, вмѣстѣ съ другими. Явилось письмо изъ Польши отъ Короля Казиміра, которое привезъ Епископъ Антоній. Казиміръ требовалъ, чтобы этотъ Антоній былъ поставленъ въ Митрополиты Галиціи: «Рукоположите его въ Митрополиты, писалъ Казиміръ, дабы законъ Руссовъ не погибъ, дабы не было ему порухи. А не будетъ милости Божьей и благословенія вашего сему человѣку, не сѣтуйте на насъ послѣ, если придетъ жалостная нужда крестить Руссовъ въ вѣру Латинскую, такъ какъ нѣтъ Митрополита въ Россіи, а земля не можетъ быть безъ закона».[16] Здѣсь говорится о Червонной-Галицкой Руси,

---

[14] Ж. М. Н. Пр. 1847 г.

[15] Тамъ же, стр. 144.

[16] Тамъ же, стр. 145 — 147 Преосвященный Филаретъ относитъ эту грамоту къ 1371 году см. Русскіе святые. февраль стр. 110, т. е. я полагаю

въ которой не было уже отдѣльнаго Митрополита. Патріархъ на это ничего не возражалъ и поставилъ Епископа Антонія въ Митрополиты Галича и Епископій: Холма, Турова, Перемышля и Владиміра. Такимъ образомъ отъ Всероссійской Митрополіи теперь окончательно отпала ея значительная часть, не вслѣдствіе политическихъ отношеній, а вслѣдствіе удаленія Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи; Католицизмъ короля послужилъ толчкомъ къ совершенію этого отдѣленія. Патріархъ, извѣщая объ этомъ событіи Митрополита Алексѣя, послѣ изъясненіі въ своей любви къ нему, говоритъ: «слышалъ я, что ты оставилъ Христіянъ всѣхъ находящихся тамъ, (т. е. въ Югозападной Россіи) на всѣхъ мѣстахъ и сидишь на одномъ мѣстѣ. Не хорошо! Знай, что присылалъ сюда къ моему смиренію Краль Ляхіи, Казиміръ, который держитъ и Малую Россію, и другіе Князья присылали сюда Епископа и грамоты, извѣщая, что вся земля безъ закона. Что же мы должны были тутъ сдѣлать? Тебя призываемъ въ судьи, что ты самъ скажешь? Другое дѣло, если бы Государь земли былъ Православной и нашей Вѣры; тогда мы, можетъ-быть, и подождали бы. Но какъ онъ не нашъ, а Латинъ, то можно ли было отослать ихъ съ пустымъ отвѣтомъ? А онъ намѣренъ былъ не медля поставить Митрополита Латинскаго, какъ говорилъ, и крестить Руссовъ въ Вѣру Латинскую: посуди самъ, хорошо ли было бы, если бы такъ случилось? Благодарю еще Бога, что онъ прежде, чѣмъ сдѣлалъ сіе, послалъ къ намъ и требовалъ Митрополита. По этому и рукоположили мы того, кого онъ прислалъ. Дали ему Галичь, чтобъ быть Митрополіею, Епископіи же: Владиміръ, Перемышль, Холмъ, все, что подъ властію Короля Ляхіи. Больше мы ему не дали.[17] Намъ не извѣстно, что на это отвѣчалъ Митрополитъ Алексѣй: впрочемъ, кажется, въ грамотѣ Патріарха дѣло было изложено такъ ясно, что нечего было возражать.[18]

она писана не въ 1371 годѣ, — а до этого года, по тому что въ 1370 году умеръ Казиміръ.

[17] Тамъ же, стр. 153.

[18] О состояніи Прав. Цер. въ Галиціи см. Повѣсть о Червонной Руси Д. Зубрицкаго пер. Бодянскаго М. 1845 г. стр. 146 § 16.

Но если Галиція отпала отъ общей Русской Митрополіи вслѣдствіе того, что Митрополиты переселились на Сѣверъ Россіи, а страна подпала подъ власть Короля Католика, не имѣющаго ничего общаго съ тѣми мѣстностями, гдѣ жилъ Митрополитъ всея Россіи; то прошло съ немногимъ 10 лѣтъ послѣ смерти Романа, какъ началось снова отступленіе отъ власти Митрополита Алексѣя Епархій, находящихся во владѣніяхъ Литовскаго Великаго Князя. Но такъ какъ выясненіемъ необходимости отдѣленія, съ этой стороны, послужила политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя, то по этому обратимся покуда къ ней, на столько, на сколько она связана съ этѣмъ. Въ притязаніяхъ Митрополита Романа на Тверь, мы видѣли намеки на какія-то политическія отношенія, по этому, а также и по тому, что отношенія къ Литвѣ по поводу Твери, Московскаго Княжества, во время княженія Дмитрія Ивановича и его отца, занимали главное мѣсто въ дѣлахъ Сѣверной Россіи, то и начнемъ съ нихъ разсказъ о политической дѣятельности Митрополита Алексѣя.

Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, мы видѣли перечень обидъ, которымъ подвергалась Русская Церковь «отъ лукавыхъ человѣкъ»; теперь подобныхъ обидъ, при Митрополитѣ Алексѣѣ, мы уже не видимъ. Причина этому та, что Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, для защиты себя, опирается на матеріяльную силу Московскаго Князя. Но слѣдствія переѣзда Митрополита Петра въ Москву простирались еще далѣе: мы видѣли, что избраніе преемника Митрополиту Ѳеогносту произошло подъ вліяніемъ Московскаго Князя, который при томъ возложилъ на Владыку Алексѣя, вмѣстѣ съ старыми боярами, заботы о своихъ наслѣдникахъ и ихъ Княжествѣ. Вслѣдствіе всего этого вышло то, что прежняя роль Митрополита, при его участіи въ дѣлахъ политическихъ, какъ примирителя, должна была ослабиться, по тому что такому Митрополиту трудно въ дѣлахъ политическихъ, въ которыя его замѣшиваютъ, сохранить въ своемъ положеніи безпристрастіе. При томъ, если Митрополитъ очень уменъ, то въ этомъ новомъ его положеніи его дѣятельность будетъ имѣть объемъ шире обыкновеннаго, и выставится по этому несравненно рѣзче.

Мы видѣли, что Митрополиту Алексѣю, по случаю своего поставленія и спора съ Митрополитомъ Романомъ, пришлось два

раза ѣздить въ Константинополь, и вотъ какъ только онъ немного освободился отъ этѣхъ дѣлъ, въ лѣтописи разсказывается (1357 г.), что Митрополитъ Алексѣй пришелъ во Владиміръ и сдѣсь къ нему явился Всеволодъ Александровичъ Холмскій съ жалобою о своихъ обидахъ отъ дяди Василія Михайловича Тверскаго, происшедшихъ отъ «докончанья,» заключеннаго между ними. Василій Михайловичъ, вмѣстѣ съ Епископомъ Тверскимъ, Ѳеодоромъ, такъ же явился на судъ предъ Митрополитомъ и начался между Князьями споръ. Каждый жаловался на обиды; а они другъ другу надѣлали столько и такихъ обидъ, что только чрезъ забвеніе ихъ, Князья могли примириться. Начало же ссоры лежало такъ далеко по времени, что и сами Князья, пожалуй, не знали его.[19] Споръ продолжался, но конечнаго мира между Князьями не

---

[19] Въ Никоновской лѣтописи вставленъ съ 1345 года разсказъ о Тверскихъ дѣлахъ (Н. Л. ч. 3, стр. 184—196; см. Ист. Рос. т. 4, стр. 406), еще въ 1346 году другой дядя Всеволода Александровича, Константинъ Михайловичъ, сталъ показывать нерасположеніе къ вдовѣ несчастнаго своего брата, Александра Михайловича, Анастасіи, и къ сыну ея, Всеволоду Александровичу (вѣроятно, и ко всѣмъ дѣтямъ Александра Михайловича); была имъ скорбь великая: началъ Константинъ Михайловичъ насильно хватать бояръ и слугъ ихъ. Всеволодъ Александровичъ не могъ вытерпѣть этѣхъ гоненій и уѣхалъ изъ Твери въ Москву къ Симеону Ивановичу, сыну Калиты, племяннику Юрія Даниловича, а оттуда поѣхалъ въ Орду, куда прежде его отправился Константинъ Михайловичъ; послѣдній вскорѣ по пріѣздѣ въ Орду умеръ. Всеволодъ Александровичъ въ Ордѣ, по смерти дяди, получилъ ярлыкъ на Тверское Великое Княженіе. Но другой его дядя, Василій Михайловичъ Кашинскій, котораго теперь мы видимъ предъ Митрополитомъ Алексѣемъ, находился дома; онъ послалъ своихъ данщиковъ въ Холмъ, взявъ съ Холмскихъ людей дань и такъ же отправился въ Орду. Всеволодъ Александровичъ, услышавъ о дѣяніяхъ своего дяди, оскорбился; пошелъ изъ Орды съ посломъ Ханскимъ, встрѣтилъ Василія Михайловича на дорогѣ и ограбилъ. «Князь же Василій Михайловичъ опечалился зѣло» отъ поступковъ своего племянника и отъ того, что Ханъ далъ Всеволоду Александровичу все Княженіе Тверское. Ограбленный Василій Михайловичъ воротился въ свой Кашинъ, а Всеволодъ Александровичъ пріѣхалъ въ Тверь; сотворилось между ними «нелюбіе», а людямъ Тверскимъ отъ этого тягость; дѣло между ними едва не дошло до войны. Это послѣднее было уже въ 1348 году. Сила, какъ видимъ теперь, находится вся на сторонѣ Всеволода Александровича. Объясненіемъ этому, кажется, можетъ служить то, что послѣ того, какъ въ 1346 году Всеволодъ Александровичъ былъ въ Москвѣ и отправился въ Ор-

состоялось; къ тому же, въ это время, и самаго Митрополита Алексѣя позвали въ Орду для исцѣленія царицы Тайдулы. Какую роль долженъ былъ играть сдѣсь Митрополитъ, мы можемъ предполагать изъ совокупности другихъ извѣстій. Кромѣ родства, въ которомъ находились Тверскіе Князья въ Москвѣ и Литвѣ (смотри въ примѣчаніи), обратимъ вниманіе на то, что Василій Михайловичъ явился на судъ предъ Митрополитомъ, тотчасъ послѣ того какъ заключилъ миръ и вошелъ въ любовь съ Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ, по «Митрополичьему слову.» Кажется, ясно на чьей сторонѣ находился судья; можетъ быть, вслѣдствіе этого между спорющими конечный миръ и не состоялся. Дальнѣйшія событія покажутъ яснѣе намеки на то, какъ понималъ сначала и какъ потомъ понялъ положеніе Митрополита Алексѣя, въ подобныхъ дѣлахъ, Всеволодъ Александровичъ.[20]

Не получивъ разрѣшенія спора предъ Митрополитомъ, Тверскіе Князья отправились въ Орду, надѣясь тамъ получить его, предъ Ханомъ Бердибекомъ. Но Всеволоду Александровичу не удалось въ этотъ разъ побывать въ Ордѣ: онъ пошелъ отдѣльно отъ дяди на Переяславль, но сдѣсь ему намѣстники Великаго Князя не дали пути. Тогда Всеволодъ Александровичъ избралъ другую дорогу въ Орду; онъ отправился туда черезъ Литву. Между тѣмъ какъ онъ путешествовалъ такъ, Василій Михайловичъ благополучно воротился отъ Хана домой и, вѣроятно, узнавъ,

---

ду, Симеонъ Ивановичъ женился, въ третій разъ, на сестрѣ его, Маріи. Но вскорѣ счастіе повернуло въ другую сторону: Владыка Тверской Ѳеодоръ захотѣлъ прекратить ссоры Князей и ввелъ наконецъ ихъ въ миръ и любовь, и Всеволодъ Александровичъ поступился Тверскимъ Княженіемъ въ пользу дяди. Но въ это время Ольгердъ женился на другой сестрѣ Всеволода Александровича, а сынъ Василія Михайловича женился на дочери Симеона Ивановича. Такимъ образомъ Всеволодъ Александровичъ перемѣнилъ союзъ Москвы на Литву, а Василій Михайловичъ сдѣлалъ напротивъ. Въ 1352 году вынесли ярлыкъ на Тверское Княженіе Василію Михайловичу изъ Орды, и тогда онъ вспомнилъ, какъ прежде племянникъ его ограбилъ, и началъ, на маперъ покойнаго брата, обижать Холмскаго Князя «чрезъ докончанье.» Снова начали Князья ссориться между собою; Василій Михайловичъ началъ захватывать бояръ и слугъ Всеволода Александровича. Вотъ съ подобными-то жалобами явились Князья предъ Митрополита Алексѣя.

[20] Ник. Лѣт. ч. 5 стр. 208.

что его племянникъ пробрался таки въ Орду, отправилъ своихъ пословъ къ Хану, съ жалобою на Всеволода Александровича. Союзнику Москвы Ханъ и Ханша безъ суда выдали врага. Плохо досталось Холмскому Князю за исканіе помощи въ Литвѣ и Ордѣ. Дядя заключилъ его, а его области, боярамъ и слугамъ было отъ Василія Михайловича великое грабленіе и продажа. Но Всеволоду Александровичу удалось ускользнуть изъ заключенія у дяди, и онъ обратился за помощію въ Литву. Его освобожденію помогло, кажется, то обстоятельство, что въ это время умеръ Иванъ Ивановичъ Московскій, а потомъ былъ убитъ въ Ордѣ Бердибекъ и всѣ Князья пошли къ новому Хану. [21] Подобная безурядица между Князьями не могла остаться безъ возраженій: Тверской Владыка Ѳеодоръ, который и прежде бывалъ примирителемъ своихъ Князей, вѣроятно, хлопоталъ и теперь; но не видя толку, онъ обратился къ Митрополиту Алексѣю, котораго онъ провожалъ въ Кіевъ въ 1358 году, съ просьбой освободить его отъ обязанностей пастыря «нестроенія ради Князей Тверскихъ.» Но Митрополитъ уговаривалъ Владыку: «потерпѣть и подождать, пока Господь устроитъ дѣла по Своей волѣ.» Всеволодъ Александровичъ возвратился изъ Литвы, а не задолго предъ нимъ пріѣхалъ въ Тверь Митрополитъ Романъ, вѣроятно, съ порученіемъ отъ Ольгерда примирить Тверскихъ Князей [22] и, можетъ быть, его пригласилъ самъ Всеволодъ Александровичъ, узнавшій, что такое за судъ о политическихъ дѣлахъ предъ Митрополитомъ, живущимъ въ Москвѣ. Литовскаго Митрополита принимали всѣ съ честію и давали ему все потребное; только Владыка Ѳеодоръ не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакого дѣла. Во время пребыванія Романа въ Твери, Всеволодъ Александровичъ взялъ миръ съ своею братіею; Василій Михайловичъ отступилъ въ пользу племянника треть отчины (вѣроятно, въ это время и Тверь перешла въ родъ Александра Михайловича) и всѣ раздѣлились волостями. Послѣ всего этого Всеволодъ Александровичъ приказалъ проводить Митрополита Романа въ Литву, одаривъ его при этомъ многими дарами.

Теперь въ Москвѣ были Князья малолѣтніе и вообще дѣла находились въ довольно запутанномъ состояніи. По этому нѣко-

---

[21] См. Татищ. ч. 4, стр. 187.

[22] Ист. Рос. т. 4, стр. 303.

гда было помогать сторонникамъ Москвы въ Твери: этѣмъ объясняются успѣхи Всеволода Александровича. Такъ тянулись дѣла почти до 1365 года. Въ этотъ годъ снова посѣтилъ Россію страшный моръ и въ Твери умерли всѣ сторонники Литвы, кромѣ Михаила Александровича, Князя Микулинскаго, которому достались удѣлы всѣхъ Князей его партіи, къ числу которой, какъ видно, принадлежалъ, умершій въ это время, сынъ Константина Михайловича, Симеонъ Константиновичъ, по тому что онъ завѣщалъ свой удѣлъ Михаилу Александровичу. Представители Московской партіи остались живы: ими были Василій Михайловичъ Кашинскій, и братъ Симеона Константиновича, Іеремія Константиновичъ.

Прежде Михаилъ Александровичъ не былъ видѣнъ, какъ и другіе члены Литовской партіи, застѣняемые дѣятельностію своего представителя, Всеволода Александровича, за то теперь Михаилу Александровичу, соединившему въ своихъ рукахъ всѣ средства своей партіи, приходилось одному вести борьбу, отъ которой враги его усиленія не думали отказываться. Василій Михайловичъ и Іеремія Константиновичъ подняли споръ за удѣлъ Симеона Константиновича. Рѣшителемъ спора явился Тверской Владыка Василій, преемникъ Ѳеодора, судившій это дѣло по благословенію и повелѣнію Митрополита Алексѣя.[23] Но владыка Василій не оправдалъ надеждъ Московской партіи; онъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила Александровича. Этѣмъ дѣло такъ было и кончилось; но подъ слѣдующимъ годомъ (1367) въ лѣтописи говорится, что Великій Князь Дмитрій Ивановичъ началъ всѣхъ Русскихъ Князей приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ посягать. Михаилъ Александровичъ не хотѣлъ, какъ видно, превратиться въ подручника, и Московскій Князь началъ посягать и на него; но Тверской Князь обратился за помощію къ своему зятю Ольгерду, въ Литву. Теперь и въ Москвѣ спохватились, что оправдавъ его прежде, сдѣлали промахъ и стали сначала наказывать судью. Всѣ члены Московской партіи въ Твери позвали, чрезъ Митрополичь-

---

[23] Ник. Лѣт. ч. 4 стр. 12; у Татищева ч. 4 стр. 205 есть прибавка «И по благословенію и повелѣнію Великаго Князя судилъ ихъ Владыка Василій и два боярина Московскіе».

ихъ приставовъ, Владыку Василія, на судъ предъ Митрополита: за чѣмъ онъ не по правдѣ судилъ ихъ объ удѣлѣ Князя Симеона Константиновича. Владыкѣ Василію въ Москвѣ, за тотъ судъ, былъ «проторъ великъ». Но наказаніе судьи не удовлетворяло заинтересованныхъ лицъ; Василію Михайловичу явилась на помощь Московская рать и повоевала Тверскія волости. Но и Михаилъ Александровичъ не остался въ долгу; въ концѣ того же года онъ явился изъ Литвы и съ своею и Литовскою ратью, захвативъ женъ Василія Михайловича и Іереміи Константиновича и переловивъ ихъ бояръ, пошелъ къ Кашину. Изъ Кашина были высланы послы просить мира; въ числѣ пословъ были и послы отъ владыки Василія, находившагося уже теперь съ Князьями въ Кашинѣ Михаилъ Александровичъ заключилъ миръ со всѣми своими врагами; но миръ былъ не продолжителенъ: Іеремія, вскорѣ за миромъ, сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и ушелъ въ Москву. Теперь въ Москвѣ увидали съ кѣмъ приходится имѣть дѣло, и вотъ оттуда начали дѣйствовать другимъ образомъ. Великій Князь Дмитрій Ивановичъ съ преосвященнымъ Митрополитомъ Алексѣемъ зазвали любовію къ себѣ въ Москву Михаила Александровича Тверскаго. Когда онъ пріѣхалъ, то между Князьями составились какія-то рѣчи, потомъ судъ на третійй, на которомъ разспорившись Великій Князь велѣлъ схватить Михаила Александровича и бояръ его, которые были съ нимъ, всѣхъ ихъ заключили и держали «въ истомленіи великомъ». Долго, можетъ быть, пришлось бы имъ сидѣть, но дѣло заключенныхъ поправилось тѣмъ, что въ это время изъ Орды неожиданно пришли послы и по случаю ихъ прибытія Михаилъ Александровичъ былъ выпущенъ.[24] Выпуская его, съ нимъ заключили миръ, укрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, и при этомъ случаѣ поживились тѣмъ, что взяли у него Городокъ, часть отчины удѣла Князя Симеона.[25]

Такимъ образомъ Михаилу Александровичу пришлось испытать участь покойнаго своего брата, Всеволода Александровича: тотъ, какъ только явился случай, сейчасъ же обратился за су-

---

[24] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 19 и въ нѣкоторыхъ другихъ подъ 1368 г.

[25] У Арцыбашева кн. 3, прим. 827, предполагается, что это не Старица ли.

домъ къ Митрополиту и, какъ мы видѣли, должно быть не очень былъ къ нему расположенъ послѣ суда, по тому что чествовалъ его соперника, Митрополита Романа; Михаилъ Александровичъ повѣрилъ съ хорошей стороны зазыву и особенно Митрополичьему, какъ сейчасъ увидимъ, и также обманулся; изъ плѣна освободился случаемъ, какъ и тотъ.

Михаилъ Александровичъ сильно сердился на поступокъ съ нимъ, который позволили себѣ сдѣлать Московскія власти, но особенно сердился онъ на Митрополита Алексѣя. Лѣтописецъ записалъ слова, которыя у него въ это время были постоянно на устахъ: «какую я любовь и вѣру имѣлъ, больше всѣхъ къ этому Митрополиту, а онъ меня такъ посрамилъ и поругалъ». Тверскіе Князья два раза обманулись въ Митрополитѣ Алексѣѣ и обманывались по простой причинѣ: они знали Святителя Алексѣя лично: онъ къ нимъ ѣздилъ въ Тверь, а въ 1363 году даже пріѣхалъ собственно для ихъ семейства — для крещенія дочери Ольгердовой, привезенной ихъ матерью изъ Литвы. Въ этѣхъ личныхъ сношеніяхъ они видѣли въ Митрополитѣ человѣка святой жизни, ревнителя вѣры, врага смутъ; знали они, конечно, и слова Митрополичьи, сказанныя владыкѣ Өеодору, когда тотъ не могъ переносить Княжескихъ междуусобій. Но въ политическихъ дѣлахъ Тверскіе Князья хотѣли видѣть въ Митрополитѣ того же человѣка, который крестилъ Ольгердову дочь, и для нихъ ничего не значило здѣсь отношеніе начальника Церкви къ Князьямъ, у которыхъ онъ жилъ. Когда съ этѣмъ положеніемъ они сталкивались, то разочарованье распространялось уже и на другія сферы дѣятельности Митрополита. Наконецъ, надо сказать и то, что Митрополитъ Алексѣй не совсѣмъ былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Изъ лѣтописи видно, что присовѣтовали Великому Князю сдѣлать это дѣло Московскіе бояре: «Князь Великій уразумѣлъ, что не доброе ему бояре о Князѣ Михаилѣ совѣтовали, и отпустилъ его.»[26]

---

[26] Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос. 1861 г., кн. 3, стр. 6, пр. 7, въ статьѣ И. Д. Бѣляева о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ Митрополитъ Алексѣй оправдывается въ этомъ дѣлѣ тѣмъ, что ему было «въ это время 70 лѣтъ отъ роду, и онъ уже мало занимался Государственными дѣлами.» Напротивъ, въ шестидесятыхъ годахъ XIV столѣтія сосредоточивается вся политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя, какъ видѣли и какъ увидимъ ниже.

За Московское заключеніе Михаилъ Александровичъ началъ мстить Литовскими опустошеніями Московскихъ областей. Со стороны Москвы отплачивалось тѣмъ же; но Михаилъ Александровичъ хотѣлъ мстить не одному Великому Князю: онъ хотѣлъ отплатить и Митрополиту почувствительнѣе, чѣмъ Ольгердовы опустошенія, которыя были хотя чувствительны, но не имѣли особенной важности Ольгердъ долженъ былъ постоянно уходить назадъ домой, отвлекаемый отъ Москвы своими дѣлами на западныхъ границахъ Литвы. Михаилъ Александровичъ обратился къ Патріарху Константинопольскому, требуя у него себѣ суда съ Митрополитомъ. Патріархъ уступилъ и позволилъ Тверскому Князю судиться съ Митрополитомъ въ Константинополѣ. Начались по этому случаю пересылки изъ Константинополя съ Москвою и Тверью. Но вдругъ Патріархъ, вѣроятно убѣжденный изъ Москвы, что судъ можетъ имѣть дурное вліяніе на репутацію Митрополита, написалъ Тверскому Князю, что онъ раздумалъ и, почитая неприличнымъ судиться Князю съ Митрополитомъ, отказалъ въ судѣ.[27] Это дѣло должно, кажется, относиться къ началу 70 лѣтъ годовъ XIV столѣтія.[28]

Года въ отношеніи Митрополита Алексѣя въ сущности ничего не значили: онъ вступилъ на Митрополичій престолъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ, а послѣ этого ѣздилъ: два раза въ Константинополь, два раза въ Орду, разъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ конечно объѣзжать епархіи Южной Россіи; потомъ нѣсколько разъ былъ въ Твери, а въ 1370 году ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, чтобы крестить сына у Князя Бориса Константиновича. Для совершенія такихъ путешествій, и при томъ въ то время, нужно было имѣть хорошее здоровье; а вообще вся дѣятельность Митрополита Алексѣя свидѣтельствуетъ, что и духовныя его способности ему не измѣняли никогда.

[27] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 154.

[28] Патріархъ, извѣщая Митрополита Алексѣя объ этѣхъ жалобахъ, говоритъ, что они идутъ отъ Тверскаго Князя и его брата. Эта жалоба, конечно, шла отъ Михаила Александровича; братья же у него были двоюродные: Іеремія Константиновичъ и Михаилъ Васильевичъ Кашинскій. Долженъ быть который нибудь изъ нихъ: они, по своей незначительной силѣ, часто, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, должны были становиться на сторону своего врага. Подъ 1371 годомъ (Ник. лѣт.) въ лѣтописи говорится, что Михаилъ Васильевичъ Кашинскій взялъ миръ съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивано-

Въ то время, какъ Михаилъ Александровичъ жаловался на Митрополита въ Константинополь, его раздраженіе на Москву и на все Московское должно было доходить до крайности. Походы Ольгерда на Москву ему не приносили существенной пользы. а когда онъ обратился въ Орду, то и здѣсь въ сущности не достигъ ничего: купилъ ярлыкъ на Великое Княженіе, но во Владимірѣ его не приняли: по тому что съ Владимірцевъ была взята присяга Московскимъ Княземъ не принимать Тверскаго Князя. Ханскій Посолъ, пріѣхавшій его сажать на Великое Княженіе, ушелъ въ Москву; но Михаилъ Александровичъ все еще надѣялся на Орду: послалъ туда, вмѣсто себя, сына своего, Ивана Михайловича, хлопотать о дѣлахъ; но успѣху его особенно повредилъ Московскій Князь тѣмъ, что самъ отправился въ Орду. Преосвященный Митрополитъ проводилъ Димитрія Ивановича изъ Москвы до Оки, напутствуя его своими молитвами и благословеніями. А когда Князь возвратился, везя съ собою Ивана Михайловича, выкупленнаго въ Ордѣ изъ долга 10,000 рублей, то Святитель Алексѣй взялъ его къ себѣ и держалъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не выкупилъ. Подобный поступокъ, съ Иваномъ Михайловичемъ, Митрополита, спасшаго Тверскаго Княжича можетъ быть отъ многихъ непріятностей, не остановилъ Михаила Александровича отъ жалобъ на Митрополита Патріарху.

Всѣ испытанныя средства къ борьбѣ оказывались несостоятельными, но Тверской Князь не отставалъ: онъ еще разъ призвалъ Ольгерда, тотъ опустошилъ Московскія владѣнія, но потомъ заключилъ миръ,[29] къ которому долженъ былъ пристать и Тверской Князь. Явилась смута въ самой Москвѣ, отъ Ивана Васильевича Вельяминова и купца Некомата Сурожанина, и дала надежду на побѣду. Крамольники отправились въ Орду добывать

вичемъ, а Михаилу Александровичу Тверскому крестное цѣлованіе сложилъ. Не сдѣлался ли онъ сторонникомъ своего врага, когда въ предыдущемъ году Михаилъ Александровичъ пограбилъ: Бѣжецкій Верхъ, Углечье поле, Мологу, Кострому. Въ это время Михаилъ Васильевичъ могъ пристать къ двоюродному брату, изъ опасенія раззоренія и своей области; а по этому и могъ вмѣстѣ съ нимъ жаловаться Патріарху на Митрополита.

[29] Договорная грамота въ С. Г. Г. и Д. т. 1 N 31.

силы и Некоматъ вынесъ ярлыкъ на Великое Княженiе Владимiрское, а самъ Михаилъ Александровичъ поѣхалъ къ зятю въ Литву, и въ заключенiе, сложивъ съ себя крестное цѣлованiе къ Московскому Князю, началъ съ нимъ войну. Для этой войны Московскiй Князь собралъ огромную рать, къ нему пришли на помощь Князья подручники и двинулись войска Новгородцевъ, союзниковъ его въ этой борьбѣ съ Тверскимъ Княземъ. Все это двинулось съ разныхъ сторонъ къ Твери. Къ Михаилу Александровичу не пришла ни откуда помощь, и онъ долженъ былъ защищаться своими средствами. Послѣ страшнаго погрома Тверскихъ областей отъ войскъ, шедшихъ съ Московскимъ Княземъ, Михаилъ Александровичъ просилъ мира. Это было въ 1375 году. Договорная грамота,[30] написанная по этому случаю, начинается по обычаю: «по благословенiю отца нашего Алексѣя Митрополита всея Руси». Договоръ заключенъ между Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ и Великимъ Княземъ Дмитрiемъ Ивановичемъ и Княземъ Владимiромъ Андреевичемъ. Тверской Князь въ отношенiи къ Дмитрiю Ивановичу становится въ положенiе младшаго брата, равнаго Князю Владимiру Андреевичу: онъ долженъ имѣть однихъ союзниковъ и враговъ съ Московскимъ Княземъ, и отказаться отъ своихъ; къ Ольгерду и его братiи, и его дѣтямъ, и къ его братаничамъ цѣлованiе сложить. «Если пойдетъ Литва на насъ», говоритъ Московскiй Князь къ Тверскому, «или на кого либо нашу братью, Князей, намъ себя оборонять, и тебѣ быть съ нами во всемъ за одно. Если же съ Татарами будемъ мы въ миру, то это по думѣ; захотимъ имъ давать выходъ, или не давать, то все по думѣ, а пойдутъ Татары на насъ, или на тебя, биться намъ и тебѣ всѣмъ противу ихъ; если же пойдемъ на нихъ и тебѣ съ нами за одно пойти на нихъ». Кашинскiй Князь становится, по этой грамотѣ, въ независимое положенiе отъ Тверскаго. Для предупрежденiя ссоръ постановлено, что если случится какое либо дѣло, затруднительное для рѣшенiя между договаривающимися сторонами, или ихъ подданными, то «ѣхать на третiй на Князя на Великаго, на Олега Рязанскаго, и какъ онъ рѣшитъ дѣло, такъ рѣшенiе его и должно быть исполнено».

---

[30] С. Г. Г. и Д. т. 1 N 28; годъ этой грамоты означенъ неправильно 1368, см. Дмитрiй Ивановичъ Донской, первоначальникъ нашей славы, стр. 132—133 М. 1837 г.

Въ такое положеніе попалъ главный борецъ противъ собирателей Русской земли.[31] Что касается до Митрополита Алексѣя, то онъ съ сильнымъ противникомъ Москвы поступалъ довольно осторожно, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ поступалъ съ другими Князьями. Послѣ того, какъ былъ отпущенъ изъ Москвы къ отцу Иванъ Михайловичъ, и послѣ жалобъ Патріарху Тверскаго Князя, Митрополитъ Алексѣй ѣздилъ въ Тверь въ 1374 году, для поставленія преемника владыкѣ Василію, Евфимія во Епископа; не знаемъ, какъ встрѣтилъ его Михаилъ Александровичъ теперь.

Теперь переходимъ къ дѣламъ Суздальскаго Княжества. По смерти Симеона Ивановича, раскавывается въ лѣтописяхъ, Иванъ Ивановичъ Московскій и Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій отправились въ Орду къ царю Чанибеку и начали спорить о Великомъ Княженіи; потомъ говорится, что Новгородцы послали отъ себя въ Орду, прося Великаго Княженія Князю Суздальскому, но Ханъ далъ Великое Княженіе Ивану Ивановичу. Подъ слѣдующимъ годомъ разсказывается, что Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій женилъ своего сына, Бориса, у Великаго Князя Литовскаго Ольгерда Гедиминовича; въ заключеніе, въ томъ же году Князь Константинъ Васильевичъ примирился съ Великимъ княземъ и за тѣмъ вскорѣ умеръ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что онъ княжилъ честно и грозно, боронилъ свою отчину отъ сильныхъ Князей и отъ Татаръ.[32]

Тверскія дѣла являлись сначала дѣлами, относящимися какъ бы только къ Тверской области, а потомъ уже сдѣлались общи-

---

[31] Въ статьѣ о Михайлѣ Александровичѣ Тверскомъ, И. Д. Бѣляева, этотъ договоръ считается довольно выгоднымъ для Тверскаго Князя, по тому что Московскій Князь не могъ предписать условій произвольныхъ и униженныхъ, что ясно показываетъ (?) еще силу Тверскаго Князя. Предполагается, что должно быть Михаилъ Александровичъ разрознилъ союзниковъ Московскаго Князя, и тѣмъ поставилъ его въ необходимость заключить такой миръ. Союзники были подручники, а Новгородцы говорили, что Тверской Князь испугался ихъ рати и заключилъ миръ (П. С. Р. Л. т. 3, стр. 90); а отъ чего не согналъ съ Тверскаго Княженія Михаила Александровича, то это объясняется кажется тѣмъ, что Ольгердъ былъ живъ, а Татары могли вступиться за Тверь, какъ и случилось.

[32] Н. Л. ч. 3, стр. 205.

ми всей Россіи. Суздальскій Князь прямо начинаетъ съ главнаго, съ соперничества Московскому Князю, относительно Великаго Княженія. Средства, употребляемыя имъ для достиженія цѣли, тѣ же, какія употребляли и Тверскіе Князья; но разница большая въ томъ, какъ онъ и тѣ къ нимъ прибѣгали; какъ дѣла Тверскія постепенно выходили изъ круга, ограничивающаго только Тверскою областью, и потомъ распространялись на цѣлую Россію, такъ и къ средствамъ прибѣгали Тверскіе Князья постепенно. Суздальскій Князь напротивъ прямо хочетъ совершить переворотъ порядка дѣлъ въ цѣлой Россіи, и по этому хватается за всѣ средства: отправляется въ Орду, хочетъ на Новгородскія деньги купить ярлыкъ и, для обезпеченія себя, вступаетъ въ родство съ Ольгердомъ. По этому какъ начало было противуположно, такъ противуположенъ и конецъ: вмѣсто продолжительной борьбы, дѣло кончилось тотчасъ миромъ: по тому что для Суздальскаго Князя, хотя смѣлаго, но слабаго, высказалась яснѣе истина, чѣмъ для Тверскаго, что, не имѣя своихъ средствъ, чужія ничего не значатъ, хотя бы обладатели ихъ и предлагали свои услуги, но все таки они не могутъ постоянно стоять на сторожѣ и защищать отъ различныхъ нападеній. На маперъ отца стали дѣйствовать и дѣти.

При жизни Ивана Ивановича Московскаго, со стороны Суздальскихъ Князей, дѣтей Константина Васильевича, было тихо; но какъ только Великій Князь умеръ и остались въ Москвѣ малолѣтніе Князья, то вездѣ появились надежды на ослабленіе Московскаго преобладанія. Въ это же время въ Ордѣ сѣлъ новый Ханъ, Нарусъ: по этому Князья приходили въ Орду всѣ, кромѣ Московскаго, представителю (киличею) котораго, на просьбы о Великомъ Княженіи, Ханъ обѣщалъ, что если Дмитрій Ивановичъ явится въ Орду лично, то получитъ просимое; при этомъ Ханъ обѣщалъ еще, что другому, кромѣ Московскаго Князя, Великое Княженіе не дастъ.[33] Когда Князья, бывшіе при этомъ, отправились домой, то пришли въ Орду Суздальскіе Князья, и Ханъ предложилъ старшему изъ нихъ, Андрею, Великое Княженіе; но Князь Андрей отказался, разсуждая такъ: «что Ханъ хочетъ те-

---

[33] Тат. ч. 4, стр. 188.

перь дары великіе получить, а послѣ этѣмъ пожалованіемъ введетъ во вражду съ Дмитріемъ, когда тотъ подростетъ». Андрей Константиновичъ, бывшій и прежде въ хорошихъ отношеніяхъ къ Москвѣ,[34] взявъ ярлыкъ только на свое Нижегородское Княженіе, ушолъ изъ Орды; второй его братъ, Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, остался въ Ордѣ и началъ просить о Великомъ Княженіи, давая дары Хану, Ханшѣ и всѣмъ Князьямъ Ордынскимъ. Ханъ, прельстившись на дары, отдалъ Дмитрію Константиновичу Великое Княженіе Владимірское съ Переяславлемъ и всею областію.

Получивъ желаемое, «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», Дмитрій Константиновичъ отправился изъ Орды во Владиміръ; сдѣсь онъ встрѣтился съ Митрополитомъ Алексѣемъ, который при немъ поставилъ Архіепископа въ Новгородъ Новый Великій Князь отправилъ пословъ въ Новгородъ, гдѣ ихъ приняли хорошо. Въ это время начались смуты въ Ордѣ. Ханы смѣнялись одинъ за другимъ, и когда поутихло, то Дмитрію Ивановичу выхлопотали его попечители у Хана Мюрида ярлыкъ на Великое Княженіе. Суздальскій Князь былъ прогнанъ изъ Владиміра; когда ему снова, вслѣдствіе разныхъ Ордынскихъ обстоятельствъ, выслали изъ Орды ярлыкъ, то онъ опять сѣлъ во Владимірѣ, но тотчасъ же Московскія войска снова выгнали его изъ города; при чемъ опустошили и Суздальскую волость. Князь бѣжалъ къ старшему брату въ Нижній Новгородъ, куда къ нему съѣхались и другіе Князья, прогнанные въ это время съ ихъ областей Дмитріемъ Ивановичемъ, и всѣ Князья скорбѣли о своихъ Княженіяхъ.

Но не одними войсками дѣйствовало Московское Правительство противъ соперника своего Князя: Митрополитъ Алексѣй написалъ посланіе ко всѣмъ жителямъ Нижегородскихъ и Городецкихъ земель[35] Онъ обращаясь ко всѣмъ жителямъ съ поученіемъ относительно того, что должно жить въ страхѣ Божіемъ, говоритъ: «видите, дѣти, какой мятежъ возсталъ въ сіе время. Чего ради это все бываетъ? Нашего ради неисправленья предъ Богомъ.» Обращаясь къ духовенству, онъ совѣтуетъ ему, чтобы оно поучало Хри-

[34] П. С. Л. т. 5, стр. 228.

[35] Посланіе напечатано въ Ж. Душеполезное чтеніе 1861 г. стр. 458 — 467.

стіянъ о мирѣ, любви и нравственной жизни, не стыдяся лица сильныхъ и запрещая имъ, да не обидятъ меньшихъ. Этѣмъ поученіемъ Митрополитъ, такъ сказать, снимаетъ съ себя отвѣтственность въ раззореніи Суздальскаго Княжества отъ Московскихъ войскъ, и всю отвѣтственность возлагаетъ на людей, возмутившихъ тишину. Сдѣсь надо замѣтить, что въ поученіи ясно проглядываетъ задняя мысль, по тому что и поученіе обращено къ жителямъ Нижегородскимъ и Городецкимъ, т. е. тѣмъ частямъ Суздальскаго Княженія, которыя, не принадлежа Димитрію Константиновичу, предупреждаются Митрополитомъ, что если они возстанутъ на помощь нарушителю общественнаго порядка, то и отвѣтственность за это должны нести на себѣ.

Въ 1365 году умеръ старшій Князь изъ Суздальскихъ, Андрей Константиновичъ, въ Нижнемъ Новгородѣ: второй его братъ, Дмитрій Константиновичъ, не находившійся около него во время кончины, поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, чтобы вступить въ обладаніе Княженіемъ;[36] но, самый младшій изъ Суздальскихъ Князей, Борисъ Константиновичъ, не пустилъ его туда. Этотъ родственникъ Ольгерда, на котораго, должно быть, онъ надѣялся, выхлопоталъ утвержденіе своего захвата отъ Хана: изъ Орды явился посолъ и посадилъ его на Нижегородское Княженіе. Въ это время Дмитрію Константиновичу въ третій разъ прислали изъ Орды ярлыкъ на Великое Княженіе; но онъ уже, понявъ безполезность своей борьбы съ Москвою, отступился отъ Великаго Княженія въ пользу Московскаго Князя и сталъ у него же просить помощи на брата своего, Бориса. Въ Москвѣ рѣшились по этому смирить Бориса Константиновича; отправили къ нему пословъ съ предложеніемъ помириться съ братомъ, а когда онъ не послушалъ, то изъ Москвы не послали покуда рати, а явился Преподобный Сергій Радонежскій. Онъ былъ посолъ отъ Великаго Князя и Митрополита. Святой мужъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву для примиренія, но Князь не послушался и не пошелъ въ Москву. Тогда Преподобный Сергій, по приказанію Митрополита и Великаго Князя, затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ Нов-

---

36 О порядкѣ старшинства удѣловъ въ Суздальскомъ Княжествѣ См. Ист. Рос. т. 3, стр. 337.

городѣ. Но, какъ видно, и это средство не подѣйствовало: ждалъ чего нибудь Борисъ Константиновичъ и тянулъ время, видя, какія средства противъ него употребляютъ; но помощь ни откуда не приходила, а между тѣмъ въ Москвѣ, видя его непокорность, рѣшились дать болѣе существенную помощь Дмитрію Константиновичу. Онъ съ своею и Московскою ратью пошелъ къ Нижнему Новгороду на брата; тогда Борисъ Константиновичъ, не получившій ни откуда помощи, вышелъ на встрѣчу брату и сталъ просить у него мира. Князья помирились, и Борисъ Константиновичъ получилъ Городецъ. Такъ окончилась эта вражда. Митрополитъ Алексѣй, какъ видимъ, употребляетъ средства Церкви, съ цѣлію подать помощь союзнику дѣйствительную, но относительно безвредную и дешевую[37].

До насъ дошли извѣстія, что Митрополитъ Алексѣй поступалъ и съ другими мелкими Князьями Сѣверной Россіи такъ же, какъ поступилъ съ Нижегородскимъ. Было вообще замѣтно, что, по смерти Ивана Ивановича Московскаго, Русскіе Князья вообще вдругъ заявили какую-то особенную смѣлость во всѣхъ отношеніяхъ; у Суздальскаго Князя даже появилась мысль отбить у Московскаго Князя первенство между остальными Князьями Сѣверной Россіи; но у другихъ мелкихъ Князей такихъ смѣлыхъ плановъ не было, они могли желать только большей самостоятельности, чѣмъ та, которою они пользовались, или, если можно, такого же преобладанія въ своихъ Княжествахъ, надъ остальными своими родственниками, какимъ пользовался Московскій Князь надъ другими Князьями Сѣверной Россіи, предоставляя ослабленіе Москвы болѣе смѣлому между собою. Умеръ Великій Князь; вступилъ на престолъ новый Ханъ, и Князья отправились въ Орду. Подъ 1360 годомъ въ лѣтописи разсказывается, что

[37] Въ лѣтописи, среди разсказа о Суздальскихъ дѣлахъ, вставлено извѣстіе, что Митрополитъ Алексѣй отнялъ у Суздальскаго Владыки Алексѣя часть Епископіи: Нижній Новгородъ и Городецъ. У Татищева т. 4 стр. 203 прибавлено, что Князь Борисъ не послушалъ Епископа Алексѣя «бѣ бо имъ смутно». Вообще трудно рѣшить, за что было наказаніе Епископа. Отнятая часть Суздальской Епископіи была возвращена уже Архіепископу Діонисію отъ Митрополіи, по рѣшенію Константинопольскаго Патріарха см. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 159.

Князь Дмитрій Борисовичъ былъ пожалованъ Княжествомъ Галицкимъ, а Константинъ Ростовскій всѣмъ Ростовскимъ. Въ это время былъ въ Ордѣ Дмитрій Константиновичь и другіе Князья, и всѣ они хлопотали о своихъ Княженіяхъ. Мы не видимъ изъ лѣтописи, чтобы была какая нибудь взаимная связь въ ихъ хлопотахъ, кромѣ той, что они въ одно время добывали ярлыки. Но далѣе въ лѣтописи разсказывается, что когда второй разъ вынесли изъ Орды Дмитрію Константиновичу ярлыкъ на Великое Княженіе, и Дмитрій Ивановичъ Московскій прогналь его изъ Владиміра, то вмѣстѣ съ этѣмъ Московскій Князь взялъ также свою волю надъ Княземъ Константиномъ Ростовскимъ, а Дмитрія Борисовича Галицкаго и Ивана Ѳеодровича Стародубскаго согналъ съ ихъ Княжествъ; всѣ этѣ Князья поѣхали въ Нижній Новгородъ къ Дмитрію Константиновичу скорбѣть о своихъ Княженіяхъ, но ничего не могли сдѣлать. Это было въ 1363 году, когда Дмитрію Ивановичу Московскому было только 12 лѣтъ.

Въ 1367 году мы видимъ повтореніе тѣхъ же дѣлъ: Московскій Князь началъ приводить всѣхъ Князей подъ свою волю, а которые не повиновались ему, на тѣхъ началъ посягать. Но если могъ выставить сопротивленіе этому посяганію одинъ Тверской Князь, и то съ помощію Литвы, то другимъ Князьямъ приходилось повиноваться требованіямъ Москвы.

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ усмотрѣть замѣчательныя обдуманность плана и единство въ дѣйствіяхъ всего Московскаго Правительства; но это Правительство въ настоящее время было соединеніемъ свѣтскаго могущества съ верховною церковною властію Россіи. Въ то время, какъ исполненіе военныхъ предпріятій Московское Правительство возлагало на свѣтскихъ своихъ членовъ, Митрополитъ Алексѣй, кромѣ совѣта и руководительства въ дѣлахъ, находилъ средство употреблять свою духовную власть съ пользой для опекаемыхъ, не нарушая правилъ, которыми должно руководствоваться при употребленіи своей духовной власти. Бояре принуждали мелкихъ Князей повиноваться Великому Князю, но въ самомъ повиновеніи Князьямъ встрѣчался вредъ: когда съ Москвою ссорились сильные враги, какъ мелкимъ Князьямъ было тутъ поступать? Врагъ Московскаго Князя считалъ ихъ добровольными союзниками послѣдняго,

а не невольными, и, раззорялъ ихъ области, если они положительно держались Москвы. Если же такіе Князья, для спасенія отъ раззоренія областей, становились, въ такихъ случаяхъ, на сторонѣ врага Москвы, то отсюда могло послѣдовать наказаніе, когда принудившій ихъ къ союзу уходилъ. Таковое положеніе было принадлежностію особенно тѣхъ Княжествъ, которыя лежали между Москвою и Литвою. При частыхъ походахъ Ольгерда на Москву, онъ раззорялъ лежащія ему на пути области союзниковъ Москвы.

Князья мелкіе, когда ихъ приводили подъ свою волю изъ Москвы, давали клятвы, что будутъ стоять за нее во всемъ; а когда при выше изложенныхъ обстоятельствахъ они вступали въ союзъ съ Литвою, то являлись клятвопреступниками; слѣдовательно, виновными не только въ измѣнѣ договору, но они дѣлали преступленіе и противъ Церкви. За это глава Русской Церкви, Митрополитъ, имѣлъ права наказывать — и онъ предавалъ всѣхъ такихъ Князей проклятію. Конечно, онъ могъ принимать во вниманіе, что преступленіе — невольное; но дѣйствительно ли невольное преступленіе совершали Князья? При совокупности всѣхъ извѣстій, мы видимъ, что не всѣ Князья, какъ напримѣръ иногда Кашинскій, были невольными клятвопреступниками: у нихъ была постоянная мысль ослабить преобладаніе Москвы и при всякомъ удобномъ случаѣ они помогали врагу не столько невольно, сколько съ искреннимъ желаніемъ. Но ихъ постоянное желаніе почти никогда не удовлетворялось. Что было дѣлать Московскому Правительству съ этѣми врагами, хотя и мелкими, но при случаѣ вредными своею многочисленностію? Когда попытки Князей не удавались, изъ Москвы могли пустить рать на ихъ Княжества; но на Сѣверѣ Россіи къ войнѣ прибѣгали почти только въ однихъ крайнихъ случаяхъ. Мы видѣли, что на Нижегородскаго Князя Бориса Константиновича прежде чѣмъ выслали рать, было наложено церковное наказаніе; точно также поступали и съ другими. Преданные проклятію Князья, не могли равнодушно переносить подобнаго наказанія, тѣмъ болѣе, что оно было ново и хотя не такъ вредно, какъ раззореніе областей войною, но имѣло особенность постоянно дѣйствовать, до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято, и главное, что въ невинно стра-

дающихъ отъ него жителяхъ Княжествъ возбуждало нерасположеніе къ Князю, навлекшему проклятіе, и клонило жителей туда, откуда это наказаніе могло произойти и могло быть устранено, а именно къ Москвѣ. Князьямъ въ подобныхъ случаяхъ оставалось одно: обратиться къ Патріарху, который являлся единственнымъ человѣкомъ, могущимъ помимо Митрополита, избавить отъ его проклятіи. Но изъ Константинополя, еще прежде жалобъ Князей, писали къ нимъ о томъ, чтобы они почитали Митрополита всея Руси. Когда же Князья обращались съ просьбами объ избавленіи ихъ отъ Митрополичьихъ проклятій, то на ихъ жалобы не обращали такого вниманія, какъ на жалобу Тверскаго Князя. Вселенскій Патріархъ прямо писалъ, «что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго Митрополитомъ всея Россіи на Князей, за измѣну ихъ Великому Князю, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ согласно взаимнымъ условіямъ и пока Митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись.» При этомъ Патріархъ излагалъ и причину, по чему онъ такъ поступаетъ: «они (т. е. Князья) дали Великому Князю страшную клятву, вступить вмѣстѣ противъ враговъ нашей вѣры». А въ грамотѣ къ Смоленскому Князю указывается и на этого врага: за то что Святославъ Смоленскій, вопреки условію съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ, не только не воевалъ противъ враговъ, но еще соратовалъ Ольгерду противъ Христіянъ; по этому Патріархъ объявилъ ему, что Митрополитъ всея Руси справедливо предалъ его проклятію.»[38] Смоленскій Князь воевалъ противъ Москвы, въ союзѣ съ Ольгердомъ, въ 1368 году.

Князья, отданные Патріархомъ вполнѣ въ волю Митрополита, или что тоже Москвы, къ какому средству послѣ этого могли прибѣгать? Все въ Князьяхъ возбуждало сильнѣйшую ненависть къ Москвѣ, обладающей такими средствами, которыя ей ничего не стоили, а имъ приносили страшный вредъ. Если населеніе такихъ Княжествъ должно было съ завистью смотрѣть на относительное спокойствіе, во всѣхъ отношеніяхъ, населенія Московскаго, то у Князей, вслѣдствіе этѣхъ же самыхъ побужденіи, взоръ невольно обращался въ другую сторону, откуда они, можетъ быть, могли получить избавленіе, какъ отъ матері-

---

[38] Грамоты см. въ Ж. М. Н. Пр. за 1847 г. т. 54, стр. 143 — 144.

яльнаго преобладанія Москвы, такъ и отъ церковнаго наказанія, а именно къ Литвѣ, на жалобы которой Патріархъ принужденъ будетъ обратить вниманіе.

Говоря о Тверскихъ дѣлахъ, мы видѣли, что Литва, и въ матеріяльномъ отношеніи, не оставляла своихъ союзниковъ на произволъ своего вѣчнаго соперника, Москвы; тѣмъ болѣе она не должна была оставить ихъ въ просьбахъ объ избавленіи отъ церковнаго наказанія. Хлопоты по этой части были легче войны, да при томъ же къ нимъ побуждали и свои дѣла. Митрополитъ Алексѣй, правя Московскимъ Княженіемъ, успѣлъ, своими церковными средствами, затропуть матеріяльныя дѣла Литовскаго Великаго Князя.

Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, было замѣчено, что вслѣдствіе переѣзда Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи, высказалась необходимость имѣть другаго Митрополита для Южной Россіи; первоначально объ этомъ заявлено было изъ Галиціи, которая и успѣла отдѣлиться отъ общей Всероссійской Митрополіи. Тѣ же причины начинали дѣйствовать и въ отношеніи православныхъ областей, находящихся подъ властію Литовскаго Великаго Князя, выказавшееся поставленіемъ Митрополита Романа. Но въ самомъ управленіи Митрополитомъ Романомъ, назначенной ему области, мы не видимъ ясно опредѣлившагося понятія о раздѣленіи Митрополіи; онъ въ одно время и мѣстный Литовскій Митрополитъ и въ то же время поставленъ для всей Россіи; потомъ ограниченъ Литвою и въ заключеніе неопредѣленныя претензіи на титулъ Митрополита всея Россіи, а также, пожалуй, и власть Всероссійскаго Митрополита. По смерти Романа, въ 1362 году, обѣими половинами Митрополіи сталъ править Алексѣй; но съ шестидесятыхъ годовъ XIV столѣтія началась и политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя.

Со времени смерти Митрополита Романа по прежнему шла борьба между Москвою и Литвою. Митрополитъ Алексѣй, не только въ отношеніи къ союзникамъ Литовскаго Великаго Князя, но и въ отношеніи всего его Княжества, пустилъ въ ходъ свою духовную власть. Въ этомъ случаѣ Ольгердъ, точно также, какъ и другіе, обратился къ Патріарху, тѣмъ болѣе, что на его его вызы-

вали со стороны Москвы. Вотъ жалоба Ольгерда къ Патріарху: «Прислалъ ты ко мнѣ писаніе съ моимъ Өеодоромъ, что Митрополитъ печалуется тебѣ о неправдѣ. Говоритъ: Царь-де Ольгеръ заѣзжаетъ, ино не я началъ заѣзжать, а начали заѣзжать сперва они, и крестнаго цѣлованія, что имѣли ко мнѣ, не сложили и клятвенной грамоты ко мнѣ не отослали. И заѣзжали они меня девять разъ, и шурина моего Князя Михаила подъ клятвою переманили къ себѣ. И Митрополитъ снялъ съ него страхъ, чтобы приходить и уходить ему по своей волѣ, и его поимали. И зятя моего Бориса, Князя Нижняго Новгорода, и его поимали и Княжество взяли, и зятя Ивана Новосильскаго и Княжество заѣхали, и мать его поимали, и дочь мою взяли, и клятву, на преждеданнную, не сложили.» Потомъ Ольгердъ пересчитываетъ города, какіе захватили Москвичи. «А то все города, и всѣ ихъ взяли, и крестнаго цѣлованія не сложили; и клятвенныхъ грамотъ не отослали. И мы того не терпя самихъ ихъ заѣхали, а не исправятъ ко мнѣ, и нынѣ терпѣть не буду. По благословенію твоему Митрополитъ: благословляетъ на пролитіе крови. А до нынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого Митрополита, каковъ сей Митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови. И ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, Митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе. Иванъ Козельскій... Иванъ Вяземскій... Нагубникъ Василій... цѣловали крестъ, дали поруки, всѣ бѣжали, выдали поручителей и Митрополитъ снялъ съ нихъ крестное цѣлованіе. И многіе другіе бѣжали, и онъ всѣхъ ихъ разрѣшаетъ отъ клятвъ и крестнаго цѣлованія. Подобало Митрополиту благословлять Москвитянъ, чтобъ намъ помогали; ино и мы ратуемъ за нихъ съ Нѣмцами. А мы зовемъ Митрополита къ себѣ, и онъ не йдетъ къ намъ. Дай намъ другаго Митрополита Кіевскаго, на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ.[39]

Сказавъ, что донынѣ не бывало такого Митрополита, и высказавъ жалобы на политическія дѣла Митрополита Алексѣя,

---

[39] Ж. М. Н. Пр. 1847 т. 54. стр. 148 — 152.

Ольгердъ только едва почти напоминаетъ, что церковныя дѣла въ епархіяхъ Литовскихъ, отъ враждебныхъ отношеній Митрополита къ Князю, могутъ быть въ сильномъ неустройствѣ, какъ и было въ дѣйствительности и Кипріану Митрополиту пришлось много хлопотать о томъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ.[40]

Планъ Ольгерда объ обезсиленіи Митрополита Алексѣя былъ обширенъ; но такъ какъ требованія его были болѣе личныя, чѣмъ требованія для потребностей страны, то и удовлетвореніе ихъ послѣдовало на половину. Въ началѣ Генваря[41] 1376 года, не за долго до смерти Ольгерда, Патріархъ Константинопольскій поставилъ Кипріана въ Митрополиты, но только для Литвы и при томъ съ условіемъ, что Кипріанъ поставляется съ тѣмъ, чтобы по смерти Митрополита Алексѣя, онъ былъ его преемникомъ;[42] этѣмъ поставленіемъ Кипріана въ Митрополиты Патріархъ развелъ враждующихъ между собою лицъ.

Кипріанъ по поставленіи своемъ отправился въ Москву и еще изъ Кіева послалъ избирательныя грамоты въ Новгородъ. Въ Москвѣ на преемника Митрополиту Алексѣю, избраннаго по требованію врага, смотрѣли враждебно, по тому что сами хотѣли имѣть вліяніе на избраніе Митрополитовъ. Кипріану, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, Великій Князь отвѣчалъ: «Мы имѣемъ Митрополита Алексѣя, ты же почто дерзнулъ поставиться на живаго Митрополита»[43] Выслушавъ это, Кипріанъ отправился въ Кіевъ. Изъ Новгорода онъ получилъ не болѣе утѣшительный отвѣтъ: «посылай (т. е. избирательныя грамоты) къ Великому Князю, если онъ приметъ тебя Митрополитомъ всея Россіи, то и намъ будешь Митрополитомъ.»[44]

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ видѣть, что Патріархъ Константинопольскій постоянно находился на сторонѣ Мо-

---

40 См. Прав. Собѣс. 1860 г. т. 2, стр. 97—99.

41 Тамъ же стр. 95, пр. 3.

42 Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 157.

43 Ст. Кн. ч. 1, стр. 465; Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 48.

44 П. С. Р. Л. т. 3, стр. 91.

сквы и Митрополита Алексѣя: въ то время какъ къ Князьямъ Рускимъ Патріархъ писалъ письма, которыя отнимали у нихъ послѣднюю надежду объ избавленіи отъ страшныхъ наказаній, шедшихъ изъ Москвы, къ Московскимъ Князьямъ изъ Константинополя являлись письма совершенно другаго содержанія: Патріархъ писалъ объ особенномъ своемъ расположеніи къ Дмитрію Ивановичу и его брату Владиміру, о своемъ гнѣвѣ на другихъ Князей и о томъ, чтобы Великій Князь о своихъ требованіяхъ писалъ къ нему со всею увѣренностію.[45] Между Москвою и Константинополемъ шли постоянныя пересылки: письмами или чрезъ вѣрныхъ[46] лицъ. Это полезное расположеніе къ Москвѣ Константинополя, выходившее изъ обыкновенной наклонности помогать сильному, какъ могущему за помощь вознаградить, Митрополитъ Алексій въ своемъ положеніи долженъ былъ и умѣлъ поддержать его, по тому что зналъ, какъ дѣйствовать съ Константинополемъ и вообще съ Востокомъ. Изъ лѣтописи видимъ, что во все продолженіе правленія Митрополіею Алексѣя, постоянно являются съ Востока духовныя лица за сборомъ милостыни для раззоренныхъ церквей отъ варваровъ, завоевывавшихъ Восточную Имперію. Просьбы этѣхъ собирателей милостыни не оставались безъ отвѣта: онѣ получали помощь Митрополита, а чрезъ него, конечно, и отъ другихъ. Этѣ люди шли назадъ и по всему Востоку прославляли щедрость и святую жизнь Митрополита и добрый нравъ Московскихъ Князей; другіе собиратели милостыни шли по указанію первыхъ и такъ же получали желаемое. При постоянныхъ сношеніяхъ Москвы съ Константинополемъ Митрополитъ, въ томъ же денежномъ отношеніи, былъ полезенъ и для Патріарха. Отсюда-то шло то постоянное одобреніе всѣхъ поступковъ Митрополита изъ Константинополя и если когда Патріархъ по необходимости долженъ былъ писать Митрополиту упреки за упущеніе церковныхъ дѣлъ, то упреки получались въ самыхъ нѣжныхъ формахъ и обыкновенно начинались изъясненіемъ любви и расположенія Патріарха къ Митрополиту.[47]

---

45 Ж. М. Н. Пр. 1847 г стр. 142.

46 Тамъ же.

47 Тамъ же стр. 152.

Но это расположеніе Патріарха много зависѣло конечно и не отъ одной личной дѣятельности Митрополита Алексѣя: Патріарху вообще выгодно было поддерживать порядокъ въ дѣлахъ церковныхъ въ Россіи. Такъ, жалобы Новогородцевъ еще въ то время, когда Святитель Алексѣй не былъ поставленъ въ Митрополиты, не получали полнаго удовлетворенія. Когда Новгородцы были въ размирьѣ съ Великимъ Княземъ и хлопотали въ Ордѣ за Константина Васильевича Суздальскаго, отправились посланные отъ Владыки Моисея въ Константинополь къ Патріарху съ жалобами: «прося благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ Митрополита[48] Кіевскаго Θеодорита; жалобы этѣ были слѣдствіемъ того, что Новгородцы хотѣли отъ Митрополіи и власти Великихъ Князей (Московскихъ) отложиться.»[49] Но въ это время прибылъ Святитель Алексѣй въ Царьградъ, былъ поставленъ въ Митрополиты, и изъ Константинополя въ Новгородъ явились двѣ грамоты: одна содержала объявленіе о поставленіи Алексѣя въ Митрополиты; другая о томъ, что не должно признавать Θеодорита, посвященнаго Патріархомъ Болгарскимъ, обозначая послѣднее дѣло названіемъ безсмысленнѣйшимъ и беззаконнѣйшимъ.[50] Это постоянное стремленіе Новгородцевъ къ относительной самостоятельности, вмѣстѣ съ политической, церковной іерархіи теперь не удалось; они вскорѣ примирились съ Великимъ Княземъ, который сердился на нихъ и за то, за чѣмъ они жаловались на Митрополита, не принимая въ разсчетъ увертку Новгородцевъ въ видѣ жалобы на Θеодорита. Должно быть, въ 1366 году, во время размирья Новгородцевъ съ Правительствомъ Московскимъ, возобновились жалобы Новгородцевъ Патріарху и на Митрополита. Прежде, при Владыкѣ Моисеѣ, мы видѣли, чѣмъ кончились его жалобы на Митрополита: Патріархъ разъяснилъ имъ дѣло; а въ лѣтописи разсказывается, что послы Владыки Моисея воротились съ великимъ пожалованіемъ отъ Царя и Патріарха, съ грамотами за златыми печатями о проторехъ на поставленіе и о церковныхъ пошлинахъ

---

[48] П. С. Л. т. 3, стр. 86 и 181.

[49] Тат. ч. 3, стр. 177.

[50] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 140.

Святительскихъ и иными указанiями[51] и привезли ризы крестчатыя Владыкѣ; теперь же Патрiархъ писалъ, что преемникъ Моисея (Алексѣй) не можетъ носить ризъ съ крестами, данныхъ его предшественнику, и о томъ, чтобы онъ подчинялся Митрополиту.[52] Съ такимъ-то умѣньемъ направлялъ и пользовался Митрополитъ Алексѣй наклонностiю Константинополя въ пользу усилившейся Москвы.

Съ такими двумя опорами, какъ свѣтская власть Московскаго Великаго Князя и постоянное одобренiе Константинопольскаго Патрiарха, приглашавшаго Митрополита извѣщать его о своей обширной паствѣ, давали[53] средства Митрополиту Алексѣю тѣмъ болѣе дѣйствовать настойчиво и самостоятельно въ дѣлахъ, касающихся и самаго управленiя всею Русскою Церковью и въ обращенiяхъ къ паствѣ. Конечно, самымъ лучшимъ матерiяломъ, высказывающимъ ясно взглядъ Митрополита Алексѣя, какъ на обязанности свои въ отношенiи къ паствѣ, такъ и на обязанности всѣхъ ея членовъ, служатъ его поученiя и посланiя, обращенныя къ паствѣ. По утвержденiи своемъ на Митрополичьемъ престолѣ, Святитель Алексѣй издалъ посланiе ко всей паствѣ.[54] Сначала Святитель указываетъ на свою обязанность учить свою паству: «хочу, братiя, сказать вамъ душеполезное; по тому что обязанъ васъ учить и пасти, какъ и Апостолъ пишетъ объ этомъ... Вы же, дѣти, должны повиноваться. Предлагаю вамъ, дѣти, притчу Спасителя о сѣятелѣ: по этому, на основанiи ея, пусть не будетъ душа ваша землею терновою, но да будутъ сердца ваши способны къ воспрiятiю благаго, и могущими приносить плодъ сторицею. За симъ предлагаю вамъ другую притчу Спасителя, о человѣкѣ домовитомъ, который насадилъ виноградъ, оградилъ его, создалъ столпъ, ископалъ точило и передалъ дѣлателямъ, чтобы

---

[51] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 206.

[52] Тамъ же стр. 143; срав. статью въ Прав. Обоз. 1863 г. Мартъ стр. 228-245 «О спорѣ Новгородцевъ съ Митрополитомъ изъ за-мѣсячнаго суда.» Тамъ почти всѣ вышеизложенные факты пропущены.

[53] Ж. М. Н. Пр. стр. 143.

[54] Слово Митр. Алексѣя помѣщено въ Приб. къ Тв. Св. От. годъ 5, стр. 30-39; что оно не поученiе, а посланiе см. тамъ же годъ 6, стр. 162.

они послѣ отдали ему плоды: домовитый человѣкъ есть Христосъ Богъ; виноградъ — человѣчество на землѣ; ограда оплотомъ законъ Божественный; столпъ Церковь Христова; ископа точило честная кровь Господа; дѣлатели Апостолы и ихъ преемники, обязанные учить свою паству. По этому и я, грѣшный, сподобленъ этой обязанности, не по моему достоинству, но по Божіимъ щедротамъ и Его великой милости. По этому, дѣти, воспоминая Спасителево слово, сказанное Его ученикамъ и Апостоламъ: «сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга,» такъ и вы, дѣти, имѣйте между собою миръ и любовь; такъ же имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ вашихъ, съ нимъ же человѣкъ всякую добродѣтель можетъ пріобрѣсть. Соблюдайте заповѣди Божіи: покаяніемъ чистымъ отъ души въ своихъ прегрѣшеніяхъ, милостынею, удаленіемъ отъ непотребныхъ дѣлъ: блуда, пьянства, грабленія, насилія, чародѣйства и волхвованія, страсти къ ненасытному богатству. Имѣйте, дѣти, въ умѣ смерть и воскресеніе, гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его; Князья, бояре и вельможи судите судъ милостиво: судъ будетъ безъ милости не сотворившему милости; не принимайте мзды на неповинныхъ; судите людей въ правду; вдовицъ, сиротъ и пришлецъ не обижайте, да не возопіютъ на васъ къ Богу. Людская чадь! Бога бойтесь, Князей чтите, а святительство имѣйте выше своей главы, со всякимъ покореніемъ и безъ прекословія: они день и ночь молятся о душахъ вашихъ, по тому что имъ придется воздать отвѣтъ за свою паству. Притекайте къ іереямъ съ покаяніемъ и слезами, открывайте имъ свои дѣла и не приступайте къ нимъ снова, — это будетъ истинное покаяніе; видѣвъ это іерей, можетъ очистить васъ и сдѣлать причастниками тѣла и крови Христовой. Будьте и вы милостивы, по тому что судъ безъ милости не сотворшему милости. Исполняйте законъ Божій, сколько имѣете возможности, не словомъ, но дѣломъ, чтобы не сказалъ Богъ: что Меня зовете, Господи, Господи, а не творите воли Моей. Князья, бояре, купцы и всякой правовѣрный Христіянинъ! оставляйте свои дѣла и стекайтесь на церковную молитву безъ лѣности; не говорите такъ: отпоемъ себѣ дома, и та молитва въ сравненіи съ церковной ничтожна; а когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ, со всѣми любовь, а входя въ церковь трепещите душею, по тому что не въ простой храмъ входите. Если будете

такъ дѣлать, то и молитва церковная за васъ пойдетъ; стоя въ церкви, забывайте всѣ дѣла внѣ церкви. Такъ я, дѣти, получивши талантъ отъ Бога, не долженъ его скрывать въ землѣ, но раздавать добрымъ торжникамъ, да сподобилъ бы меня Господь, въ день судный, сказать: «Господи, это я, а это мои дѣти, корыхъ Ты мнѣ далъ.» По этому, дѣти, Бога ради, позаботитесь угодить Богу добрыми дѣлами и души свои спасти. Не пропускайте дѣти ни котораго говѣнья, но будьте причастниками тѣла и крови Христовой: это, дѣти, вкратцѣ я вамъ писалъ, но вы своимъ благоразуміемъ распространите въ сердцахъ вашихъ кладъ духовный, и если вы, что я писалъ, пріимите и соблюдете, не словомъ только, но дѣломъ, то будете причастниками небеснаго Царствія, котораго да сподобитъ Богъ всѣхъ васъ во второе Свое пришествіе.» Съ этѣмъ посланіемъ весьма сходно по характеру и содержанію и посланіе къ жителямъ Нижегородскимъ и Городецкимъ, написанное, какъ выше замѣчено, по случаю смутъ, заведенныхъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Въ немъ онъ начинаетъ подобнымъ же образомъ: «да не скажете вы въ страшный день суда Спасова: не слыхали мы поученія отъ Митрополита Алексѣя всея Руси о спасеніи душъ нашихъ. И того ради, дѣти, пишу къ вамъ и понуждаю васъ на благое... Игумены, іереи учите своихъ духовныхъ дѣтей страху Божію и исповѣданію о грѣхахъ и милостынѣ по силѣ; не стыдитесь лица сильныхъ и запрещайте имъ, да не обидятъ меньшихъ.... Это я пишу не однимъ игуменамъ и іереямъ, но и къ Князьямъ, и боярамъ, и мужамъ, и женамъ и всѣмъ правовѣрнымъ Христіянамъ, чтобы вы, дѣти, имѣли почтеніе, покореніе и послушаніе къ своимъ отцамъ духовнымъ, заповѣдающимъ вамъ душеполезное и спасительное...» Въ этомъ послѣднемъ поученіи Святитель только еще болѣе вооружается противъ господствующихъ въ народѣ пороковъ, особенно пьянства.[55]

Въ этѣхъ посланіяхъ Митрополитъ Алексѣй подтверждаетъ каждое свое положеніе словами Священнаго Писанія, или учителей Церкви. Поученія его уже отличаются отъ поученія Митрополита Петра: тамъ одна только Христіянская любовь и ученіе

---

[55] Душеполезное чтеніе 1861 г. т. 3, стр. 458—467.

ея, и при томъ все излагается смиренно; здѣсь уже другое: кромѣ любви Христiянской, отражается въ словахъ многое, выходящее изъ положенiя личности поучающаго; онъ смѣло обращается ко всѣмъ: «Князья и бояре, судите по правдѣ: судящему безъ милости судъ будетъ безъ милости;» говоритъ всѣмъ Христiянамъ о повиновенiи не только Богу и Князьямъ: «святительство имѣйте выше своей главы, со всякимъ покоренiемъ, безъ всякаго прекословiя.» Если, въ исторiи его времени и послѣдующемъ за нимъ, мы видимъ большею частiю людей только дѣйствующихъ, но ничего не говорящихъ, или если говорящихъ, то одно, предки и потомки на одну тему; то этого нельзя сказать о первыхъ Московскихъ Митрополитахъ: они по обязанности должны были говорить, хотя конечно не говорятъ много, или почти совсѣмъ не говорятъ, когда учавствуютъ въ дѣлахъ политическихъ; но все равно, они говорятъ, когда обращаются съ поученiемъ къ паствѣ, хотя и на основанiи Священнаго Писанiя и на заданную себѣ тему. Сдѣсь-то они высказываютъ свой характеръ и свое направленiе невольно. Митрополитъ Петръ говоритъ только о любви Христiянской, ему нечего и не объ чемъ больше говорить: его положенiе тяжело, онъ не можетъ дѣйствовать, по тому что со всѣхъ сторонъ стѣсненъ и почти беззащитенъ; на него клевещутъ, онъ прощаетъ клеветы и только умоляетъ не дѣлать этого впередъ. Другой тонъ въ тѣхъ же словахъ у Митрополита Алексѣя: «я обязанъ учить, хочу учить и учу; совѣтую и умоляю васъ, любите другъ друга, живите мирно, изъ ссоръ и ненависти другъ къ другу и изъ пороковъ всѣ ваши несчастiя земныя и погибель душевная, въ дѣлахъ руководствуйтесь Священнымъ Писанiемъ, повинуйтесь Князьямъ, но и вы, Князья, помните, что и на васъ есть судъ, если ужь не на землѣ, то за гробомъ будетъ. А вы, чадь людская, святительство чтите больше всего, безъ прекословiя; если другiе не ведутъ васъ къ счастiю и миру на землѣ, то святительство, моля о вашихъ грѣхахъ Бога, спасаетъ васъ.» Сдѣсь конечно не договариваетъ Святитель Алексѣй Католическихъ словъ, что святительство поведетъ, пожалуй, и къ счастiю на землѣ.

Такое различiе въ поученiяхъ двухъ Митрополитовъ Петра и Алексѣя. До насъ дошло еще посланiе Митрополита Алексѣя,

кромѣ вышеизложенныхъ поученій, это посланіе его на Червленный Яръ о подсудности жителей его Рязанскому Владыкѣ.[56] Это посланіе особенно тѣмъ для насъ любопытно, что по этому самому дѣлу писали посланія туда многіе предшественники Митрополита Алексѣя; но изъ ихъ посланій извѣстно только посланіе Митрополита Өеогноста;[57] по этому сравнимъ оба посланія. Посланія писали по слѣдующему поводу: между Сарайской и Рязанской епархіями были спорнымъ мѣстомъ земли, лежащія по Хопру; жители причисляли себя къ Сарайской Епископіи, между тѣмъ какъ по древнему праву они дожны были принадлежать къ Рязанской Епархіи.[58] Дѣло было рѣшено на основаніи правъ Рязанскаго Владыки и грамотъ Митрополитовъ Максима и Петра. Святитель Өеогностъ писалъ такъ: «Благословеніе Өеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтямъ моимъ... ко всѣмъ Христіянамъ Червленнаго Яру. Молюсь Богу и Святой Богородицѣ, да будете душею и тѣломъ добры и здоровы, и да исполняли бы вы заповѣди Божіи, имѣли бы любовь къ ближнему и ко всѣмъ милостыню по силѣ, правду, цѣломудріе, исповѣданіе грѣховъ своихъ, да наслѣдники безконечнаго Царствія будете;» за тѣмъ говорится, что знають они о постоянномъ спорѣ между владыками Рязанскимъ и Сарайскимъ про тѣ мѣста, и онъ (Өеогностъ) посылалъ туда своего Игумена, для разсмотрѣнія дѣла, и по его свидѣтельству далъ и грамоту. Нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ Владыка Рязанскій и привезъ грамоты Митрополитовы Максима и Петра, утверждающія его права, и третью грамоту Владыки Сарайскаго Софонія, что онъ отступается отъ того предѣла, по тому что онъ Рязанскій. «По этому пишу къ вамъ, сотворяя по грамотамъ тѣхъ Митрополитовъ, и даю правую грамоту Владыкѣ Рязанскому. И вы имѣйте къ нему любовь и всякое послушаніе и покореніе и исполняйте все, что онъ станетъ вамъ говорить душеполезное, а церковныя пошлины давайте по давнему церковному обычаю. А милость Божія и мое благословеніе да будутъ съ вами.» Грамота Митрополита Алексѣя писана по этому же случаю и, под-

---

56 Ак. Ист. т. 1, N. 3.

57 Тамъ же, N. 1.

58 О границахъ епархій см. Исторію Рус. Цер. т. 2, стр. 133, примѣч. 228.

тверждающая ее, есть только распространеніе грамоты Ѳеогностовой; она наполнена текстами, но такими, которыхъ не встрѣчается у его предшественника; кромѣ того, въ грамотѣ есть замѣчательныя прибавки, характеризующія пишущаго: онъ не только совѣтуетъ, но указываетъ на свое право. Вотъ этѣ прибавки вообще: «исповѣдуйте свои грѣхи: ибо Господь Богъ Іисусъ Христосъ такъ сказалъ ученикамъ Своимъ и Апостоламъ: идите во весь міръ, проповѣдуйте Евангеліе всякой твари, и кто имѣетъ вѣру — крестится, спасенъ будетъ, а не имѣющій вѣры осужденъ будетъ. И еще такую власть имъ далъ: елико аще свяжете на землѣ (грѣхъ ради человѣческихъ), связаны будутъ и на небесахъ, елико аще разрѣшите на землѣ, будутъ разрѣшены и на небесахъ. И еще такъ говоритъ: слушающій васъ, Меня слушаетъ, а отметающійся васъ, Меня отметается. Туже благодать Святаго Духа прiялъ и я грѣшный, и есть я пастухъ и учитель всѣхъ Христiянъ, находящихся въ Русской землѣ, и лежитъ на мнѣ тягость учить всѣхъ душеполезному и необходимому для спасенія. Къ вамъ многажды писано полезное душамъ вашимъ. Вы же, какъ-то и время показываетъ, моихъ словъ и ученія не слушаете, но исполняете свою волю. Не знаете развѣ, что всей Русской земли Владыки въ моей власти и въ моей волѣ, и я ихъ ставлю, отъ благодати Пресвятаго Духа. Такая же власть дана и вашему Владыкѣ. Вы его словъ не слушаете, но странныхъ пастуховъ принимаете, и какъ то видится, не считаете себя паствы истиннаго вашего пастыря. Мы всѣ Христовы и Христовы слова говоримъ; кто же насъ не слушаетъ, не есть Христовъ Вы же должны дѣлать дѣла добрыя, по тому что вѣра безъ дѣлъ мертва есть, также и дѣла безъ вѣры.... Слушая слова Апостола.... покайтесь, возлюбленныя и обратитесь къ Богу.... О томъ же предѣлѣ, какъ пишутъ грамоты Митрополитовъ Максима, Петра и Ѳеогноста и владыки Софонія, есть предѣлъ на Сарайскій... а принадлежитъ власти Владыки Рязанскаго и отъ него туда должны поставляться попы и дьяконы. И вы, помня пошлину церковную, давайте ему по обычаю. Если исполните то, что я пишу, грамоты послушаете и пошлину церковную дадите, и милость Божія и мое благословеніе да будутъ съ вами.

Вотъ двѣ грамоты двухъ Митрополитовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Θеогностъ говоритъ о мирѣ и любви, проситъ исполнять обязанности и благословляетъ своихъ духовныхъ дѣтей; Алексѣй тоже говоритъ о мирѣ и любви, проситъ исполнять требуемое, но благословляетъ на условіи повиновенія, да еще притомъ указываетъ, что онъ имѣетъ право требовать исполненія, по тому что ему на это дана власть: развѣ вы, говоритъ Митрополитъ, не знаете, что Владыки Русской земли въ моей власти? По чему одинъ говоритъ такъ, а другой иначе? Θеогностъ Грекъ, а Алексѣй Русской; первой только что началъ дѣйствовать при новомъ положеніи Митрополитовъ въ Россіи и еще не вполнѣ твердо сознаетъ его: ему кажется, что оно еще не много крѣпче, чѣмъ было при его предшественникѣ. Алексѣй уже понимаетъ, какъ дѣйствовать, но въ своихъ дѣйствіяхъ не выходитъ изъ границъ правъ, которыми онъ по законамъ Церкви обладаетъ; ему изучать положеніе Митрополита Русскаго было болѣе средствъ, чѣмъ его предшественнику: тотъ прямо пріѣхалъ изъ Греціи на Митрополію, а этотъ былъ Русской, при томъ у того же Θеогноста былъ въ продолженіи 12 лѣтъ викаріемъ, а теперь, ко всему этому, его отношенія къ свѣтской власти были самыя выгодныя для того, чтобы могъ Митрополитъ смѣлѣе говорить и дѣйствовать.

Какъ строго требовалъ, чтобъ всѣ жили согласно съ Христіянскою нравственностію, такъ и самъ жилъ Святитель Алексѣй: онъ для всѣхъ служилъ образцомъ Христіянской жизни, за что отъ всѣхъ и пользовался глубочайшимъ уваженіемъ. Дружба Митрополита Алексѣя съ преподобнымъ Сергіемъ была причиной того, что и самъ Святитель принялся, съ помощію преподобнаго, за распространеніе монашества, служившаго въ то время для всѣхъ Русскихъ представителемъ высшей нравственной жизни. Такъ, во время своего послѣдняго путешествія въ Константинополь, Святитель Алексѣй далъ обѣщаніе, если спасется отъ бури, устроить монастырь, и по этому, по возвращеніи въ Москву, когда нашлось у него свободное время, поѣхалъ къ преподобному Сергію въ его монастырь и выпросилъ себѣ ученика его, Андроника, для того, чтобъ тотъ устроилъ житіе монаховъ; вслѣдствіе этого былъ основанъ монастырь около Москвы, на берегу рѣки Яузы, извѣстный теперь подъ названіемъ Андроникова. По-

томъ былъ устроенъ монастырь, въ память чуда Архангела Михаила въ Колосахъ, внутри Кремля, въ ознаменованіе помощи Божіей при исцѣленіи царицы Тайдулы. Третій монастырь, построенный Митрополитомъ Алексѣемъ въ Москвѣ, былъ женскій Алексѣевскій, во имя своего Ангела. Но не въ одной Москвѣ онъ строилъ монастыри, но и въ другихъ мѣстахъ Митрополіи: въ Нижнемъ-Новгородѣ, во Владимірѣ, въ Серпуховѣ.[59] Всѣ этѣ монастыри были снабжены необходимымъ для содержанія и книгами.

О дѣятельности Митрополита Алексѣя, относительно распространенія монашества и управленія обширною паствою, можно замѣтить, кромѣ того, что онъ старался удовлетворять всѣмъ нуждамъ своей паствы; но какъ видно онъ старался и объ томъ, чтобы направить дѣятельность своихъ подчиненныхъ къ той же самой цѣли, къ которой онъ самъ направлялъ дѣла политическія. Изъ извѣстій о жизни Святителя Алексѣя мы постоянно видимъ, что онъ обращалъ отличительное вниманіе на тѣ епархіи, гдѣ православные находились подъ властію враждебныхъ Москвѣ Князей: такъ, напримѣръ, онъ для каждаго поставленія Епископа въ Твери ѣздилъ туда. Сдѣсь надо замѣтить, что въ Тверь Епископы не присылались Митрополитомъ, а выбирались, подъ вліяніемъ тамошнихъ Князей, большею частію изъ мѣстнаго духовенства. Изъ дѣла же Владыки Тверскаго Василія можно видѣть, какъ наказывались и къ чему приводились духовныя лица, несогласныя въ своей дѣятельности съ Митрополитомъ. При томъ еще и то, для подтвержденія этого, должно замѣтить, что при жизни Алексѣя и по его смерти проявлялось во враждебныхъ Москвѣ земляхъ, Всероссійской Митрополіи, какая-то особенная ненависть ко всѣмъ его ставленикамъ. Такъ Епископы, поставленные Митрополитомъ Алексѣемъ для Литвы, часто принуждены были оставлять свои епархіи, не по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ, а только по нелюбви къ нимъ мѣстныхъ Князей.[60] Точно то же

---

59 См. объ этѣхъ Монастыряхъ: Русскіе Святые, чтимые всею Цер. или мѣстно. Филарета Арх. Черниг., Февраль, стр. 99—101; Приб. къ Тв. Св. От. годъ 6, стр. 119—122, Степ. Кн. ч. 1, стр. 460—461; Памят. Москов. Древ. стр. 132 - 152; Истор. Рос. Іер. ч. 3, М. 1811 г. стр. 90—91, 94—99. 358—359, част. 6 712—717.

60 Ист. Рус. Цер. т. 2. стр. 131 Прим. 225.

было и въ Твери, гдѣ Митрополитъ Кипріанъ долженъ былъ Владыку Евфимія, ставленика Митрополита Алексѣя, свести съ Епископіи, собственно по одной нелюбви къ нему Михаила Александровича.[61] Это конечно предположеніе, что Митрополитъ Алексѣй старался ставить всюду Епископовъ, которые бы тянули къ Москвѣ; но изъ его собственныхъ словъ, какъ онъ смотрѣлъ на свою власть и на отношеніе къ нему Епископовъ: «развѣ вы не знаете, что всѣ Владыки Русской земли находятся въ моей власти», можно заключить, что онъ былъ очень разборчивъ въ лицахъ, которыхъ ставилъ на такія важныя мѣста, каковы мѣста Епископовъ въ тогдашнее время. Если онъ такъ направлялъ дѣло ставленія Епископовъ, то можно сдѣлать еще и другое предположеніе, что Епископы, согласные въ своихъ мнѣніяхъ съ Митрополитомъ, точно того же должны были требовать и отъ своихъ подчиненныхъ, слѣдовательно, такимъ образомъ могли дѣйствовать и на все народонаселеніе, которое по этому могло, вмѣстѣ съ другими условіями, тянуть къ Москвѣ.

Это направленіе всего легче могло передаваться народу чрезъ черное духовенство, которому народъ могъ несравненно болѣе довѣрять. Отсюда шло то покровительство монахамъ, славнымъ своею святою жизнію и имѣвшимъ одни мнѣнія съ Митрополитомъ. Лучшимъ примѣромъ этому служитъ разсказъ, помѣщенный въ житіи преподобнаго Сергія: «о составленіи монастыря, иже на Киржачѣ».[62] Взошла мысль нѣкоторымъ изъ монаховъ монастыря Троицкаго: не восхотѣли Сергіева старѣйшинства.— Старшій братъ преподобнаго Сергія, Стефанъ (бывшій монахъ, а потомъ Игуменъ Богоявленскаго монастыря и другъ Митрополита Алексѣя, жившій теперь въ монастырѣ брата) сдѣлалъ слѣдующее: во время одной вечерни, которую служилъ самъ преподобный, Стефанъ, стоявшій на клиросѣ, спросилъ канонарxиста, взявшаго какую-то книгу: «кто тебѣ велѣлъ брать эту книгу»? тотъ отвѣчалъ, что «Игуменъ Сергій приказалъ мнѣ». Стефанъ на это сказалъ: «кто здѣсь настоящій Игуменъ? Не я ли прежде

---

[61] См. Ник. Лѣт (подъ 1390 г.) ч. 4, стр. 195—198.

[62] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 225—227; П. С. Л., т. 6. стр. 121.

основался на этомъ мѣстѣ, и устроилъ церковь?» И многое другое нелѣпое говорилъ Стефанъ. Преподобный Сергій, бывшій въ это время въ алтарѣ, слышалъ весь этотъ неприличный разговоръ, но никому ничего не сказалъ; но за то послѣ, когда братія вошла въ трапезу, онъ удалился изъ монастыря ни кѣмъ не замѣченный и поселился въ пустынномъ мѣстѣ, надъ рѣкою Киржачемъ. Какъ только братія узнала, что нѣтъ въ монастырѣ Игумена, то пришли въ уныніе и стали искать его. Когда же его отыскали, то стали къ нему переселяться, и преподобный, устроивъ для нихъ келліи, послалъ къ Митрополиту просить благословенія на основаніе монастыря; благословеніе было дано. Но братія, оставшаяся въ Троицкомъ монастырѣ, стала просить Митрополита, чтобы онъ возвратилъ преподобнаго къ нимъ въ монастырь, какъ прежде основанный. Митрополитъ, внявъ ихъ просьбѣ, послалъ къ преподобному двухъ Архимандритовъ, съ слѣдующею рѣчью: «пусть существуетъ теперь тобой основанный монастырь, и ты поставь въ немъ, кого знаешь, изъ твоихъ учениковъ строителемъ, самъ же возвратись въ прежній твой монастырь, да не грустятъ любящіе тебя о разлукѣ съ тобою; ненавидящихъ же тебя и не покоряющихся тебѣ я выведу изъ монастыря съ безчестіемъ и никто не будетъ сопротивляться тебѣ въ монастырѣ твоемъ.» Преподобный Сергій возвратился послѣ этого въ Троицкій монастырь. Здѣсь мы можемъ, кажется, видѣть, что Митрополитъ поддерживаетъ не только законную власть, но и то, что вліяніе преподобнаго на всѣхъ, и доказанное любовію къ нему большинства братіи, могло ослабиться, въ значительной мѣрѣ, какъ неповиновеніемъ нѣкоторыхъ изъ братіи, такъ и перемѣною мѣста, такъ сказать, насиженнаго, на другое новое; перемѣною, происшедшею вслѣдствіе неприличнаго поведенія людей вспомнившихъ о своемъ важномъ санѣ и прежнемъ величіи, отъ которыхъ уже отказались.

Здѣсь не говорю ничего о томъ, что съ имуществъ, которыми обладало духовенство, получаемые доходы почти всѣ стекались въ Москву, въ резиденцію, Митрополита, и такимъ образомъ увеличивали матеріяльныя средства жителей Москвы, а слѣдовательно и ея Князей Все это конечно возбуждало зависть въ другихъ Князьяхъ къ Москвѣ, а такъ же и къ Митрополиту, кото-

рый извлекалъ изъ другихъ Княжествъ средства для Москвы, употребляемыя для борьбы съ тѣми же Княженіями.

Этѣ причины, особенно послѣдняя, и безъ той политической дѣятельности со стороны Митрополита, могли служить къ тому, что Русскіе Князья невольно должны были желать ослабить помощника Московскаго Княжества и обращаться за помощію въ Литву, которая то же самое испытывала и не могла вообще равнодушно сносить то, что каждый шагъ Митрополита, сдѣланный имъ даже, можетъ быть, безъ цѣли, уже служитъ ей во вредъ и въ пользу Москвы. Такъ, на примѣръ, Митрополитъ Алексѣй призналъ святыми Христіянъ, замученныхъ въ Литвѣ Ольгердомъ; подобное дѣло для православныхъ подданныхъ Литовскаго Великаго Князя, волей или не волей, выставляло ихъ Государя не въ очень выгодномъ свѣтѣ. Но этѣ нравственныя и денежныя обиды не могли вдругъ послужить къ раздѣленію Митрополіи; даже самая мысль объ этомъ теперь еще хорошенько не созрѣла въ Литвѣ, и Ольгердъ, жалуясь Патріарху на Митрополита и выставляя причины, по чему тотъ долженъ дать для Литвы и другихъ союзныхъ ей земель отдѣльнаго Митрополита, жалуется только на его политическія дѣла. Онъ, конечно, могъ надѣяться, что его Митрополитъ также обратитъ къ себѣ взоры своей паствы, какъ при немъ привлекалъ ихъ Алексѣй.

Къ подобнымъ же средствамъ, служившимъ въ пользу Москвы, чрезъ Митрополита, были отношенія его къ завоевателямъ. Святитель Алексѣй въ отношеніи къ Монголамъ находился въ такомъ же положеніи, какъ и его предшественники. Церковь при немъ пользовалась тѣми же правами, какъ и прежде, на основаніи Ханскихъ ярлыковъ. Но и здѣсь Святителю Алексѣю пришлось особенно выставиться въ сравненіи съ другими.

Кромѣ обязанности, которая можетъ быть существовала, ѣздить Митрополитамъ въ Орду за ярлыками для своего утвержденія, изъ житія Святителя Алексѣя мы видимъ, что онъ ѣздилъ туда два раза, совершенно по другимъ причинамъ. Подъ 1357 годомъ [63]

---

[63] Въ приб. къ Тв. Св. От. годъ 6, въ статьѣ о Митр. Алексѣѣ на стр. 103, прим. III говорится, что на основаніи изслѣдованій Григорьева О дос. Хан.

въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о позывѣ Митрополита въ Орду чрезъ посла отъ Хана Чанибека, чтобъ онъ посѣтилъ и исцѣлилъ больную жену Хана, Тайдулу. Посолъ пришелъ въ то время, когда Святитель присутствовалъ при спорѣ Тверскихъ Князей предъ нимъ. При этомъ требованіи глубокая вѣра со стороны Святителя подвергнулась страшному испытанію отъ крайняго суевѣрія требующихъ. Тяжело ему было, когда суевѣрные люди, не имѣвшіе никакой вѣры, требовали отъ представителя Русскаго духовенства дѣла неисполнимаго. Считая каждое духовное лицо колдуномъ, и видя, что ни одинъ изъ близкихъ къ нимъ колдуновъ не помогаетъ, они вспомнили, что есть въ Россіи набольшій колдунъ, который ужъ навѣрно поможетъ больной царицѣ, по этому и стали звать его. Отказаться отъ этого дѣла, которое навязывали Митрополиту Алексѣю, было трудно; варвары не приняли бы во вниманіе причины отказа, а только могли потерять страхъ свой предъ этѣми чародѣями, какими считали они духовенство; отсюда могли слѣдовать, пожалуй, невыгоды для народа, связаннаго съ выгодами духовенства. Моля Бога о помощи въ дѣлѣ, которое Святитель считалъ не выполнимымъ для человѣческихъ силъ, онъ отправился въ Орду. Тайдула, для которой вся цѣль жизни соединена была въ одной любви Хана, подрываемой ея болѣзнями, ждала съ крайнимъ нетерпѣніемъ, и въ то же время съ вѣрою, пришествія знаменитаго святаго человѣка. Когда Святитель явился предъ нею и началъ ее благословлять, Тайдула выздоровѣла. Дары и почетъ отъ Ордынцевъ были наградою за сверхъестественное дѣло. За такую услугу Митрополитъ Алексѣй получилъ отъ самой Тайдулы ярлыкъ на свободный проѣздъ въ

ярл. «Святитель Алексѣй могъ быть въ Ордѣ на пути въ Царьградъ, т. е. въ 1355 году.» Можетъ быть, лѣтописцы смѣшали два путешествія Митр. Алексѣя въ Орду въ одно. По совокупность фактовъ, разсказанныхъ по случаю перваго путешествія не вполнѣ подтверждаетъ предположеніе Г. Горскаго. Такъ, въ 1355 г. не видимъ замятни въ Ордѣ. Здѣсь разсказываются факты, какъ объ нихъ дошли извѣстія. Извѣстіе о второмъ путешествіи находится только въ Степенной Книгѣ. Преосвященный Филаретъ дѣлаетъ ссылки о второмъ путешествіи на такія лѣтописныя извѣстія, которыя по своей краткости могутъ относиться къ которому угодно; да притомъ извѣстія, на которыя онъ ссылается не говорятъ о двухъ путешествіяхъ, а объ одномъ. См. Рус. Свят. Февраль прим. 134.

Константинополь [64] Въ немъ говорилось, что если Митрополитъ Алексѣй пойдетъ къ Царьграду, то чтобы всѣ, кто бы ни былъ, его не трогали и никакихъ насилій ему не дѣлали. Предъ отправленіемъ изъ Орды Митрополиту Алексѣю пришлось быть свидѣтелемъ смутъ, начинавшихся тамъ, и ради которыхъ онъ принужденъ былъ спѣшить отъѣздомъ. Съ нимъ отправился посолъ изъ Орды къ Русскимъ Князьямъ съ требованіемъ дани. [65] Замятня въ Ордѣ въ это время продолжалась и наконецъ кончилась тѣмъ, что сынъ Чанибековъ, Бердибекъ, убилъ отца и своихъ 12 братьевъ и самъ сдѣлался Ханомъ. Бердибекъ, какъ разсказываютъ лѣтописи, былъ чрезвычайно суровъ и хотѣлъ непремѣнно итти грабить Россію; но Россія въ то время еще не была готова встрѣтить отпоромъ Орду. Великій Князь Иванъ Ивановичъ не зналъ что́ дѣлать при такихъ обстоятельствахъ, и обратился къ Митрополиту Алексѣю съ просьбой, чтобы онъ снова отправился въ Орду, ходатайствовать за Русскую землю. [66] Въ 1358 году Святитель отправился, и хотя его, какъ видно, сначала плохо приняли; но санъ, прежнія дѣла и умъ его имѣли вліяніе на Татаръ. Бердибекъ смирился предъ нимъ и поганые удивились его премудрости и почтили, какъ Божія Святителя. Бердибекъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, далъ ему ярлыкъ съ подтвержденіемъ правъ духовенства, которыми оно пользовалось по ярлыкамъ отъ прежнихъ Хановъ. [67] Въ Москвѣ, когда Святитель воротился изъ Орды, встрѣтили его съ величайшимъ почетомъ. Авторъ житія Митр. Алексѣя вкладываетъ въ уста ребенка, будущаго побѣдителя Мамая, слова: «О владыко! что тебѣ воздамъ противу труда твоего? Трудомъ этѣмъ ты намъ даровалъ мирное житіе.»

Послѣ этѣхъ путешествій Митрополита въ Орду, тамъ начался рядъ смутъ, Ханы истребляли другъ друга. Этѣ Ордынскія

---

[64] О томъ что Ханши могли давать ярлыки см. Григорьева О дос. Хан. ярлыковъ, стр. 65 и дал., ярлыкъ стр. 128.

[65] Ник. Лѣт. ч. 3 стр. 209.

[66] Ст. Кн. ч. 1 стр. 456.

[67] Ярлыкъ см. О дос. Хан. ярл. стр. 126.

снугы дали средства устроить хорошенько Московскія дѣла во время малолѣтства Дмитрія Ивановича. Когда же Орда, сплоченная Мамаемъ, стала снова показывать свои послѣднія силы, то и въ Москвѣ все было готово къ борьбѣ съ нею. Митрополитъ, *видѣвшій Орду, могъ, въ числѣ другихъ, перенести въ Москву и во всю Россію то ослабленіе страха предъ завоевателями, которое повело къ великой битвѣ Куликовской.*

Послѣ всего вышеизложеннаго, обратимся къ дѣламъ, извѣстнымъ намъ, которыя относились собственно до внутренняго устройства Московскаго Княженія и личности Московскихъ Князей, какое здѣсь участіе принималъ Митрополитъ Алексѣй? Мы могли уже выше видѣть, что отъ Москвы до Ольгерда и послѣдняго Князя всѣ смотрѣли на Митрополита Алексѣя, какъ на лицо, связавшее вполнѣ свои интересы съ интересами Московскихъ Князей; его, какъ Митрополита, никто не думаетъ отдѣлять отъ Москвы. Онъ, поставленный въ числѣ правителей Московскаго Княженія, принималъ такое же участіе въ его дѣлахъ внутреннихъ какъ и внѣшнихъ. Не знаемъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на воспитаніе молодыхъ Князей; но если онъ, какъ выражается авторъ его житія, имѣлъ попеченіе о паствѣ своей и всѣхъ людей училъ слову Божію, то, конечно, училъ и Князей, оставшихся дѣтьми на рукахъ его и бояръ. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ его и бояръ есть то, что въ 1362 году молодые Князья, Дмитрій Ивановичъ (12 лѣтъ) и Владиміръ Андреевичъ (9 лѣтъ) заключили между собою договорную грамоту. Договорная грамота писана по благословенію Митрополита Алексѣя, и въ утвержденіе ея Князья цѣловали крестъ у него. По ней Князья условливаются жить, какъ жили отцы ихъ; Владиміръ Андреевичъ обязывается быть въ такомъ же отношеніи къ Дмитрію Ивановичу, въ какомъ находились Иванъ и Андрей Ивановичи къ старшему брату, Симеону, и держать Великое Княженіе честно и грозно. За симъ, послѣ условій о дружбѣ, союзѣ и управленіи землями, гдѣ вездѣ выставляются впередъ права Дмитрія Ивановича, слѣдуютъ постановленія о боярахъ.[68] Послѣ этого мы видимъ Митрополита вездѣ рядомъ съ Князьями и ничто не дѣлается въ Княженіи иначе, какъ по его совѣту и благословенію. Когда при-

---

[68] С. Г. Г. и Д. N 27.

шло время жениться Дмитрію Ивановичу, то, по благословенію Митрополита, взята была за него Княжна Суздальская, дочь бывшаго соперника Дмитрія Ивановича, Дмитрія Константиновича. Это было на другой годъ, какъ изъ Москвы помогли послѣднему добыть Нижегородское Княженіе. Когда сидитъ Московскій Князь въ осадѣ отъ Ольгерда, съ нимъ сидитъ въ осадѣ и Митрополитъ; ѣдетъ Московскій Князь въ Орду, и Митрополитъ провожаетъ его до Оки, благословляетъ въ путь Князя и сопровождающихъ его; пишетъ Дмитрій Ивановичъ духовную грамоту, и эту грамоту онъ являетъ у Митрополита, который привѣшиваетъ къ ней свою печать.[69] Когда, въ 1366 году, сознали необходимость построить около Кремля каменныя стѣны, то въ лѣтописи говорится, что Великій Князь принялся за это дѣло, посовѣтовавшись съ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми старѣйшими боярами и по благословенію Митрополита. Когда Владиміру Андреевичу понадобилась прибавка къ его удѣлу, то онъ билъ челомъ Великому Князю чрезъ Митрополита Алексѣя; по этому челобитью Великій Князь пожаловалъ своему двоюродному брату Лужу и Боровскъ.[70]

Вездѣ въ дѣлахъ Московскихъ Князей, политическихъ и семейныхъ, Митрополитъ Алексѣй является, съ своею духовною властію и своимъ благословеніемъ, какъ руководитель. Его отношенія къ Московскимъ Князьямъ весьма сходны съ тѣми отношеніями, въ какихъ находился въ послѣдствіи Филаретъ Никитичъ къ Михаилу Ѳедоровичу. Разница только въ томъ, что Патріархъ Филаретъ пользовался своимъ положеніемъ до самой своей смерти, между тѣмъ какъ съ начала семидесятыхъ годовъ XIV столѣтія до своей смерти Митрополитъ Алексѣй уже не принимаетъ участія въ дѣлахъ Княженія. Великій Князь въ это время выросъ, ему было уже за 20 лѣтъ, и самъ взялъ въ свои руки правленіе; да и кромѣ того Митрополиту Алексѣю послѣ 1370 года и нѣкогда было заниматься политическими дѣлами; онъ во время правленія Московскимъ Княженіемъ, при Иванѣ Ивановичѣ и его малолѣтнихъ преемникахъ, своею дѣятельностію поднялъ всѣхъ враговъ Московскаго Княжества лично противъ себя. По-

---

69 Тамъ же N 30.

70 Тамъ же N 37.

сыпались въ это время къ Патріарху жалобы на страшнаго для Русскихъ Князей Митрополита, жалобы, поведшія даже къ отпаденію половины Митрополіи отъ власти Святителя Алексѣя; теперь ему приходилось распутывать этѣ дѣла и, какъ мы видѣли, довольно успѣшно въ сравненіи съ тѣмъ, чего добивались его враги. Наконецъ самъ Митрополитъ Алексѣй сознавалъ, что выросшій Великій Князь, человѣкъ болѣе способный къ правленію Княженіемъ, чѣмъ его отецъ, не захочетъ быть болѣе подъ опекою Митрополита, и Святитель Алексѣй, безъ всякихъ споровъ и требованій благодарности за дѣла, прежде имъ сдѣланныя, отступилъ въ сторону и очистилъ мѣсто на политическомъ поприщѣ новому молодому поколѣнію; его же сверстники, ученики Калиты, мало по малу вымирали.

Но если безъ споровъ уступилъ Митрополитъ Алексѣй свою политическую роль въ Россіи другимъ, то въ церковной сферѣ онъ хотѣлъ, чтобы дѣла шли по тому направленію, какое онъ имъ далъ: по этому у него явилось желаніе, чтобы преемникомъ его на Митрополичьемъ престолѣ былъ преподобный Сергій, имѣвшій такой громадный авторитетъ вездѣ, за свою святую жизнь. Митрополитъ Алексѣй думалъ о преподобномъ такъ же, какъ прежде думали другіе объ немъ самомъ. Но если прежде всѣ дѣла, за которыя принимался Мимрополитъ Алексѣй, ему удавались, то при концѣ его жизни пошло обратно. Въ житіи его разсказывается о томъ, какъ онъ предлагалъ преподобному Сергію занять послѣ себя Митрополичій престолъ, призвавъ къ себѣ преподобнаго Сергія, устроявшаго тогда свой монастырь. Митрополитъ сталъ съ нимъ бесѣдовать. Во время разговора, Святитель велѣлъ принести архіерейскій крестъ и сталъ его предлагать Святому Сергію; но послѣдній со смиреніемъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ отъ юности своей не былъ златоносецъ, то въ старости тѣмъ болѣе желаетъ пребывать въ нищетѣ. Митрополитъ сталъ уговаривать преподобнаго, и наконецъ своими руками возложилъ крестъ на своего собесѣдника Заставивъ согласиться на одно, Митрополитъ началъ стороной заговаривать о томъ, для чего онъ призвалъ его къ себѣ, но какъ только высказалъ ясно свою мысль, подтвердивъ ее тѣмъ, что того желаютъ и другіе, преподобный Сергій началъ отрекаться отъ

предложенія и въ заключеніе началъ просить Святителя не говорить ему объ этомъ, а тѣмъ болѣе никому иному, такъ какъ онъ себя считаетъ совершенно неспособнымъ къ исполненію обязанностей такого сана. Митрополитъ, видя его непреклонность, перестalъ объ этомъ ему говорить, боясь, чтобы Святой Сергій не отошелъ въ дальнія пустыни, для избавленія себя отъ подобныхъ требованій.[71] Преподобный Сергій, считая себя неспособнымъ занять Митрополичій престолъ, во время смуты церковной, являлся въ Россіи вполнѣ преемникомъ Митрополита Алексѣя: онъ благословилъ Великаго Князя на борьбу съ Мамаемъ, онъ же служилъ поддержкой всякаго праваго дѣла, и Митрополитъ Кипріанъ не находилъ никого, на кого бы могъ опереться въ Сѣверной Россіи, когда съ нимъ поступали до крайности несправедливо. Только преподобнаго Сергія послушалъ Олегъ Рязанскій, когда тотъ своими кроткими и тихими рѣчами и бесѣдой о пользѣ душевной, мирѣ и любви, привелъ его въ такое умиленіе, что онъ заключилъ миръ съ Дмитріемъ Ивановичемъ, миръ, на который прежде никто не могъ его склонить.

Если бы преподобный Сергій согласился на предложеніе Митрополита Алексѣя, то при согласіи на это Великаго Князя, поставленіе его на Митрополію было подобное, какъ и самого Алексѣя; но вышло иначе: стало выясняться, въ какое отношеніе къ Великому Князю стала церковная іерархія со времени переѣзда Митрополита Петра въ Москву; начиная отъ начальника до послѣдняго члена духовенства, все должно было становиться въ зависимость отъ свѣтской власти. За такими личностями, какъ Митрополитъ Алексѣй, эта зависимость не видна, онъ дѣйствуетъ самостоятельно и принудить его сдѣлать что нибудь, на что онъ не согласенъ, нельзя. Въ преемники Митрополита Алексѣя Дмитрій Ивановичъ думалъ утвердить своего любимца. Былъ въ Коломнѣ Священникъ Михаилъ, извѣстный подъ прозвищемъ Митяя: этотъ священникъ выдавался изъ среды своей братіи внѣшними и внутренними достоинствами. Высокій ростомъ, плечистый, съ большой окладистой бородой и краснымъ лицомъ, Митяй имѣлъ сильный, но пріятный голосъ,

---

71) Ст. Кн. ч. 1, стр. 464—465; Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 63—64.

способности хорошо пѣть, говорить складно и пріятно; имѣлъ онъ страсть къ чтенію книгъ, и при хорошей памяти, способность въ разговорахъ излагать все читанное толково, ясно и завлекательно; зналъ онъ множество всякихъ древнихъ сказаній, во всѣхъ разсужденіяхъ духовныхъ и житейскихъ былъ изященъ и премудръ; а главное, онъ имѣлъ способность заниматься всякими дѣлами. Такія-то достоинства Митяя бросились въ глаза Великому Князю, и онъ постарался его перевести изъ Коломны въ Москву и сдѣлалъ его своимъ печатникомъ. Дмитрій Ивановичъ привязался къ Митяю и сдѣлалъ его своимъ духовнымъ отцомъ. Вельможи и всѣ придворные стали обращаться съ любимцемъ Великаго Князя съ великимъ почтеніемъ, многіе сдѣлались его духовными дѣтьми, и былъ Митяй въ великой славѣ и чести у всѣхъ, и такъ продолжалось долгое время. Умный попъ не выдержалъ такаго положенія: у него, какъ у выскочки, закружилась голова отъ счастія; честолюбіе, поддерживаемое лестію придворныхъ, разыгралось; не зналъ онъ, чѣмъ бы себя выставить изъ ряду своихъ, сталъ онъ величаться своимъ положеніемъ, завелъ у себя множество отроковъ и слугъ; никто не облачался какъ онъ въ такія дорогія ризы, которыя такъ и блистали на немъ, и при его видной и стройной фигурѣ увеличивали еще болѣе его красоту. Много было способностей у Митяя; но онъ имѣлъ еще одну самую выгодную способность: умѣлъ онъ уживаться съ людьми, и при своей общительности и умѣ заставлялъ любить себя всѣхъ, кто былъ ему нуженъ; но его гордость предъ прежними своими ровнями не имѣла предѣловъ. Великій Князь не зналъ, чѣмъ возвеличить его: когда открылось вакантное мѣсто Архимандрита въ Спасскомъ монастырѣ (теперь Спасъ на Бору), онъ предложилъ его Митяю; Митяй не хотѣлъ промѣнять свое хорошее свѣтское положеніе на монашескій клобукъ, и отказался; но Великій Князь уговорилъ его, указывая въ будущемъ то, чего Митяй можетъ достигнуть, и чего нельзя получить, не бывши монахомъ: «самъ видишь», говорилъ Великій Князь со смиреніемъ Митяю, «что Митрополитъ Алексѣй старѣется, такъ ты будешь преемникомъ его, Митрополитомъ и Господиномъ всея Руси, такъ возложи же нынѣ иноческій образъ на себя, и будь Архимандритомъ въ Спасскомъ монастырѣ, а мнѣ отцомъ духовнымъ, какъ и прежде, и всѣ тебѣ будутъ

служить.» На такое завидное предложеніе Митяй согласился, не задумавшись. Призвали Чудовскаго Архимандрита; тотъ его постригъ, и былъ Митяй, какъ выражается лѣтописецъ, до обѣда попъ мірской, а потомъ инокъ, а послѣ обѣда Архимандритъ и начальникъ иноковъ. Это было въ 1376 году, вскорѣ должно быть послѣ того, какъ пріѣхалъ Митрополитъ Кипріанъ въ Москву. Великій Князь исполнилъ свое обѣщаніе: онъ сталъ просить Митрополита Алексѣя, чтобы онъ благословилъ Митяя быть послѣ себя Митрополитомъ. Но святитель зналъ Митяя, понималъ что̀ это за человѣкъ, и не захотѣлъ имѣть его своимъ преемникомъ; но отвѣчалъ на просьбы уклончиво, не желая рѣзкимъ отказомъ обидѣть Великаго Князя. Онъ приводилъ въ основаніе отказа правила Церкви и говорилъ такъ: «Архимандритъ Митяй еще новъ въ иночествѣ и слѣдуетъ ему искуситься въ немъ и облечься благими дѣлами и нравами; если Богъ восхочетъ этого, то и сотворитъ по немъ, я же на это теперь не согласенъ.» Но Великій Князь не оставилъ своей просьбы въ такомъ положеніи, часто самъ упрашивалъ Митрополита дать свое благословеніе Митяю, иногда же съ этою же просьбою посылалъ къ нему Владиміра Андреевича и своихъ бояръ. Но Святитель, осаждаемый неотступными просьбами, наконецъ отвѣчалъ: «принуждаютъ меня благословить его, но кого благословитъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, Преосвященный Патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословляю».[72] На этомъ отказѣ, при жизни Митрополита Алексѣя, остановилось дѣло Митяя. Великій Князь только изъ уваженія къ Митрополиту замолчалъ теперь о дѣлѣ Митяя; но какъ только умеръ Святитель Алексѣй, дѣла пошли вполнѣ по волѣ его.

Таковы высказалъ притязанія Великій Князь относительно вліянія на избраніе Митрополита; но чтобы сказать, на какомъ правѣ онъ это высказывалъ и какія отношенія свѣтской власти къ духовной были въ настоящее время, онъ не говоритъ. Только изъ Константинополя вообще яснѣе указываютъ на права Великаго Князя во всѣхъ дѣлахъ: тамъ прямо говорятъ, что во вниманіе желаній Великаго Князя ставятъ Алексѣя въ Митрополиты;

---

[72] Ник. лѣт. ч. 4, стр. 66 — 70.

требованія Ольгерда удовлетворяютъ по мѣрѣ возможности. Но Патріархъ, высказывая болѣе опредѣленныя понятія о власти Великаго Князя, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ Россіи, старается приблизиться къ понятіямъ людей, которымъ онъ это говоритъ. Государственный характеръ церковной іерархіи вполнѣ выражается въ дѣятельности Митрополита Алексѣя: она стала на сторону зараждавшагося Государства, и когда послѣднее начало слагаться, а отсюда явилась борьба всѣхъ старыхъ началъ съ новыми, или противленіе соперниковъ, стремящихся къ той же цѣли, къ которой стремились въ Москвѣ, Глава Церкви Русской употребилъ всѣ средства, отъ него зависѣвшія, на поддержаніе первенства въ этомъ дѣлѣ Москвы. Но въ то время, когда Митрополитъ такъ много сдѣлалъ для Московскаго Княженія, Великій Князь началъ высказывать свои притязанія на вліяніе на тѣ части церковнаго устройства, которыя ему могли поддаться въ извѣстной степени, каковымъ являлось избраніе лицъ на Митрополичій престолъ. Но не изъ одного Константинополя указываютъ о мѣстѣ и значеніи Митрополита. Изъ Новгорода Кипріану отвѣчаютъ: «если приметъ тебя Великій Князь, то и намъ ты Митрополитъ». Въ Новгородѣ, гдѣ обычаемъ опредѣлилось отношеніе тамошняго Архіепископа, понимали, что тамъ, гдѣ находится представитель Россіи, Великій Князь, около него же долженъ находиться и представитель Русской Церкви, Митрополитъ, котораго Великій Князь долженъ принять. Но такъ какъ въ двухъ половинахъ Россіи слагается по Государству, то является борьба между ними изъ за того, гдѣ долженъ жить представитель всей Русской Церкви. Ольгердъ сначала желалъ бы, чтобы Митрополитъ всея Россіи жилъ у него, потомъ уже требуетъ, чтобы Патріархъ далъ отдѣльнаго Митрополита для его владѣній и владѣній его союзниковъ; но изъ Константинополя поставленіемъ Митрополита Кипріана для одной Литвы наталкиваютъ Литовскаго Великаго Князя на понятіе о настоящемъ отношеніи его власти къ церковной; но такъ какъ этѣ понятія въ Россіи еще не созрѣли, то, при поставленіи Кипріана въ Митрополиты, стараются поддержать старину.

Теперь посмотримъ на характеръ дѣятельности Митрополита Алексѣя Здѣсь первое, что бросается въ глаза, это его осторож-

ность, обдуманность и выдержанность во всѣхъ поступкахъ. Откуда явились и развились въ немъ этѣ свойства? Отвѣтомъ на это является характеръ лицъ, среди которыхъ онъ воспитался и жилъ; онъ жилъ при Калитѣ, Симеонѣ Гордомъ; до того времени, какъ началъ дѣйствовать на политическомъ поприщѣ, былъ намѣстникомъ Митрополита Θеогноста, терся между посѣдѣлыми въ дѣлахъ Московскими боярами; онъ видѣлъ сдѣсь, что всѣ борются, играя различныя роли побѣдителей съ одними и побѣжденныхъ съ другими; обдумываютъ каждый шагъ, постоянно себя сдерживаютъ въ поступкахъ, узнаютъ хорошенько дѣла и вслѣдствіе этого почти вездѣ побѣждаютъ, но достигнувши побѣды, умѣютъ и воспользоваться ея плодами; удержать за собою плоды побѣды представляетъ не малую трудность: одинъ не осторожный шагъ и они пропали; страхъ предъ побѣдителемъ тоже пропалъ, а за тѣмъ слѣдуетъ то, что нужно, прежнее завоеванье, снова завоевывать. Но если приходилось такъ дѣйствовать, то учители Митрополита Алексѣя, при своей обдуманности, умѣли, гдѣ нужно, выставлять себя какъ слѣдуетъ и не ронять своего положенія; но они прежде чѣмъ говорить о своихъ притязаніяхъ, обыкновенно, для подтвержденія ихъ приготовляли средства, а потомъ уже требовали. Въ такой-то школѣ готовился Митрополитъ Алексѣй для политическаго поприща; въ школѣ, гдѣ съ одной стороны крайняя выдержанность, а съ другой не изсякаемая енергія къ дѣятельности, дѣятельности хладнокровной до того, что съ замѣчательнымъ равнодушіемъ переносится неудача а послѣ неудачи, такъ же хладнокровно принимаются за выполненіе прежде задуманнаго плана; но если достигаютъ побѣды, то никакой плачъ побѣжденнаго и вопль ограбленнаго собственника не могутъ разбудить этого хладнокровія. Явившись въ этой школѣ ученикомъ, Митрополитъ Алексѣй успѣлъ сдѣлаться и учителемъ въ ней, для будущихъ поколѣній; выдержанность въ немъ была доведена до совершенства, ничѣмъ кажется нельзя было раздражить его; гдѣ ему встрѣчаются препятствія, онъ не горячится, выжидаетъ, подходитъ къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, и отыскавши средство къ побѣдѣ, употребляетъ его осторожно, чтобы еще больше не запутать дѣла. Этѣхъ-то свойствъ не доставало у одного изъ его преемниковъ, Патріарха Никона. Послѣдній, не будучи воспитанъ въ такой школѣ, какъ Алексѣй, видитъ всюду себѣ

воображаемыхъ враговъ и нападаетъ на нихъ и дѣйствительно приготовляетъ ихъ; онъ даже въ ссылкѣ не хочетъ отказаться отъ идеи своей власти, и по этому не пользуется ею. Митрополитъ Алексѣй, когда увидалъ, что его время прошло, отодвинулся на второй планъ, оставивъ за собой власть, которая ему дѣйствительно принадлежала, и въ этой-то сферѣ никто не смѣлъ къ къ нему подступиться и поставить какое либо требованіе, кромѣ просьбы.

Пересчитавъ всѣ свойства школы, въ которой Митрополитъ Алексѣй является ученикомъ и учителемъ, мы не упомянули одного, а именно: что дѣйствующіе въ ней никогда не отрывались отъ дѣйствительной почвы, на которой стояли и не увлекались никакими выспренними планами. Конечно, прозаичность окружающаго не давала средствъ для плановъ въ родѣ крестовыхъ походовъ или т. п., но за то, что требовала дѣйствительность дѣлать, дѣлали. Самое благородное и высокое занятіе, кромѣ политической дѣятельности и исполненія своихъ обязанностей, являлось для Русскаго Святителя ученое поприще, и съ этой стороны Митрополитъ Алексѣй заявилъ себя, какъ человѣка замѣчательнаго. Кромѣ ума, школы и сознанія своего положенія, Святителю Алексѣю, какъ Митрополиту, необходимо было образованіе Въ его время, когда всѣ добивались цѣли своей дѣятельности, посредствомъ хитростей, войны, а при случаѣ обмана и т. п. и развивали свой умъ въ постоянныхъ занятіяхъ дѣлами, въ такомъ обществѣ трудно было сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ. Изъ посланій же Митрополита Алексѣя мы можемъ видѣть, кромѣ умѣнья точно и ясно высказывать свои мысли, но и подтверждать свои положенія текстами изъ Священнаго Писанія и Твореній Святыхъ Отцевъ, что дѣлается съ замѣчательнымъ мастерствомъ, обличающимъ навыкъ въ дѣлѣ; а все это можетъ дать намекъ, что авторъ ихъ былъ не только начетчикъ книгъ, но человѣкъ довольно ученый. Но кромѣ посланій, до насъ дошло отъ Митрополита Алексѣя собственноручно имъ писанное Евангеліе, находящееся въ Чудовомъ монастырѣ.[73] Это Евангеліе есть не

[73] Описаніе внѣшности Евангелія См. Памят. Москов. Древ. Снегирева, стр. 142—143; о переводѣ см. Учен. Записки 2. Отд. Акад. Наукъ кн. 3, въ Обзорѣ Духов. Литер. Преосв. Филарета, подъ № 70.

только списокъ со старыхъ списковъ, но есть новый переводъ съ Греческихъ лучшихъ списковъ, съ исправленіемъ ошибокъ, прежде вкравшихся; переводъ, выказывающій въ переводчикѣ знаніе дѣла Этотъ ученый трудъ Митрополита Алексѣя служилъ при исправленіи книгъ въ XVII столѣтіи. Эту ученость Митрополитъ Алексѣй могъ пріобрѣсть въ то время, когда былъ простымъ монахомъ Богоявленскаго Монастыря, и развить въ бесѣдахъ и подъ руководствомъ Митрополита Ѳеогноста,[74] великаго наставника.» Въ этѣхъ двухъ мѣстахъ онъ могъ свои способности развить въ умственныхъ трудахъ, а два путешествія въ Константинополь еще болѣе могли дать средства для его ученыхъ занятій.

Разсмотрѣвши всю дѣятельность Митрополита Алексѣя и зная всѣ средства, съ помощію которыхъ онъ дѣйствовалъ, можно судить объ немъ. О пользѣ, принесенной имъ для образованія Московскаго Государства, нечего говорить, она сама собою видна: онъ, въ продолженіи своего правленія Московскимъ Великимъ Княженіемъ, вмѣстѣ съ Московскими боярами, вполнѣ оправдалъ надежды Симеона Ивановича. Но что же сказать на тѣ обвиненія враговъ его, обвиненія, не кончившіяся даже и по его смерти? Самое рѣзкое обвиненіе, бросающееся въ глаза, это слова Ольгерда: «до нынѣ не бывало такого Митрополита: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови.» Но Ольгердъ, сказавъ эти слова, не указалъ примѣра, когда Святитель благословлялъ на пролитіе крови, между тѣмъ какъ остальныя обиды свои онъ пересчитываетъ по именамъ: можетъ ли умный, ученый и притомъ Христіянинъ сочувствовать войнѣ? Въ то время, когда для рѣшенія дѣла прибѣгаютъ къ войнѣ, такой человѣкъ конечно пожелаетъ успѣха своимъ, но наврядъ ли будетъ онъ возбуждать ихъ къ этому. Проклятія же, которыя сыпалъ грозный Митрополитъ на всѣ стороны, прямо указываютъ на то, что онъ именно тѣмъ хотѣлъ остановить враговъ Московскаго Княженія, защитникомъ котораго онъ сдѣлался не по своему желанію, а къ тому привели предшествовавшія обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы ни сильны были обвиненія, на него возводимыя, мы, зная пользу, которую онъ принесъ потомкамъ, да при

74 Ст. Кн. ч. 1 стр. 443.

томъ и то уваженіе самихъ враговъ къ его личности, чему явилъ примѣръ Нижегородскій Князь Борисъ Константиновичъ, наконецъ прямоту его дѣйствій, въ которыхъ онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ особеннымъ изворотамъ, мы не можемъ не произнесть, что онъ, не только какъ человѣкъ, но и какъ политическій дѣятель, является довольно чистою личностію въ то темное время.

Но если при жизни Митрополита Алексѣя жаловались на него, то и по смерти не оставили его въ покоѣ. При окончаніи Церковной смуты, бывшей по смерти Митрополита Алексѣя, въ Константинополѣ прямо рѣшили, что главный виновникъ ея — это онъ, давно умершій; тамъ обо всей его дѣятельности писали слѣдующимъ образомъ: «Когда Епископъ Владимірскій Алексѣй получилъ власть Митрополичью, то не ко всѣмъ Князьямъ былъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ, но отъ однихъ удалялся, а къ другимъ благоволилъ. Когда Великій Князь Иванъ Московскій, умирая, назначилъ его опекуномъ своего сына Дмитрія, Митрополитъ только и пекся о немъ, и вмѣсто того, чтобы заботиться о мирѣ и единодушіи всѣхъ, онъ, получивъ свѣтскую власть, занимался войнами, битвами и оставилъ совершенно безъ попеченія Епархіи, находящіяся во владѣніяхъ Литовскихъ, и вслѣдствіе этого произошли схизмы, войны и кровопролитія между всѣми Князьями — и всему этому онъ виновникъ. Патріархъ, узнавъ объ этомъ, писалъ ко всѣмъ въ Россіи, чтобы примирились, уговаривая Митрополита и Князей. Князья готовы были мириться, но Митрополитъ, учитель міра и беззлобія, не только не воспользовался внушеніями Патріарха, но совершенно отклонилъ миръ. Патріархъ послѣ этого для примиренія послалъ монаха Кипріана, чтобъ онъ примирилъ Митрополита съ Князьями, но все было тщетно: Митрополитъ считалъ Патріаршія внушенія и его посла враждебными для себя и отклонился отъ примиренія. Послѣ этого Патріархъ получилъ письма отъ Князей, требовавшихъ себѣ другаго Митрополита. Патріархъ и послѣ этого совѣтовалъ Митрополиту примириться; но тотъ и слушать не хотѣлъ и даже на письма Патріарха не отвѣчалъ. Вознегодовавшіе Князья требовали послѣ этого отъ Патріарха другаго Архіерея, грозя въ противномъ случаѣ перейти къ другой Церкви. Что̀ было дѣлать въ этомъ случаѣ Святѣйшему Патріарху: раздѣлить ли Митрополію Россіи

между двумя Митрополитами, или оставить народъ безъ Архіерея и благословенія? Поэтому вышеупомянутый Кипріанъ былъ рукоположенъ въ Митрополиты Кіева, Россіи и Литвы и чтобъ послѣ смерти Алексѣя онъ былъ Митрополитомъ всей Россіи.» [75] Нечего говорить о томъ, откуда шли подобныя обвиненія: изъ Константинополя, отъ людей, которые при жизни Митрополита Алексѣя готовы были лизать прахъ отъ ногъ его, а по смерти во всѣхъ дѣлахъ стали винить его, бросать въ него грязью, зная, что мертвые не мстятъ за подобныя дѣла. Изъ Константинополя, отъ Константинопольской церковной іерархіи шли подобныя обвиненія Русской церковной іерархіи, тогда какъ послѣдняя взята отъ нихъ же, гдѣ власть верховнаго іерарха Церкви сосредоточена и надъ его подчиненными ни чѣмъ не ограничена; изъ Константинополя шла поддержка и теперь этой власти. Такимъ образомъ, если Митрополитъ дѣлалъ то, на что имѣлъ право, въ чемъ ему помогала власть Вселенскаго Патріарха, такъ тѣмъ болѣе этотъ Патріархъ не долженъ бы и заикаться на произнесеніе какихъ бы то ни было обвиненій. Нѣтъ, въ Константинополѣ было досадно всѣмъ, что они были ни болѣе, ни менѣе какъ игрушками въ рукахъ великаго человѣка, который заставлялъ ихъ дѣлать то, чего хотѣлъ, а дѣлалъ онъ великое дѣло: онъ закладывалъ фундаментъ для сооруженія зданія, которое теперь мы называемъ Россійскою Имперіею.

Но теперь для насъ также важенъ и тотъ вопросъ: почему Митрополитъ дѣйствовалъ такъ? На это, кажется, можно отвѣтить коротко: Государство слагалось въ Москвѣ, сюда притекали всѣ необходимые элементы для его образованія и тянули за собою другіе: церковная іерархія, какъ составная часть его, первая къ нему пришла на помощь; но такъ какъ она, изъ всѣхъ составныхъ частей Государства, была въ Россіи единственнымъ учрежденіемъ, которое уже вполнѣ было готово занять свое мѣсто въ немъ, какъ вполнѣ развившееся, то это учрежденіе и напрягло всѣ силы на помощь развитія остальныхъ частей. При такомъ напряженномъ состояніи общества и стремленіи его къ извѣстной цѣли, явилась борьба во многихъ мѣстахъ и лицахъ, которыя не хотѣли не

---

[75] Acta Patriar. Const. томъ 2 стр. 117 — 121.

только помогать, и войти въ составъ будущаго Государства, но еще старались разрушить все сдѣланное для этого; то въ томъ же созрѣвшемъ Государственномъ учрежденiи явился и человѣкъ, во главѣ его, окруженный помощниками, который, въ самое неблагопрiятное время для Московскаго Княженiя, вынесъ его на своихъ плечахъ и потомъ сдалъ его въ руки тѣхъ, которымъ должно принадлежать главное завѣдыванiе всѣмъ дѣломъ.

12 Февраля 1378 года скончался Святитель Алексѣй. Въ завѣщанiи, оставшемся послѣ него, онъ выказалъ себя еще съ двухъ сторонъ: какъ Святитель, онъ, говоря о себѣ, показываетъ крайнее смиренiе: «я смиренный, грѣшный рабъ Божiй Алексѣй, пишу душевную грамоту цѣлымъ умомъ,» говоритъ о себѣ страшный для всѣхъ своихъ современниковъ, великiй Святитель. Распорядившись своимъ имуществомъ, которое онъ все завѣщалъ основанной имъ обители Святаго Михаила, въ заключенiи проситъ Великаго Князя заботиться объ исполненiи его завѣщанiя и бережении монастыря. Перечетъ имуществъ и способъ ихъ прiобрѣтенiя показываютъ намъ, что Митрополитъ Алексѣй, кромѣ всѣхъ другихъ свойствъ вышеисчисленныхъ, былъ еще хорошiй хозяинъ, какъ и многiе изъ его преемниковъ.[76] Авторъ его житiя описываетъ кончину и погребенiе Святителя слѣдующимъ образомъ. Въ старости глубокой и сѣдинѣ почтенной, почувствовавъ приближенiе смерти, Святитель призвалъ сына своего, Великаго Князя Дмитрiя Ивановича, сдѣлавъ ему наставленiе словами духовными о всякомъ благочинiи, въ заключенiе сказалъ: «сынъ мой! я отхожу отъ житiя сего, оставляю тебѣ милость отъ Бога, миръ и благословенiе, такъ же и сыну твоему благовѣрному Князю Василiю и всему сѣмени твоему до вѣка.» Послѣ этого Святитель завѣщалъ, да не погребаютъ его въ церкви, но внѣ церкви за алтаремъ, гдѣ и мѣсто указалъ, великаго ради конечнаго смиренномудрiя. За симъ Святитель совершилъ литургiю и причастился Святыхъ Тайнъ и сталъ молиться о Великомъ Князѣ, чадахъ его, о всѣхъ Князьяхъ благовѣрныхъ, боярахъ, воинствѣ Русскомъ и о всѣхъ православныхъ; простившись со всѣми, бывшими у него, и давъ имъ послѣднее цѣлованiе, началъ творить

[76] Завѣщанiе см. Пам. Москов. Древн. Снегирева, стр. 142—143.

молитву объ исхожденіи своей души, и еще молитва была на устахъ его, какъ душа уже разсталась съ тѣломъ. Это было въ пятницу, во время заутренней молитвы. Когда услышано было о преставленіи Святителя, то начали стекаться отвсюду Князья, вельможи, Епископы, иноки и множество народу. Великій Князь Дмитрій Ивановичъ, Владиміръ Андреевичъ и многіе, знавшіе покойнаго, скорбѣли о потерѣ такого добраго пастыря и учителя. Вспомнилъ тутъ Дмитрій Ивановичъ, что завѣщалъ Святитель, чтобы погребли его внѣ церкви и разсудилъ съ Епископами, что такое завѣщаніе сдѣлано ради смиренія, по этому рѣшили положить его тѣло не внѣ, а внутри церкви. Сдѣлавъ такое рѣшеніе, они, положивъ тѣло Святителя на одрѣ, понесли его въ обитель, имъ созданую и погребли тамъ въ церкви Святаго Архистратига Михаила. Епископы, Пресвитеры и весь народъ, какъ осиротѣвшіе дѣти, проливая слезы, шли за гробомъ. При этомъ авторъ житія Митрополита Алексѣя влагаетъ въ уста народа слѣдующія слова: «увы намъ, потерявшимъ такого наставника душамъ и тѣлу нашимъ, и всегдашняго поборника и промыслителя по насъ и нашего питателя. Но, о Святитель Божій! дорогой нашъ учитель! Ты всегда насъ питалъ пищею не погибельною и съ благоразумнымъ наказаніемъ, и нынѣ не забудь насъ, рабовъ своихъ, но помяни насъ въ святыхъ своихъ молитвахъ; по тому что знаемъ мы, что великое дерзновеніе всегда имѣешь къ Богу.» Этѣми же словами, что Святитель училъ паству свою ученію не погибельному и правилъ ею съ благоразумнымъ наказаніемъ, и мы, сознавая вѣрность этѣхъ словъ, заканчиваемъ свой разсказъ о жизни и дѣятельности Митрополита Алексѣя.[77]

---

[77] О преставленіи и погребеніи Митрополита Алексѣя см. Ст. Кн ч. I стр. 466.

ЦЕРКОВНАЯ СМУТА.

Крайность вызываетъ крайность. Святители Алексѣй и его предшественники подняли авторитетъ Митрополита всея Руси до такой высоты, до какой только можетъ достигнуть авторитетъ Епископа Восточной Церкви; но, чтобы поддержать его, нужны и преемники, подобные предшественникамъ. Святитель Алексѣй желалъ, чтобы преемникомъ его, на Митрополичьемъ престолѣ, былъ преподобный Сергій, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и имѣвшій уже такое вліяніе на дѣла, къ которымъ его привлекали, что съ нимъ, можно было надѣяться, не только не падетъ сила Митрополичьяго престола, но еще пожалуй выше поднимется. Но преподобный Сергій былъ силенъ не тою силою, какая нужна Митрополиту. Святой при жизни, онъ былъ отецъ и наставникъ сѣвернаго монашества; въ этой сферѣ онъ составилъ себѣ положеніе, и изъ этого монашескаго круга имѣлъ вліяніе на дѣла мірскія, а на Митрополичьемъ престолѣ ему пришлось бы приняться за другую дѣятельность, къ которой нужно было долгое и другое приготовленіе, а не то, которое онъ получилъ. Преподобный Сергій отъ предложеній Митрополита Алексѣя и отъ просьбъ другихъ отказался. Кто нибудь другой долженъ былъ занять Митрополичій престолъ. Великій Князь хотѣлъ, чтобы этотъ кто-нибудь былъ ни кто иной, какъ умный его печатникъ — Митяй, отрекшійся отъ міра для той же цѣли. Но умный, краснорѣчивый печатникъ не выдержалъ той роли, которую приходилось ему играть. Привязанность Дмитрія Ивановича къ нему дала средства достигнуть высоты, — но на этой высотѣ нужно было держаться самому. Дѣятельность Митрополита по своей обширности и разнообразію не можетъ идти въ сравненіе съ дѣятельностію придворнаго. Митяй не былъ выдержанъ въ

такой школѣ, въ какой воспитался Святитель Алексѣй, а послѣдній прямо указалъ на это, т. е., что Митяю для такой дѣятельности, какую ему предназначаютъ, нужно поискуситься. Такъ говорилъ опытный человѣкъ, но его не послушалъ ни молодой Князь, ни его любимецъ — они хотѣли осуществить свою мысль.

12-го Февраля 1378 года скончался великій Святитель, заключивъ собою рядъ Русскихъ Митрополитовъ всея Руси отъ Кирилла, поставившихъ Русскую Церковь въ извѣстное положеніе; но со смертію послѣдняго изъ нихъ Русская Церковь какъ бы истощила свои силы и не могла выставить человѣка для занятія Митрополичьяго престола подобнаго имъ. Первымъ дѣломъ, въ Церкви, слѣдовавшимъ за смертію Алексѣя, было то, что Митяй, не будучи еще поставленъ въ Епископа, по совѣту Великаго Князя и бояръ, оставилъ Архимандрію и вошелъ на Митрополичій дворъ, присвоивъ себѣ всѣ принадлежности Митрополичьяго сана: возложилъ на себя бѣлый клобукъ, надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями и крестъ съ парамондомъ, взялъ посохъ и печать, во время служенія сталъ садиться на Митрополичьемъ мѣстѣ (горнемъ). При этомъ, какъ видно, былъ пущенъ въ ходъ слухъ, что все это дѣлать благословилъ его покойный Митрополитъ.[1] Такимъ образомъ Митяй самъ себя произвелъ въ Митрополиты; Митрополичьи бояре стали ему служить, отроки предстоять, и куда бы онъ ни пошелъ, послѣдніе ему предшествовали. Началъ Митяй и дѣлами всѣми заправлять: суды судить, дани, оброки и пошлины Митрополичьи сбирать; возсталъ онъ на многихъ священниковъ и другихъ лицъ, началъ ихъ осуждать и наказывать, многихъ людей сталъ въ вериги желѣзныя сажать и смирять со властію. Все покуда кругомъ молчало. Епископы, Архимандриты, Игумны, иноки и священники воздыхали, молили Бога, чтобы не далъ Онъ достигнуть Митяю Митрополичьяго сана на ихъ погибель; но сказать что либо подобное боялись, между тѣмъ какъ Митяй смѣло приступалъ ко всякимъ дѣламъ, и звучно и грозно раздавался его чистый голосъ въ приказаніяхъ и угрозахъ.

---

[1] Прав. Соб. 1860 г. т. 2 стр. 94.

Такъ началъ поступать Митяй, опираясь на силу покровителя. Но были люди, которые могли поставить нѣкоторое препятствіе быстрому его ходу. Такимъ человѣкомъ являлся во первыхъ Митрополитъ Кипріанъ: онъ былъ поставленъ Митрополитомъ не къ однимъ Западно-Русскимъ Епархіямъ, предполагалось, что онъ долженъ быть преемникомъ Митрополита Алексѣя; но при жизни Алексѣя онъ получилъ въ Москвѣ рѣшительный и суровый отказъ самъ же онъ, отъ назначенія своего, не думалъ отказываться. Послѣ отказа онъ отправился въ Кіевъ, занялся устроеніемъ своей паствы, которая во время правленія Алексѣя Митрополіей, вслѣдствіе различныхъ отношеній послѣдняго къ Литвѣ, впала въ сильное запустѣніе: въ подобныхъ занятіяхъ Митрополитъ Кипріанъ ожидалъ своего времени. Существованіе Кипріана, какъ Митрополита, и при его надеждахъ, представляло значительное препятствіе для цѣлей Митяя, и вотъ онъ отыскиваетъ средствъ достигнуть своей цѣли другимъ путемъ, а не тѣмъ, какимъ достигали ее прежде занимавшіе Митрополичій престолъ. Митяй сначала намѣревался отправиться въ Константинополь для поставленія въ Митрополиты, но потомъ раздумалъ, нашедши средства обойтись и безъ этого. Во время частыхъ разговоровъ съ Великимъ Княземъ, Митяй замѣтилъ: «читалъ я въ правилахъ Святыхъ Отцевъ, и нашелъ тамъ, что дозволительно двумъ или тремъ, а тѣмъ болѣе пяти или шести собравшимся Епископамъ поставлять Епископа, а также и Первосвятителя; такъ теперь да прикажетъ твоя держава поспѣшно собраться Епископамъ Русской земли, находящейся подъ твоей властію, и они, собравшись, пусть поставятъ меня по Епископа и Первосвятителя.» Подобная мысль, льстящая самолюбію могущаго это сдѣлать, была принята Великимъ Княземъ, бояре одобряли ее и даже со стороны выгоды, потому что этѣмъ можно обойти трату необходимую на путешествіе.[2]

---

[2] Тат. ч. 4, стр. 246. Въ лѣтописяхъ, гдѣ помѣщена повѣсть о Митяѣ, этотъ разговоръ относится ко времени на полтора года по смерти Митрополита Алексѣя; но мы ниже увидимъ изъ письма Митрополита Кипріана, что подобная мысль Митяя была и прежде извѣстна; по тому кажется лучше отнести не разговоръ, а приказанія собраться Епископамъ, ко времени обозначенному въ лѣтописяхъ.

Такъ думалъ Митяй обойти одно препятствіе для своей цѣли. Но Кипріанъ, поставленный Патріархомъ въ Митрополиты для всей Россіи, теперь не хотѣлъ уже что нибудь ждать, имѣя за собою право: онъ какъ только узналъ, что скончался Митрополитъ Алексѣй, отправился изъ Кіева въ Москву, гдѣ его совсѣмъ не желалъ видѣть Митяй, конечно, также и Великій Князь. По этому на дорогѣ изъ Кіева были высланы заставы, чтобы не пропускать Кипріана. Но для духовенства, узнавшаго, что такое есть Митяй и могшаго предполагать что́ еще онъ будетъ, сдѣлавшись настоящимъ Митрополитомъ, Кипріанъ, конечно, былъ пріятнѣе. Самъ же Кипріанъ зналъ уже по первому пріему, что его наврядъ ли желаютъ видѣть еще разъ въ Москвѣ, а теперь и слухи о заставахъ до него дошли, и вотъ мы видимъ, что онъ заискиваетъ у тѣхъ людей, которые имѣютъ громадное вліяніе на общество, вліяніе, добытое жизнію въ высшей степени нравственною. Изъ Любутска 3 Іюня 1378 г. Митрополитъ Кипріанъ написалъ письмо къ преподобному Сергію и его племяннику (сыну брата преподобнаго Стефана, извѣстнаго уже намъ, какъ Архимандрита Богоявленскаго Монастыря) Θеодору Игумену Симоновскому: «слышу объ васъ и вашей добродѣтели, что вы всѣ мірскія мудрованія отбрасываете и только печетесь объ исполненіи воли Божіей. По этому молю Бога, да сподобитъ насъ свидѣться и насладиться духовныхъ словесъ. Да будетъ вамъ вѣдомо: пріѣхалъ я въ Любутскъ, въ четвергъ, въ 3 день Іюня мѣсяца, а отсюда иду къ сыну своему, Князю Великому, въ Москву. Иду какъ Іосифъ, посланный къ братьямъ, миръ и благословеніе неся. Хотя нѣкоторые обо мнѣ другое говорятъ, я же святитель есмь, а не ратный человѣкъ; съ благословеніемъ иду, какъ и Господь, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, сказалъ имъ: «принимающій васъ — Меня принимаетъ». Вы же будьте готовы свидѣться со мной, гдѣ сами найдете удобнымъ; я же весьма желаю видѣть васъ и утѣшиться духовнымъ утѣшеніемъ». Митрополитъ Кипріанъ сравнилъ себя съ Іосифомъ, и дѣйствительно довольно подобное случилось съ нимъ въ Москвѣ. Въ другомъ письмѣ къ тѣмъ же лицамъ онъ описалъ, какъ его приняли: «Кипріанъ, милостію Божіею Митрополитъ всея Руси, честному старцу Игумену Сергію и Игумену Θеодору, и если кто иной единумудрствуетъ съ вами. Не утаилось отъ васъ и отъ всего ро-

да Христіянскаго того, что сдѣлалось надо мною и чего не бывало ни надъ однимъ Святителемъ, какъ стала Русская земля. Я Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго Св. Собора, благословеніемъ и ставленіемъ Вселенскаго Патріарха, поставленъ Митрополитомъ на всю Русскую землю — это вся вселенная знаетъ; по этому нынче поѣхалъ со всѣмъ чистосердечіемъ и доброхотѣніемъ къ Князю Великому, а онъ посланцевъ своихъ разослалъ, чтобы меня не пропускать, да еще заставы разставилъ, собравъ рати и воеводъ, предъ нами поставилъ, чтобъ всякое зло надъ нами сдѣлать и даже смерти насъ предать не милостиво научилъ и наказалъ имъ. Я же, берегши безчестіе и душу его, инымъ путемъ прошелъ, надѣясь на свое чистосердечіе и на свою любовь къ нему, къ его Княгинѣ и дѣтямъ его. Онъ же приставилъ надо мною мучителя проклятаго Никифора. Этотъ, ужъ не знаю, какое зло оставилъ, чтобы не сдѣлать надо мною? Хулы, наруганіе, насмѣшки, грабленіе, голодъ! Меня ночью заточилъ, нагого и голоднаго, и отъ той ночи студеной по сіе время страдаю. Надъ слугами же моими надъ многими, чего не дѣлали: отпустили ихъ на изморенныхъ лошадяхъ, безъ сѣделъ, въ уздахъ мочальныхъ, вывели ихъ изъ города, ограбленныхъ даже до сорочки и до исподняго платья и обуви, и сапоговъ и киверовъ не оставили на нихъ![3] И не нашлось въ Москвѣ никого, кто бы пожелалъ добра душѣ Великаго Князя и всей его отчинѣ? Ну еще міряне боятся Великаго Князя, по тому что жены и дѣти, стяжанія и богатства, берегутся чтобы все это не потерять! Но какъ же вы-то, от-

---

[3] Вѣроятно, на этотъ пріемъ и обиды намекаетъ Митрополитъ Кипріанъ, когда въ заключеніи житія Митрополита Петра разсказываетъ о томъ, какъ угодникъ Божій исцѣлилъ его отъ болѣзни, когда Кипріанъ обратился къ нему съ молитвой: «Азъ смиренный возведенъ быхъ на высокій престолъ Св. Митрополіи Русскія... но къ Русской земли пришедшу ми, мало нѣчто противно прилучило ми ся ради моихъ грѣховъ» (Ст. Кн. ч. 1 стр. 422). Что можно было говорить въ письмѣ къ Преподобному и даже съ цѣлію, чтобы это прочли многіе, но когда мало было надежды на успѣхъ; объ томъ лучше было молчать, и развѣ только намекать, при необходимости, въ то время, когда писалъ Митрополитъ Кипріанъ житіе Митрополита Петра; можетъ быть поэтому же самому и въ лѣтопись не занесено извѣстіе объ этомъ пріѣздѣ: Кипріанъ самъ былъ въ числѣ главныхъ лѣтописцевъ.

рекшіеся отъ міра и живущіе въ мірѣ ради одного Бога, какъ же вы-то, видя такую злобу, молчали? Растерзали бы ризы свои, говорили бы предъ Царями не стыдяся: если бы послушали васъ, добро вамъ; если бы убили, то вы святые. Не знаете развѣ, что грѣхъ мірской на Князя, а Княжескій на людей падаетъ? Какъ же молчаніемъ прошли, видя святое мѣсто поруганнымъ. Такъ-то почитаетъ Князь Митрополію и гробы святыхъ Митрополитовъ? Или нѣтъ никого читающаго Божественныя правила? Не знаете развѣ, что въ нихъ написано?. Что не подобаетъ Святительство брату или сыну, или иному сроднику даровать и на Святительское достояніе поставлять кого захотятъ. И если что будетъ таковое сдѣлано, то сотворенному быть разрушену, правила повелѣваютъ, сотворившій же отлученъ да будетъ». Это, какъ мы видимъ, говорится о Митяѣ. Далѣе Митрополитъ Кипріанъ излагаетъ, на основаніи правилъ церковныхъ, опроверженіе желанія Митяя быть поставленнымъ соборомъ Русскихъ Епископовъ: «Епископовъ соборомъ поставлять повелѣно.. но по правиламъ... и нѣтъ ничего хуже, если Божественныя дарованія купленіемъ себѣ пріобрѣтать, мздою или силою Княжескою; таковое прегрѣшеніе не прощается... какъ же у васъ на Митрополичьемъ мѣстѣ стоитъ чернецъ, въ мантіи Святительской и въ клобукѣ, и парамандъ Святительскій на немъ, и посохъ въ рукахъ? И гдѣ же такое безчиніе и злое дѣло слыхано?— Ни въ какихъ книгахъ. Если мой братъ преставился: я Святитель на его мѣстѣ, моя есть Митрополія. Нельзя ему наслѣдника оставлять по своей смерти. Когда слышалося: прежде поставленія возлагать на кого либо Святительскія одежды, ихъ же нельзя никому иному носить, но только Святителямъ однимъ! Какъ же смѣетъ стоять на Святительскомъ мѣстѣ? Не боится ли казни Божіей? Не страшно ли то, что онъ дѣлаетъ: садится во святомъ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ. Повѣрьте, братія, лучше бы ему не родиться.. А что клеплютъ Митрополита брата нашего, что онъ благословилъ на всѣ такія дѣла, то это ложь. Развѣ утаилось отъ насъ, какъ учинилось по смерти Митрополичьей? Видѣлъ грамоту, что написалъ Митрополитъ умирая, а та грамота будетъ съ нами на великомъ соборѣ.» За симъ въ письмѣ опять, какъ и въ началѣ, идетъ рядъ оправданій Митрополита Кипріана, что онъ ничего не сдѣлалъ дурнаго Великому Князю. Эти оправданія любопытны тѣмъ, что въ Москвѣ

враги его указывали, какъ видно, на то, что онъ поставленъ по требованіямъ Литовскаго Великаго Князя и по этому долженъ быть крайнимъ его сторонникомъ: «Да будетъ извѣстно вамъ, что какъ выѣхалъ я на Кіевъ... не вышло изъ моихъ устъ ни слова на Великаго Князя Димитрія, ни до поставленія, ни по поставленіи, ни на его Княгиню, ни на его бояръ; не заключалъ я ни съ кѣмъ договора, чтобы добра хотѣлось иному, болѣе, чѣмъ ему, ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ; нѣтъ моей вины предъ нимъ, но молилъ Бога объ немъ, о его Княгинѣ и о его дѣтяхъ; любилъ отъ всего сердца, и добра хотѣлъ ему и всей его отчинѣ. если же слышалъ кого замышляющаго на него лихо, ненавидѣлъ того. А когда гдѣ приходилось служить соборомъ, то приказывалъ сначала пѣть ему многолѣтіе, а потомъ другимъ. Если кого находилъ отведеннаго въ плѣнъ изъ его отчины, на сколько средствъ моихъ хватало, добывалъ отъ поганыхъ и отпускалъ. Кашинцевъ нашелъ въ Литвѣ, сидящихъ два года въ погребѣ, то ради Княгини Великой выручилъ ихъ какъ могъ, лошадей далъ подъ нихъ и отпустилъ къ зятю ея, Князю Кашинскому.... Я къ нему ѣхалъ благословить его и Княгиню его, и бояръ, и отчину его, и жить съ нимъ въ своей Митрополіи, какъ жили и моя братія съ отцомъ и съ дѣдомъ его, Князьями Великими, а еще и дарами честными хотѣлъ его дарить. Винитъ онъ меня въ томъ, что я былъ въ Литвѣ первое: какое же лихо я сдѣлалъ ему, бывши тамъ? Ни кто не скажетъ, что я ложь говорю. Если я былъ въ Литвѣ, то я тамъ много Христіянъ отъ горькаго плѣненія освободилъ, многіе незнавшіе Бога чрезъ насъ познали истиннаго Бога и къ Православной Вѣрѣ святымъ крещеніемъ пришли. Я тамъ церкви святыя ставилъ, Христіянство утверждалъ, мѣста церковныя запустѣвшія давно оправилъ и возвратилъ къ Митрополіи всея Руси. Новый-городокъ Литовскій давно отпалъ, и я его оправилъ, и десятину и села къ Митрополіи возвратилъ. Волынскую землю также устроилъ; Владимірская Епископія сколько времени была безъ Владыки запустѣвшею, и я Владыку поставилъ и мѣста всѣ исправилъ. Нынѣ же, Божіею помощію, нашимъ трудомъ церковное дѣло исправилось и слѣдовало бы Великому Князю насъ радостію принять, по тому что въ этомъ ему большая честь. Я хочу отпавшія мѣста возвращать къ Митрополіи, чтобы

до вѣка такъ стояло, на честь и величіе Митрополіи; Князь же Великій хочетъ двоить Митрополію. Какое же величіе будетъ ему отъ такого намѣренія?» Защитивъ такимъ образомъ въ письмѣ себя, Митрополитъ Кипріанъ начинаетъ опять разсказъ объ обидахъ себѣ, гдѣ сообщаетъ дальнѣйшія подробности ихъ и въ заключеніе говоритъ о томъ, что подобное дѣло такъ нельзя оставить. Вотъ этотъ разсказъ и угрозы обиженнаго святителя: «Какая вина моя есть предъ Великимъ Княземъ? Да если бы и была какая, то не годится Князьямъ казнить Святителей: есть Патріархъ, главный надъ нами, есть Великій Соборъ и онъ бы туда послалъ мои вины и они съ исправою меня казнили. А то нынѣ меня безъ вины обезчестилъ и пограбилъ... Такъ-то воздалъ мнѣ Князь Великій за мою любовь и доброхотѣніе... заперли меня въ уединенной клети, за сторожами, такъ что и до церкви не имѣлъ выхода; а потомъ на другой день, какъ смерклось, пришедши, вывели меня, не сказали куда ведутъ, на убіеніе или на потопленіе. А тутъ еще больше безчестія: меня вели, а сторожа и проклятый Никифоръ воевода въ одеждахъ моихъ слугъ, на ихъ коняхъ и сѣдлахъ ѣхали... хулили Патріарха, Царя и соборъ великій; Патріарха Литвиномъ называли, также Царя и Вселенскій Соборъ. А понеже такое безчестіе возложили на меня и мое Святительство; то отъ благодати, данныя мнѣ отъ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, по правиламъ Святыхъ Отецъ и Божественныхъ Апостоловъ, тѣ, которые причастны моему иманію, запиранію, безчестію, хуленію, тѣ, которые объ этомъ совѣтъ совѣщали, да будутъ прокляты и не благословенны отъ меня, Кипріана, Митрополита всея Руси,... а кто покусится сію грамоту сжечь, или утаить, и тотъ таковъ. Вы же, честные старцы и Игумены, отпишите мнѣ скорѣе, дабы ваша грамота меня догнала что думаете, по тому что здѣсь я васъ не благословилъ. А къ Царюграду ѣду обороняться Богомъ, Святымъ Патріархомъ и Великимъ Соборомъ; тѣ надѣются на куны и на иностранныхъ ростовщиковъ, я же надѣюсь на Бога и свою правду... мнѣ ихъ безчестіе въ большую честь послужило по всей землѣ и въ Царьградѣ.» Оскорбленный до того, что по порядку не можетъ перечитать обиды, Митрополитъ Кипріанъ былъ не правъ въ сомнѣніяхъ, какъ бы относимыхъ имъ къ людямъ, на которыхъ надѣялся, какъ на такихъ, которые ни за что не рѣшатся идти

противъ правды. По этому самъ онъ, отъ 18 Октября 1378 года, писалъ изъ Кіева, посылая благословеніе преподобному Сергію и его племяннику, что «какое они смиреніе и повиновеніе и любовь имѣютъ къ Святой Божіей Церкви и къ нашему смиренію, все позналъ отъ словъ вашихъ. Какъ вы повинуетесь, такъ и крѣпитесь. Я же славы не ищу и ни богатства: но Митрополію свою, которую мнѣ предала Святая Божія Великая Церковь и смиренія и соединенія церковнаго желаю и Христіянскаго. А кто насъ не восхотѣлъ, тѣ потомъ познаютъ истину. А я непремѣнно ѣду къ Царюграду, а предъ собою вѣсти послалъ уже. А вы, сынове, не тужите, молите Господа Бога, да сподобитъ насъ видѣться, и тогда утѣшимся веселіемъ духовнымъ». [5]

Такимъ образомъ мы видимъ, что ни преимущества, даваемыя Митрополитомъ Кипріаномъ Московскому Князю, въ пѣніи многолѣтія, ни выкупъ Кашинцевъ изъ плѣну, ни честные дары не послужили Митрополиту въ пользу; въ Москвѣ сильные люди не хотѣли его видѣть, и Великій Князь допустилъ Митяю сдѣлать надъ соперникомъ то, чего никогда не бывало на Руси, до того времени, надъ Первосвятителями. Подробности въ исполненія этого дѣла смѣло можно отнести къ Митяю, какъ дѣло рукъ его. Но Митяй, задавъ страха сопернику, въ лицѣ Кипріана, самъ поругалъ тотъ санъ, который желалъ достигнуть лично. Онъ забылъ, что по первому примѣру могутъ и другіе точно также дѣлать, пожалуй, и съ нимъ, и если не въ погребъ посадятъ, по тому что не имѣютъ силы, такъ могутъ что нибудь подобное сдѣлать. Но Митяй принадлежалъ къ лицамъ, живущимъ однимъ сегоднешнимъ днемъ; даже тотъ примѣръ, что при Алексѣѣ Митрополитѣ того же Кипріана выпроводили изъ Москвы безъ скандала, ему не послужилъ въ пользу.

Но для насъ особенно важенъ не столько характеръ послѣдняго дѣла съ Митрополитомъ Кипріаномъ, — онъ самъ виденъ и характеризуетъ хорошо всѣхъ участвующихъ и самую эпоху, сколько общее направленіе дѣла. По этому нѣсколько остановим-

---

[5] Письма Митрополита Кипріана къ преподобному Сергію см. Прав. Соб. 1860 г. т. 2 стр. 84 — 104.

ся здѣсь. Митрополитъ Кипріанъ, услышавъ о смерти Алексѣя, какъ назначенный быть его преемникомъ, тотчасъ же ѣдетъ въ Москву. Ему еще въ 1376 году уже разъ отказали, теперь же онъ знаетъ напередъ, что его въ Москвѣ совсѣмъ не желаютъ видѣть, и наконецъ не только что слухи дурные распускаютъ, но очень дѣйствительныя доказательства есть на лицо: заставы на дорогахъ и, если только правда, то приказаніе убить. Но Кипріанъ Митрополитъ все таки ѣдетъ. За чѣмъ?.. Онъ могъ бы остаться въ Кіевѣ: Кіевъ главный городъ Митрополіи. Смуты въ Литвѣ, начавшіяся послѣ смерти Ольгерда, не служатъ ему оправданіемъ: Митрополитъ долженъ управлять паствой, а по своей обязанности, какъ лица духовнаго, умирять мірскія смуты. Соперничество Митяя съ одной стороны отталкивало его отъ Москвы, а съ другой не служитъ оправданіемъ: на сторонѣ Митрополита Кипріана правда, а правда должна, такъ или иначе, въ заключеніе всплыть наверхъ. Если Митрополиты Кириллъ, Максимъ, Петръ, Θеогностъ и Алексѣй жили большею частію на Сѣверѣ Россіи, а послѣдніе три въ Москвѣ, то и это не оправданіе: они жили, соображаясь съ обстоятельствами, по удобству, и все таки считали Кіевъ своею столицею. Кажется, что бы еще могло тянуть Кипріана въ Москву: не Угодники же Божіи, чему хотѣли приписать переѣздъ въ Москву Митрополита Петра, ихъ было такъ много въ Святомъ градѣ Кіевѣ; по этому все отталкивало Кипріана въ Кіевъ отъ Москвы. Но вспомнимъ о характерѣ и основной мысли, лежащей въ учрежденіи церковной іерархіи Восточной Церкви, какъ учрежденія Государственнаго, гдѣ начальникъ Церкви не можетъ иначе существовать и жить, какъ близко въ связи и подчиненіи свѣтской власти, то этѣмъ просто объяснится опасное путешествіе Кипріана въ Москву. Въ Литвѣ и вообще-то мало было похожаго на Государство, а смуты и это послѣднее малое уничтожали; за то въ Москвѣ все противоположное: ради того, что Государство въ ней зарождалось, здѣсь стали жить Митрополиты, и сила Дмитрія Ивановича предъ Куликовской битвой была такъ блестяща, что если бы излишній блескъ былъ дѣйствительностію, то смѣло бы можно было назвать Московское Великое Княжество Государствомъ. Вотъ, почему съ опасностію жизни, окольными дорогами, ѣдетъ Митрополитъ Кипріанъ въ Москву. Дѣло Митрополита Петра руками Але-

ксѣя окрѣпло вполнѣ. И какъ бы нарочно въ доказательство ложнаго государственнаго блеска Кипріанъ вытерпѣлъ на себѣ то, что приходилось терпѣть начальникамъ Церкви въ государствѣ Греческомъ, когда они непріятны были Государю.

Но обратимся теперь къ дальнѣйшему изложенію событій смуты церковной. Митяй отдѣлался отъ одного соперника и сорвалъ на немъ свое зло. Митрополитъ Кипріанъ, огорченный пріѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда собрался ѣхать въ Константинополь искать справедливости. Но тамъ въ это время происходила такая же исторія: Императорская власть показывала свою силу надъ церковною іерархіей, смѣняя Патріарховъ по своему благому усмотрѣнію.[6] Тамъ Митрополитъ Кипріанъ пробылъ 13 мѣсяцевъ, и потомъ пріѣхалъ въ Кіевъ, какъ видно, не отыскавъ правды. Причина этому простая: ниже увидимъ, что въ Константинополѣ по этой части, да и вообще, играетъ главную роль сила и деньги, чего не было у Кипріана.

Наступилъ 1379 годъ, а Митяй все еще не былъ поставленъ въ Митрополиты, хотя по прежнему управлялъ дѣлами Митрополіи. Выше приведены слова, которыя онъ говорилъ Дмитрію Ивановичу о томъ, чтобы послѣдній приказалъ собраться Епископамъ для поставленія его. Вѣроятно, Митяй напоминалъ о своей мысли Великому Князю и послѣдній приказалъ, чтобъ по желанію его было исполнено. Епископы начали съѣзжаться въ Москву и по пріѣздѣ явились къ Митяю и принимали отъ него благословеніе. Но когда пріѣхалъ Діонисій, Епископъ Суздальскій, счастливый ходъ дѣла повернулся въ дурную сторону. Діонисій не поѣхалъ благословляться къ Митяю, негодуя на него, а къ Великому Князю обратился съ слѣдующими словами: «кто это научилъ тебя извращать законы; этому дѣлу такъ не быть, а должно Митяю принять благословеніе отъ Патріарха, по древнему чину». Подобными рѣчами Діонисій остановилъ въ началѣ предпріятіе Митяево. Митяй, осрамленный тѣмъ, что его желаніе признано бездѣльнымъ, восколебался гнѣвомъ на не во время явившагося обличителя. Къ развитію ссоры явились пособники: дурные лю-

---

[6] См. объ этомъ Приб. къ Тв. Св. Отц. г. 6, въ статьѣ о Митр. Кипріанѣ, прим. 3; Ст. Кн. ч. 1, стр. 422—424.

ди начали наговаривать Митяю на Діонисія, а Діонисію на Митяя. Нареченный Митрополитъ нашелъ Діонисія виновнымъ предъ собою; посланный отъ него явился къ Суздальскому Епископу съ слѣдующими словами: «по чему это Епископъ, пришедши въ городъ, не явился ко мнѣ прежде всѣхъ поклониться и принять благословеніе: этѣмъ вмѣсто чести небреженіе ко мнѣ выказалъ, какъ къ человѣку ничтожному; развѣ онъ не знаетъ, что я имѣю власть надъ нимъ и надъ всей Митрополіей». Діонисій тотчасъ отправился къ Митяю и, пришедши, сказалъ: «прислалъ ты ко мнѣ съ рѣчами, что власть имѣешь надо мною. Надо мною ты не имѣешь ни какой власти; а тебѣ бы слѣдовало явиться ко мнѣ, принять благословеніе и поклониться: я Епископъ, а ты попъ. Если имѣешь власть во всей Митрополіи въ правду судить, такъ суди по правдѣ; но скажи намъ истинно, по свидѣтельству Божественныхъ писаній: кто больше Епископъ или попъ?» Митяй на этѣ слова отвѣчалъ: «ты меня попомъ называешь, но я Архимандритъ и нареченъ Митрополитомъ; такъ знай же, что я тебя превращу хуже чѣмъ въ попа, а скрижали твои своими руками спорю; но не нынче тебѣ мщу, а вотъ погоди, когда приду изъ Царяграда отъ Патріарха.» Послѣ этѣхъ словъ много было между ними брани и споровъ. Узнавъ объ этомъ Великій Князь сталъ сердиться на Епископа Діонисія.

Такъ тянулось время цѣлыхъ полтора года. Діонисій послѣ споровъ съ Митяемъ задумалъ ѣхать въ Царьградъ, «желая самого себя видѣть на Митрополичьемъ столѣ», говоритъ лѣтописецъ. Эта мысль Діонисія не укрылась отъ Митяя; послѣдній сказалъ объ этомъ Великому Князю и просилъ его, чтобы онъ запретилъ Діонисію идти въ Царьградъ, да не сдѣлаетъ ему, Митяю, препятствія къ поставленію.

Великій Князь положительно запретилъ Діонисію ходить къ Царюграду до тѣхъ поръ, пока Митяй возвратится оттуда Митрополитомъ; а для предосторожности Дмитрій Ивановичъ приказалъ самого Діонисія силою удерживать. По этому приказанію Діонисія держали за стражею; но онъ перехитрилъ Великаго Князя, которому такъ началъ говорить: «освободи и отпусти меня по своей волѣ жить, я ужь къ Царюграду безъ твоего слова не пойду, и во всемъ этомъ ставлю поручникомъ преподобнаго Игумена

Сергія Радонежскаго.» Великій Князь внялъ его моленіямъ, повѣрилъ его словамъ, и, устыдившись поручника, отпустилъ Діонисія на томъ словѣ, что не ходить ему въ Царьградъ безъ разрѣшенія Великаго Князя и ждать до времени (до году), пока Митяй будетъ Митрополитомъ. Митяй не вѣрилъ ни Епископу Діонисію, ни преподобному Сергію На Преподобнаго, кромѣ того какъ на поручника Діонисіева, Митяй сердился и за то, что думалъ, будто онъ совѣтовалъ покойному Митрополиту Алексѣю не благословлять его, Митяя, по себѣ на Митрополію Русскую; еще Митяй думалъ, что и теперь преподобный Сергій самъ хочетъ быть Митрополитомъ. [1] Подобнымъ подозрѣніямъ давало пищу и то, что многіе упрашивали Преподобнаго послѣ смерти Митрополита Алексѣя занять Митрополичій престолъ; а хотя святой старецъ и отказывался, но для Митяя это было достаточно и онъ сталъ думать, что преподобный Сергій, соединившись съ Діонисіемъ въ единомысліи не хотятъ поставленія его въ Митрополиты. На основаніи всего этого Митяй сильно негодовалъ на обоихъ и грозился на нихъ. Узнавъ это Преподобный говорилъ: «Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяя исполнить свою похвальбу: раззорить сіе мѣсто святое и изгнать насъ безъ вины » Но гнѣвъ Митяя долженъ былъ еще болѣе увеличиться, когда Діонисій, пріѣхавши въ свою Епископію, Суздаль, а оттуда въ Нижній Новгородъ, не подождавши даже недѣли, поспѣшно отправился изъ Нижняго Новгорода въ судахъ Волгою къ Сараю, а оттуда къ Царюграду. Измѣнилъ Діонисій своему обѣщанію и поручника своего преподобнаго Сергія выдалъ. Плохо бы пришлось послѣднему, если бы онъ не стоялъ по своей нравственности такъ высоко, что въ обманѣ его подозрѣвать могли только люди, подобные Митяю.

Это бѣгство ввело въ смущеніе и печаль Великаго Князя, а Митяй кипѣлъ гнѣвомъ на обманъ, оправдывалъ себя и еще больше винилъ и поносилъ Діонисія; но самъ сталъ сбираться въ Константинополь; Князь же Великій понуждалъ его къ путешествію. Митяй зналъ, что Дмитрій Ивановичъ любилъ его и съ удовольствіемъ всегда слушалъ, по этому когда онъ совсѣмъ собрался

---

[1] Ст. Кн. ч 1, стр. 458.

въ путь, то рѣшился просить у Великаго Князя сверхъ мѣры всякаго прошенія: онъ сталъ говорить: «если милость твоя будетъ ко мнѣ, то дай мнѣ хартіи не написанныя, но подписанныя и запечатанныя твоею печатью, Великаго Князя, да возьму ихъ съ собою на запасъ; и когда мнѣ надобно будетъ занять серебра тысячу или сколько нужно будетъ по оскудѣнію и нуждѣ, то и напишу на нихъ.» Великій Князь сдѣлалъ по его прошенію, и, отдавая ему таковыя хартіи, говорилъ: «возьми ихъ: когда что тебѣ будетъ надобно, или потребуется занять у кого тысячу серебра или больше, то тебѣ будутъ для этого онѣ, какъ кабала за моею печатью.» Получивъ все желанное, Митяй отправился къ Царюграду сухимъ путемъ; въ это же время и Діонисій ѣхалъ Волгою къ Сараю.

Путешествіе началось лѣтомъ 1379 года. Митяй отправился изъ Москвы въ Коломну; изъ Коломны, перевезясь за Оку 26 Іюля, поѣхалъ въ Рязань. Изъ Москвы провожали Митяя съ великою честію и славою: самъ Великій Князь съ своими дѣтьми и боярами, всѣ Русскіе Епископы, Архимандриты, Игумены, Священники, иноки, купцы и множество народа провожали его далеко. Митяя сопровождала великолѣпная свита: въ ней были три Архимандрита: первый былъ Архимандритъ Петровскій, Іоаннъ, первый установитель общаго житія въ Москвѣ; второй Пименъ, Архимандритъ Переяславскій съ Горицъ, и третій Архимандритъ Мартьянъ, Коломенскій; кромѣ того, ѣхало съ нимъ множество духовенства, ѣхали клирошане Владимірскіе, люди дворовые и слуги лучшіе Митрополичьи, казна и ризница Митрополичья, бояре и толмачи; также ѣхали съ нимъ бояре Великаго Князя, изъ которыхъ Юрію Васильевичу Кочевину-Олешинскому, какъ большему боярину, приказано было старѣйшинство, и былъ полкъ Митяя весьма великъ. Митяй съ этой громадной свитой прошелъ съ миромъ чрезъ землю Рязанскую и вступилъ въ степь, въ мѣста Половецкія — въ предѣлы Татарскіе. Когда проходили Орду, то Митяй со всею свитою былъ остановленъ Мамаемъ, который, продержавъ ихъ у себя не много времени, отпустилъ съ миромъ и тихостію. Во время бытности своей въ Ордѣ, Митяй получилъ ярлыкъ, какъ Митрополитъ, отъ Хана Атюляка, по мысли дяди-

ной, Мамая.[8] Въ основанiи этого ярлыка лежатъ прежнiе ярлыки, Митрополитамъ данные, и онъ имѣетъ съ ними совершенно тотъ же характеръ: признанiе Монголами свободы всѣхъ вѣроисповѣданiй и уваженiе ко всѣмъ представителямъ духовенства. Митяй изъ Орды отправился съ своимъ полкомъ, двинулся чрезъ земли Татарскiя къ морю Кафинскому, до котораго Мамай приказалъ своимъ проводить Митяя. Здѣсь сѣли въ корабли и на нихъ благополучно переплыли море. Путешественникамъ былъ уже видѣнъ Константинополь, цѣль путешествiя и средство къ дальнѣйшей дѣятельности Митяя. Что думалъ въ этѣ минуты Митяй? Онъ могъ смѣло смѣяться теперь надъ тѣми, которые тамъ, въ далекой родинѣ, въ Москвѣ, его не любили, хотѣли законными средствами остановить его незаконныя дѣла. Вотъ видѣнъ городъ, гдѣ дадутъ ему санъ, при которомъ не такъ легко будетъ срамить и стыдить его; онъ будетъ начальникъ неограниченный надъ тѣми, которые были выше его саномъ, гордились предъ нимъ и сами поступали въ заключенiе незаконно; будетъ онъ начальникъ и надъ тѣми, которые своимъ личнымъ авторитетомъ имѣли влiянiе на всѣ дѣла; всѣхъ онъ смиритъ и подчинитъ себѣ, пожалуй, и тѣхъ, если удастся, которые по слѣпой своей къ нему привязанности были его покровителями и опорою во всѣхъ дѣлахъ, и все пойдетъ, какъ онъ захочетъ; ума ему для этого не искать: умѣлъ же онъ добиться одной цѣли, — сумѣетъ, можно полагать, добиться и другой. Кипрiанъ въ Константинополѣ не препятствiе: у того денегъ нѣтъ такихъ, какiя у него, Митяя. Но Митяй вдругъ разболѣлся такъ, что почувствовалъ близость смертнаго часа и скоро умеръ, и не сбылась его мысль — быть ему на Руси Митрополитомъ, восклицаетъ лѣтописецъ. Задумывается лѣтописецъ надъ концемъ такой блестящей карьеры и съ удивленiемъ записываетъ разсказы очевидцевъ изъ свиты Митяя, также пораженныхъ такою трагическою смертiю своего начальника. Спутники Митяя разсказывали, что когда начальникъ ихъ разболѣлся, тогда корабль, на которомъ онъ былъ, остановился и не подвигался ни въ одну сторону, какъ будто бы тотъ корабль, который остановился ради Про-

[8] О дост. Хан. ярл. Григорьева стр. 73—76 и 121.

рока Іоны, а всѣ другіе корабли объѣзжали его со всѣхъ сторонъ: послѣ же смерти Митяевой, когда его тѣло было снято съ корабля, то корабль могъ двигаться, куда бы ни пожелали. «Этѣмъ всѣмъ, говоритъ лѣтописецъ, Богъ преславное явленіе показалъ неизреченными своими судьбами, какъ Апостолъ говоритъ: «никто же возьметъ честь отъ себя, но званный отъ Бога.» Этого, вышереченнаго Митяя, не хотѣлъ никто видѣть на Митрополіи: Епископы же и Игумены, и Пресвитеры, и весь священническій чинъ и монахи, всѣ молили Бога о томъ, да не допуститъ онъ Митяю быть въ Митрополитахъ, но одинъ только Великій Князь хотѣлъ видѣть его въ этомъ чину. Тотъ же, надѣясь на любовь Княжескую, всѣми другими пренебрегалъ; если онъ и книги хорошо зналъ, но не вспомнилъ пророка глаголющаго: «не надѣйтесь на Князей и сыновъ человѣческихъ, въ нихъ нѣтъ спасенія!» И тому подобными словами заключаетъ лѣтописецъ свою повѣсть о Митяѣ, для котораго онъ взялъ на себя трудъ подробно изложить всѣ его дѣла, какъ рѣзко выдающіяся изъ общаго хода ихъ.

Но если задумался лѣтописецъ при описаніи кончины Митяя, то на главныхъ его спутниковъ она, какъ видно, мало произвела вліянія, и ихъ ни чуть не поразило страшное напоминаніе о ничтожности земнаго величія. Спутники Митяя положили его тѣло въ гробъ, съ корабля перенесли въ малое судно, на которомъ перевезли его въ предмѣстье Константинополя, въ Галату, гдѣ и погребли, но между собою подняли смуту, восколебались всѣ, точно пьяные, всякая ихъ мудрость пропала: распря и разногласіе между ними были о томъ, что дѣлать? Одни захотѣли, чтобъ Митрополитомъ былъ Іоаннъ, Архимандритъ Петровскій, другіе желали Пимена Переяславскаго; бояре были за Пимена, и наконецъ всѣ оставили Іоанна и рѣшили, чтобъ быть Митрополитомъ Пимену. Тогда Іоаннъ вознегодовалъ и сказалъ всѣмъ: «я не обинуясь буду говорить на васъ, что не истинствуете, но ложь говорите и дѣлаете; сотворили вы неправду предъ Богомъ и Великимъ Княземъ.» Тогда всѣ стали искать удобнаго времени, какъ погубить Іоанна и совѣтъ сотворили о томъ. Іоаннъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ имъ: «изначала неистинствуете, какъ же такое зло не боитесь сдѣлать?» Тогда Іоанна

взяли, посадили въ желѣзныя вереги, голодомъ морили и хотѣли бросить въ море. Все это было Іоанну Архимандриту Петровскому, «изящну и нарочиту мужу, и зѣло добродѣтельну» за то, что онъ не былъ въ единомысліи съ Пименомъ. Послѣ бояре отдумали убивать Іоанна, а наконецъ и самая злоба на него утишилась. Таково было первое дѣло между бывшими спутниками Митяя.

Пименъ съ боярами, осматривая ризницу и казну Митяя, нашли тамъ вышесказанныя хартіи, не написанныя, но имѣвшія подпись и печать Великаго Князя. Пименъ, по совѣту съ своими совѣтниками, рѣшился написать на одной изъ нихъ грамоту слѣдующаго содержанія: «отъ Великаго Князя Русскаго къ Царю и Патріарху Цареградскимъ. Послалъ къ вамъ, избравъ въ своей землѣ Архимандрита Пимена, мужа честна, да поставите его на Русь Митрополитомъ; его одного избрали на Руси, кромѣ его инаго не нашли.» Эта грамота была явлена предъ всѣмъ Священнымъ Соборомъ и Императоромъ. Патріархъ и Императоръ прочли и сказали по этому случаю: «для чего это такъ пишетъ Великій Князь Русскій о Пименѣ? Есть уже на Руси готовый Митрополитъ Кипріанъ, давно поставленный, еще прежде сего, Преосвященнымъ Филофеемъ, Патріархомъ Вселенскимъ, этого-то и отпускаемъ на Русь; кромѣ его инаго не думаемъ поставлять.» [9] Тогда Русскіе назанимали, кабалами Великаго Князя, у Итальян-

[9] Изъ словъ «его и отпускаемъ» мы можемъ видѣть, что въ это время Митрополитъ Кипріанъ былъ въ Константинополѣ. Въ концѣ житія Митрополита Петра Кипріанъ говоритъ, что пробылъ въ Константинополѣ 13 мѣсяцевъ. Теперь, должно быть былъ, конецъ 1379 года, а въ срединѣ Октября мы видѣли, по письму къ преподобному Сергію, что онъ былъ еще въ Кіевѣ. Такимъ образомъ Кипріанъ долженъ былъ выѣхать изъ Константинополя въ началѣ 1380 года: къ этому его могло побудить особенно то, что Пименъ обманщикъ и посредствомъ денегъ достигаетъ своей цѣли въ Константинополѣ, а на его указанія ни Патріархъ, ни Императоръ не обращаютъ вниманія а только употребляютъ ихъ, какъ средство выторговать деньги, какъ увидимъ ниже; уѣхалъ и, очень можетъ быть, первый принесъ на Русь извѣстіе о смерти Митяя и обманѣ Пимена и всѣмъ этѣмъ выигралъ свое дѣло. Эти предположенія дѣлаются на томъ основаніи, что лѣтописецъ какъ бы предполагаетъ главныя событія извѣстными, и по этому дѣлаетъ на нихъ только намеки.

скихъ и Восточныхъ купцовъ въ ростъ денегъ; и ростетъ тотъ долгъ и до сего дни, говоритъ лѣтописецъ, его же больше 20,000 гривенъ серебра.[10] Добывъ денегъ, насулили посулы многiе, раздавали ихъ всюду, а помнковъ и даровъ, захваченныхъ изъ Москвы отъ Великаго Князя и изъ дому Митрополичьяго, никто не можетъ пересчитать и пересказать сколько; такъ что едва могли удовлетворить всѣхъ и купить Митрополiю Пимену. Императоръ и Патрiархъ начали испытывать Пимена и бывшихъ съ нимъ, и послѣ многихъ распросовъ рѣшили поставить Пимена въ Митрополиты на Русь,[11] при чемъ было сказано: «вы, Русскiе, правду или неправду говорите, но мы истинствуемъ и правду говоримъ и дѣлаемъ, и вѣримъ вамъ.» Послѣ этого Патрiархомъ Ниломъ Пименъ былъ поставленъ въ Митрополиты Кiевскiя и Великой Россiи, а Кипрiанъ признанъ былъ Митрополитомъ Малой Россiи и Литвы, и то по снисхожденiю: «такъ какъ прежде былъ рукоположенъ обманомъ, ради угрозъ Литовскихъ Князей».[12]

Достигла вѣсть до Великаго Князя, что его Митяй скоропостижно умеръ на морѣ, близъ Царяграда, а Пименъ сталъ Митрополитомъ. При этомъ носились слухи, и одни говорили, что Митяя задушили, другiе, что его морскою водою уморили; потому что никто въ Россiи не хотѣлъ видѣть Митяя въ Митрополитахъ, но одинъ только Великiй Князь хотѣлъ. Тогда Дмитрiй Ивановичъ, глубоко опечаленный и оскорбленный извѣстiемъ о Митяевой смерти, не захотѣлъ принять Пимена. «Я не посылалъ Пимена ставиться на Митрополiю,» говорилъ Великiй Князь, «а послалъ его, какъ одного изъ служащихъ Митяю: что же такое сдѣлалось съ Митяемъ и какъ онъ умеръ, — не знаю; Богъ знаетъ и судитъ неправды, которыя я слышу; но Пимена не принимаю и видѣть не хочу.»

Пименъ со всѣми своими служащими еще медлилъ въ Константинополѣ, между тѣмъ какъ Великiй Князь послалъ въ Кiевъ

---

[10] Ник. Лѣт. ч. 4 стр. 76, а у Тат. час. 4 стр. 251 сказано 2000.

[11] У Татищева ч. 4 стр. 251. «Тогда Царь и Патрiархъ сице по многомъ стяжанiи изволиша поставить Пимена Митрополитомъ на Русь».

[12] См. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 155.

отца своего духовнаго, Симоновскаго Игумена, Феодора, уже извѣстнаго намъ по связямъ его съ Кипріаномъ, къ Митрополиту Кипріану, зовя его къ себѣ на Москву. Феодоръ и посланные съ нимъ поѣхали въ Кіевъ на великое говѣнье. По приглашенію Митрополитъ отправился изъ Кіева и пріѣхалъ въ Москву на шестой недѣлѣ по Пасхѣ, въ самый праздникъ Вознесенія Христова, 23 Мая 1380 года. Встрѣчали его торжественно: вездѣ по дорогѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ, въ селахъ и городахъ звонили въ колокола; множество народу сходилось со всѣхъ сторонъ на встрѣчу ему; духовенство: Архимандриты, Игумны, Священники и Иноки были тутъ. Въ день въѣзда его въ Москву звонъ городскихъ колоколъ носился въ воздухѣ; все Московское населеніе: мужчины женщины, дѣти, матери съ грудными младенцами, все это вышло на встрѣчу Святителя. Великій Князь съ дѣтьми и со всѣми своими боярами вышелъ далеко за городъ, встрѣтилъ Митрополита съ честію, любовію, вѣрою и смиреніемъ. Послѣ этого вмѣстѣ всѣ отправились въ городъ, взошли въ церковь. Сдѣсь Митрополитъ Кипріанъ приложился къ иконамъ и отслужилъ молебенъ. И было великое торжество въ тотъ день Великому Князю съ Митрополитомъ, радовались они и веселились веселіемъ многимъ; милостыню многую страннымъ и нищимъ раздавали и прославляли Христа Бога. [13]

Великій Князь принялъ торжественно Митрополита Кипріана; считаться непріятностями, сдѣланными другъ другу, теперь было

---

[13] Ник. лѣт. ч. 4, стр. 66—78; Татищева Ист. Росс. ч. 4, стр. 245—253; П. С. Р. Л. т. 8, стр. 28—32; Типографская Лѣт., М. 1784 г., стр. 137—148. Въ Никоновской лѣт. и у Татищева повѣсть о Митяѣ одной редакціи, отличающейся подробностями и краснорѣчіемъ въ сравненіи съ Воскресенской и Типографской лѣтописями, которыя другой сокращенной редакціи; у Татищева даже иногда встрѣчается лишнее въ сравненіи съ Никоновской лѣт. и вообще повѣсть о Митяѣ отличается большею точностію разсказа, на который указано выше, относительно счета долговъ Пимена-20 и 2 тысячи: послѣднее вѣрнѣе; а для сравненія долговъ, которые дѣлали Митрополиты въ Константинополѣ см. Ак. Ист. т. 1 № 252. Потомъ разсказъ Татищева отличается, такъ называемою, либеральностію, прежде ставимою ему въ упрекъ: напр. о поставленіи Пимена озаглавлено: «Купля духовная» (стр. 251). Сокращенно и довольно сбивчиво повѣсть о Митяѣ помѣщена еще въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 15, стр. 438—441).

не время, наступало время испытанія для силы Московскаго Князя; теперь было лѣто, предшествовавшее великой битвѣ Куликовской. Побѣда Русскихъ надъ Татарами при Вожѣ показала ясно Мамаю, что въ Россіи не уважаютъ и не боятся силы Орды, и Мамай началъ готовиться къ тому, чтобы напомнить Сѣверной Россіи погромъ Батыя. Какъ ни былъ смѣлъ Московскій Князь и его окружающее новое молодое поколѣніе, но и на него нападало сильное раздумье о могущей произойти неудачѣ; начали думать, какъ бы задобрить Орду и остановить окончательный разрывъ съ нею; но было уже поздно: пришлось приготовляться къ расчету. Непріязненныя отношенія между отдѣльными лицами были забыты: всѣ совокупились на хлопоты объ одномъ общемъ дѣлѣ. Религіозныя утѣшенія и одобренія служителей Церкви являлись въ дѣлѣ нравственной опорой. Великій Князь началъ обращаться къ Митрополиту за совѣтами. Митрополитъ не оттолкнулъ его отъ себя, давалъ умные совѣты относительно того, что нельзя ли остановить движеніе Орды деньгами; когда же это средство оказалось недѣйствительнымъ, то началъ совѣтовать своими рѣчами Великому Князю, его неизмѣнному союзнику, Владиміру Андреевичу, и всѣмъ союзникамъ и окружавшимъ ихъ о томъ, чтобы они не забыли чего либо въ приготовленіяхъ; ободрялъ ихъ всѣхъ надеждой помощи Божіей въ правомъ дѣлѣ. Великій Князь въ тяжкое это время только и находилъ себѣ утѣшеніе въ молитвѣ, ходилъ постоянно въ храмъ Божій и молилъ Бога со слезами. 18 Августа поѣхалъ Великій Князь къ преподобному Сергію, въ его монастырь, просить у него благословенія на дѣло защиты родины. Преподобный утѣшалъ его, обѣщалъ Князю побѣду надъ врагами имени Христова и свободу Христіанскаго народа. Утѣшенный обѣщаніемъ, Великій Князь возвращается въ Москву, идетъ къ Митрополиту и говоритъ о пророчествѣ Преподобнаго. Умный Митрополитъ, оставляя Князю нравственную поддержку въ пророчествѣ, между прочимъ, совѣтуетъ и не забывать о томъ, что не мѣшаетъ заняться хорошенько приготовленіями къ битвѣ, а покуда молчать о словахъ Святаго Игумена. Наступило время выступить воинству изъ Москвы. Великій Князь идетъ въ Успенскій Соборъ, молится, припадаетъ со слезами къ образамъ, прикладывается къ мощамъ Великаго во Святителяхъ Святаго Митрополита Петра, проситъ у него заступленія и мо-

литвъ предъ Богомъ. Изъ собора идетъ Князь къ Митрополиту, проситъ у него прощенія и благословенія. Митрополитъ прощаетъ его и благословляетъ, знаменуетъ его честнымъ крестомъ и окропляетъ его святою водою. Воинство Русское стоитъ около Кремля по Восточной и Южной сторонамъ; по приказу Митрополита священники и діаконы выходятъ изъ Кремля чрезъ Никольскія, Фроловскія и Константиноеленскія ворота, съ честными крестами и освященною водою, благословляютъ всѣхъ: каждый воинъ въ отдѣльности получилъ благословеніе и окропленіе освященною водою. Великій Князь отъ Митрополита пошелъ въ Архангельскій соборъ и молился у гробовъ своихъ знаменитыхъ предковъ, приготовившихъ ему средства для наступающаго дѣла. Наконецъ нужно было выступать: Великій Князь вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и съ войскомъ удалился изъ Москвы. По удаленіи изъ Москвы воинства стало въ городѣ грустно, не было никого, у котораго бы самый близкій человѣкъ не находился въ войскѣ, и по этому всѣ ждутъ вѣстей объ удалившихся. Великая Княгиня, Митрополитъ и воевода, оставленный для охраненія ихъ, получили наконецъ извѣстіе, разошедшееся по всѣмъ городамъ, что Великій Князь перевезся чрезъ Оку, вступилъ въ землю Рязанскую и пошелъ на бой. При этой вѣсти на всѣхъ напала скорбь: за чѣмъ это Великій Князь пошелъ за Оку: если его и самаго Богъ сохранитъ, то множество изъ войска должно погибнуть. Скорбь была неутѣшная. Но Великій Князь все шелъ далѣе и далѣе, и приблизился къ Дону; прогремѣла великая битва Куликовская, и съ побѣдою возвращается Великій Князь въ Москву. Преосвященный Митрополитъ встрѣтилъ его съ крестами и со всѣмъ соборомъ; началъ благословлять побѣдителей — Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича честнымъ крестомъ; потомъ начали цѣловаться. Великій Князь говорилъ о битвѣ, приписывалъ побѣду помощи Божіей, заступленію Святителя и Чудотворца Петра, молитвамъ Митрополита Кипріана и преподобнаго Сергія. Бесѣдуя такъ, они вошли въ Успенскій соборъ, самъ Митрополитъ отслужилъ молебенъ и литургію; во всемъ городѣ священники служили молебны о здравіи Великаго Князя; послѣдній раздавалъ многую милостыню по церквамъ, монастырямъ, и убогимъ и нищимъ. Велика была радость, не мало было и горя: много полегло храбраго воинства за отечество. оскудѣла вся Русская

земля людьми, а вскорѣ послѣ Мамая занялъ его мѣсто Тохтамышъ.

Въ то время, когда опьяняющее чувство побѣды не прошло и воспоминанія объ этой побѣдѣ пріятно дѣлить съ лицами участвовавшими въ ней словомъ и дѣломъ, тогда явленіе человѣка, который напоминаетъ много стараго, непріятнаго, и вообще такаго, которое лучше забыть, производитъ то, что этого человѣка пожелаютъ многіе удалить. Въ такое-то время явился Пименъ изъ Константинополя, какъ Митрополитъ на Русь. Наступилъ седьмой мѣсяцъ послѣ прихода Кипріана на Москву и третій послѣ Куликовской битвы, и пришла вѣсть къ Великому Князю, что выѣхалъ Митрополитъ Пименъ на Митрополію изъ Царяграда и идетъ чрезъ степь изъ Орды. Князь Великій не хотѣлъ его принять. Пименъ уже находился въ Коломнѣ и туда явились отъ Великаго Князя посланные съ приказаніемъ: снять съ Пимена бѣлый клобукъ, а самаго отвести въ заточеніе; дружину его — думцевъ, совѣтниковъ и клирошанъ повелѣно было развести и въ вереги желѣзныя посажать. Отняли у Пимена ризницу его и всю казну, приставили приставникомъ къ нему боярина Ивана Григорьева Чурилова, прозываемаго Драницу. Повезли Пимена изъ Коломны на Вохну, минуя Москву, а отъ Вохны въ Переяславль, отъ Переяславля въ Ростовъ, отъ Ростова въ Кострому, а съ Костромы въ Галичь, и наконецъ въ Чухлому; и пробылъ онъ въ Чухломѣ цѣлое лѣто, а оттуда отведенъ былъ въ Тверь. Такимъ образомъ удалено одно изъ препятствій къ продолженію наслажденія чувствомъ побѣды, напоминаніемъ стараго. Торжество по прежнему продолжалось. У обоихъ знаменитыхъ Князей-побѣдителей, въ продолженіи года, слѣдующаго за битвой Куликовской, родилось по сыну; у Владиміра Андреевича крестили сына Митрополитъ и преподобный Сергій, а у Дмитрія Ивановича Ѳеодоръ, Игуменъ Симоновскій. Воротился изъ Константинополя и Діонисій Епископъ Суздальскій уже съ титуломъ Архіепископа и не съ цѣлію увеличивать церковную смуту, а съ порученіемъ отъ Патріарха, относительно ереси Стригольниковъ, появившейся во Псковѣ и Новгородѣ; а въ свою пользу Діонисій еще получилъ, кромѣ титула Архіепископа, и то, что къ его епархіи была возвращена часть, отнятая отъ Суздальской епар-

хіи при Митрополитѣ Алексѣѣ (см. выше). Все соединилось, кажется, для того, чтобы наслаждаться счастіемъ. Но остановимся здѣсь и взглянемъ на личныя отношенія Великаго Князя къ Митрополиту и потомъ на самые плоды смуты или, лучше сказать, первой ея половины.

Митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ по приглашенію Великаго Князя въ Москву, встрѣченъ торжественно, съ любовію, и долженъ былъ забыть старое; но легко ли такія вещи забываются! Нѣтъ, при всемъ желаніи забыть ихъ, отъ нихъ, и у людей, стоящихъ на высокой степени нравственности, остается какая-то накипь на душѣ. Даже при всей патріархальности тогдашнихъ отношеній, все-таки трудно забыть насмѣшки надъ беззащитнымъ, правымъ, желающимъ добра и добро дѣлающимъ, хотя бы послѣднее и офиціально все-таки можетъ случиться, что обруганное лицо при случаѣ невольно вспомнитъ обиды; у него все-таки не такъ будетъ лежать сердце къ обидѣвшему, хотя послѣ и загладившему свой проступокъ. Но кромѣ того, здѣсь примиреніе можетъ быть еще отравлено тѣмъ, если обиженный будетъ знать, что обидѣвшій проситъ прощенія у него не вслѣдствіе раскаянія, а вслѣдствіе неудачи того, чѣмъ онъ хотѣлъ до конца обиженнаго обидѣть, а это послѣднее дѣло такъ не удалось, что еще вышла досада обидчику. Тутъ едва ли примиреніе будетъ дѣйствительно, и здѣсь вспомнимъ характеръ, который выказалъ Митрополитъ Кипріанъ въ своихъ письмахъ: онъ хочетъ защищаться, искать правды, побѣдить, а не съ смиреніемъ Христіанина перенести обиду. Христіанское смиреніе въ Митрополитѣ затемняется страстію. Что же мы должны ждать отъ такого человѣка послѣ примиренія его съ другимъ, его обидѣвшимъ? Но здѣсь не забудемъ, что Митрополитъ Кипріанъ былъ человѣкъ умный и по этому мы видимъ, что онъ не напоминаетъ о своихъ обидахъ и съ сознаніемъ своихъ обязанностей исполняетъ все, что они отъ него требуютъ, но исполняетъ офиціально. Затихшія страсти могутъ вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ.

Теперь посмотримъ на отношенія Дмитрія Ивановича къ Митрополиту Кипріану. Любящее сердце Великаго Князя должно было сильно болѣть о томъ, когда онъ узналъ, до какихъ край-

ностей доведены дѣла его слѣпою привязанностію къ Митяю: — послѣ смерти послѣдняго ему церковныя дѣла должны были явиться въ другомъ свѣтѣ, и онъ приглашаетъ къ себѣ два раза отвергнутаго Кипріана, устроивается великолѣпная патріархальная сцена встрѣчи. Самъ Великій Князь идетъ на встрѣчу Святителя съ своими дѣтьми, боярами и народомъ. Митрополитъ, ничѣмъ себя не замаравшій, является предъ Великимъ Княземъ мученикомъ за правду. Наступило время испытанія, и Митрополитъ ведетъ себя прекрасно, даетъ постоянно умные совѣты и выказываетъ участіе къ дѣлу, а объ обидахъ какъ будто все забыто: отъ чего же Князю не любить Митрополита? И онъ дѣйствительно любилъ. Это добрая сторона отношеній, явившихся теперь; но есть и злая. Вѣдь этотъ Святитель служилъ главнымъ препятствіемъ исполненія его плановъ относительно Церкви; существованіе его возбуждало въ другихъ вражду къ Митяю, несчастному, можетъ быть погибшему варварскимъ образомъ отъ окружавшихъ. Этотъ Святитель идетъ въ Москву точно побѣдитель, а трогательная и торжественная сцена унижаетъ Князя. Умный Святитель не напоминаетъ о своихъ обидахъ, но для Князя, при случаѣ, могъ родиться вопросъ: забылъ ли Кипріанъ, какъ онъ сидѣлъ ночь въ клѣти, въ холодной при томъ, и какъ его тогда неприличнымъ образомъ ругали: на это на все дадутъ отвѣтъ обстоятельства, и въ какую изъ этѣхъ двухъ сторонъ, хорошую или злую, будетъ ударъ этѣхъ обстоятельствъ, отъ этого зависитъ и рѣшеніе вопроса. Покуда, какъ мы видѣли, обстоятельства все били въ хорошую сторону, и Князь по своей привычкѣ любить не раздражающихъ его, любитъ до крайности Митрополита; явился было Пименъ, и его упрятали въ хорошее мѣсто, откуда трудно что-нибудь сдѣлать. Не одни однако жь крупныя дѣла, но и мелкія обстоятельства могутъ приготовить ссору, — а таковыми являлись сплетни. Придворные могли опасаться, чтобы Кипріанъ не сдѣлался такимъ лицемъ въ отношеніи къ Великому Князю, какимъ былъ Митяй; тогда, если это случится, Митрополитъ будетъ мстить всѣмъ хлопотавшимъ за Митяя и, изъ угожденія послѣднему, безобразничавшимъ надъ нимъ, Кипріаномъ; они могли указывать на то, что Кипріанъ не любитъ Великаго Князя, ему добра не хочетъ, помнитъ зло и гордится побѣдой; а вотъ, дескать, есть другой, которому не гдѣ искать

защиты, и возять его изъ угла въ уголъ по Великому Княженію: конечно, онъ виноватъ, но по этому онъ будетъ безъ всякихъ претензій, все отдастъ за помиловавшаго его. А этотъ заключенникъ былъ выгоденъ и для придворныхъ: онъ отъ нихъ бы зависѣлъ, потому что имъ всѣмъ обязанъ, да и былъ ихъ, такъ сказать, созданіе. [14]

Какія же слѣдствія этой смуты церковной? Два Митрополита и оба въ Москвѣ; одинъ изъ нихъ былъ разъ прогнанъ, а потомъ принятъ; другой же покуда теперь только сосланъ и осрамленъ. Дѣло сдѣлано, никто не возражаетъ, а если жалуются, такъ только обиженные, а на ихъ жалобы въ защиту никто не встаетъ. Великій Князь не зналъ, что подобныя дѣла можно дѣлать съ Митрополитами всея Руси; но обстоятельства привели къ тому, что онъ самъ, или другіе его властію сдѣлали это. Никто ихъ не защитилъ, значитъ онъ можетъ это дѣлать; или, лучше сказать, что дѣлали въ Греціи съ Святителями по праву свѣтской власти, до того въ Москвѣ дошли практически. — Но кромѣ того выработалось и другое средство къ продолженію смуты церковной и къ униженію авторитета Митрополичьяго престола. Въ лицѣ Великаго Князя явилась власть надъ Митрополитомъ, но ихъ двое и оба тянутъ къ Москвѣ, по причинамъ выше объясненнымъ. Обоихъ Митрополитовъ, а ужь особенно одного, Пимена, Князь наврядъ ли сколько-нибудь сердечно любитъ, поэтому который будетъ для него выгоднѣе и услужливѣе, того онъ и выберетъ; оба должны угождать, а не то придется плохо: сгонитъ съ Митрополичьяго престола Великій Князь, возьметъ на него другаго, котораго не нужно, какъ приходилось прежде Ольгерду, добывать въ Константинополѣ. Слѣдовательно, со стороны Великаго Князя произволъ, а со стороны Митрополита — угожденіе. Но обратимся къ дальнѣйшему изложенію событій.

---

[14] Въ лѣтописи (см. напр. Ник. Л. ч. 4, стр. 77) замѣчено, что когда услышалъ Великій Князь, что идетъ Пименъ изъ Царяграда, то онъ гнѣвался на своего большаго боярина Юрія Васильевича Кочевина-Олешинскаго которому, какъ мы видѣли, надъ посланными съ Митяемъ старшинство было приказано; не хлопоталъ ли онъ за Пимена, — лѣтописецъ не даетъ отвѣта. Можетъ быть Князь сердился за то, что онъ допустилъ надѣлать различныхъ дѣлъ Пимену, но вовсякомъ случаѣ мы должны допустить при Дворѣ партію и довольно сильную, стоявшую за Пимена, о чемъ и ниже будемъ видѣть намеки.

Выше мы замѣтили слѣдующее; что въ какую сторону ударятъ обстоятельства, отъ которыхъ должны были зависѣть отношенія Великаго Князя къ Митрополиту, въ добрую или злую, и, какъ видѣли, обстоятельства все били въ добрую; по этому Великій Князь и Митрополитъ наслаждались счастіемъ мира и любви. Но счастіе непродолжительно. Дѣйствительность скоро послѣ Куликовской побѣды начала весьма чувствительно напоминать о себѣ; старыя отношенія, кажется забытыя, начинаютъ занимать свое мѣсто и требовать для себя окончанія.

Крайнее напряженіе силъ для побѣды вызвало крайнее ихъ ослабленіе; Москва, занимавшая первое мѣсто въ Россіи до битвы Куликовской и вызвавшая ее, должна была выносить на себѣ и всѣ ея плоды: покуда пришлось пользоваться дурными. Тохтамышъ вдругъ изгономъ двинулся на Великаго Князя; Дмитрій Ивановичъ, видя оскудѣніе въ воинствѣ, оставилъ въ Москвѣ Великую Княгиню и Митрополита, а самъ пошелъ къ Волгѣ собирать войско. Безъ Князя въ Москвѣ сталъ мятежъ: одни хотѣли убѣжать, другіе сидѣть въ городѣ; отъ споровъ дѣло перешло къ разбою и грабежу. Митрополитъ хотѣлъ возстановить порядокъ, но его не думали слушаться, и даже Великую Княгиню обидѣли. Тогда Митрополитъ и Великая Княгиня начали проситься, у захватившихъ правленіе городомъ, вонъ изъ Москвы. Но изъ города никого не пускали, во всѣхъ городскихъ воротахъ стояли люди съ обнаженнымъ оружіемъ, а въ бѣгущихъ бросали камнями съ воротъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ Митрополитъ Кипріанъ и Великая Княгиня были выпущены изъ города; но при этомъ они со всѣми ихъ окружавшими были ограблены. Митрополитъ отправился въ Тверь, Великая Княгиня, къ мужу. Тохтамышъ пришелъ подъ Москву. Чрезъ нѣсколько дней ему удалось захватить городъ обманомъ и раззорить; послѣ Москвы были раззорены многіе города Великаго Княженія. Но когда Тохтамышъ услышалъ, что стоитъ войско на Волокѣ, ушелъ назадъ въ свои степи, ведя огромное количество плѣнныхъ.

Послѣ этого дѣйствительность должна была представиться въ довольно грустныхъ картинахъ: нужно было устроить раззоренное Великое Княжество, а тутъ еще поднялись старые враги на Москву. Приходилось Великому Князю воевать съ Олегомъ

Рязанскимъ, да и въ Твери хотѣли воспользоваться несчастіемъ Москвы. Дмитрій Ивановичъ воротился въ свою раззоренную столицу и послалъ за Митрополитомъ Кипріаномъ въ Тверь, зовя его въ Москву. Митрополитъ пріѣхалъ на зовъ. Но вдругъ между Великимъ Княземъ и Митрополитомъ Кипріаномъ появилась какая-то ссора, вслѣдствіе которой въ ту же осень Митрополитъ уѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ, гдѣ былъ принятъ съ такою же честію, какъ прежде былъ принятъ въ Москвѣ. Какая была побудительная причина къ ссорѣ? Лѣтописи сообщаютъ слѣдующія извѣстія объ этомъ: у Татищева въ Исторіи Россійской [15] это дѣло разсказывается такъ: Митрополитъ 7 Октября пріѣхалъ въ Москву изъ Твери. [16] Потомъ услышалъ Великій Князь Дмитрій Ивановичъ, что Князь Михаилъ Александровичь Тверской пошелъ въ Орду просить Великаго Княженія и что сдѣлать это совѣтовалъ ему Митрополитъ Кипріанъ, который даже не хотѣлъ ради этого итти въ Москву, но едва былъ упрошенъ; и началъ говорить Великій Князь Митрополиту, что такъ дѣлать не годится: отсюда пошло у нихъ великое нелюбье, и по сей причинѣ Митрополитъ Кипріанъ въ ту же осень уѣхалъ въ Кіевъ. Въ Никоновской лѣтописи [17] прямо говорится, что не захотѣлъ Великій Князь Митрополита Кипріана, имѣя къ нему нелюбье; при чемъ вставлено длинное разсужденіе о томъ, что не заслуживаетъ упрека тотъ, который бѣжитъ отъ людей, не хотящихъ его имѣть около себя. Въ Софійской первой, [18] въ Воскресенской [19] и въ Типографской [20] лѣтописяхъ сказано, что Митрополитъ Кипріанъ съѣхалъ съ Москвы по тому, что сердился на него Великій Князь: за чѣмъ Митрополитъ не сидѣлъ въ осадѣ въ Москвѣ. Въ другихъ лѣтописяхъ объ этомъ дѣлѣ встрѣчаются еще болѣе краткія из-

---

[15] Ч. 4 стр. 304 — 305.

[16] Въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 15, стр. 442) сказано, что Митрополитъ Кипріанъ пріѣхавъ въ Тверь изъ Новгорода Великаго (?), а оттуда въ Москву.

[17] Ч. 4 стр. 139—140.

[18] П. С. Р. Л. т. 5, стр. 238.

[19] Тамъ же т. 8, стр. 48

[20] Стр. 182.

вѣстія. Мы должны принять во вниманіе всѣ этѣ извѣстія: они другъ другу въ сущности не противорѣчатъ, и главное взглянемъ на извѣстіе Татищева, что Великій Князь подозрѣвалъ Митрополита во враждѣ къ себѣ по слуху.

Состояніе раззоренныхъ столицы и Княжества, послѣ того какъ голова кружилась отъ побѣды и счастія, какъ черезъ чуръ сильный переходъ, должно было подѣйствовать на Великаго Князя, да при томъ старые враги поднялись, желая воспользоваться несчастіемъ. Очень естественно было при всемъ этомъ появиться подозрѣнію, что есть враги, не только явные, но и такіе, которыхъ не видно, между тѣмъ какъ они близко находятся. Москва раззорена; а если бы остался Митрополитъ въ ней, то, можетъ быть, своимъ умомъ проникнулъ бы хитрость Татарскую, и такимъ образомъ не далъ бы обмануться начальникамъ и гражданамъ, и тогда бы Москва была спасена. Но Митрополитъ уѣхалъ въ Тверь къ союзнику Литвы, а этотъ Тверской Князь сей часъ послѣ погрома Москвы отъ Тохтамыша ѣдетъ въ Орду просить Великаго Княженія. Не научилъ ли Тверскаго Князя это сдѣлать Митрополитъ, думая отомстить прежнія себѣ обиды отъ Московскаго Князя? Этѣ подозрѣнія могли явиться въ головѣ Дмитрія Ивановича. А тутъ еще бояре, ѣздившіе за Митрополитомъ, говорятъ, что они едва упросили его ѣхать въ Москву; да этѣ же бояре очень легко могли сказать, или навести на мысль Великаго Князя, что искать Великаго Княженія Михаила Александровича научилъ Митрополитъ. Въ раздраженномъ состояніи, въ какомъ необходимо долженъ былъ находиться Дмитрій Ивановичъ, глядя на состояніе дѣлъ, всякое подозрѣніе, брошенное на кого либо, какъ на творца смуты, могло развиться въ убѣжденіе, а тутъ еще, кромѣ того, такъ много другихъ побудительныхъ причинъ къ подкрѣпленію подозрѣнія. Но сдѣсь мы должны сказать въ оправданіе Дмитрія Ивановича слѣдующее: онъ, пріѣхавъ въ Москву, тотчасъ послалъ за Митрополитомъ; значитъ, онъ его не подозрѣвалъ во враждѣ, а то не зачѣмъ бы и посылать. Митрополитъ пріѣхалъ, а тутъ дѣла пошли все хуже и хуже: тогда уже указаніе на Митрополита возбудило подозрѣніе. Но теперь посмотримъ: не далъ ли самъ Митрополитъ поводъ къ подозрѣнію. Онъ уѣхалъ въ Тверь, пробылъ тамъ и поѣхалъ въ

Москву, когда его пригласили. Во время даже приглашенія не являлось ли у него раздумье, да пожалуй выраженное и въ слухъ, какъ жить въ раззоренной Москвѣ? Это послѣднее у него могло естественно появиться; а если появилось, то давало средства къ развитію подозрѣній. Но справедливы ли тѣ обвиненія, которыя на него взводили? При краткости лѣтописныхъ извѣстій, мы не можемъ отвѣчать утвердительно; но выше было замѣчено, что между Митрополитомъ Кипріаномъ и Дмитріемъ Ивановичемъ трудно было ожидать близкихъ, сердечныхъ, добрыхъ отношеній: ихъ свели обстоятельства, а одинъ другаго не могъ полюбить сильно, особенно же Митрополитъ. Митрополитъ уѣхалъ въ Тверь и услышалъ, что Москва раззорена и раззорено почти все Великое Княженіе. За чѣмъ онъ поѣдетъ въ Москву, теперь совершенно, кажется, безсильную отъ такихъ полновѣсныхъ испытаній силы и при томъ въ короткое время? Если Москва стала безсильною и кажется не оправится послѣ всѣхъ этѣхъ несчастій, то сильнѣйшее Княженіе послѣ нея должна быть Тверь, Князь которой будетъ по этому такъ обязанъ Кипріану, что ужь всегда будетъ его лучшимъ заступникомъ: не задумалъ ли Митрополитъ Кипріанъ выбирать между Князьями и, знаменитый авторъ житія Митрополита Петра, написаннаго съ цѣлью показать Московскимъ Князьямъ, что средствами къ побѣдѣ надъ Татарами они главное обязаны Митрополитамъ всея Россійскимъ, не проникнулся ли онъ духомъ своего предшественника и не вздумалъ ли разыграть его роль? Но дѣло Митрополита Петра приготовлялось, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ полтора столѣтія, а не полтора года; да и самъ-то Митрополитъ Петръ свое дѣло сдѣлалъ не сразу, какъ приходилось дѣлать Митрополиту Кипріану, а въ концѣ своей жизни. Сдѣсь опять должны сказать и въ защиту Митрополита Кипріана: онъ все таки на приглашеніе пріѣхалъ въ Москву.

Не опираясь положительно на всѣ этѣ предположенія, не можемъ ихъ, кажется, прямо и оттолкнуть въ сторону. Корень ссоры лежалъ далеко и между сведенными лицами не было общаго интереса, по этому первый толчокъ повелъ къ разрыву. Митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ приняли его съ честію, и тамъ сталъ заправлять дѣлами церковными; а Великій Князь

Дмитрій Ивановичъ, вскорѣ по отъѣздѣ Купріановомъ, послалъ въ Тверь за Пименомъ, котораго освободили изъ заточенія и «отъ узъ въ таковое время.» Пименъ былъ принятъ въ Москвѣ, точь въ точь съ такимъ же торжествомъ, какъ прежде Купріанъ, и началъ заправлять церковными дѣлами Сѣверной Россіи по обычаю церковному, и всѣ стали его слушать и чествовать. Митрополія опять раздѣлилась между Митрополитами, не вслѣдствіе ихъ личной дѣятельности, а вслѣдствіе того, что свѣтская власть была въ ссорѣ съ представителемъ духовной власти, который имѣлъ средства укрыться въ другой половинѣ своей Митрополіи, не находящейся подъ вліяніемъ власти, гнавшаго его Великаго Князя; а послѣдній безъ особеннаго труда могъ добыть себѣ другаго Митрополита. Такимъ образомъ сильнѣйшій Князь выбираетъ между Митрополитами, а не послѣдніе между Князьями.[21] Этѣмъ дѣломъ снова началась церковная смута или, лучше сказать, второй ея періодъ.

Пименъ Митрополитъ, принятый Дмитріемъ Ивановичемъ и такимъ образомъ всѣмъ ему обязанный, какъ бы онъ послѣднему ни угождалъ, наврядъ ли могъ ему особенно быть милъ; онъ ужъ очень много напоминалъ непріятнаго, да, наконецъ, и самая смута въ церковной іерархіи должна была непріятно дѣйствовать на Великаго Князя, который долженъ былъ невольно себя считать ея создателемъ. По этому мы видимъ, что Великій Князь первый началъ заботиться объ уничтоженіи смуты, и въ слѣдующее лѣто, т. е. почти только чрезъ полгода, послѣ призыва Пимена, 30 Іюня отправился снова въ Царьградъ Діонисій Архіепископъ Суздальскій, а съ нимъ вмѣстѣ отпустилъ Великій Князь Ѳеодора, Игумена Симоновскаго, къ Патріарху Нилу по дѣламъ, относившимся до управленія Митрополіи Россійской. Вотъ одно извѣстіе, помѣщенное въ лѣтописи, за чѣмъ поѣхалъ Діонисій съ Ѳеодоромъ; другое извѣстіе, болѣе дающее къ уразумѣнію со-

---

21 «Какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ Князей, предъявлявшихъ права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними; такъ теперь присутствіе двухъ Митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополѣ, дѣлало возможнымъ и выборъ между ними.» (Ист. Россіи т. 4, стр. 308, изд. 2).

бытіи, разсказывается подъ слѣдующимъ годомъ. Діонисій возвратился изъ Константинополя въ Сѣверную Россію и ѣхалъ на Кіевъ уже въ санѣ Митрополита всея Руси. Но тогда былъ въ Кіевѣ Митрополитъ Кипріанъ, котораго, какъ мы выше упомянули, тамъ приняли съ честію. И вотъ Митрополита Діонисія Кіевскій Князь Владиміръ Ольгердовичъ остановилъ, и причину этому объявилъ слѣдующую: «за чѣмъ пошелъ въ Царьградъ къ Патріарху ставиться въ Митрополиты безъ нашего совѣта; на Кіевѣ есть Митрополитъ Кипріанъ, и онъ есть Митрополитъ всея Руси; по этому ты здѣсь и посиди въ Кіевѣ.» Діонисій просидѣлъ въ Кіевѣ до своей смерти, случившейся чрезъ годъ по заключеніи. Θеодоръ воротился спокойно и уже не Игуменомъ, а Архимандритомъ, каковой санъ далъ ему Патріархъ. Извѣстія лѣтописи до того кратки, что трудно заключать о побуждающихъ причинахъ къ тому или другому дѣйствію; однако жь сдѣсь можно предположить, что Діонисій сдѣлалъ послѣднее дѣло, т. е. выхлопоталъ себѣ санъ Митрополита, не безъ того, чтобы къ этому не былъ побужденъ Великимъ Княземъ. Остановка его въ Кіевѣ была, быть можетъ, местію со стороны Митрополита Кипріана, который могъ нажаловаться въ Кіевѣ на то, какъ съ нимъ поступали въ Москвѣ. Не очень сильный Князь Владиміръ Ольгердовичъ не могъ особенно высказывать свои притязанія о вліяніи на избраніе Митрополитовъ; онъ могъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать какъ ширма для мести другихъ, желавшихъ сдѣлать непріятность, только не лично.

Но самъ Митрополитъ Кипріанъ не оставался въ бездѣйствіи: онъ намѣревался дѣйствовать въ Константинополѣ, и въ то же время, какъ можно предполагать, велъ дѣятельную переписку съ своими сторонниками въ Сѣверной Россіи, что можно видѣть изъ одного письма,[22] писаннаго въ 1383 г. неизвѣстно къ какому-то Игумену, обозначенному въ письмѣ подъ буквою «а», можетъ быть, судя по смыслу письма въ сравненіи съ вышеприведенными, къ тому же преподобному Сергію. Вотъ содержаніе этого письма: «да будетъ тебѣ вѣдомо: ѣду въ Царьградъ чрезъ Волошскую землю. Мнѣ не хотѣлось бы отъ своей паствы никуда не ходить,

[22] Прав. Соб. 1860 г. т. 2, стр. 105—106.

но что же дѣлать! Кто меня заставилъ этотъ путь совершать? Господь Богъ опять ему подастъ познать истину. А мнѣ должно быть у васъ скоро изъ Царяграда, а лживаго и льстиваго человѣка Богъ объявитъ[23] .... Отпиши ко мнѣ и дай извѣстiе — какъ еси». Кипрiанъ Митрополитъ отправился въ Константинополь и, вѣроятно вслѣдствiе его жалобъ тамъ, Митрополитъ Пименъ, чрезъ двухъ Греческихъ Митрополитовъ, прiѣхавшихъ въ Россiю, былъ вызванъ къ Патрiарху. Пименъ отправился: что тамъ было между нимъ и Кипрiаномъ предъ Патрiархомъ, не извѣстно; но можемъ предполагать, что Великiй Князь наврядъ ли желалъ, чтобы Пименъ, какъ бы онъ ни былъ ему непрiятенъ, проигралъ въ спорѣ противъ Кипрiана; такъ какъ въ сущности споръ Кипрiана мы должны считать за споръ не съ Пименомъ, а съ Великимъ Княземъ. Въ слѣдующемъ году по отъѣздѣ Пимена онъ послалъ въ Константинополь Өеодора, Архимандрита Симоновскаго, хлопотать объ управленiи Митрополiею Россiйской въ пользу, какъ видно, Пимена.[24] Митрополитъ Кипрiанъ изъ этѣхъ враждебныхъ дѣйствiй противъ себя и изъ вниманiя, которое оказывали въ Константинополѣ въ требованiяхъ Московскаго Князя, могъ вполнѣ убѣдиться, что для успѣшнаго рѣшенiя его дѣла нужно прежде всего, на какихъ бы то ни было условiяхъ, примириться съ Дмитрiемъ Ивановичемъ. Въ это же время къ примиренiю представился случай. Въ 1386 году Василiй Дмитрiевичъ находился проѣздомъ въ Литвѣ и, вслѣдствiе различныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ дать слово Витовту жениться на его дочери.[25] Митрополитъ Кипрiанъ, какъ умный человѣкъ, воспользовался этѣмъ случаемъ. Можно предполагать, что Витовтъ предложилъ своему будущему зятю захватить съ собой въ Москву Кипрiана; Василiй Дмитрiевичъ, находясь почти что въ плѣну у Витовта, долженъ былъ на это согласиться. Въ лѣтописи объ этомъ дѣлѣ весьма

---

[23] Подъ этѣмъ лживымъ и льстивымъ человѣкомъ достопочтенные издатели 4-хъ писемъ Митрополита Кипрiана предполагаютъ подразумѣвать Митрополита Пимена; при неясности выраженiя, это кажется относится къ кому нибудь изъ поссорившихъ Великаго Князя съ Митрополитомъ Кипрiаномъ, что Пименъ, изъ своего заключенiя, наврядъ ли могъ сдѣлать.

[24] См. ниже стр. 136.

[25] Ник. лѣт. ч. 4, стр. 152.

кратко говорится: Василій Дмитріевичъ убѣжалъ изъ Орды, обошелъ многія земли и пришелъ въ Москву, а съ нимъ изъ Кіева пріѣхалъ Митрополитъ Кипріанъ, и не принялъ его Князь Великій.[26] Такимъ образомъ въ четвертый разъ долженъ былъ Святитель Кипріанъ уѣхать изъ Москвы и возложить всю надежду въ своемъ дѣлѣ на Константинополь и на своихъ покровителей Гедиминовичей. Въ Константинополѣ же, по выслушаніи всего дѣла отъ Кипріана, отпустили его по прежнему въ Россію, но не въ Великую, т. е. какъ его прежде отпустили въ 1380 году и какъ еще прежде отпустили Романа послѣ спора его съ Алексѣемъ Митрополитомъ.[27] Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ рѣшеніи, что въ 1387 году 6 Іюня пришелъ Пименъ Митрополитъ изъ Царяграда не на Кіевъ, но на Москву только, пришелъ безъ исправы (и, кажется, даже бѣжалъ), по тому что на Кіевѣ былъ Митрополитъ Кипріанъ, а на Москвѣ Пименъ. Изъ этѣхъ отрывочныхъ извѣстій о рѣшеніи спора Митрополитовъ мы должны сказать, что сей часъ сказали, что въ Константинополѣ это дѣло рѣшили по прежнимъ образцамъ, т. е. предоставили его рѣшить дальнѣйшему ходу обстоятельствъ. Но такъ какъ Пименово дѣло было ужъ очень не чисто, то мы можемъ видѣть, какъ изъ словъ грамоты Константинопольскаго Патріарха, что отпустили Кипріана Митрополитомъ на Русь «но не Великую», такъ и изъ словъ лѣтописи, что Пименъ много проигралъ въ сравненіи съ Митрополитомъ Алексѣемъ: тотъ по рѣшеніямъ Константинопольскаго Патріарха никогда не терялъ Кіева изъ подъ своей власти, хотя имъ и правили его соперники, но по волѣ Ольгерда.

Но дѣла этѣ скоро сами собой окончились: 13 Апрѣля 1389 года Митрополитъ Пименъ тайно отъ Великаго Князя поѣхалъ изъ Москвы въ Константинополь. Великій Князь понегодовалъ на Митрополита за то, что онъ это сдѣлалъ безъ его совѣта. Лѣтописецъ объясняетъ причину отъѣзда краткими словами: была «распря нѣкая промежъ ихъ». Вѣрно, трудно стало жить въ Москвѣ и Пимену: ему, разъ допустившему обманъ, приходилось

---

[26] П. С. Р. Л. т 15, стр. 444.

[27] См Ж. М. Н. Пр. 1847 г. Протоколы Константинопольскаго Патріарха стр. 157.

нести и всѣ плоды его; да и Великому-то Князю тоже трудно было любить такого Митрополита. Дмитрій Ивановичъ, не видно, чтобъ послалъ теперь за Кипріаномъ, да къ тому же онъ 19 Мая того же года скончался. Митрополитъ Пименъ теперь ѣхалъ въ Константинополь не съ такой великолѣпной и громадной свитой, съ какой ѣхалъ нѣкогда Митяй, а съ небольшой, какъ и въ предыдущій разъ, когда онъ ѣхалъ судиться съ Кипріаномъ. На дорогѣ его насильно остановили кредиторы, которымъ не были уплачены долги, сдѣланные прежде въ Константинополѣ; но Пимену удалось упросить кредиторовъ, чтобъ они отпустили его. Теперь Пимену не пришлось видѣть и Константинополя: онъ остановился, не доѣзжая цѣли своего путешествія, и послалъ туда нѣкоторыхъ изъ своей свиты, вѣроятно для того, чтобы они дали извѣстіе о состояніи его дѣла Теперь время перемѣнилось: въ Константинополѣ увидѣли, что Пименъ не ужился съ Великимъ Княземъ, а Кипріанъ былъ около Патріарха и хлопоталъ; вслѣдствіе всего этого Пименъ былъ низложенъ. Такъ какъ при этомъ окончательно возстановлялось единство Митрополіи, потому что изъ Митрополитовъ одинъ Кипріанъ остался, то судъ Священнаго Собора облекъ все дѣло въ законную форму: пересчитали всѣ событія смуты и нашли, что виновникъ всему есть давно умершій Митрополитъ Алексѣй, потому что онъ власть сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ; другимъ виновникомъ смуты являлся тоже умершій Митрополитъ Діонисій, потому что онъ употреблялъ происки, и наконецъ живой, и то долженъ быть отсутствующій, Θеодоръ, такъ какъ онъ сначала обвинялъ Пимена (вѣроятно, когда былъ съ Діонисіемъ), а послѣ съ нимъ согласился. Послѣднее мы знаемъ, что онъ дѣлалъ по приказу Великаго Князя. Послѣ всего этого въ Константинополѣ рѣшили исправить прежнія ошибки и возстановить единство Митрополіи Русской.[28] Но Пименъ не дождался слѣдствій низложенія. 11 Сентября онъ скончался въ Халкидонѣ: тѣло его привезли въ Констанополь и погребли противъ Галаты, въ которой прежде былъ погребенъ Митяй. Такимъ образомъ Митяй, Діонисій и Пименъ, дѣйствующія лица въ церковной смутѣ, какъ будто не удостоились быть погребенными

---

[28] Протоколы Константинопольскаго Патріарха Ж. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54 стр. 157.

вмѣстѣ съ Митрополитами Всея-Россійскими въ Москвѣ, гдѣ стали ихъ погребать, начиная съ Святителя Петра.

Изъ четырехъ соискателей на престолъ Митрополіи всея Руси остался теперь одинъ въ живыхъ, Кипріанъ, на сторонѣ котораго такъ много права было, въ сравненіи съ его соперниками. Кипріанъ, пришедшій въ Константинополь еще до смерти Пимена, теперь получилъ благословеніе отъ Патріарха быть Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Въ это время, должно полагать, прибылъ въ Константинополь извѣстный намъ Ѳеодоръ, теперь Епископъ Ростовскій, явившійся сюда, какъ думаютъ,[29] что однако и не трудно допустить, отъ Великаго Князя, чтобъ пригласить Митрополита Кипріана въ Москву. 8 Сентября Митрополитъ Кипріанъ и Ѳеодоръ, возведенный Патріархомъ изъ Епископовъ въ Архіепископы, заняли 1000 Новогородскихъ рублей, на какіе расходы, мы не знаемъ,[30] и 1 Октября отправились изъ Константинополя въ Россію. Патріархъ благословилъ и отпустилъ ихъ съ честію.

Дѣла теперь такъ устроились хорошо для Митрополита Кипріана, что ему нечего было опасаться продолженія неблагопріятныхъ для своего права препятствій. Онъ остался однимъ Митрополитомъ на всю Русь; Великій Князь, который имѣлъ къ нему непріязнь, умеръ; наслѣднику послѣдняго не для чего было враждовать на Кипріана изъ за Митяя и другихъ прошедшихъ непріятностей, въ которыхъ самъ не былъ замѣшанъ, да наконецъ и вообще смута должна надоѣсть, и тѣмъ болѣе, что если ее продолжитъ Великій Князь, то самъ много потеряетъ; въ Литвѣ на мѣсто Ольгерда явился Витовтъ. Самъ же Кипріанъ, испытавшій много дурнаго, принужденный давно къ тому, чтобы хорошенько понять свои и чужія отношенія, существовавшія при немъ въ Россіи, долженъ былъ по этому забыть старую борьбу, которую не съ кѣмъ, да и не изъ чего было вести.

Зимою Митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Кіевъ, а предъ великимъ заговѣньемъ поѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ былъ при-

---

[29] Приб. къ Твор. Св. От. годъ 6, ст. о Митр. Кипріанѣ, стр. 309, прим. 6.
[30] Ак. Ист. т. 1. N 252.

нятъ съ такою же честію, какъ прежде, 10 лѣтъ тому назадъ. Бояре Великаго Князя встрѣтили Митрополита Кипріана далеко за Москвою; самъ Великій Князь Василій Дмитріевичъ, со всѣми своими родными, бывшими въ Москвѣ, съ боярами и множествомъ народа встрѣтилъ его въ Котлахъ и принялъ благословеніе; у Николы Стараго Митрополитъ облачился въ Святительскія ризы и со всѣмъ соборомъ, въ сопровожденіи множества народа, отправился въ храмъ Успенскій и занялъ свой Митрополій престолъ всея Руси. Кипріанъ былъ послѣдній изъ тѣхъ Митрополитовъ всея Руси, изъ подъ власти которыхъ, въ продолженіи всего настоящаго правленія Митрополіею, Кіевъ не отдѣлялся. Это, конечно, было слѣдствіемъ какъ долговременнаго его пребыванія въ главномъ стольномъ городѣ Митрополіи Россійской, а отсюда крѣпкихъ связей съ владѣтельными лицами тамошняго края, на что мы имѣли намекъ въ дѣлѣ Діонисія; также это было слѣдствіемъ и того, что отношенія Московскаго Великаго Князя къ Литвѣ, при жизни Кипріана, были довольно мирнаго свойства. Кончилась смута церковная въ Россіи, какъ можемъ видѣть, довольно счастливо; она продолжалась почти 15 лѣтъ, т. е. менѣе чѣмъ на половину того, сколько продолжалась Западная церковная смута, извѣстная подъ названіемъ великаго раскола, начавшаяся въ одно время съ нашей.

Теперь въ заключеніе взглянемъ на тѣ слѣдствія, къ которымъ повела въ Россіи церковная смута, для чего обратимъ вниманіе только на нѣкоторые характеристическіе факты. Но прежде посмотримъ на то, не было ли замѣтно измѣненій отношеній свѣтской власти къ духовной въ продолженіи смуты, въ сравненіи съ прежними патріархальными отношеніями. Здѣсь, конечно, бросается намъ въ глаза то, не весьма большое уваженіе, которое выказываетъ Великій Князь къ личностямъ Митрополитовъ, мѣняя ихъ по своему произволу; но въ сущности неуваженіе одного лица къ другому есть личное отношеніе, и по этому оно не можетъ вести къ вліянію на существенныя положенія отношеній двухъ сторонъ другъ къ другу. Форма отношеній свѣтской власти къ духовной оставалась прежняя: такъ при обоихъ Митрополитахъ, Кипріанѣ и Пименѣ, договорныя грамоты, писанныя во время бытности ихъ въ Москвѣ, начинались по прежнему съ

благословенія Митрополитовъ, и даже въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной при Пименѣ, находится слѣдующее условіе: если бояре, рѣшающіе спорныя дѣла между владѣніями Князей, сопрутся о чемъ нибудь, то для рѣшенія спора пусть ѣдутъ къ Митрополиту; а если Митрополита не будетъ въ Москвѣ, тогда уже должны ѣхать на третій, кого изберутъ.[31] Для насъ особенную важность составляетъ не это случайное условіе, а то, что, въ продолженіи смуты, не вступала ли свѣтская власть, въ лицѣ Великаго Князя, въ сферу власти духовной, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ было прежде? Но при крайней скудости извѣстій и при неопредѣленности прежнихъ отношеній властей, мы ничего положительнаго не можемъ сказать. За то слѣдствія смуты высказывались въ послѣдствіи, когда обѣ власти стали одна противъ другой съ спокойнымъ видомъ, и что прежде велось по обычаю и что въ смутное время по этому могло подвергнуться нарушеніямъ, нужно было исправить. Отсюда являются договоры, такъ сказать, опредѣляющіе пространство власти каждой стороны. Вслѣдствіе желанія привести дѣла въ порядокъ чрезъ договоры, необходимо должны были явиться взаимныя уступки и, конечно, по общему порядку, большая ихъ часть падала на сторону побѣжденную. И вотъ въ подтвержденіе сказаннаго до насъ дошли двѣ грамоты, опредѣляющія положеніе Церкви у насъ, съ двухъ сторонъ, а именно: во первыхъ, какъ учрежденія духовнаго, имѣющаго свою самостоятельную іерархію, управляющуюся по законамъ, переданнымъ намъ изъ Греціи, и во вторыхъ, какъ учрежденія, владѣющаго имуществами, которыя, не составляя отдѣльной области, находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ свѣтскимъ владѣльцамъ, Великимъ Князьямъ. Въ среду перваго положенія Церкви вмѣшательство свѣтской власти представлялось нарушеніемъ церковныхъ уставовъ, признаваемыхъ и глубоко уважаемыхъ Великими Князьями. По этому Великій Князь Василій Дмитріевичъ съ Митрополитомъ Кипріаномъ опредѣлилъ этѣ отношенія по старинѣ: какъ опредѣлилъ ихъ прадѣдъ Св. Князь Великій Владиміръ и сынъ его Князь Великій Ярославъ; какъ опредѣлили они къ Митрополитамъ о судахъ церковныхъ по Греческому Номоканону, чтобъ

---

[31] С. Г. Г. и Д т. I, NN 32 и 33.

все церковное шло такъ, какъ пошло издавна; по этому же и мы, говоритъ Василій Дмитріевичъ, опредѣлили такъ чтобъ впередъ ничего не увеличивать и не умалять, но чтобъ такъ и шло по старому неподвижно.[32] Самый источникъ грамоты прямо указанъ въ ней. Но несравненно труднѣе было опредѣлить другія отношенія, имущественныя. Изъ дошедшей, писанной по этому случаю, грамоты, видимъ, что утверждаются сю не особенно старыя отношенія, или вводятся новыя, но тѣ именно, которыя особенно выгодны для свѣтской власти, т. е. тѣ, главное, когда Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, употребляла всѣ средства на помощь Московскимъ Князьямъ, и эти-то отношенія поставлены въ основаніе всему. Вотъ краткое содержаніе этой грамоты:[33] Великій Князь и Митрополитъ опредѣлили между собою: о домахъ церковныхъ, о волостяхъ, о земляхъ, водахъ и о всѣхъ пошлинахъ церковныхъ, установляется все по старинѣ; что Великаго Князя—то его, а что Митрополичье — то его; Великому Князю съ волостей Митрополичьихъ оброку, противъ прежняго, лишняго не брать. Тѣ села Митрополичьи, которыя даваны давно, еще до Алексѣя Митрополита, тамъ тѣ пусть и тянутъ къ Митрополиту, какъ тянули при Митрополитѣ Алексѣѣ; дань брать съ тѣхъ селъ въ выходъ Великому Князю по оброчной его грамотѣ, а если дадутъ дани лишнія села Великаго Князя, то тогда должны дать тоже и села Митрополичьи. А про войну, коли я самъ, Князь Великій, сяду на конь, тогда идти и Митрополичьимъ боярамъ и слугамъ, подъ Митрополичьимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ, Великаго Князя; а кто изъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю Митрополиту, а приказался ново Митрополиту тѣ должны идти подъ моимъ воеводою, Великаго Князя. Далѣе этою уставною грамотою опредѣляются тѣ отношенія имущественныя, которыя вообще уже прежде сложились «за Митрополита Алексѣя.» Главную роль, въ этомъ послѣднемъ договорѣ, какъ можемъ видѣть, играютъ финансовыя отношенія: о податяхъ, о принадлежности людей тому или другому владѣльцу, какъ такія

[32] Опис. Кіево-Соф. собора и Кіев. іер. Митр. Евгенія, въ приложеніяхъ стр. 39; И. Г Р. т. 5 прим, 233; о подлинности этой грамоты см. И. С. С. покойнаго профессора Неволина т. 6 стр. 312—315.

[33] Ак- Арх. Эк. т. 1, N 9.

отношенія, которыя прежде всего стоятъ въ виду въ обществѣ, управляющемся покуда на основаніи правилъ гражданскаго права о моемъ и твоемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго о смутѣ церковной и ея слѣдствіяхъ, мы кажется, можемъ заключить разсказъ объ ней тѣми же словами, которыми начали: высоко поднялся авторитетъ Митрополита въ лицѣ Алексѣя и низко палъ вскорѣ въ лицѣ Пимена; но такъ какъ это двѣ крайности, то вся смута церковная уравновѣсила ихъ, и она, приготовленная обстоятельствами, привела къ тому, чтобъ выказать яснѣе разнообразныя отношенія и привести къ окончательно правильному положенію Русской Церкви въ Государствѣ; о чемъ будетъ говорено ниже при описаніи жизни и дѣятельности Митрополита Іоны.

Но здѣсь замѣтимъ противуположность нашей церковной смуты великому западному расколу. У насъ свѣтская власть тянула смуту и всѣ хорошіе плоды ея взяла въ свою пользу; на Западѣ Церковная іерархія, вслѣдствіе своего разврата, произвела смуту и вслѣдствіе того же разврата тянула; а когда націи, заинтересованныя въ дѣлахъ Церкви, возстали съ требованіемъ исправленія Церкви въ главѣ и членахъ, церковная іерархія сожгла Гуса, а націямъ, участвовавшимъ въ Констанскомъ Соборѣ, сдѣлала ничтожныя уступки въ видѣ договоровъ (конкордатовъ). Про противуположность главныхъ лицъ нечего и говорить, напр. Донской — Дмитрій Ивановичъ и Сигизмундъ, Пименъ и Валтасаръ Косса. Здѣсь на сторонѣ Россіи стоятъ ангелы, въ сравненіи съ западными двигателями смуты, по своему личному достоинству и характеру.

СВ. ІОНА, ПОСЛѢДНІЙ МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ И ВСЕЯ РУСИ.

Въ житіи Митрополита Іоны помѣщены только слѣдующія извѣстія о его жизни, до того времени, когда онъ выступилъ на политическое поприще.[1] Онъ былъ родомъ изъ мѣстности около Галича Костромскаго, изъ селенія Ондушева; отцомъ его былъ Өедоръ Ондушъ. Съ юности Іона почувствовалъ призваніе къ монашеской жизни, и двѣнадцати лѣтъ постригся въ одномъ изъ Галицкихъ монастырей; но спустя нѣкоторое время перешелъ въ Москву и вступилъ въ Симоновъ монастырь.[2] Здѣсь онъ принялъ на себя исполненіе различныхъ иноческихъ подвиговъ и, вмѣстѣ съ другими, нѣкоторыми подвижниками, бывшими въ обители, не давалъ въ монастырѣ ничему мѣста, что противно было монастырскому уставу; по этому подвижники позволяли себѣ дѣлать упреки и самому Архимандриту, если онъ не вполнѣ исполнялъ предписанія устава. Архимандритъ за это гналъ обличителей. Въ этомъ монастырѣ Іона занимался постоянно Священнымъ Писаніемъ, а также заботился и о своемъ нравственномъ совершенствованіи. Митрополитъ Фотій, въ одно изъ посѣщеній своихъ Симонова монастыря, зашелъ въ монастырскую пекарню: здѣсь онъ увидалъ Іону, заснувшаго отъ усталости; долго Святитель смотрѣлъ на изнуренное лице спавшаго, запретивъ его будить,

---

[1] Житіе въ Ст. Кн. ч. 2 стр. 69 и далѣе.

[2] Симоновъ монастырь имѣлъ въ Солигаличѣ свои соловарни: Ист. Г. Р. т. 5. пр. 122 и по этой связи Солигалича съ Симоновымъ монастыремъ предполагаютъ, по чему Іона перешелъ именно въ Симоновъ монастырь. Пр. къ Тв. Св. От. годъ 4 въ статьѣ о Митрополитѣ Іонѣ стр. 221 прим. 9 а также и подъ буквою г.

и наконецъ, какъ разсказываетъ авторъ житія Іоны, сказалъ окружавшимъ себя, что спящій инокъ будетъ великій Святитель, а царствующему граду и другимъ городамъ истинный пастырь и учитель[3].

Кромѣ вышеизложеннаго, о жизни Іоны въ монастырѣ мы ничего не знаемъ; но можно предполагать, что святость его жизни и другія достоинства были извѣстны многимъ, и даже Великому Князю; послѣднее видно изъ того, что въ житіи говорится, что Іона былъ поставленъ въ Епископа Рязани Мурома, «по избранію освященнаго Собора и по совѣту Самодержца». Въ санѣ Епископа Рязани и Мурома онъ занялся обращеніемъ къ Христіянству иновѣрныхъ жителей своей Епархіи.

2-го Іюля 1431 года скончался въ Москвѣ Фотій Митрополитъ всея Руси; нужно было позаботиться объ избраніи ему преемника. Мы видѣли выше, что Святитель Алексѣй былъ избранъ въ Митрополиты по желанію Великаго Князя и Митрополита Ѳеогноста; ихъ избраніе въ Константинополѣ было утверждено. По смерти Алексѣя началась церковная смута, кончившаяся тѣмъ, что Святитель Кипріанъ, посвященный въ Константинополѣ въ Митрополиты, по ходатайству Литовскихъ Князей, сдѣлался наконецъ нас оящимъ по власти Митрополитомъ всея Руси и умеръ въ Москвѣ. По смерти его изъ Москвы послали въ Константинополь съ требованіемъ, чтобы прислали оттуда Митрополита для Россіи; изъ Константинополя былъ присланъ Фотій. Но избранію Фотія въ Митрополиты всея Руси явилось явное противодѣйствіе изъ Литвы. Витовтъ, находившійся въ это время во враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ, желалъ, чтобы преемникомъ Кипріану былъ его избранникъ; но какъ въ Константинополѣ не было удовлетворено его желаніе, то Соборомъ Западно-Русскихъ Епископовъ въ 1415 году былъ поставленъ Григорій въ Митрополиты для Епархій, входившихъ въ составъ владѣній Литовскаго Великаго Князя.[4] Но Витовтъ примирился съ своимъ зятемъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, а Григорій въ 1419 году скончался, и тогда обѣ поло-

---

3 Ст. Кн. ч. 2 стр. 70.

4 Объ этомъ см. ниже.

вины Митрополіи соединились подъ власть одного Митрополита Фотія. По смерти Фотія въ Москвѣ не имѣли времени для сношеній съ Константинополемъ о поставленіи преемника умершему Митрополиту: въ это время происходила борьба между Московскими Князьями. Вскорѣ, по смерти Фотія, Василій Васильевичъ отправился изъ Москвы въ Орду, для спора тамъ съ дядею, Юріемъ Дмитріевичемъ, о Великомъ Княженіи; споръ былъ рѣшенъ въ пользу Василія Васильевича, и онъ пріѣхалъ въ Москву, а его дядя отправился къ себѣ, въ Дмитровъ, а потомъ уѣхалъ въ свой Галичъ. Въ Апрѣлѣ 1433 года Василій Васильевичъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы, которую занялъ Юрій Дмитріевичъ.

Во время этѣхъ смутъ Іона, Епископъ Рязанскій, былъ нареченъ на Митрополію и сталъ заправлять ея дѣлами; этому свидѣтельствомъ служитъ грамота, посланная Іоною въ Печерскій Нижегородскій монастырь, 11 Марта 1433 года. Изъ грамоты видно, что онъ поступаетъ такъ, какъ могъ поступать только правитель Митрополіи.[5] Даже можно предполагать, что нареченіе его на Митрополію произведено тотчасъ по смерти Фотія.[6] Такъ какъ грамота въ Печерскій монастырь относится къ тому времени, когда Василій Васильевичъ обладалъ Москвой, то можно предполагать, что нареченіе вообще произошло не безъ его воли, хотя не имѣемъ данныхъ сдѣлать другое предположеніе, что Іона поставленъ въ Епископа Рязани съ тою же цѣлію, какъ Алексѣй былъ поставленъ во Епископа Владимірскаго. Какъ видно смуты, начавшіяся въ Россіи, помѣшали Святителю Іонѣ отправиться въ Константинополь для поставленія на Митрополію, между тѣмъ какъ въ это время въ Константинополѣ былъ поставленъ въ Митрополиты всея Россіи пріѣхавшій туда Герасимъ, Епископъ Смоленскій. Онъ, должно быть, былъ избранникъ Свидригайла, Литовскаго Великаго Князя. Свидригайло, прежде хорошо принявшій Фотія, кромѣ причины смерти Митрополита и постояннаго направленія, по этому случаю, Литовскихъ Князей имѣть на Митрополичьемъ престолѣ своего избранника, могъ быть побужденъ къ покровительству Герасиму, въ его дѣлѣ, Юріемъ Дмитріевичемъ,

---

[5] Ак. Ист. т. 1. № 37.

[6] Тамъ же № 41 «и отъ того же тогдашняго времени» т. е. со смерти Фотія.

своимъ побратимомъ,[7] который могъ указать Литовскому Князю, что Іона сторонникъ Василія Васильевича, такъ по этому не мѣшало бы устранить его поставленіе. Такъ или иначе, но со стороны Москвы не видимъ противодѣйствія Герасиму, ждавшему въ Смоленскѣ конца Московскихъ смутъ, чтобъ переѣхать въ Москву. Въ кратковременное Митрополитствованіе свое Герасимъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на церковныя дѣла не въ одной Западной Россіи: такъ онъ поставилъ Архіепископа Новгороду; впрочемъ къ этому могли быть и другія побуждающія причины. Дѣятельность Герасима скоро кончилась: въ 1435 году Великій Князь Свидригайло «выня грамоты перевѣтныя» у Герасима, заковалъ его и велѣлъ, сжечь, вѣроятно подозрѣвая его въ связи съ какими нибудь своими врагами; въ Литвѣ у него шла борьба съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, ради котораго онъ лишился Великокняжескаго престола; впрочемъ лѣтописецъ, записавшій это событіе, что Свидригайло сжегъ Герасима, по вышесказанному поводу, прибавляетъ: «а вѣдаетъ то Самъ Христосъ промежъ ими о томъ.»[8]

Послѣ смерти Юрія Дмитріевича Василій Васильевичъ занялъ Москву; борьба его съ сыновьями дяди шла; но какъ только она немного позатихла, то мы видимъ, что Іона отправляется въ Константинополь. Путешествіе его туда, какъ можно предполагать, было продолжительно; а когда онъ прибылъ наконецъ, то нашелъ, что для Россіи поставленъ въ Митрополиты Исидоръ. Въ Константинополѣ покровительствовали Исидору, но утѣшали Іону, которому былъ непріятенъ этотъ случай, тѣмъ, что говорили: «мы не можемъ теперь иначе поступить; но если съ Исидоромъ что-либо случится, тогда ты, Іона, будь готовъ принять престолъ Митрополіи.» Съ этѣмъ обѣщаніемъ Іона воротился въ Россію, и долженъ былъ покуда заняться дѣлами своей Рязанской Епархіи.

---

[7] Ист. Рос. т. 4 стр. 59 и 124.

[8] П. С. Р. Л. т. 4 стр. 206 — 209. Здѣсь побудительныя причины къ такому поступку выражены довольно темно, но у Карамзина (т. 5 прим. 293) это объяснено такъ, Герасимъ держалъ перевѣтъ къ Сигизмунду Кейстутовичу и за это Свидригайло схватилъ его въ Смоленскѣ и, заковавъ, отвезъ его въ Витебскъ, гдѣ на Двинѣ сжегъ. Лѣт. Княж. Литов. стр. 52, въ Учен. Запис. 2 отд. Ак. Наукъ, кн 1.

Съ Исидоромъ, дѣйствительно, случилось нехорошее: его желаніе подчинить Русскую Церковь Папѣ не удалось. Явясь въ Москву, послѣ Флорентійскаго Собора, съ объявленіемъ о соединеніи Церквей, онъ былъ отвергнутъ Великимъ Княземъ и потерялъ власть надъ Митрополіей. Тогда Великій Князь захотѣлъ кончить давно начатое дѣло Іоны; для этого было ему время: смуты въ Россіи позатихли. Приготовлена была грамота, чтобъ послать ее въ Константинополь; въ ней излагалось слѣдующее: Василій Васильевичъ пишетъ къ Патріарху, что Русская Церковь, находясь всегда въ соединеніи съ Церковью Константинопольскою, принимала оттуда себѣ Митрополитовъ иногда изъ Грековъ, иногда же изъ Русскихъ, поставляемыхъ Вселенскимъ Патріархомъ и что такъ продолжалось до временъ отца его, Великаго Князя Василія Дмитріевича. По преставленіи же Фотія Митрополита, за нужду поганьскаго на насъ нашествія и междоусобныхъ браней, и христіанскаго ради устроенія и пользы духовной, былъ понужденъ нами Іона Епископъ Рязанскій, мужъ духовный и въ добродѣтельномъ житіи отъ младенчества многія лѣта подвизавшійся, идти къ вамъ, дабы вы поставили его на Митрополію. Не знаемъ мы, по чему вы нашего прошенія не приняли, грамотъ нашихъ не послушали, словамъ пословъ не вняли, и того Епископа Іону на Митрополію не поставили, а прислали того, о комъ мы не просили — Исидора. Мы его, только ради прошенія Царскаго посла и благословенія Святѣйшаго Патріарха и его Исидорова покоренія и челобитья едва-едва приняли. Мы приняли Исидора, какъ отца и учителя со многою честью и благимъ усердіемъ по прежнему, какъ прежнихъ Святѣйшихъ Митрополитовъ Русскихъ, думая, что и онъ подобенъ имъ, не зная, какое дѣло отъ него можетъ быть. Но пришедши къ намъ, Исидоръ съ перваго же дня началъ собираться къ путешествію на Соборъ, и сколько мы его ни уговаривали, да не пойдетъ; онъ же началъ говорить: «что если я не пойду, то буду имѣть отъ Святѣйшаго Патріарха вмѣсто благословенія клятву.» Мы же, не могши удержать его отъ путешествія, стали ему говорить: «если пойдешь, и когда къ намъ возвратишся, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и Православную Вѣру, а иностраннаго и новаго не приноси къ намъ.» Онъ же съ клятвою обѣщался не приносить ничего новаго; но, пришедши, много чужаго при-

несъ въ наше Православіе. Мы же, слыша и видя сіе, созвали Епископовъ отечества нашего, которые были близь насъ, также Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ и иноковъ не мало: всѣмъ имъ показались чужими и странными правила Исидоровы. Того ради послали пословъ къ Царю, къ тебѣ (Патріарху) и ко всему собору, просимъ, да разсудите по Божественнымъ правиламъ дѣло Исидора; а по этому еще, ради дальняго и труднаго путешествія и другихъ многихъ причинъ, дозвольте поставленіе Митрополита въ нашей землѣ, по тому что и прежде за нуждою бывало поставленіе Митрополита въ Россіи. Мы же этѣмъ никакого разлученія съ вами не хотимъ имѣть до вѣка.» Въ это время въ Москву пришла вѣсть, что Императоръ перешелъ въ Латинскую Вѣру: по этому изъ Москвы послали воротить пословъ, которые пошли въ Константинополь съ вышеизложенною грамотою [9]. Дозволеніе поставлять Митрополита для Россіи въ Россіи такимъ образомъ не было испрошено изъ Константинополя, а въ Москвѣ покуда на это не рѣшались, а можетъ быть этому помѣшало что-нибудь другое. Въ 1445 году начались опять въ Сѣверной Россіи особенно сильныя смуты; но какъ только онѣ отчасти прекратились, то Василій Васильевичъ, уже Темный, позаботился о дѣлахъ Церкви, и Іона соборомъ Русскихъ Епископовъ былъ поставленъ въ Митрополиты всея Руси. [10] По этому случаю была написана въ Константинополь къ Императору грамота, и въ ней говорилось, какъ и въ прежней, къ Патріарху о необходимости поставленія Всероссійскаго Митрополита въ Россіи, и что теперь, на основаніи правилъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, нужды ради, поставленъ, давно нареченный на Митрополію, въ Митрополиты, Іона, Епископъ Рязанскій. Это поставленіе произведено, говоритъ грамота, за великую нужду, а не кичееніемъ и не дерзостію; а по этому Церковь Русская отъ Константинопольской ищетъ себѣ благословенія и соединенія и въ соединеніи пребудетъ. Въ заключеніе говорится, что такъ какъ не извѣстно, есть ли Православный Патріархъ въ царствѣ Императора, потому что объ немъ ничего не слышно, по этому и не

---

[9] Ак. Ист. т. 1, N. 39; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 162 — 167.

[10] Ник. Лѣт. ч. 5 стр. 215; П. С. Р. Л. т. 6 стр. 167.

пишутъ къ нему.[11] Такимъ образомъ въ Россiи 1448 года 15 Декабря поставленiемъ Iоны соборомъ Русскихъ Епископовъ въ Митрополиты, рѣшена была независимость Русской Церкви отъ Константинопольской; потому что, при поставленiи Iоны предполагалось, чтобы и впредь Митрополиты поставлялись, какъ поставленъ онъ. Великiй Князь, который хлопоталъ объ этомъ, послѣднею грамотою утвердилъ это право за Русскою Церковью. Изъ Константинополя нечего было ждать по этому случаю сопротивленiя, а самъ Митрополитъ Iона, извѣщая всѣхъ окружною грамотою о своемъ поставленiи, говорилъ: «вѣдомо всѣмъ, сколько времени не было въ Россiи Митрополита; теперь же, по Божiю изволенiю, собрался соборъ Владыкъ, Архимандритовъ, Игуменовъ и всего великаго Священства и поставили меня Митрополитомъ, помнивая прежнее на насъ повелѣнiе Царя и благословенiе Святѣйшаго Патрiарха и всего Вселенскаго собора и по думѣ Господина, сына моего, Великаго Князя Василiя Васильевича и его младшей братiи, Князей. Это, дѣти, учинилось не хотѣнiемъ нашего смиренiя, но Богу такъ угодно и волѣ Великаго Самодержавства.»[12] Но Митрополитъ Iона, какъ видно, самъ заботился о томъ, чтобы его поставленiе не считалось противозаконнымъ на Востокѣ и было бы утверждено изъ Константинополя. Ради этого онъ, по случаю невзгодъ для Константинопольской Церкви, посылалъ туда денежныя поминки и просилъ оттуда благословенiя и грамоты, по тому, дескать, что въ Москвѣ всѣ грамоты прежнихъ Патрiарховъ сгорѣли, имѣя, конечно, въ виду, что если будетъ послана грамота изъ Константинополя къ нему, то тѣмъ самымъ будетъ признано его избранiе.[13]

---

[11] Ак. Ист. т. 1. NN 41 и 222, о томъ, что помѣщенныя подъ этѣми номерами посланiя не были посланы одно за другимъ, а есть одно посланiе, различныхъ редакцiй. См. Пр. къ Тв. Св. От. годъ 4 стр. 240, прим. а; Ист. Рус. Цер. ч. 3, стр. 15 п пр. 10.

[12] Акт. Ист. т. 1, N. 43.

[13] Ак. Ист. т. 1, N 263; Ист. Р. т. 4 стр. 320 — 321. Это посланiе Митрополита Iоны въ Константинополь возилъ, должно быть, Касьянъ Игуменъ Кирилловскiй, а потомъ Спасо-Каменскiй; въ Кирилловскомъ онъ былъ преемникъ Трифона. Въ Спасо-Каменскiй монастырь Василiй Васильевичъ заѣзжалъ помолиться, когда изъ Вологды отправился въ Кирилловъ мона-

Теперь обратимся къ тѣмъ событіямъ Сѣверной Россіи, которыя совершились въ политическомъ мірѣ, со смерти Митрополита Фотія до поставленія въ Митрополиты Іоны, и здѣсь посмотримъ на то участіе, которое принимало въ нихъ духовенство; а потомъ взглянемъ на участіе въ нихъ Святителя Іоны, какъ Митрополита. Фотій, со времени начала борьбы Василія Васильевича съ дядей его до своей смерти, находился на сторонѣ Василія Васильевича.[14] Вскорѣ послѣ смерти этого Митрополита миръ между Князьями былъ нарушенъ, вслѣдствіе перваго удобнаго случая къ этому, и Василій Васильевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы. Юрій Дмитріевичъ занялъ ее, захватилъ скитавшагося по Россіи племянника; но какъ только далъ ему въ удѣлъ Коломну, то къ Василью Васильевичу стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ люди и такъ много, что Юрій Дмитріевичъ, видя свою слабость, самъ пригласилъ племянника занять Московскій престолъ. Послѣ этого былъ заключенъ между ними миръ, который впрочемъ опять былъ скоро нарушенъ. Василій Васильевичъ проигралъ сраженіе и опять принужденъ былъ скитаться изъ угла въ уголъ по Сѣверной Россіи, а дядя занялъ Москву. Находясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, Василій Васильевичъ хотѣлъ было ужь искать помощи въ Ордѣ противъ дяди, потому что онъ не имѣлъ ея ни откуда въ Россіи; но въ это время Юрій Дмитріевичъ умеръ. Старшій сынъ его занялъ было Московскій престолъ по новому праву наслѣдства, отъ отца къ сыну, а не по старому, за которое боролся его отецъ; но остальные его братья, Шемяка и Красный, этого не захотѣли и послали въ Нижній-Новгородъ за Василіемъ Васильевичемъ, который, предъ ними, былъ старшій въ родѣ, съ предложеніемъ, чтобъ шелъ въ Москву и занялъ Великокняжескій престолъ. Василій Юрьевичъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кострому, имѣя также намѣреніе искать себѣ помощи въ Ордѣ. Василій Васильевичъ занялъ Москву; заключилъ договоръ съ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою о дружбѣ и согласіи, чтобъ дѣйствовать вездѣ заодно; а потомъ въ слѣдующемъ году, послѣ различныхъ

стырь, гдѣ былъ разрѣшенъ отъ клятвъ, данныхъ Шемякѣ. Пр.Соб. 1861 г. т. 1 стр. 197 — 216; Ист. Рус. Іер. ч. 4 стр. 496, М. 1812 г.

[14] См. лѣт. подъ 1425 годомъ.

военныхъ движеній, заключилъ миръ и съ Васильемъ Юрьевичемъ Косымъ. Но борьба этѣмъ не кончилась, и миръ между Васильемъ Васильевичемъ и Васильемъ Юрьевичемъ скоро былъ нарушенъ. Шемяка, во время этого размирья, пріѣхавшій въ Москву, съ цѣлію пригласить, какъ родственника, Василья Васильевича къ себѣ на свадьбу, былъ схваченъ Великимъ Княземъ и отосланъ въ Коломну. Ожесточенная борьба между Князьями кончилась тѣмъ, что Василій Юрьевичъ попался въ плѣнъ и былъ ослѣпленъ; а Шемяка, находившійся въ продолженіи этой борьбы въ Коломнѣ, сначала закованный, былъ освобожденъ отъ оковъ, а потомъ, послѣ погибели брата, выпущенъ на свободу, при чемъ былъ возвращенъ ему его удѣлъ и заключенъ съ нимъ договоръ. Но смута все-таки этѣмъ не кончилась: борьба у Василія Васильевича началась уже съ Шемякою и продолжалась до начала сороковыхъ годовъ XV столѣтія и потомъ на время поутихла. Во все продолженіе этого времени не видимъ участія духовенства въ дѣлахъ политическихъ, только иногда отдѣльные его члены показываются здѣсь. Такъ, лѣтописецъ подъ 1442 годомъ упоминаетъ, что Троицкой Игуменъ Зиновій ввелъ въ любовь Шемяку съ Василіемъ Васильевичемъ; или же въ житіи Григорія Игумена Вологодскаго монастыря (на Плешнѣ) говорится, что онъ уговаривалъ Юрія Дмитріевича, захватившаго Москву, уступить ее законному владѣльцу.[15] Духовенство теперь находилось безъ главы; Митрополитъ Исидоръ, пришедшій въ Россію въ 1437 году, снова оставилъ Церковь, отправившись на Соборъ въ Италію и не успѣлъ, по краткости своего пребыванія въ Россіи, заявить себя чѣмъ нибудь особеннымъ въ политическихъ дѣлахъ; наконецъ, въ 1441 году, онъ явился и объявилъ о соединеніи Церквей. Здѣсь, кажется, былъ удобный случай заявить себя вообще духовенству. Вотъ какъ разсказываетъ это дѣло лѣтописецъ: «Слыша и видя Великій Князь, что Митрополитъ въ Божественной службѣ поминаетъ Папу Римскаго, а не Патріарха Цареградскаго и много иныхъ вещей слыша и видя, дѣлаемыхъ не по обычаю Русской земли, — дивился, и сказалъ Великій Князь Василій Васильевичъ: «при нашихъ прародителяхъ и

---

[15] Ист. Рос. т. 4, стр. 346.

отцахъ и при нашей братьѣ, Великихъ Князьяхъ, этого не бывало и я не хочу,» и повелѣлъ ему жить въ Чудовомъ монастырѣ, а поимали его въ среду крестопоклонныя недѣли великаго поста и сидѣлъ въ томъ монастырѣ все лѣто. Достойно удивляться разуму и великому смыслу Великаго Князя Василія Васильевича, потому что объ этомъ Исидорѣ Митрополитѣ всѣ молчали и бояре и многіе другіе; еще же удивительнѣе, что и Епископы Русскія земли всѣ молчали, воздремали и уснули: одинъ только богомудрый и христолюбивый Государь Великій Князь Василій Васильевичъ позналъ Исидорову пагубную прелесть, и скоро обличивъ — посрамилъ его, и, вмѣсто пастыря и учителя, злымъ и губительнымъ волкомъ назвалъ его. И тогда всѣ Епископы Русскія земли, бывшіе въ то время въ Москвѣ, проснулись; Князья, бояре и вельможи и множество Христіанъ вспомнили тогда прежніе Греческіе законы и начали звать Исидора еретикомъ. И тогда Князь Великій Василій Васильевичъ возрадовался о согласіи Епископовъ и всѣхъ Православныхъ Христіанъ, и повелѣлъ Исидору пребывать въ монастырѣ, пока обыщутъ объ немъ по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Соборовъ. Но Исидоръ, вмѣсто раскаянія, не дождавшись суда надъ собой, съ учениками своими, Григоріемъ и Аѳанасіемъ, бѣжалъ ночью изъ Чудова, направившись въ Тверь, а оттуда въ Литву, да и къ Риму, къ Папѣ своему. Великій же Князь не послалъ за нимъ никого въ погоню, не желая его удерживать.[16] Дѣйствительно, странно, что не отыскалось ни одного человѣка, даже между Епископами, бывшими въ то время въ Москвѣ, пока Великій Князь самъ не догадался; оправданіе молчанія Епископовъ тѣмъ, что они боялись Митрополита,[17] въ такомъ важномъ дѣлѣ нельзя принять въ уваженіе. Послѣ бѣгства Исидора была написана, для посылки въ Константинополь, вышеизложенная грамота о дозволеніи поставить Митрополита въ Россіи; но покуда къ тому, что было просимо грамотою, въ Москвѣ еще не приступили. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого началась вновь борьба между Василіемъ Васильевичемъ и Дмитріемъ Юрьевичемъ, въ самомъ ожесточенномъ видѣ. Въ такой

---

16 Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 156 — 157.

17 Тат. ч. 4, стр. 547 — 549.

борьбѣ духовенство, какъ членъ общества, должно было показать, на чьей оно сторонѣ находится. Этого высказыванья отъ него можно было требовать, даже и при томъ положеніи, въ которомъ оно тогда находилось, т. е. что оно было безъ Митрополита, — безъ своего главы, и было разсѣяно по мѣстамъ и областямъ, которыя не всѣ принадлежали Москвѣ, но уже все-таки тянули окончательно къ ней. Сдѣсь говорится это про духовенство Сѣверной Россіи. Рядъ заключенныхъ мирныхъ договоровъ между Шемякою и Василіемъ Васильевичемъ поддерживали миръ потому, что стороны не имѣли средствъ нарушить его; особенно это относится къ Шемякѣ, потому что Дмитрій Юрьевичъ не могъ забыть того, что сдѣлалъ Великій Князь съ братомъ его и съ нимъ. Случай для враждебныхъ поступковъ съ его стороны наконецъ представился. Въ 1445 году Татары сдѣлали одинъ изъ постоянныхъ своихъ набѣговъ на Россію. Великій Князь самъ выступилъ противъ нихъ. Во время битвы подъ Суздалемъ Русскіе были разбиты, и онъ попался въ плѣнъ. Татары повели съ собою Великаго Князя, а къ Шемякѣ отправили посла. Посолъ былъ принятъ Шемякою съ честью, потому что онъ былъ радъ случаю пріобрѣсти себѣ Великое Княженіе. Дмитрій Юрьевичъ отпустилъ Татарскаго посла назадъ со всѣмъ лихомъ на Великаго Князя и вмѣстѣ съ Татарскимъ посломъ отправилъ и своего для хлопотъ, чтобъ Василій Васильевичъ не былъ выпущенъ на Великое Княженіе. Но, должно быть, послы долго замѣшкались, и Татары подумали, что ихъ посолъ убитъ Шемякою, тогда они укрѣпили Василія Васильевича крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы дать ему за себя окупъ сколько можетъ, и отпустили домой. Шемяка не занялъ въ это время Москвы; но за то воспользовался разнесшимся слухомъ о невыгодномъ до крайности договорѣ для Россіи Василія Васильевича съ Татарами. Перепугавъ этѣмъ слухомъ другихъ Князей, Шемяка набралъ такимъ образомъ себѣ союзниковъ и единомышленниковъ: всѣ они стали думать противъ Великаго Князя. По возвращеніи изъ плѣна Василій Васильевичъ отправился съ дѣтьми въ Троицкій монастырь на богомолье. Шемяка, извѣщенный объ этомъ своими агентами, былъ готовъ къ дѣлу: во время отсутствія Великаго Князя онъ занялъ безъ сопротивленія Москву, захватилъ Великихъ Княгинь, а къ Троицѣ отправилъ своего союзника, Князя

Ивана Можайскаго. Иванъ Можайскій схватилъ въ монастырѣ совершенно перетрусившаго Василія Васильевича, объявилъ ему, что это дѣлается ради большаго Татарскаго окупа, потому что Татары, увидя его въ плѣну, облегчатъ окупъ. Захвативъ Великаго Князя, по небрежности, не захватили бывшихъ съ нимъ его дѣтей — Ивана и Юрія, схоронившихся въ монастырѣ. Послѣ захвата отца, дѣти съ оставшимися въ монастырѣ слугами бѣжали къ Князю Ряполовскому, который вмѣстѣ съ ними и своими братьями бѣжалъ въ Муромъ и тамъ затворился. Василій Васильевичъ, отвезенный въ Москву, былъ ослѣпленъ, какъ ослѣпилъ онъ старшаго брата Шемяки. Послѣ ослѣпленія, его отправили съ женою въ Угличъ въ заключеніе, а мать его, Софью Витовтовну, въ Чухлому.

Послѣ такого дѣла, Шемяка увидалъ къ себѣ всеобщее несочувствіе: началось бѣгство знатныхъ лицъ изъ Россіи въ Литву, много людей стали думать, какъ бы возвратить престолъ Великокняжескій Василію Васильевичу; около же Шемяки не было людей, которые бы могли поддержать его. Видя это, Дмитрій Юрьевичъ вспомнилъ еще опасность, грозившую ему отъ дѣтей ослѣпленнаго Князя, около которыхъ могли собраться, въ значительномъ количествѣ, люди преданные ихъ отцу, и рѣшилъ избавиться отъ этой будущей бѣды. Вслѣдствіе этого рѣшенія, онъ обратился къ Іонѣ, Епископу Рязанскому, призвалъ его къ себѣ въ Москву, обѣщалъ ему давно имъ ожидаемую Митрополію, и началъ говорить: «отче, чтобы тебѣ идти въ свою Епископію, въ городъ Муромъ, и взять тамъ дѣтей Василія Васильевича на свою епитрахиль! Я же радъ ихъ жаловать и отца ихъ выпущу, и вотчину дамъ довольную; такую, чтобъ можно бы было имъ жить какъ слѣдуетъ.» Владыка Іона, обманутый мягкими словами Дмитрія Юрьевича, отправился въ его судахъ водою въ Муромъ; пріѣхалъ туда и началъ говорить Шемякины слова Князьямъ Ряполовскимъ и другимъ, бывшимъ съ ними. Бояре долго о томъ думали и наконецъ рѣшили такъ: «если мы теперь Святителя не послушаемъ, не пойдемъ къ Князю Дмитрію, съ этѣми Великаго Князя дѣтьми, то онъ придетъ съ ратью, возьметъ городъ, а захвативъ дѣтей, что захочетъ, то и сдѣлаетъ съ ними, да такъ же и отцу ихъ, Великому Князю, да и намъ всѣмъ тогда во что бу-

детъ сопротивленіе наше словамъ Святителя.» Вслѣдствіе такого рѣшенія бояре обратились къ Іонѣ, говоря: «если ты съ такими рѣчьми пришелъ отъ Князя Дмитрія къ дѣтямъ Великаго Князя и къ намъ, то исполнить это сами собою мы не дерзаемъ, чтобъ отпустить съ тобой дѣтей безъ крѣпости; но пойдемъ въ соборную церковь, и тамъ съ пелены образа Пресвятыя Богородицы возьми ихъ на свою епитрахиль: на такомъ условіи ихъ отпустимъ, да и сами пойдемъ съ ними.» Владыка Іона согласился это исполнить, пошелъ въ церковь, отслужилъ молебенъ и взялъ дѣтей съ пелены образа Богородицы на свою епитрахиль. Получивъ подъ свое покровительство дѣтей, Святитель отправился къ Шемякѣ въ Переяславль, гдѣ тотъ тогда находился. Дмитрій Юрьевичъ принялъ дѣтей съ ласкою, пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать, одарилъ ихъ; но потомъ, на третій день послѣ этого, съ тѣмъ же Владыкою Іоною послалъ въ Угличъ къ отцу въ заточеніе. Святитель исполнилъ приказаніе и воротился къ Шемякѣ; этотъ же приказалъ ему идти въ Москву и сѣсть на Митрополичьемъ дворѣ, на основаніи своего обѣщанія, и потому, что Святитель Іона прежде былъ нареченъ и благословленъ на Митрополію. [18]

Это событіе весьма замѣчательно: Дмитрій Юрьевичъ зналъ, конечно, что Іона былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Василіемъ Васильевичемъ, и по этому воспользовался его авторитетомъ съ этой стороны, а также и всеобщимъ уваженіемъ, которымъ пользовался Святитель отъ всѣхъ. Но главное сдѣсь то, что сторонника своего врага Дмитрій Юрьевичъ обманувъ сначала, потомъ возвышаетъ, приказавъ ему сѣсть на Митрополичьемъ дворѣ. Шемякѣ нуженъ былъ Митрополитъ для поддержанія себя, и онъ не находитъ для этого другаго человѣка, кромѣ Іоны. Сдѣсь трудно принять въ разсчетъ относительно поступка Шемяки то, что Іона прежде былъ нареченъ на Митрополію. Положеніе Дмитрія Юрьевича было не очень хорошо: онъ желалъ бы примириться со всѣми, привлечь на свою сторону лучшихъ людей и даже тѣхъ, которые держатъ себя въ сторонѣ отъ мірскихъ дрязговъ; но Шемяка не отсталъ отъ тѣхъ маперъ въ поступкахъ,

---

[18] Ст. Кн. ч. 2. стр. 77.

которые такъ разжигаютъ вражду и возбуждаютъ къ употребляющимъ ихъ отвращеніе; а до чего это отвращеніе и ненависть къ Шемякѣ простирались, то можемъ видѣть изъ Степенной Книги, [19] гдѣ говорится, что многіе хотѣли его убить.

Дмитрій Юрьевичъ не заглушилъ совѣсти у Владыки Іоны возвышеніемъ его, а всѣхъ другихъ, поступкомъ съ дѣтьми Великаго Князя, еще болѣе раздражилъ и особенно Ряполовскихъ. У всѣхъ явилось желаніе какъ бы освободить Великаго Князя. Бѣгство въ Литву болѣе и болѣе увеличивалось, и тамъ стали собираться недовольные, составляя изъ себя значительную силу противъ Шемяки. Видя кругомъ себя одно недовольство, мучимый опасеніями, Дмитрій Юрьевичъ послалъ по Епископовъ, приглашая ихъ къ себѣ на совѣтъ, и вмѣстѣ съ ними и своими приверженцами сталъ думать: выпустить ли Василія Васильевича, или нѣтъ? Между тѣмъ Святитель Іона не отставалъ отъ него и твердилъ ему каждый день: «за чѣмъ ты эту неправду учинилъ и меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ? Князя бы тебѣ выпустить, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ. Ты мнѣ далъ правое слово; меня послушали, и теперь я весь во лжи. Выпусти его, сними съ моей и твоей души грѣхъ: что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой съ малыми дѣтьми? Если боишься, то укрѣпи его честнымъ кресгомъ, да и нашею братіею, Владыками.» Такъ говорилъ Святитель Іона постоянно и много. Трудно приходилось Дмитрію Юрьевичу; много онъ думалъ, и наконецъ рѣшился на то, чтобы выпустить Василія Васильевича, и дать ему вотчину, чтобы было ему на чемъ жить. Съ этою цѣлію отправился Шемяка въ Угличъ; съ нимъ ѣхали Епископы, Архимандриты, Игумены. Выпустилъ онъ Василія Васильевича, каялся предъ нимъ и прощалъ его. Василій Васильевичъ также каялся, принималъ на себя всю вину; говорилъ, что мало ему того, что сдѣлано съ нимъ, за его преступленія, что достоинъ онъ смертныя казни, но Государь только надъ нимъ смиловался; и много онъ говорилъ подобнаго, что и исписать всего нельзя; а какъ говорилъ онъ, то слезы ручьемъ текли изъ его слѣпыхъ глазъ, и до того онъ расплакался, что всѣ присутствовавшіе, глядя на него, не могли удер-

---

[19] ч. 2 стр. 17.

жаться и тоже расплакались. Послѣ этого примиренія Дмитрій Юрьевичъ далъ слѣпому Князю пиръ, на которомъ присутствовали и всѣ Епископы Русской земли и много другихъ людей; одарилъ Шемяка Василія Васильевича и жену его, далъ имъ съ дѣтьми въ удѣлъ Вологду и отпустилъ ихъ всѣхъ.

Но ошибся Дмитрій Юрьевичъ въ расчетѣ, что выпустивъ Василія Васильевича, онъ будетъ спокоенъ. Выпущенный Князь, побывъ не много въ Вологдѣ, пошелъ со всѣми своими въ Кирилловъ монастырь, притворяясь, что идетъ на богомолье. Въ Кирилловѣ Игуменъ Трифонъ снялъ съ него клятвы, данныя Дмитрію Юрьевичу. Если для слѣпаго Князя нужно было церковное разрѣшеніе отъ клятвъ, то для его сторонниковъ нужно было только, чтобы его выпустили. Они со всѣхъ сторонъ стали къ нему сходиться, и Шемяка также легко потерялъ Москву, какъ и пріобрѣлъ ее. Бѣжалъ онъ въ свой Галичъ, захвативъ съ собой Софью Витовтовну, которую послѣ выпустилъ, потому что и держать ее у себя нѣтъ ни какой чести, да и потому, что и стеречь-то ее не кому. Раздраженный всѣмъ этѣмъ Шемяка не хотѣлъ уже оставить своего дѣла безъ конца; началась, болѣе чѣмъ прежде ожесточенная, борьба между нимъ и Василіемъ Васильевичемъ.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ можно уже заключить, что всеобщее сочувствіе находилось на сторонѣ Василія Васильевича, наслѣдственнаго представителя новаго порядка вещей въ Россіи; духовенство же, безъ начальника, все таки и въ своемъ положеніи, на сколько могло, показало, на чьей оно сторонѣ находится. Мы можемъ видѣть, что оно сочувствуетъ темному Князю и учавствуетъ въ дѣлахъ больше даже на сколько приказываетъ долгъ пастырей умирять враждующихъ. Но занялъ Василій Васильевичъ Москву, и тогда явилось отъ Русскаго духовенства замѣчательное посланіе къ Шемякѣ, отъ 29 Декабря 1447 года. Вотъ содержаніе: [20] «Господину Князю Дмитрію Юрьевичу богомольцы старѣйшаго твоего брата и твои общіе, пишемъ къ твоему благородію, по своему долгу, попеченіе творя

[20] Ак. Ист. т. 1, N. 40.

о твоей душѣ и твоемъ здравіи. Потомъ говорится, что вотъ Адамъ пожелалъ равно божества и по этому сталъ снискивать хлѣбъ въ въ потѣ лица, и за его грѣхъ мы страдаемъ; такъ вотъ и твой отецъ, самъ ты это лучше всѣхъ знаешь, такую же заботу, какъ и Адамъ, имѣлъ для пріобрѣтенія Великаго Княженія: какіе труды для этого принималъ и ничего не получилъ, только для всѣхъ отъ этого истома была; а потомъ и братъ твой Василій тоже хотѣлъ, да не допустилъ его Богъ: самъ знаешь, каково его нынѣ житье. Теперь же и о тебѣ скажемъ: ты не помогалъ Великому Князю противъ Татаръ, и сколько Христіянъ поведено въ плѣнъ, и сколько произошло другихъ несчастій, и все это отъ твоего небреженія, и вседильный Богъ съ тебя за это взыщетъ. Потомъ, когда Богъ Своею милостію Великаго Князя отъ поганыхъ освободилъ и какъ онъ въ свое Государство пришелъ, то тебя дьяволъ на него вооружилъ, разбойнически изгналъ его, на крестномъ цѣлованіи, и сотворилъ ты надъ нимъ не меньше прежняго брата убійцы Каина и окаяннаго Святополка. Разсуди самъ, какое ты благо сотворилъ Православному Христіянству, сколько погосударствовалъ, и въ тишинѣ ли пожилъ? Не все ли въ суетѣ и въ перескакиваніи съ мѣста на мѣсто, днемъ помышленіями томимый, а ночью мучимый сновидѣніями. Ища и желая большаго и меньшее истерялъ; а братъ-то твой старѣйшій опять на своемъ Государствѣ и Богъ ему вложилъ въ сердце все тебѣ простить; да и пожаловалъ тебя Великій Князь, по твоему челобитью, вотчину тебѣ далъ, а ты цѣловалъ къ нему честный крестъ, чтобы исполнять все по докончальнымъ грамотамъ. И являлъ намъ, богомольцамъ своимъ, Великій Князь тѣ докончальныя съ тобой грамоты и общую вашу перемирную грамоту: какъ вамъ жить и править. И увидали мы въ этѣхъ грамотахъ, какъ вамъ жить, и на всѣхъ ты этѣхъ грамотахъ цѣловалъ крестъ. Что жъ ты, Господинъ, за просто что ли принялъ крестное цѣлованіе? или тебя ослѣпила душевная слѣпота? или златолюбствомъ объятъ ты? или женовнимателенъ и женопокоренъ, подобясь Ироду, что ты попралъ Православіе и крестное цѣлованіе ни во что вмѣнилъ, и ни одному слову не сталъ вѣренъ? Обѣщался ты всѣмъ крестное цѣлованіе сложить, а теперь ты самъ посылаешь вездѣ на лихо Великаго Князя, какъ всюду во Христіянство, такъ и въ бесерменство; къ Великому Новгороду посылаешь, къ Князю

Ивану Андреевичу (Можайскому) посылаешь, въ Казань посылаешь, а святыя епитрахили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими рѣчьми; а надѣемся, и самъ ты знаешь, что значатъ этѣ эпитрахили: вѣдь они воображаемыя муки Господа нашего Іисуса Христа; эпитрахили твоими рѣчьми не могутъ скверниться нисколько, только ты свою душу губишь.» Это послѣднее, какъ предполагаютъ,[21] должно быть, помѣщено ради Владыки Іоны, которому, очень можетъ быть, раздраженный вѣчными неудачами, даже въ побѣдѣ, Дмитрій Юрьевичъ, на упреки Владыки, сказалъ сгоряча что нибудь неприличное на счетъ того: что, дескать, за важность, что ты бралъ съ просту-то, повѣривъ мнѣ, на свою эпитрахиль дѣтей, а я этѣмъ воспользовался. Этѣми словами Шемяка выражалъ, такъ сказать, свое неудовольствіе ко всему духовенству, которое не выказывало ни какого сочувствія и помощи его дѣлу. За симъ слѣдуетъ въ посланіи рядъ обвиненій за то, что Дмитрій Юрьевичъ все дѣлалъ противъ докончальныхъ грамотъ, и перечетъ этѣхъ винъ оченъ великъ; да еще къ этому прибавляютъ, «что иныхъ рѣчей брата твоего Великаго Князя, что намъ сказывалъ, не исписали всего, что надъ нимъ было отъ тебя, не по докончанію и не по крестному цѣлованію. А мы, Господинъ, богомольцы ваши, по своему долгу, били за тебя челомъ своему Господину, а твоему брату, старѣйшему Великому Князю, и Господинъ Великій Князь нашего слова, своихъ богомольцевъ, послушалъ и тебя своего брата жаловать хочетъ и въ братствѣ и любви держать по старинѣ, и ты бы, Господинъ, Бога ради и нашего къ тебѣ моленія и спасенія своей души, не вкладывалъ бы высокомыслія и желанія начальства, которыхъ тебѣ не дано Богомъ. За симъ опять слѣдуютъ примѣры изъ Исторіи, какъ Богъ наказываетъ много думающихъ о себѣ. «Молимъ твое благородіе, да смиришся; тогда Божія благодать и благословеніе наше будутъ съ тобою. Если же въ своемъ жестокосердіи хочешь пребывать и не хочешь смириться и исполнить всего по докончальнымъ грамотамъ, то ужь не мы на тебя наложимъ, но самъ на себя наложишь тягость церковную, потому что мы имѣемъ, по Господню слову, власть рѣшить и вязать. Если не обратишься къ Богу и брату своему ста-

---

[21] Пр. къ Тв. Св. Отц. годъ 4, стр. 231, прим. 60.

рѣйшему, то не будетъ на тебѣ милости Богородицы и Святаго Креста, который ты цѣловалъ Великому Князю, и по Святымъ правиламъ проклятъ да будешь.» Василію Васильевичу, какъ видно, очень былъ нуженъ миръ, а Шемяка его постоянно нарушалъ, и Великій Князь, по примѣру своего врага, звалъ духовенство, а оно, стоя постоянно на сторонѣ его, сильно хлопочетъ о томъ же мирѣ и по этому такъ стращаетъ Дмитрія Юрьевича. Чрезъ годъ послѣ этого посланія былъ поставленъ въ Митрополиты Іона, и тогда уже дѣйствія духовенства приняли, въ лицѣ своего Начальника, опредѣленный порядокъ.

Посланіе духовенства къ Шемякѣ не произвело никакого дѣйствія, во первыхъ потому, что оно написано такимъ тономъ, что оно скорѣй могло раздразнить Шемяку, а во вторыхъ и самая вражда его съ Великимъ Княземъ зашла такъ далеко, что трудно было остановить ее. Такимъ образомъ Василій Васильевичъ долженъ былъ постоянно бороться съ нимъ; Дмитрій же Юрьевичъ когда видѣлъ, что ему не побѣдить Великаго Князя, смирялся, давалъ на себя проклятыя грамоты и вскорѣ же ихъ нарушалъ. Великій Князь не зналъ, чѣмъ запугать своего отчаяннаго врага: по этому онъ кромѣ войны постоянно дѣйствовалъ и чрезъ посредство духовной власти, дѣйствія которой однако жь мало приносили пользы. Такъ, во время одного похода на Шемяку, Великій Князь захватилъ съ собою и Митрополита и Епископовъ, желая, вѣроятно, поразить этѣмъ религіозное чувство Дмитрія Юрьевича. Дѣйствительно, послѣдній въ это время смирился; но какъ видно, не ради того, что Митрополитъ съ Епископами находились въ арміи противника, потому что и послѣ этого примиренія опять принялся за прежнее.[22]

---

[22] Вотъ какъ разсказывается это дѣло въ лѣтописи подъ 1449 годомъ. «Князь Дмитрій Шемяка, преступивъ крестное цѣлованіе и проклятыя на себя грамоты, пошелъ къ Костромѣ со многою силою и пришелъ туда на Великій день и много бился подъ городомъ, но ничего не успѣлъ, потому что въ городѣ была застава съ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Стригою и Ѳедоромъ Басенкомъ, а съ ними были многія дѣти боярскія. Князь Великій, услышавъ это, пошелъ противъ Шемяки, взялъ съ собою Митрополита и Епископовъ и братію свою, и Царевичевъ со всею силою: и какъ пришелъ близь Волги, то отпустилъ братію свою и Царевичей со всѣми силами, и какъ дошли они

Слѣдствіемъ проклятыхъ грамотъ, данныхъ Юріемъ Дмитріевичемъ Василію Васильевичу, было то, что Митрополитъ Іона, извѣщая окружною грамотою о своемъ поставленіи, не преминулъ упомянуть въ ней слѣдующее: «знаете, дѣти, сколько лиха и запустѣнія землѣ нашей причинилось и множество Христіанской крови пролилось отъ Князя Дмитрія Юрьевича: теперь Князь Дмитрій Юрьевичъ билъ челомъ Великому Князю и грамоту на себя написалъ и крестъ цѣловалъ; такъ если послѣ этого кровь Христіанская опять прольется, то она на васъ отъ Бога взыщется и чужды будете благословенія нашего смиренія и всего Священства и всѣ Божіи Церкви въ землѣ вашей будутъ затворены отъ нашего смиренія.»[23] Послѣднія слова грамоты собственно относятся къ тѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ Шемяка искалъ и находилъ себѣ помощь. Но кровь Христіанская опять пролилась не разъ. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, потерявъ свой удѣлъ; въ Новгородѣ онъ былъ принятъ по обыкновенію, и отсюда предпринималъ различныя дѣла на вредъ Василію Васильевичу, а для этого искалъ всюду средствъ. Святитель Іона все еще думалъ обратить по своему на путь истинный Шемяку: онъ писалъ къ Новгородскому Архіепископу Евѳимію посланіе, которое, по обыкновенію, начинаетъ словами, что извѣстно, какъ много крови пролилось и проливается, и что извѣстно, отъ кого это происходитъ; такъ по этому и совѣтуетъ Владыкѣ, чтобъ тотъ «своимъ духовнымъ дѣтямъ, Великому Новгороду, говорилъ и духовно наказывалъ, чтобы они позаботились о душевномъ своемъ спасеніи, а то, говоритъ Митрополитъ, присылаютъ пословъ къ Великому Князю и ко мнѣ, чтобъ я за нихъ ходатайствовалъ предъ Великимъ Княземъ о томъ, чтобъ Великій Князь пожаловалъ и нелюбья не держалъ къ Великому Новгороду, а къ преступившему человѣку смиловался, по его покаянію. Опасныя грамоты отъ насъ были даны, такъ Великому бы Новгороду прислать своихъ пословъ, да и Князю Дмитрію тоже бы прислать своего посла и чистымъ покаяніемъ бить челомъ своему Господину и брату старѣйшему, отъ чистаго сердца,

---

до Рудина, то Князь Дмитрій перевезся на ихъ сторону и тутъ смирился» Ник. лѣт. ч. 5, стр. 215 — 216; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 178.

[23] Ак. Ист. т. 1, N. 43.

безъ лукавства, истинно, и просить пожалованiя такого, какое пригодно; а то вотъ прислалъ своихъ пословъ Великiй Новгородъ ни съ чѣмъ, а Князь Дмитрiй прислалъ своего посла, да съ такими требованiями, что и дѣла свести нельзя, а объ своей винѣ не приказалъ говорить ни единаго слова. А мы должное дѣлаемъ: Великiй Князь, по укрѣпленнымъ грамотамъ и нашему челобитью, о чемъ просилъ Великiй Новгородъ, все исполнилъ; а какъ бы Князь Дмитрiй съ чистымъ покаянiемъ билъ челомъ своему брату старѣйшему, то онъ его бы пожаловалъ по тому. А ты бы, святый пастырь, своего ради спасенiя, попеченiе имѣлъ, чтобы кровь Христiанская не лилась, а если ужь прольется, то вина будетъ не на насъ съ Великимъ Княземъ, а кто крови захочетъ и кровь прольется, то на тѣхъ она и будетъ».[24] Въ заключенiи этого письма говорится, что въ Москвѣ, по челобитью Великаго Новгорода, исполнять просимое готовы. Но подобныя желанiя Архипастыря относительно Дмитрiя Юрьевича, конечно, не были исполнимы, потому что онъ не хотѣлъ отставать отъ своего дѣла. Святитель Iона, видя его неисправимость, какъ изъ сей часъ изложенной грамотѣ видно, онъ какъ будто отступилъ отъ крайнихъ прежнихъ требованiй и все еще думаетъ примирить всѣхъ своими добрыми и убѣдительными словами, и поручаетъ Новгородскому Владыкѣ убѣждать его, чтобъ онъ покаялся и смирился. Но это отступленiе отъ требованiй есть отступленiе только въ формѣ, а не въ содержанiи. Подобныя письма Митрополита Владыкѣ Новгородскому казались очень требовательными въ отношенiи къ Дмитрiю Юрьевичу, который не думалъ смиряться. Тогда Митрополитъ, въ одномъ изъ писемъ къ тому же Владыкѣ, вотъ какъ говорилъ, какъ о Князѣ, такъ и о Новгородцахъ вообще: «пишешь ты къ намъ, что будто бы я, посылая къ тебѣ, пишу о Князѣ Дмитрiѣ Юрьевичѣ, называя его сыномъ. Такъ посмотри прежнюю грамоту, которую я писалъ, что твоимъ дѣтямъ, Великому Новгороду, не велю съ нимъ ни пить ни ѣсть, потому что онъ себя отъ Христiянства отлучилъ. А ты, сынъ мой, знаешь, какъ онъ себя отлучилъ отъ Христiянства, его грамоту къ Великому Князю читалъ, и знаешь, что онъ сдѣлалъ: такъ какъ же его по Божественнымъ правиламъ можно

[24] Тамъ же, N. 53.

называть сыномъ духовнымъ; а я вмѣстѣ съ Владыками и Священствомъ имѣемъ Князя Дмитрія отлученнымъ отъ Церкви. Ты пишешь, что прежде Русскіе Князья въ домъ Св. Софіи въ Великій Новгородъ пріѣзжали и имъ честь воздавали, а прежніе Митрополиты съ такою тягостію грамотъ не посылали; такъ ты вотъ что скажи: прежде сдѣлалъ ли хоть одинъ Князь, что этотъ сдѣлалъ надъ Великимъ Княземъ: чрезъ крестное цѣлованіе къ вамъ пріѣхалъ, оставивъ свою Княгиню, съ дѣтьми, со всѣмъ домомъ у васъ, въ Великомъ Новгородѣ, да отъ васъ и ходитъ Христіянство губить и кровь проливать; по этому такъ какъ прежде этого не бывало, то и прежде такъ къ вамъ не писали.»[25] Вотъ ужь до чего дошелъ Дмитрій Юрьевичъ въ своей дѣятельности, которой составилъ себѣ такую незавидную славу; но скоро послѣ этого письма его горемычная жизнь кончилась: онъ умеръ въ Новгородѣ отъ отравы; отравитель былъ награжденъ въ Москвѣ.[26] Такъ кончилъ свою жизнь несчастнѣйшій Князь, введенный въ борьбу теченіемъ обстоятельствъ. Вопросъ въ спорѣ между нимъ и Василіемъ Васильевичемъ былъ поставленъ такъ, что каждому приходилось или пріобрѣсть полную побѣду, или пасть, и побѣда переходитъ изъ рукъ одного въ руки другаго; въ ожесточеніи они позволяютъ себѣ дѣлать противъ врага крайнія ни чѣмъ неоправдываемыя выходки, какъ только местію и варварскимъ временемъ; но каждый изъ нихъ сознавалъ, послѣ полнаго наслажденія побѣдою, что онъ къ своему побѣжденному врагу не совсѣмъ справедливъ. Но какъ удовлетворить побѣдителю побѣжденнаго, который милостей не хочетъ принимать, а отъ всего отказаться нельзя же? Да и милость-то оказать не умѣли хорошенько, а вражду заглушить не могли. У каждаго противъ врага накопилось столько злобы, что формальное примиреніе, на которое они другъ другу указывали, совершенно не шло къ дѣлу. Ожесточенной этой борьбѣ основа лежала далеко-далеко, тамъ еще въ Кіевской Руси, — въ борьбѣ между дядями и племянниками. Олегъ, величаемый Гориславичъ, былъ счастливѣе Шемяки, потому что

---

[25] Ак. Арх. Эк. т. 1, N. 372.

[26] Ист. Р. т. 4, прим. 94 и т. 7 стр. 487, прим. къ 94 прим. 4-го т.; Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 278.

тогда еще не имѣли понятія о такомъ общественномъ устройствѣ, которое называется Государствомъ. По что Дмитрій Юрьевичъ Шемяка имѣлъ много хорошихъ человѣческихъ чувствъ, то стоитъ вспомнить его Углицкое выпущеніе Василія Васильевича и вмѣстѣ съ плакавшими тогда Епископами Русской земли, пожалѣть объ немъ, какъ о главной очистительной жертвѣ за старый родовой порядокъ вещей въ Россіи, порядокъ, въ существованіи котораго онъ не былъ ничуть виноватъ, такъ же какъ и Василій Васильевичъ въ новомъ, за который и этотъ послѣдній тоже дорого, и не менѣе Шемяки, поплатился. Ожесточенность же характера Шемяки объясняется тѣмъ, что онъ, на основаніи стараго права, хочетъ дѣйствовать по новому вездѣ, и по этому вездѣ не успѣваетъ, а вслѣдствіе этого ожесточается.

Если Новгородскій Владыка говорилъ, что прежде съ такою строгостію въ Новгородъ Митрополиты не писали, то это по тому, что другіе не имѣли средствъ прекратить дѣятельность Новгорода на этомъ поприщѣ поддержанія смутъ внутри Россіи; теперь же это время пришло и покуда, какъ только поустроились дѣла Москвы, то Новгороду показали, что не долго ему осталось принимать къ себѣ и поддерживать такихъ Князей, какъ Дмитрій Юрьевичъ Шемяка. Василій Васильевичъ въ 1456 году наказалъ Новгородъ за его дѣла: послана была на него рать, — войска Новгородскія были разбиты и былъ заключенъ мирный договоръ, гдѣ, въ числѣ другихъ, невыгодныхъ для Новгорода, условій постановлено было, чтобы всѣхъ сторонниковъ дѣла Шемяки ни подъ какимъ видомъ ему не принимать.[27]

Чрезъ нѣсколько времени послѣ смерти Дмитрія Юрьевича Шемяки кончилось дѣло и съ его союзниками, и въ нихъ Святитель Іона принималъ участіе, въ такомъ же видѣ, какъ и противъ главнаго дѣйствующаго лица. Дмитрій Юрьевичъ, во время борьбы съ Василіемъ Васильевичемъ, находилъ себѣ помощь въ колоніи Новгородской въ Вяткѣ; вслѣдствіе этого союзничества жители ея, отличавшіеся жизнію не совсѣмъ нравственною, еще при жизни Шемяки, около 1452 года получили посланіе отъ

[27] Ак. Арх. Эк. т. 1, N 58.

Митрополита Іоны. Вотъ содержаніе этого посланія, по образцу котораго писали Митрополиты, и потомъ посланія въ Вятку.[28] «Не знаю ужь, какъ васъ назвать: называетесь Христіяне, а живете и дѣлаете хуже нечестивыхъ: Церковь обижаете, законы церковные не исполняете, Великому Князю грубите и пристаете къ его недругу, съ которымъ вы приходили на Великаго Князя множество разъ и дѣлали вы дѣла богомерзкія и поганыя: Христіянъ людей невинныхъ избиваете, а плѣнныхъ поганымъ продаете. Но Великій Князь еще васъ пожаловалъ и нашего смиренія послушалъ, и я, его богомолецъ, со многими слезами молилъ за васъ, по своему Святительскому долгу: по этому Князь Великій терпитъ до сихъ поръ, ожидая отъ васъ челобитья и покаяпія, что вы отстанете отъ вашего злаго дѣла; а отъ васъ еще нѣтъ исправленья. По этому я, богомолецъ его, ужь въ послѣдній разъ послалъ къ вамъ краткую грамоту, чтобы вы отстали отъ вашего злаго дѣла и Государю своему, Великому Князю, за за свою сдѣланную къ нему грубость, челомъ били, грабежи бы всѣ отдали и полонъ отпустили.» Въ заключеніе говорится: «что если все исполнятъ это, то милость Божія и нашего смиренія благословеніе, а Великаго Князя пожалованіе будутъ по исправленію. А не исполните всего этого, то не будетъ вамъ милости Божіей и нашего благословенія и нынѣ, и въ будущемъ вѣкѣ, а кровь Христіянская на васъ отольется.» Подобная же строгая грамота была послана и къ Вятскому духовенству, которое сначала Митрополитъ сомнѣвается признать, какъ духовенство, потому что не знаетъ, отъ кого члены его получили посвященіе, а потомъ упрекаетъ за то, что оно потакаетъ всѣмъ порокамъ Вятчанъ и не заботится о томъ, чтобы они покорились Великому Князю и исполнили бы всѣ требованія, которыя онъ изложилъ въ грамотѣ къ жителямъ.[29] На сколько произвели вліяніе этѣ грамоты на далекихъ и загрубѣлыхъ жителей Вятки, не извѣстно; но можно предполагать столько же, сколько произвели подобныя посланія на Шемяку, да притомъ и въ лѣтописи подъ 1458 и 1459 годами говорится, что ходили Великаго Князя воеводы на

---

[28] Ак. Ист. т. 1, N. 97 и 98.

[29] Тамъ же N. 261.

Вятчанъ и въ послѣднiй только походъ они, со многою силою, послѣ взятiя городовъ, привели Вятчанъ къ крестному цѣлованiю.

Въ дѣлѣ съ главнымъ союзникомъ Шемяки, съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, который при жизни Шемяки умѣлъ довольно хорошо вести свои дѣла въ отношенiи къ враждующимъ, Митрополитъ Iона принялъ явное участiе уже въ концѣ его дѣятельности въ Сѣверной Россiи. До Ивана Андреевича въ Москвѣ, какъ видно, давно добирались, и наконецъ его участь рѣшилась слѣдующимъ образомъ: въ 1454 году до него дошелъ слухъ, что Василiй Васильевичъ идетъ на него съ ратью; тогда онъ бѣжалъ съ своимъ семействомъ въ Литву, съ которой онъ былъ въ связи и прежде.[30] Въ Литвѣ онъ вмѣстѣ съ другими изгнанниками изъ Сѣверной Россiи мечталъ о томъ, какъ они сгонятъ съ Великокняжескаго престола Василiя Васильевича и сами будутъ всѣмъ распоряжаться въ Россiи.[31] Но чтобы этѣ мечты не осуществились, хотя въ маломъ видѣ, какъ только онъ бѣжалъ изъ Можайска, то изъ Москвы Митрополитъ Iона послалъ грамоту къ Епископу Смоленскому, и по обыкновенiю начиная перечисленiемъ винъ, которыя сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ Можайскiй «противъ Великаго Князя, или, лучше сказать, говоритъ Митрополитъ, противъ своего Государя, чрезъ крестное цѣлованiе; потомъ также говорится и то, что Иванъ Андреевичъ не хотѣлъ помогать Великому Князю, и даже разъ, когда Татарская рать приходила на Галичъ, то Великiй Князь и мы посылали къ нему Коломенскаго Владыку съ тѣмъ, чтобы шелъ онъ на оборону Христiянства.[32] Вслѣдствiе всѣхъ этѣхъ винъ, Великiй Князь по нуждѣ сложилъ къ нему крестное цѣлованiе, а тотъ, оставивъ свою отчину, побѣжалъ въ державу Великаго Короля. А Великiй Князь, желая быть постоянно въ миру съ Королемъ, ни самъ не пошелъ и никого не послалъ изъ своихъ за Можайскимъ

---

[30] Ак. отн. до Ист. З. Р. т. 1, N. 49.

[31] Ак. Арх. Эк. т. 1. N. 70.

[32] Сдѣсь, конечно, разумѣетъ Святитель послѣднiя времена, а не предшествовавшiя, когда Иванъ Аадреевичъ очень рачительно помогалъ Великому Князю и противъ Татаръ.

Княземъ.» Такъ по этому Митрополитъ Iона совѣтуетъ Владыкѣ Смоленскому, чтобъ онъ, сколько ему можно, позаботился о томъ, чтобы отъ Князя Ивана не было никакой пакости для Великаго Князя; а по этому бы Владыка говорилъ о томъ и Канцлеру, чтобъ и тотъ о томъ же позаботился.[33]

Бѣгствомъ Ивана Андреевича Можайскаго уничтожились въ сущности дѣла Князей въ Сѣверной Россiи, начатыя Юрiемъ Дмитрiевичемъ, по тому что Князья, враждебные новому порядку вещей въ Россiи, были уничтожены, и ихъ волости были присоединены къ Москвѣ, при чемъ иногда присоединялись и волости тѣхъ Князей, которые стояли на сторонѣ Василiя Васильевича. Но въ этѣхъ послѣднихъ дѣлахъ мы не видимъ участiя Митрополита Iоны, о которомъ можно сказать, что онъ участвовалъ только въ чистыхъ дѣлахъ Москвы; относительно же плодовъ его дѣятельности будетъ сказано ниже. Но Святитель Iона работалъ вмѣстѣ съ Московскимъ Великимъ Княземъ не только противъ враговъ общественной тишины на ихъ уничтоженiе; но онъ болѣе при этомъ заботился о томъ, чтобы враги этѣ жили мирно со всѣми, что мы можемъ видѣть изъ всего приведеннаго выше. Такъ какъ подобная цѣль дѣятельности Митрополиту не удалась, то другiе дѣйствовали по тому направленiю, куда клонили ихъ обстоятельства. Святитель Iона главный упрекъ, какъ мы видѣли, дѣлаетъ врагамъ Василiя Васильевича, тотъ, что они, кромѣ того, что ослѣпили Великаго Князя и постоянно нарушаютъ миръ, никогда не помогаютъ Великому Князю противъ общихъ враговъ Россiи,—противъ Татаръ, да еще при томъ находятся съ ними въ союзѣ. Въ такомъ-то темномъ свѣтѣ вездѣ выставляются у Митрополита Iоны Шемяка съ братiею; рѣзкiе же и довольно не чистые поступки со стороны Василiя Васильевича у Митрополита какъ-то сглаживаются: конечно, Святой человѣкъ не рѣшается ихъ оправдывать; но если гдѣ онъ говоритъ объ нихъ, такъ оправдываетъ тѣмъ, что они были сдѣланы по нуждѣ.

Вотъ дѣятельность Митрополита Iоны въ отношенiи враговъ Великаго Князя, находящихся внутри Россiи; теперь перейдемъ

---

[33] Ак. Ист. т. 1, N. 50.

къ дѣятельности, которая относилась къ завоевателямъ. Рядъ постоянныхъ набѣговъ Татаръ на Россію, въ описываемое время, не прекращался, и если уже во времена Донскаго страхъ предъ завоевателями значительно уменьшился, то теперь можемъ видѣть еще большее уменьшеніе этого страха Великій Князь постоянно борется съ Татарами, отражая ихъ набѣги, а зависимость его отъ Орды почти совсѣмъ уничтожилась; Великій Князь и другіе преклоняются передъ ней только въ случаѣ нужды. Если таковы были отношенія къ Ордѣ представителя Россіи, то въ такой же мѣрѣ безъ страху къ ней относился и Митрополитъ. Прежде Митрополитъ долженъ былъ преклоняться предъ Монголами, дѣлать для нихъ угодное, имѣя цѣлію извлечь изъ этѣхъ дѣйствій то, что они вообще будутъ милостивѣе относиться къ Россіи. Въ этой роли самымъ блестящимъ дѣйствующимъ лицомъ явился Митрополитъ Алексѣй; Митрополитъ Іона жилъ уже въ другое время и всталъ впереди уже другой по времени дѣятельности. Какъ онъ относился къ завоевателямъ, это можно видѣть изъ всякаго его посланія, гдѣ только пришлось ему упомянуть объ нихъ. Выше видѣли, что главный упрекъ соперникамъ Василія Васильевича всѣмъ духовенствомъ и потомъ Митрополитомъ выставляется тотъ, что Великій Князь борется за общее Русское дѣло, ходитъ отражать набѣги варваровъ, употребляетъ для побѣды надъ ними всѣ средства, самъ во время сраженія попадается къ нимъ въ плѣнъ, а они, вмѣсто того, чтобы тоже бороться съ завоевателями, союзники Татаръ; когда Великій Князь идетъ противъ нихъ и зоветъ Князей къ себѣ на помощь, они нейдутъ къ нему и пользуются тѣмъ, если въ этой святой борьбѣ случится съ нимъ несчастіе. Духовенство, получившее отъ завоевателей освобожденіе отъ всякихъ податей, особенно прежде, чрезъ этѣ льготы много принесло пользы для Россіи; теперь оно стало дѣйствовать другимъ образомъ: оно стало прямо возбуждать всѣхъ къ борьбѣ съ невѣрными, эту борьбу оно считаетъ обязанностію всѣхъ Христіянъ; убитыхъ въ такомъ сраженіи называетъ мучениками. Обо всемъ этомъ представитель духовенства, Митрополитъ, вотъ какъ говоритъ: онъ пишетъ къ Тверскому Владыкѣ слѣдующаго содержанія письмо: «По нашимъ грѣхамъ учинилось, нашему православному Христіянству, отъ безбожнаго Царя Казанскаго святымъ церквамъ раззореніе и запустѣніе:

и сколько Христіянской крови пролилось! и какъ много православныхъ Христіянъ къ бусурманамъ въ плѣнъ пошло! И Великій Государь, сынъ мой, Князь Великій, положа упованіе на Бога и Пречистую Его Матерь и Святыхъ Великихъ Чудотворцевъ, Петра и Леонтія Ростовскаго, и всѣхъ Святыхъ, хочетъ идти за святыя Божіи церкви и православное Христіянство, на того безбожнаго Царя, со всею своею братіею и со всѣми своими людьми. Благословляю тебя, чтобы ты сыну своему, Великому Князю Борису Александровичу говорилъ и билъ челомъ и докучалъ твердо, по своему Святительскому долгу, чтобъ онъ, сынъ мой, Великій Князь, Борисъ Александровичъ, Великому Князю Василію Васильевичу своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ, со своими многими людьми. Самъ ты знаешь, что тамъ можетъ случиться Божіимъ милосердіемъ, и добро, отъ этого происшедшее, есть добро обоихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего Христіянства Православнаго; а если не такъ станется, по нашимъ грѣхамъ, то общее несчастіе. А я непрестанное моленіе имѣю къ Богу о любви и соединеніи великихъ Государей нашихъ православныхъ и устроеніи Православнаго Христіянства, и далъ бы Богъ Государю, Господину и сыну моему, побѣду на поганыхъ. И вѣрую Христу моему Владыкѣ, что кому случится отъ Православныхъ на томъ великомъ дѣлѣ умереть, и тѣ люди, за Божіи церкви и за все Христіянство пострадавшіе, какъ прежніе Великомученики будутъ и вѣнецъ мученія воспріимутъ отъ Христа. Такъ ради этого ты попеченіе имѣй великое».[34] Кажется, эта грамота, какъ чистѣйшее выраженіе духа времени, сама за себя говоритъ; лучше филиппики противъ невѣрныхъ завоевателей, грабителей и разбойниковъ, едва ли что можно было написать. Сдѣсь Митрополитъ Іона, выставляетъ борьбу съ невѣрными общимъ дѣломъ, потому что побѣда въ ней есть общее добро Великихъ Государей; но онъ выставляетъ въ тоже время главнымъ бойцомъ въ этой борьбѣ Московскаго Великаго Князя, какъ это дѣйствительно и было; а по этому и это общее добро въ сущности приходилось собирать только одному этому герою, труженику въ этой борьбѣ и защитнику Провославнаго Христіянства отъ поганыхъ.

---

[34] Ак. Ист. т. 1, N 51.

Святитель Іона, возбуждая всѣхъ къ борьбѣ съ невѣрными, и самъ сдѣлался такимъ лицомъ, которое указывало своею дѣятельностію, какъ должно дѣйствовать членамъ духовенства въ дѣлахъ съ завоевателями, не только словомъ, но и дѣломъ. Въ 1451 году 2 Іюня Царевичъ Мазовша съ Татарами осадилъ Москву со всѣхъ сторонъ. Великаго Князя не было въ городѣ: онъ отправился собирать войско, котораго въ Москвѣ было мало. Святитель Іона со всѣмъ священнымъ соборомъ, взявши кресты и иконы, сталъ обходить съ ними по городскимъ стѣнамъ; народъ во множествѣ сопровождалъ крестный ходъ и со слезами молился. Въ то время, когда стрѣлы осаждающихъ сыпались со всѣхъ сторонъ около молящихся, но никого не задѣвая, Святитель Іона обратился къ иноку Чудова монастыря, Антонію Клозыня, извѣстному своей святой жизнію, со словами: «Братъ Антоній! Помолись прилежно Богу объ избавленіи города и всего Православія отъ безбожныхъ Агарянъ». Антоній отвѣчалъ: «ты, Великій Архіерей, твои молитвы не презритъ Богородица; вѣруемъ, что умолила Сына своего и Бога нашего, да спасенъ будетъ городъ сей и Православное Христіянство; безбожные Агаряне скоро побѣждены и прогнаны будутъ, и я одинъ убитъ буду». Сказавъ этѣ слова, святой инокъ тотчасъ упалъ, пораженный Татарскою стрѣлою. Этотъ инокъ былъ погребенъ Митрополитомъ Іоною съ соборомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Пророчество исполнилось: ночью Татары бѣжали, боясь, чтобы не напало на нихъ сзади войско. Чрезъ четыре года Татары опять напали на Россію. Великій Князь взялъ благословеніе у Митрополита предъ походомъ на нихъ и разбилъ ихъ на Окѣ. Ради обоихъ случаевъ Митрополитъ Іона поставилъ по церкви: по первому — положенія честныя ризы Богородицы, а по второму — во имя честныя похвалы Богородицы. А когда Святитель Іона поставилъ Новгороду Архіепископомъ друга своего Іону же, и оба они вмѣстѣ испросили людямъ Новгородскимъ милость у Великаго Князя, то оба за это, какъ разсказываетъ авторъ житія Митрополита Іоны, обѣщались испросить у Бога, что Ордынскіе цари не будутъ отнынѣ имѣть силы одолѣвать Русской Державы, Великіе Князья не будутъ ходить въ Орду на поклоненіе Царямъ, а будутъ царствовать самодержавно въ отечествѣ своемъ, одолѣвая противныя. Такъ же оба они пророчили Ордѣ раззореніе, а Русскому Царству распростра-

ненiе.[35] Вслѣдствiе этой дѣятельности Святитель Iона явился въ преданiяхъ народа, какъ ходатай предъ Богомъ о защитѣ Россiи отъ иноплеменниковъ. Тамъ же, гдѣ ему приходилось съ Татарами сталкиваться совсѣмъ на другомъ поприщѣ, а именно по случаю различныхъ отношенiй торговыхъ, какъ владѣльца имуществъ, и чрезъ своихъ слугъ торгующаго различными продуктами, то въ этѣхъ случаяхъ Митрополитъ Iона обращался къ нимъ, какъ равный къ равному. Такъ онъ писалъ къ вольнымъ Царямъ Казанскимъ, всевышняго Бога силою, и въ письмахъ называетъ ихъ своими прiятелями, проситъ ихъ, чтобъ они облегчили пошлины съ товаровъ, посылаемыхъ съ его слугами въ Казань для продажи, и оберегали бы этѣхъ слугъ отъ обидъ и убытковъ.[36] Вотъ уже какъ пишетъ Митрополитъ Iона грознымъ прежде завоевателямъ, сохраняя въ письмахъ Татарскiя выраженiя, власти царей, «всевышняго Бога силою» слова, которыя прежде такъ звучали въ ярлыкахъ, даваемыхъ Ханами Митрополитамъ.

Но прежде чѣмъ приступать къ дальнѣйшему изложенiю событiй, связанныхъ съ личностiю Митрополита Iоны, какъ Митрополита всея Руси, для поясненiя послѣдующаго, посмотримъ на изложенные факты: какъ Князья и духовенство, а потомъ Митрополитъ, выражаютъ свои отношенiя другъ къ другу? Духовенство дѣйствуетъ въ пользу одной стороны; но какъ оно дѣйствуетъ? Василiй Васильевичъ въ грамотѣ къ Константинопольскому Патрiарху, при упоминанiи о дѣлѣ Исидора, прямо высказываетъ свое право о томъ, что отъ него зависитъ принять Митрополита или нѣтъ: мы, говоритъ, Исидора едва-едва приняли, и то только ради его покоренiя и вашего за него ходатайства. Шемяка обѣщаетъ одному изъ Епископовъ Митрополiю, а потомъ приказываетъ ему сѣсть на Митрополичьемъ дворѣ; а также онъ созываетъ къ себѣ Владыкъ на совѣтъ. Онъ самъ какъ бы считаетъ себя начальникомъ духовенства и приказываетъ ему дѣлать то или другое. Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, Алексѣѣ и церковной смутѣ, мы не видѣли, чтобы Великiй Князь положи-

---

[35] Ст. Кн. ч. 2, стр. 82—84.

[36] Ак. Ист. т. 1, NN 67 и 266.

тельно могъ обѣщать кому либо Митрополичій столъ. Князь тамъ ходатайствуетъ за покровительствуемое имъ лицо; но онъ сознаетъ, что можетъ встрѣтить сопротивленіе своему желанію какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Россіи, и Митяй все-таки долженъ былъ отправиться за посвященіемъ въ Константинополь. Теперь же высказался прямо способъ, какимъ образомъ Великій Князь можетъ добыть себѣ Митрополита; но сначала Василій Васильевичъ проситъ объ этомъ разрѣшенія въ Константинополѣ; Шемяка, какъ видно, хочетъ осуществить его планъ; но ему, какъ вообще всѣ дѣла, и это не удалось. Занялъ Василій Васильевичъ Москву, и является отъ духовенства посланіе къ Шемякѣ; оно написано совершенно по мысли Великаго Князя. Въ посланіи Дмитрій Юрьевичъ упрекается въ преступленіяхъ и пересчитываются его вины, а поступки Василія Васильевича считаются такими, какими они будто и должны быть. Но духовенство пишетъ посланіе съ цѣлію принести пользу, считаетъ настоящій порядокъ вещей полезнымъ для Государства; послѣднее хотя и такъ — но все-таки должно замѣтить, что духовенство собирается къ Великому Князю, который отдаетъ ему свое дѣло на судъ, какъ и послѣ Государи Русскіе не разъ отдавали подобныя дѣла на судъ духовенства. Идетъ Василій Васильевичъ въ походъ противъ Дмитрія Юрьевича, и беретъ съ собою Митрополита и Владыкъ для устрашенія, должно быть, его. Такъ распоряжается теперь Великій Князь, между тѣмъ какъ можно смѣло сказать, что, напримѣръ Митрополита Алексѣя, трудно было бы Великому Князю заставить сдѣлать то, чего Святитель самъ бы не хотѣлъ.

Но если такова разница между прежними отношеніями и описываемыми, то такова разница и въ слѣдствіяхъ дѣйствій Митрополита и духовенства. Дѣйствія Митрополита Алексѣя имѣютъ непріятное вліяніе на враговъ Московскаго Князя; и что они достигаютъ своей цѣли, то это показываетъ ненависть Князей. Іона дѣйствуетъ такъ же, пожалуй, какъ и Алексѣй; но на его дѣйствія не видимъ чтобы много обращали вниманія тѣ, противъ кого онъ обращаетъ орудія Митрополичьяго престола: что прежде было ново и дѣйствительно непріятно для враговъ Москвы, то теперь уже стало старо; противники Московскаго Великаго Князя привыкли къ проклятіямъ Митрополитовъ. Конеч-

но, сдѣсь нужно принять во вниманіе лица и обстоятельства того и другаго времени; но главное остается тоже, и плоды дѣятельности того и другаго Митрополита ясно видны. Теперь на Митрополитовъ смотрятъ уже, какъ на одну изъ силъ Московскаго Великаго Княжества, по этому борются съ главной силой, въ увѣренности, что если ее побѣдятъ, то эта второстепенная сила и сама подчинится.

Такъ высказывали Князья свои отношенія къ духовенству и Митрополиту, главное посредствомъ дѣйствій. Теперь посмотримъ, какъ духовенство и Митрополиты сами высказываютъ понятія, какъ вообще объ отношеніяхъ государственныхъ, такъ главное объ отношеніи свѣтской власти къ церковной. Сдѣсь нужно замѣтить прежде всего, что духовенство высказываетъ этѣ отношенія не одними дѣйствіями, а уже словами. Духовенство пишетъ къ Шемякѣ, что онъ не долженъ желать начальства, котораго ему не дано отъ Бога; называетъ Великаго Князя Государемъ, Господиномъ своимъ, а себя его богомольцами; при томъ высказываетъ мысль, что Государь долженъ заботиться о благѣ народа и, упрекая Дмитрія Юрьевича, говоритъ: «разсуди самъ, какое благо Православному Христіянству сдѣлалъ, сколько погосударствовалъ.» Нигдѣ духовенство и Митрополитъ не напоминаютъ о своихъ правахъ въ отношеніи къ Великому Князю, котораго они считаютъ непремѣннымъ ихъ охранителемъ и прибѣгаютъ, какъ увидимъ ниже, въ своихъ дѣлахъ имущественныхъ подъ его покровительство. Если прежде враги Москвы болѣе соединяли, чѣмъ отдѣляли, Митрополита отъ Князя Московскаго, а въ Москвѣ понимали его своимъ человѣкомъ, хотя самъ Митрополитъ Алексѣй своими словами не высказываетъ ничего; за то теперь Митрополитъ Іона самъ себя не отдѣляетъ отъ него. Митрополитъ Іона пишетъ въ Новгородъ, что если кровь Христіянская прольется, то это будетъ не на насъ съ Великимъ Княземъ. Чтобы заставить Ивана Андреевича Можайскаго быть въ союзѣ съ Великимъ Княземъ противъ Татаръ, Святитель говоритъ, что по этому случаю Великій Князь и мы посылали къ Можайскому Князю Владыку Коломенскаго; у Новгорода идутъ дѣла съ Москвою, то Митрополитъ пишетъ чтобы Новгородцы просили Великаго Князя чрез него и даетъ имъ, отъ себя, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, опасныя грамоты; точ-

но такъ же и въ другихъ случаяхъ, какъ и въ этомъ, онъ указываетъ на себя, и говоритъ, что готовъ Великому Князю за просящихъ бить челомъ и что Великій Князь дѣлаетъ то или другое по его челобитью. Такъ къ Вятчанамъ пишетъ, чтобы они обратились къ своему Государю, а онъ, Митрополитъ, упросилъ покуда его не наказывать ихъ говоритъ, что просилъ со слезами. Вообще же мы не видимъ, чтобы Митрополитъ въ чемъ нибудь противорѣчилъ Великому Князю, даже такой нечистый поступокъ послѣдняго какъ дѣло съ Княземъ Можайскимъ, когда Святителю пришлось объ немъ упомянуть, то онъ говоритъ, что онъ сдѣланъ по нуждѣ. Но всего лучше выразилось понятіе Святителя Іоны о власти Великаго Князя въ отношеніи къ другимъ Русскимъ Князьямъ въ словахъ о томъ же Можайскомъ Князѣ: «извѣстно, что онъ сдѣлалъ надъ своимъ братомъ старѣйшимъ; но что я говорю надъ братомъ: надъ Государемъ». — Изъ смысла вышеприведенныхъ уже посланій Святителя Іоны видно, что онъ требуетъ отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія волѣ Великаго Князя, даже какъ бы не желаетъ, чтобы другіе, повинуясь ему, требовали о своихъ отношеніяхъ къ власти Великаго Князя какихъ-либо опредѣленій, а просто говоритъ, чтобы повиновались да и только, а тамъ что Богъ положитъ на сердцѣ Великаго Князя по ихъ исправленію. Такимъ образомъ, производя власть Великаго Князя отъ Бога, возводитъ ее на неограниченное ни чѣмъ положеніе, даже и въ отношеніи къ тѣмъ изъ Русскихъ, зависящихъ отъ Великаго Князя, которые бы могли съ нимъ условливаться по праву. Самъ о себѣ постоянно говоритъ, что онъ молитъ Великаго Князя, бьетъ ему челомъ, и какъ бы гордится тѣмъ, что по его челобитью исполняется что либо, и не только самъ, но и другихъ членовъ духовенства заставляетъ, чтобы они заботились о томъ, чтобы ихъ духовныя дѣти повиновались Великому Князю. Заставляя повиноваться Великому Князю, Митрополитъ опирается въ этомъ дѣлѣ не только на Божественное происхожденіе его власти; но для этого покуда представляется отличное средство: борьба съ невѣрными, потому что если не будутъ повиноваться Великому Князю, то какъ ему тогда защитить православныхъ отъ варваровъ, другой же никто не защититъ, потому что другіе союзники Татаръ на погибель Христіянству. О своей самостоятельности Митрополитъ не думаетъ

и говорить, потому что прямо уже разъ сказалъ, что онъ поставленъ въ Митрополиты по мысли Великаго Князя. Наконецъ мы видимъ, что дѣйствія духовенства и Митрополита въ политическихъ дѣлахъ производятся именно въ то время, когда Великій Князь не имѣетъ средствъ дѣйствовать другими силами, или желаетъ лучше, чтобы то или другое было сдѣлано духовенствомъ. Но самымъ чувствительнымъ мѣриломъ зависимости или независимости одной стороны отъ другой представляются имущественныя права: сдѣсь какъ Митрополитъ дѣйствуетъ? Митрополитъ Петръ искалъ средствъ защитить церковныя имущества отъ лукавыхъ человѣкъ; Алексѣю это дѣло можно было хорошо вести: при немъ: въ рукахъ его была и свѣтская власть, и трудно было кому-либо сдѣлать обиду Церкви съ этой стороны. Во время смуты церковной, какъ видно, начались нарушенія имущественныхъ правъ Церкви со стороны свѣтской власти; а когда вступилъ въ управленіе Митрополіею Фотій, то поднялъ вопль на разграбленіе имуществъ Церкви, и вслѣдствіе этѣхъ воплей даже навлекъ себѣ много непріятностей. Митрополитъ Іона тоже защищаетъ права Церкви на имущества, но какъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ приведемъ содержаніе нѣкоторыхъ грамотъ по этой части. Святитель Іона, какъ видно хорошій хозяинъ, проситъ Великаго Князя о томъ, что на праздники, пиры и братчины въ Митрополичьи села ѣздятъ многіе люди незваные и отъ этого чинится много различныхъ лихихъ дѣлъ, и Великій Князь по этому бы случаю пожаловалъ Митрополита и далъ бы грамоту: запрещающую ѣздить незванымъ туда.[37] Въ другой разъ Митрополитъ проситъ у Великаго Князя, чтобъ ѣздоки не ѣздили не пошлыми дорогами, не дѣлали бы насилій крестьянамъ Митрополичьимъ, и по этому случаю дана была грамота отъ Великаго Князя, запрещающая подобныя правонарушенія.[38] Отъ Великаго Князя по просьбѣ Митрополита давались крестьянамъ, по случаю какихъ либо несчастій, напр. пожара, льготы.[39] Такимъ образомъ въ этой дѣятельности Митрополитъ, а за нимъ и все

---

[37] Ак. Арх. Эк. т. 1, № 50.

[38] Тамъ же, № 61.

[39] Тамъ же, № 63.

духовенство опирается на власть Великаго Князя и отъ него ищетъ себѣ защиты. Теперь Великій Князь защищалъ права духовенства; а, какъ извѣстно, при сынѣ Василья Васильевича уже возникъ вопросъ объ отобраніи недвижимыхъ имуществъ духовенства въ пользу Государства; но, по незрѣлости сознанія въ этой потребности и ради защиты самаго себя, духовенство, которое опиралось въ своихъ словахъ на то, что недвижимыми имуществами жаловали Церковь предки Іоанна III и то, что ими владѣла Церковь въ Византіи, этотъ вопросъ былъ отложенъ для разрѣшенія на послѣдующее время.[40]

Изъ всего вышеизложеннаго, кажется, можно вывести заключеніе, что церковная власть, въ описываемое время, представляется какъ одна изъ Государственныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи Великаго Князя, и направляется къ извѣстной политической дѣятельности по его усмотрѣнію.

Пересчитавши вышеизложенныя положенія, которыя я далеко не всѣ привелъ и подтвержденіе которыхъ найдемъ ниже и при томъ яснѣе, теперь скажу о томъ, что такъ какъ всякое понятіе о точномъ опредѣленіи закономъ отношеній двухъ сторонъ между собою въ обществѣ, и главное слагающемся въ Государство, проходитъ въ жизнь путемъ практическимъ, то точно такъ же и сдѣсь понятіе объ отношеніи власти свѣтской къ духовной проходили въ жизнь практически, и по мѣрѣ развитія Государства, ихъ отношенія опредѣлялись, и Церковь постепенно принимала въ обществѣ то положеніе, которое она должна была занимать, по основѣ своего устройства, т. е. такое, какое она занимала въ Византіи. Стороны покуда не сознаютъ, по чему онѣ совершаютъ то или другое: но теперь иногда уже очень прямо, и безъ примѣси старыхъ понятій, называютъ вещи настоящимъ ихъ именемъ. Сдѣсь высказываются особенно прямо лица, принадлежащія къ духовному званію, по тому что церковная іерархія Русская, по преданіямъ матери своей, Византійской Церкви, въ извѣстныя формы, переданныя отъ нея Русской Церкви, встав-

---

[40] Калачева, о Кормчей, въ Чт. Об. Ист. и Др. Рос. годъ 3, 1847 г. стр. 7 и прим. 15; И. Г. Р. т. 6, прим. 622.

ляетъ понятія о своихъ отношеніяхъ; потому-то духовенство и называетъ Великаго Князя своимъ Господиномъ и Государемъ. Сдѣсь я не говорилъ ничего о томъ, что Исидоръ былъ свергнутъ съ Митрополіи силою Великаго Князя: это случай особенный, выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ дѣйствій, но показывающій, какъ власть Великаго Князя, могущаго по своему усмотрѣнію рѣшить подобное дѣло, выразившагося словами: «что при нашихъ предкахъ этого не было, и я не хочу,» такъ и ту громадную пользу права всѣмъ Православнымъ Христіянамъ разсуждать о дѣлахъ Церкви, какъ о дѣлахъ собственно до нихъ касающихся, и особенно необходимость имѣть это право представителю народа, Государю.

Если стороны въ словахъ и дѣйствіяхъ высказываютъ ясно понятіе о своихъ отношеніяхъ, то другіе со стороны могли также понять этѣ отношенія въ самой ихъ сущности; тѣмъ болѣе, если съ необходимостію замѣтить это будетъ связанъ извѣстный интересъ. Въ Сѣверной Россіи такихъ заинтересованныхъ лицъ не было, все стояло въ зависимости отъ Москвы или въ такомъ положеніи, что были на очереди, при первомъ удобномъ случаѣ, потерять независимость въ пользу Московскаго Великаго Князя; но въ Западной Россіи, гдѣ Государство почти такъ же развилось, какъ и въ Москвѣ, и гдѣ въ описываемое время происходила подобная же борьба, какъ и въ Сѣверной Россіи, тамъ могли это замѣтить. Для нихъ Митрополитъ, живущій въ Москвѣ и имѣющій власть надъ Православными Епархіями, находящимися во владѣніяхъ Литвы, являлся не болѣе, какъ подданный Московскаго Великаго Князя; но если подданный будетъ имѣть подобную власть въ другомъ Государствѣ, какую имѣлъ Всероссійскій Митрополитъ надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ, то наврядъ ли другое Государство на это согласится, особенно если при томъ имѣется еще масса другихъ отношеній, становящихъ это Государство во враждебное положеніе къ Москвѣ и ко всему Московскому, а, слѣдовательно, и къ власти Митрополита, живущаго тамъ. Для Литвы было важно уже одно то, кромѣ многаго остальнаго другаго, что Митрополитъ поставленъ въ Москвѣ и будетъ тамъ ставиться, а послѣднее было, кажется, уже ясно рѣшено: зависимость его отъ Константинополя и вообще слабая, теперь же останется, конечно, только по преданію.

Но въ отношеніи къ личности Митрополита Іоны, попавшаго въ подобныя отношенія, существовало преданіе, лежавшее въ основѣ Русской церковной іерархіи, что всѣ Митрополиты всея Россіи, бывшіе до него, были Митрополитами Кіевскими и всея Руси. На этомъ послѣднемъ, съ прибавленіемъ того, для ясности, что Святитель Іона постоянно встрѣчалъ препятствія почти всѣмъ своимъ весьма законымъ планамъ, въ отношеніи занятія имъ престола Митрополіи, основывается вся его дѣятельность, къ которой теперь приступаемъ.

Предшественники Святителя Іоны на Митрополичьемъ престолѣ были Митрополитами Кіевскими и всея Руси; Кіевъ и вся Западная половина Митрополіи принадлежали Литвѣ, и по этому обращаюсь къ событіямъ, касающимся личности и власти Святителя Іоны, въ отношеніи къ этой половинѣ его Митрополіи. Выше было замѣчено, что поставленіе Герасима въ Митрополиты совершилось подъ вліяніемъ Свидригайла, который въ заключеніе сжегъ его. Въ это время въ Литвѣ шли смуты, совершенно подобныя происходившимъ въ Сѣверной Россіи. Этѣ смуты сами по себѣ мѣшали заняться дѣлами церковными, и тѣмъ менѣе на это могли бы обратить тамъ вниманія, что вскорѣ послѣ Герасима сталъ Митрополитомъ Исидоръ, склонный къ Западной Церкви, къ которой принадлежали почти всѣ владѣтельныя особы Литовско-Польскаго Царствующаго Дома. Исидоръ, возвращавшійся съ Флорентійскаго собора, былъ хорошо принятъ въ Польшѣ и Литвѣ властями, но не всѣми Православными [41] Польскій Король Владиславъ Ягайловичъ, на основаніи того, что въ лицѣ Митрополита Исидора Русская Церковь соединилась съ Римскою, издалъ грамоту, которой объявлялось, что хотя прежде Русское духовенство кое-гдѣ нѣкоторое утѣсненіе терпѣло, но теперь оно должно пользоваться вообще тѣми же правами, какими пользуется духовенство Римской Церкви въ Польшѣ и Венгріи. [42] Такъ дѣло шло при Исидорѣ, хотя его бѣгство изъ Москвы могло произвести впечатлѣніе въ Литвѣ; но въ это время и въ самой Мо-

---

[41] Зубрицкій повѣсть о Черв. Руси, стр. 328; И. Р. Ц. ч. 3, стр. 73—74, пр. 86; Опис. К. Соф. Соб. и Кіев. Іер. стр. 107.

[42] Ак. Зап. Рос. т. I, N 42.

сквѣ не было Митрополита, а въ Литвѣ смуты еще не утихли. Въ 1445 году былъ избранъ на Польскій престолъ послѣ Владислава Ягайловича Варнскаго, братъ его Казиміръ, Великій Князь Литовскій, который въ 1447 году вѣнчался на престолъ Польши. Но его наклонность болѣе къ Литвѣ, нежели къ Польшѣ, постоянное соперничество двухъ Государствъ, вслѣдствіе необъятныхъ притязаній Польской знати, и т. п. причины, заставляли Казиміра заботиться о томъ, чтобъ извнѣ было покойно. Въ Москвѣ только что отчасти прекратились смуты, и по этому въ ней такъ же желали мира. Эта взаимная нужда въ мирѣ была причиною явленія договорной грамоты между Московскимъ Великимъ Княземъ и Королемъ Казиміромъ въ 1449 году 31 Марта, о мирѣ и любви между договаривающимися сторонами; каждый изъ договаривающихся, въ этой грамотѣ, старается угодить другъ другу и сдѣлать уступку, чтобъ не было возможности нарушить миръ. [42] Но такъ какъ въ Сѣверной Россіи скоро дѣла поправились, а Казиміру еще нуженъ былъ миръ, то съ его стороны началось заискиваніе въ Москвѣ. Въ это время былъ поставленъ въ Митрополиты Іона, который хотѣлъ быть настоящимъ Митрополитомъ, какъ и его предшественники, т. е. Митрополитомъ обѣихъ половинъ Россіи. Но если его поставленіе зависѣло, какъ мы видѣли, главное отъ воли Великаго Князя Московскаго, то точно такъ же сдѣлалось, какъ увидимъ ниже, это и въ отношеніи къ Литовскому Великому Князю. Святитель Іона былъ сильный человѣкъ при Московскомъ Дворѣ, какъ это мы видѣли, и вотъ со стороны Казиміра, для выше объясненной надобности, начинается заискиваніе расположенія у него; а Митрополиту, для осуществленія своей задушевной мысли, такъ же нуженъ былъ Казиміръ. При такой взаимной нуждѣ другъ въ другѣ, Митрополита и Короля, мы видимъ, что они находятся въ слѣдующихъ между собою отношеніяхъ. Во время переговоровъ Казиміра съ Василіемъ Васильевичемъ, послѣдовавшихъ за миромъ, Іона писалъ къ Казиміру: «Превысокому, благородному, славному Великому Королю Казиміру общій богомолецъ Іона, Митрополитъ Кіевскій, благословляетъ и челомъ бьетъ, что ты, Господинъ и сынъ нашъ, прислалъ къ нашему сыну, а своему брату, Великому Князю Ва-

---

[42] Ак. Зап. Рос. т. I, N 50.

силію Васильевичу посла о земскихъ вашихъ дѣлахъ, а ко мнѣ приказывалъ съ нимъ же, чтобъ я, вашъ общій богомолецъ, попеченіе имѣлъ между васъ, Великихъ Государей, чтобъ ваше братство и любовь были прочны, и я, Господинъ, по твоему приказу, своему сыну, а вашему брату, Великому Князю Василію Васильевичу, твои рѣчи говорилъ съ благословеніемъ и мольбою; и Князь Великій вельми хочетъ братства и любви и прочнаго житія съ тобою. И благодарю и благословляю великое ваше господство, чтобы къ своему брату, а нашему сыну, Великому Князю Василію Васильевичу, братство и любовь свою имѣлъ, по тому крестному цѣлованію, на чемъ межъ себя честный и животворящій крестъ цѣловали; а братъ вашъ, а нашъ сынъ, того же хочетъ, а я по своему святительскому долгу Бога молить радъ, сколько могу, и попеченіе свое буду имѣть, чтобъ Богъ далъ между вами любовь. О великомъ же вашемъ жалованьѣ и вашихъ поминкахъ благодарю и благословляю».[44] За этѣ ходатайства Митрополита въ пользу Короля, отъ послѣдняго и дана была Святителю Іонѣ грамота (составляющая, должно быть, то великое жалованье, за которое онъ благодарилъ Короля), слѣдующаго содержанія. «Полюбили мы отцемъ Митрополитомъ и дали ему столъ Митрополичій Кіевскій и всея Руси, какъ прежде бывало, по обычаю и установленію Русскаго Христіянства; а онъ пусть правитъ Христіянствомъ, какъ прежде Митрополиты правили; а всѣ должны имѣть, почитать его и быть ему какъ прежнимъ Митрополитомъ».[45] Далѣе мы знаемъ, что Святитель Іона, чтобы старина, о которой говоритъ и Казиміръ, была вполнѣ возстановлена, въ 1451 году благодарилъ Короля за то, что тотъ далъ ему Кіевскій Митрополичій столъ по старинѣ и просилъ при этомъ, чтобы онъ возстановилъ и извѣчную старину и подчинилъ бы ему Митрополію Галицкую, а также вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы Церковь Божія не была изобижена ни отъ кого.[46] Не извѣстно, была ли удовлетворена послѣдняя просьба Митрополита на счетъ Галиціи; но какъ мы видѣли, говоря о Галицкой Ми-

---

[44] Ак. Арх. Эк. т. 1, N 49.

[45] Ак. Ист. т. 1, N 42.

[46] Тамъ же. N 260 — 1.

трополіи. Галиція давно имѣла своихъ Митрополитовъ, и только преемство ихъ одного другому постоянно прерывалось, ради притязаній на Галицію Всероссійскихъ Митрополитовъ; притязаній, удовлетворявшихъ собственно только личному честолюбію Святителей и весьма вредящихъ благосостоянію Галицкой Церкви. Галиція могла имѣть теперь Митрополита, и наврядъ ли Святитель Іона имѣлъ успѣхъ въ этомъ отношеніи.

Такъ заискивалъ Митрополитъ Іона у Короля; но онъ также заискивалъ и у другихъ сильныхъ людей въ Западной Россіи. Такъ еще въ то время, когда Казиміръ обѣщалъ подчинить ему Западно-Русскія Епархіи, Святитель Іона писалъ къ Кіевскому Князю Александру Владиміровичу, котораго, извѣщая о своемъ поставленіи на Митрополію, доказывалъ ему, по чему въ Россіи долго не было Митрополита и по чему онъ поставленъ, а также доказывалъ исторіей, что Кіевъ есть главный столъ Митрополита, и въ заключеніе говоритъ: «я знаю и отъ другихъ многихъ слышалъ про тебя, великаго человѣка, что ты есть поборатель истинной Церкви и закона, и заступникъ всему Православному Христіянству, и той державы Литовскія земли всѣмъ Христіянамъ тамошнимъ похвала и поможеніе; по этому прошу тебя, сына своего, чтобы вашего благородія попеченіемъ и споспѣшеніемъ воспріяла бы Церковь Божія древнее свое благолѣпіе и да совокупилась бы по прежнему Святѣйшая Кіевская и всея Руси Митрополія во едино».[47]

Подобными исканіями, при помощи обстоятельствъ, Святитель Іона добился почти вполнѣ исполненія своего желанія и сдѣлался настоящимъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Но какъ было достигнуто это, точно также оно должно было и поддерживаться. Это бы еще ничего, что онъ просилъ Короля, чтобы Церковь не была изобижена ни отъ кого, но онъ принужденъ былъ просить и сильныхъ вельможъ о томъ, чтобы они печаловались у Короля о дѣлахъ Церкви;[48] онъ принужденъ былъ ставить дѣла, относящіяся до церковнаго управленія, подъ по-

47 Ак. Ист. т. I, N 47.

48 Тамъ же, N 260 — II и III.

кровительство различныхъ Князей Литовскихъ. [49] Всѣмъ этѣмъ людямъ Святитель Іона долженъ былъ говорить, если ужь не лесть, то, по крайнѣй мѣрѣ, такъ мягко, чтобы по возможности всегда имѣть ихъ на свой сторонѣ. Съ тою же цѣлію, т. е. чтобы утвердить свою власть надъ Западно-Русскими Епархіями, какъ предполагаютъ, Митрополитъ Іона ѣздилъ и самъ въ Литву. [50] Если такъ относился Святитель Іона къ свѣтскимъ людямъ Западной Россіи, то не лучше было его отношеніе и къ лицамъ, подчиненнымъ тамъ ему, какъ Митрополиту. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его въ отношеніи управленія Западной половиной своей Митрополіи, послѣ подчиненія ея ему, было то, что онъ поставилъ своихъ намѣстниковъ тамъ, какъ было при Митрополитѣ Фотіѣ; [51] а потомъ онъ обратилъ вниманіе на то, чтобы уничтожить тѣ сѣмена Католицизма, которыя были посѣяны между лицами духовными и даже между Епископами. Такъ съ этою цѣлію Епископъ Владиміро-Волынскій, поставленный Исидоромъ, былъ вызванъ въ Москву; сдѣсь онъ отрекся отъ своихъ заблужденій, и Митрополитъ Іона приказалъ ему литургисовать, вмѣстѣ съ собою, и послѣ этого снова отпустилъ его въ свою Епископію. [52] Но не всегда такъ легко и успѣшно могъ Митрополитъ дѣйствовать. Лучшимъ примѣромъ его отношеній къ лицамъ, ему подчиненнымъ въ Западной Россіи, служатъ его письма въ Полоцкъ. Полоцкій Владыка Симеонъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ называлъ его, своего Митрополита, своимъ братомъ. Святитель Іона на подобную дерзость отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: онъ написалъ вотъ какое письмо къ этому Владыкѣ: «листъ твой, сыну, до насъ дошелъ и подивился я, что ты пишешь ко мнѣ, называя себя мнѣ братомъ, не такъ какъ писали Епископы По-

---

[49] Ак. Ист. т. 1 , N 48 — II.

[50] Это предположеніе дѣлается на основаніи примѣчанія къ 48 N Ак. Ист. т. 1, въ прим. на стр. 7. Впрочемъ наврядъ ли Святитель былъ въ Литвѣ: въ 1-хъ, нигдѣ, кромѣ какъ по этому примѣчанію, о его поѣздкѣ нельзя заключить, а во 2-хъ въ письмѣ къ Архимандриту Калисту (тамъ же N 270) Святитель говоритъ такъ, что можно заключить, что онъ никогда не видалъ Казиміра: «прежде я не былъ у него (Короля) по случаю своей болѣзни».

[51] Ак. Ист. т. 1, N 48.

[52] Тамъ же N 52.

лоцкіе къ прежде-бывшимъ Митрополитамъ. Увѣрены мы, что ты старину знаешь и также въ Божественныхъ правилахъ искусенъ. Посмотри же и самъ разсуди: пригодно ли намъ къ Святѣйшему Патріарху писаться братомъ, имѣя на себѣ его рукоположеніе. Нѣтъ. А онъ къ намъ это можетъ дѣлать, точно также какъ и мы къ вамъ можемъ писать, но не вы, развѣ затмитесь тщеславіемъ и гордостію и будете безъ ума.»[53] А когда умеръ Симеонъ, то къ избранному на его мѣсто Архимандриту Калисту Іона писалъ: «ты хорошо дѣлаешь, въ письмѣ къ намъ, что вспоминаешь прежнее рукополагательство нашего смиренія на себѣ. Ты пишешь, что Великій Государь, сынъ нашъ, и всѣ тебя излюбили, чтобы ты былъ Епископомъ, и мы молимъ Бога, чтобы онъ довершилъ сіе начатое дѣло своимъ милосердіемъ, и мы этому очень ради. А что ты пишешь, что тебѣ ѣхать ко мнѣ для поставленія не свободно, то Богу извѣстно, какъ мнѣ хотѣлось бы быть у Великаго Государя Короля, когда онъ былъ въ своей отчинѣ, въ Литовской землѣ, чтобъ видѣть его, благословить и Бога за него помолить; но гдѣ бы я ни былъ, я вездѣ его богомолецъ; а прежде, за своею немощію, не могъ къ нему поѣхать. Если когда онъ будетъ около насъ и Богъ поможетъ, и укрѣпитъ нашу старость здравіемъ, и ни отъ кого не будетъ препятствій, то мы хотимъ у него быть и твое дѣло тогда будетъ совершено».[54]

Изъ приведенныхъ писемъ Митрополита Іоны мы можемъ видѣть, что отношенія его къ Литвѣ очень похожи на тѣ отношенія, въ какихъ находился прежде Митрополитъ Петръ къ цѣлой Россіи: они были до крайности натянуты и вездѣ онъ въ своихъ дѣлахъ опирается на старину и ее напоминаетъ; а съ нимъ уже, какъ видимъ, дѣйствуютъ совершенно по новому. Для поддержанія старины онъ принужденъ былъ ухаживать тамъ за всѣми: о Королѣ выражаться съ самымъ крайнимъ уваженіемъ; къ духовенству, подчиненному ему по милости Короля, онъ точно также относится, какъ и къ свѣтскимъ вельможамъ. Епископы въ отношеніи къ нему забываются, и онъ дѣйствуетъ на нихъ убѣж-

---

[53] Ак. Ист. т. N 1, 268.

[54] Тамъ же, N 270.

деніемъ, а не наказаніемъ. Въ Сѣверной Россіи, гдѣ Митрополитъ опирается въ сущности не на старину, а на силу Великаго Князя, тамъ не видно, чтобы Епископы не только сопротивлялись, но даже противорѣчили Митрополиту: по тому что при первомъ сопротивленіи ихъ, съ ними могли поступить строго; а если, какъ видѣли и увидимъ ниже, является что-то похожее на то, что Владыки высказываютъ свою самостоятельность въ дѣйствіяхъ, такъ это въ особенности въ Новгородѣ и Твери; но и сдѣсь имѣютъ средства съ ними управиться; а съ Литовскими Владыками Митрополитъ долженъ обходиться осторожно, особенныхъ требованій противъ нихъ онъ не можетъ выставить; власть Московскаго Князя туда не достигаетъ, а Литовкій Великій Князь только по нуждѣ его помощникъ, точно такой же, какъ и союзникъ Москвы. Митрополитъ называетъ себя общимъ богомольцемъ обоихъ Великихъ Государей, но такъ какъ онъ живетъ въ Государствѣ одного, и управляетъ частію своей паствы въ Государствѣ другаго, то это могло повести, при первомъ удобномъ случаѣ, къ непріятностямъ для него, особенно въ то время, когда Митрополитъ не будетъ нуженъ для Короля. Мы видѣли, что Галиція получила отдѣльнаго Митрополита, главное по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что Митрополиты переѣхали на Сѣверъ Россіи и удалились отъ Галиціи, а второе потому, что Галиція, сознавая свою самостоятельность политическую, не хотѣла, чтобы ея Церковь управлялась извнѣ, а по томъ потому, что подпала подъ власть Польши, страны крайне Католической: сдѣсь Православіе требовало себѣ защиты само изъ себя, а Митрополитъ жилъ далеко и не могъ удовлетворить этой потребности; Король Казиміръ Великій требовалъ Митрополита для Галиціи, стращая, въ случаѣ неудовлетворенія этого требованія, тѣмъ же Католицизмомъ. Этѣ же самыя условія существовали теперь и въ отношеніи къ Западной Россіи. Потомки Гедимина неотличались особенною религіозною ревностію, но сдѣсь могли выступить на сцену и другія условія; а по этому, для объясненія какъ послѣдующихъ происшествій, такъ и для яснаго пониманія изложенныхъ отношеній Святителя Іоны вообще къ Литвѣ, сдѣлаю отступленіе ко временамъ Витовта, когда тотъ хотѣлъ имѣть своего избранника на Митрополичьемъ престолѣ послѣ смерти Митрополита Кипріана.

По смерти Кипріана, когда Московскій Князь послалъ въ Константинополь съ требованіемъ, чтобы оттуда прислали Митрополита для Россіи, Витовтъ хотѣлъ, чтобы преемникомъ Кипріану былъ его избранникъ, и съ этою цѣлію отправленъ былъ въ Константинополь Ѳеодосій, Епископъ Полоцкій, чтобы Патріархъ посвятилъ его въ Митрополита всея Руси. Но прошеніе Витовта не было исполнено, и въ Россію былъ присланъ Фотій, который послѣ различныхъ затрудненій, со стороны Литовскаго Великаго Князя, попалъ наконецъ въ Москву. Но Витовтъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія (онъ былъ въ это время въ размирьѣ съ Москвою): онъ отнялъ у Фотія титулъ Митрополита Кіевскаго, а Епископы Епархій, находящихся во владѣніяхъ Литовскаго Великаго Князя, написали Фотію письмо слѣдующаго содержанія: «бывшему Митрополиту Кіевскому и всея Руси: мы, Епископы, видя, что ты многое дѣлаешь не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ, ждали твоего исправленія, но слыша о тебѣ такія вещи, за которыя ты подвергаешься проклятію и изверженію, а ихъ ты самъ знаешь. Мы тебѣ пишемъ, не хотя тебя посрамить; а говоримъ по тому, что имѣемъ тебя Епископомъ по правиламъ».[55] Это письмо замѣчательно тѣмъ, что наполнено общими мѣстами и не видимъ что за вины такія успѣлъ надѣлать Фотій; но это объясняется отчасти слѣдующими словами, заключающимися въ соборной грамотѣ Епископовъ, которые избрали Григорія Цамвлака въ Митрополиты, и въ окружной грамотѣ Витовта, объ отдѣленіи Кіевской Митрополіи отъ Московской. По этому случаю: Епископы говорятъ «скорбя о Церкви нашей матери Кіевской и видя ее презираемою отъ Митрополита Фотія, котораго только по названію имѣемъ какъ пастыря, а не дѣломъ, сбирающаго только доходы церковные, а живущаго въ иномъ мѣстѣ. Ради этого Великій Князь Александръ, называемый Витовтъ, изгналъ того Митрополита и послалъ къ Царь-граду къ Царю и Патріарху, прося дать ему Митрополита; но Царь Мануилъ не хотѣлъ послушать его прошенія, ради прибытковъ неправедныхъ. По совѣту Великаго Князя со всѣми и нашимъ избраніемъ поставленъ Григорій Ми-

[55] Ак. Зап. Рос. т. 1, N 23.

трополитомъ Церкви Кiевской и всея Руси.» Далѣе Епископы приводятъ основанiе, на какомъ правѣ они это сдѣлали и также рядъ историческихъ примѣровъ подобныхъ избранiй. Потомъ говорятъ: «да не скажутъ, что отрекаемся отъ вѣры, по тому что поставляемъ сами Митрополита; но мы по прежнему исповѣдуемъ Святую Православную Вѣру и Константинопольскаго Патрiарха имѣемъ въ Патрiарха и отца; также, какъ и прочiе всѣ Патрiархи и Епископы и всѣ служители Православной Церкви, учимъ и вѣруемъ; но не можемъ терпѣть царева насилiя, по тому что Святый Патрiархъ и Соборъ не могутъ по правиламъ поставлять, а поставляютъ того, кого Царь прикажетъ, а по этому покупается и продается даръ Святаго Духа. Примѣромъ этому служатъ Кипрiанъ, (!) Пименъ, Дiонисiй и многiе другiе». [56] Въ заключенiе приводится, сколько изъ этого слѣдуетъ дурнаго, вслѣдствiе этой продажности. Витовтъ въ окружной грамотѣ повторяетъ за Епископами тоже, что Митрополиты, живя не въ Кiевѣ, только заботятся о сборѣ пошлинъ и не брегутъ о Церкви, «и мы то видя,» говоритъ Витовтъ, «по смерти Митрополита Кипрiана посылали въ Царьградъ Владыку Полоцкаго Θеодосiя, прося, чтобъ намъ его поставили Митрополитомъ, чтобъ сидѣлъ на столѣ Кiевской Митрополiи по старинѣ, строилъ бы Церковь по давнему, какъ нашъ; по тому что Божiимъ изволенiемъ мы обладаемъ тѣмъ мѣстомъ Кiевомъ. Но они того не хотѣли сдѣлать, не поставили Θеодосiя Митрополитомъ, но прислали намъ своего Митрополита Фотiя. Мы сначала приняли Фотiя, но онъ у насъ не жилъ, а только заботился о доходахъ, и мы, того не терпя, изгнали того Фотiя: послали опять къ Царюграду, чтобъ поставили Григорiя: но тамъ этого не сдѣлали. Поэтому мы, видя хорошо, что они хотятъ по своей волѣ ставить Митрополитовъ, сами стали дѣйствовать, да не скажутъ: «что Государь не той Вѣры, отъ того и Церковь оскудѣла.» По совѣту съ Епископами мы еще посылали въ Царьградъ; назначали для рѣшенiя дѣла нашего сроки; но такъ какъ ничего ими не было сдѣлано, то и былъ соборомъ Русскихъ Епископовъ поставленъ Григорiй Митрополитомъ Кiевскимъ, чтобъ сидѣлъ на столѣ въ Кiевѣ, какъ пошло издавна.

---

[56] Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 58 — 56; Ак. Зап. Рос. т. 1, № 24.

а не такъ какъ по новому въ Москвѣ.»[58] Витовтъ въ этой грамотѣ старается указать, что его не что иное побудило къ раздѣленію Митрополіи, какъ только однѣ заботы о православныхъ подданныхъ и ихъ Церкви, даже и при томъ, что хотя онъ и Государь иновѣрный. А смотря на причины, которыя изложены въ грамотахъ Епископовъ и Витовта, по чему поставленъ Григорій, мы можемъ видѣть громадную разницу между жалобами на Митрополитовъ Ольгерда и Витовта: первый жаловался на множество политическихъ обидъ, которыя надѣлалъ ему Митрополитъ Алексѣй, и не говорилъ ничего подобнаго Витовту; при послѣднемъ нашли только одну жалобу, относительно личности Митрополита: что онъ пошлины сбираетъ и относитъ въ другое мѣсто и не заботится о Церкви. Но между тѣмь Витовтъ все-таки не могъ укрыть за этими жалобами настоящую причину своего поступка; онъ говоритъ: «видя хорошо, что они (т. е. въ Константинополѣ по просьбѣ изъ Москвы) хотятъ по своей волѣ ставить Митрополитовъ» для нашей земли, а по этому я и сталъ этому противодѣйствовать, т. е. сталъ распоряжаться въ своей землѣ тѣмъ, чѣмъ другіе распоряжались. Про обвиненія Епископовъ сдѣсь нечего и говорять; они обвиняя Митрополита, не зная, какъ видно, въ чемь бы обвинить его, говорятъ: «самъ знаешь, въ чемъ ты виноватъ.» Этѣ Епископы, когда Великій Князь, по смерти Григорія, согласился принять Фотія, приняли его какъ своего Митрополита, хотя прежде говорили, что онъ достоинъ проклятія. Сдѣсь должно замѣтить и то отличіе требованій, какое было при Ольгердѣ и Витовтѣ: Ольгердъ положительно желаетъ добыть себѣ Митрополита такого, какъ Алексѣй. Витовтъ тоже сначала желалъ имѣть своего избранника на Всероссійскомъ Митрополичьемъ престолѣ, а потомъ безъ всякихъ разсужденій самъ рѣшился имѣть Митрополита только для своихъ владѣній.

Самымъ лучшимъ объясненіемъ, какъ совершилось поставленіе Григорія въ Митрополиты, служитъ разсказъ лѣтописи: — Витовтъ собралъ Епископовъ своей земли и сказалъ: «изберите въ Митрополиты кого хотите и пошлите въ Константинополь для поставленія, и избранъ былъ Григорій Цамвлакъ. Нѣкоторые

---

[58] Ак. Зап. Рос. т. I, № 25.

при этомъ Епископы говорили, что лучше примириться съ Фотіемъ. Но Витовтъ своею властію запретилъ имъ говорить объ этомъ, и они замолчали. Посланъ былъ Григорій въ Константинополь и многія жалобы на Фотія; но Григорій не былъ посвященъ тамъ. Тогда Витовтъ приказалъ Епископамъ своимъ писать вины на Фотія и поставить Григорія. Владыки выставляли причины, по чему нельзя быть двумъ Митрополитамъ въ одной области; но были принуждены исполнить все по пожеланію Витовта.»[58] Вотъ, кажется, простое объясненіе, по чему Епископы писали такими общими мѣстами къ Фотію, и по чему его послѣ признали своимъ Митрополитомъ.

Но если по заказу и принужденію писали Епископы дурное о Фотіѣ, то послѣдній самъ не оставилъ этого дѣла такъ, и поднялъ борьбу. Въ изданномъ по этому случаю окружномъ посланіи онъ въ началѣ написалъ слѣдующее:» Епископы по названію велики, а по нраву малы; образомъ ученики Христовы, а нравомъ предатели; словомъ благочестивы и кротки, а дѣломъ нечестивы и лукавы; именуются Святителями, а дѣлаютъ такъ, какъ язычники». Обсыпавъ значительнымъ числомъ подобныхъ выраженій Епископовъ, Митрополитъ Фотій указывалъ при томъ на то, что никто не можетъ самовольно поставлять Митрополита иначе, какъ изъ Константинополя, и потомъ разбираетъ окружную грамоту Литовскихъ Епископовъ, и относительно симоніи въ Константинополѣ говоритъ: «скажи ты мнѣ, особенно прельщенный не Епископъ Полоцкій, Ѳеодосій, по преставленіи почившаго Митрополита Кипріана, не ты ли ходилъ въ Константинополь? И ты самъ окаянный знаешь, сколько ты золота и серебра давалъ за поставленіе, а вѣдь тебя не поставили, и со стыдомъ отослали. Да также поискалъ Митрополіи прельщенный Григорій и обѣщалъ за это много имѣнія, вѣдь его не послушали же, а еще сану священническаго лишилъ его Вселенскій Патріархъ и проклялъ, и онъ едва убѣжалъ отъ казни. Какъ же послѣ этого вы, Епископы, такую хулу и ложь говорите на Святую Соборную Церковь и святаго Царя.» За симъ Митрополитъ Фотій совѣтовалъ всѣмъ Православнымъ не имѣть никакого общенія съ Литовски

---

[58] Ник. Лѣт. ч. 5, стр. 54—59.

ни Епископами; въ подтвержденіе всѣхъ своихъ словъ онъ приводитъ правила Церкви и въ заключеніе говоритъ, что все его посланіе писано имъ не отъ себя, а отъ Божественныхъ правилъ, для соединенія Церкви и для обращенія заблудшихъ.[59] Съ этою же цѣлію Митрополитъ обращался не только вообще ко всѣмъ, но и въ частности въ различныя мѣстности, совѣтуя жителямъ не присоединяться къ отдѣлившимся. Но вообще этою дѣятельностію, направленною не противъ главнаго дѣйствующаго лица, а противъ второстепенныхъ, Митрополитъ Фотій не возвратилъ потерянной для его власти части Митрополіи, по тому что, когда умеръ Григорій и онъ вступилъ въ управленіе Западно-Русскими Православными Епархіями, въ качествѣ Митрополита, то самъ объ этомъ такъ говорилъ: «по благодати Святаго Духа и милости Христа, устрояющаго всю вселенную, украшена Православная Церковь прежнимъ благолѣпіемъ и мое смиреніе въ Церковь свою введено совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, Великаго Князя Александра» (Витовта).[60] Вотъ причина, по чему Казиміръ пожаловалъ Митрополію Іонѣ. При Витовтѣ свѣтская власть Литвы еще не коснулась вполнѣ, съ своими принадлежностями (и даже въ одной изъ нихъ оправдывается) дѣлъ церковныхъ. При Митрополитѣ же Іонѣ, кромѣ уясненія всѣхъ отношеній, въ Казимірѣ присоединилось, кромѣ Католицизма но еще и то, что онъ Король Польши.

Тѣ отношенія, которыя были между властями духовною и свѣтскою въ Москвѣ, потомъ это право Литовскаго Великаго Князя, признанное и Митрополитами, распоряжаться Митрополичьимъ престоломъ, при вышепоказанныхъ натянутыхъ отношеній Святителя Іоны къ Литвѣ, могли при первомъ удобномъ случаѣ повести не къ такому раздѣленію Митрополіи, какое случилось при Фотіѣ, а къ окончательному. Къ этѣмъ двумъ причинамъ присоединялись и другія: Католицизмъ Литовскаго Великаго Князя, отдаленность Западно-Русскихъ Епархій отъ Москвы, гдѣ жилъ Митрополитъ, и зависимость избранія Епископовъ отъ Великаго Кня-

---

[59] Ак. Ист. т. 1, N 19.

[60] Доп. къ Ак. Ист. т. 1, N 183. стр. 338

зя, а главное Церковь Восточная, имѣющая въ іерархіи своей характеръ учрежденія государственнаго, и по этому не представляющая особенной трудности къ утвержденію независимости ея въ одномъ самостоятельномъ государствѣ отъ другаго. По этому единство Митрополіи и зависимость ея отъ Патріарха Константинопольскаго могла держаться до тѣхъ поръ, пока Княжества не развились въ государства; но теперь это время наступило, и Русское общество, сгруппировавшись около Москвы и Литвы, вышло теперь изъ состоянія, называемаго гражданскимъ обществомъ, и выказало ясно уже твердыя начала государства. Въ Москвѣ мы видѣли, въ какомъ отношеніи стала духовная власть къ свѣтской; въ Москвѣ государство развилось и готовое государственное учрежденіе, церковная іерархія, заняло свое мѣсто, для него назначенное. Точно также развилось государство и въ Литвѣ, а по этому наступило и время отдѣленія отъ власти Митрополита, живущаго въ Москвѣ, подчиненныхъ ему Литовскихъ Епархій; отдѣленіе, пріостановленное на время, какъ будто случайными обстоятельствами, но въ сущности тѣмъ, что къ этому дѣлу не все еще было приготовлено. Это раздѣленіе Митрополіи выяснялось постепенно, практически, какъ и все другое въ обществѣ, пока не явилось въ осуществившемся фактѣ. Видимымъ въ этомъ представлялось: сначала вліяніе Великаго Князя на поставленіе Епископовъ, потомъ недовольство тѣми изъ нихъ, которые поставлены безъ его вліянія, отсюда изгнаніе ихъ; за тѣмъ жалобы на дѣйствія Митрополита, живущаго въ другой странѣ; желаніе переманить его къ себѣ или добыть такого же; за тѣмъ ясное опредѣленіе требованія вліянія Князя на избраніе Митрополита и хлопоты объ этомъ въ Константинополѣ, а если это послѣднее не удастся, то поставленіе его у себя дома, и такимъ образомъ этѣмъ всѣмъ приводилось дѣло къ окончательному своему результату, въ связи съ сознаніемъ самостоятельности и силы, приведшее въ заключеніе къ учрежденію въ одной части Россіи Патріархата. Всѣ этѣ дѣйствія вытекаютъ постепенно, въ связи со всѣмъ другимъ и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Они, повидимому, перемѣшиваются между собою; но хорошенько всматриваясь въ нихъ, видимъ, что они совершаются въ порядкѣ и въ связи съ прочнымъ развитіемъ самостоятельности и силы. Оба Государства, Московское и Литовское, развившіяся вмѣстѣ въ одно

время, по мѣрѣ того, на сколько каждое имѣло залоговъ прочнаго развитія силы, на столько успѣвало достигнуть своихъ цѣлей въ отношеніи къ Православной Церкви и ея іерархіи. Московское Государство было прочнѣе, и оно въ своемъ еще зародышѣ успѣло притянуть главу Церкви. Литва начала противъ этого бороться. Теперь въ Москвѣ твердо установили дѣйствительную независимость отъ Константинополя поставленіемъ Митрополита Іоны: неужели въ Литвѣ это дѣло могло быть оставлено безъ вниманія, въ то время, когда она во всемъ боролась съ Москвою Теперь же было такое время, что Византійская Имперія растлѣвшая до того, что раздѣлялась на Господарства и вообще потеряла видъ Государства, передавала въ наслѣдство, такъ сказать, Россіи свои интересы во всѣхъ отношеніяхъ, а конечно и Церкви, хотя, по завоеваніи Константинополя Магометомъ II и явленія въ Европѣ Азіатской Имперіи, церковная православная греческая іерархія и въ Турціи заняла свое мѣсто государственнаго учрежденія.

Но обратимся, для подтвержденія всѣхъ этѣхъ положеній, къ фактамъ. Исидоръ, бѣжавшій изъ Россіи въ Римъ, не думалъ отказываться отъ Митрополіи Русской, но самъ не хотѣлъ ѣхать въ Россію, по тому что мечталъ уже о Патріархатѣ, а по этому указалъ на своего ученика Григорія, который въ Римѣ, Константинопольскимъ Патріархомъ Уніатомъ, Григоріемъ же Мамою, былъ посвященъ въ Митрополиты для всей Россіи. Новопоставленный Митрополитъ отправился изъ Рима. Но какъ только узнали въ Москвѣ о такомъ дѣлѣ, идущемъ изъ столицы католическаго міра на Россію; то Василій Васильевичъ еще прежде, чѣмъ его оффиціально извѣстили изъ Литвы объ этомъ, написалъ къ Казиміру слѣдующее: «Григорія не принимай, новизны не дѣлай и старины не разрушай: старина въ томъ, что отъ святаго Владиміра избраніе Митрополитовъ есть право Великихъ Князей Русскихъ до сего времени; а Литовскимъ Князьямъ принимать кто намъ любъ, а отъ Рима у насъ Митрополитамъ не быть, и мнѣ не надобно; если ты его примешь, то разрушишь старину».[61] Съ этою же цѣлію самъ Святитель Іона писалъ къ Православнымъ бояр-

---

61 Ак. Арх. Экс. т. 1, № 80.

рамъ и панамъ Литвы: онъ хвалитъ ихъ за то, что они крѣпко держатся Православія, и совѣтуетъ имъ обосляться со всѣми Православными и крѣпко стоять за Православную Вѣру; а въ заключеніе говоритъ, что «я и самъ бы къ этому великому дѣлу поѣхалъ къ вамъ, чтобы васъ поддержать въ Православіи, но постигшая меня болѣзнь этого не дозволяетъ; а вмѣсто себя посылаю къ вамъ Игуменовъ, которыхъ вы слушайте, по тому что они будутъ говорить тоже, чтобы и я говорилъ, ибо ихъ слова суть наши слова».[62] Святитель Іона былъ отчасти утѣшенъ тѣмъ, что на его посланіе къ Православнымъ въ Литву оттуда отвѣчали, что тамъ готовы стоять за Православіе и имѣть Митрополитомъ его, Іону. а объ Григоріи его извѣстили сами Литовскіе Епископы.[63] Но такъ какъ старина, на которую указывалъ Василій Васильевичъ, была разрушена, теперь прежде всего въ Москвѣ, то и въ Литвѣ дѣлали тоже. Казиміръ принялъ Григорія; ему трудно было сопротивляться подобнымъ дѣламъ, выходившимъ изъ Рима, какъ Католику, а главное Королю Польскому. По этому онъ хотѣлъ, не ссорясь съ Москвой, устроить это дѣло мирно: явилось посольство въ Москву къ Василію Васильевичу съ предложеніемъ, чтобы онъ принялъ Григорія, какъ Митрополита, по тому что Іона уже старъ. Василій Васильевичъ о такомъ дѣлѣ не хотѣлъ и слышать. Въ Москву были созваны Епископы Сѣверной Россіи; они дали обѣщаніе не принимать пришедшаго изъ Рима Григорія, называющаго себя Митрополитомъ Кіевскимъ.[64] Въ Литвѣ же нѣкоторые изъ Епископовъ вступили въ общеніе съ Григоріемъ Подобнымъ извѣстіемъ Святитель Іона былъ сильно огорченъ, и отъ него посыпались посланія къ Православнымъ въ Литву: въ нихъ онъ упрекаетъ тѣхъ, которые вступаютъ въ общеніе съ ученикомъ Исидора; совѣтуетъ стоять за Православіе, бороться противъ насилій, и если придется, то принять и мученическій вѣнецъ за Вѣру; приглашаетъ, если будетъ гоненіе, ѣхать въ Москву; объясняетъ всѣмъ дѣло Исидора и оправдываетъ церковными правилами собственное избраніе.[65] Но въ Литвѣ молчали на

[62] Ак. Ист. т. 1, N 45.

[63] Тамъ же, N 65 стр. 118.

[64] Тамъ же, N 61.

[65] Тамъ же NN 62. 63 и 66; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 169.

эти посланія, и только покуда нѣкоторыхъ смущало то, что Григорій поставленъ въ Римѣ отъ Латинъ, и по этому изрѣдка являлись иногда утѣшенія для Митрополита Іоны отъ нѣкоторыхъ Епископовъ, но и тѣ желали пріѣхать въ Москву.[66] Но дѣло по отношенію къ власти Митрополита Іоны надъ Западно-Русскими Епархіями вообще разомъ замолкло изъ Литвы и пришлось въ Москвѣ заняться дѣлами Сѣверной части Митрополіи, по тому что явленіе Григорія имѣло вліяніе, какъ видно, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея, которыя были изъ старины враждебны къ Москвѣ. На Соборѣ, собранномъ для того, чтобъ написать посланіе въ Литву и дать обѣщаніе не отпадать отъ власти Митрополита Іоны, присутствовали Владыки только тѣхъ Епархій, области которыхъ находились болѣе или менѣе въ полной связи съ Москвой: Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій, Сарскій и Пермскій.[67] Вслѣдствіе, вѣроятно, этого, было отправлено посланіе отъ Митрополита къ Новгородскому Владыкѣ Іонѣ о томъ, чтобы онъ берегся Григорія, ученика Исидорова,[68] а къ Тверскому Епископу Моисею послана была строгая грамота съ требованіемъ явиться непремѣнно въ Москву, по церковнымъ дѣламъ, къ сроку.[69]

Но всѣ хлопоты Митрополита Іоны по главному дѣлу своей Митрополіи остались тщетны. Тверь и Новгородъ остались за Сѣверной Митрополіей; прежнее ихъ противодѣйствіе Москвѣ, а

---

[66] Доп. къ Ак. Ист. т. 1, NN 12 и 13. Предполагаютъ, что это былъ Епископъ Черниговскій Евѳимій, воспользовавшійся приглашеніемъ Митрополита. Приб. къ Тв. Св. От., XIII, стр. 527. Вслѣдствіе, вѣроятно, этѣхъ сомнѣній Православныхъ объ томъ, что Григорій поставленъ въ Римѣ и также того, что Казиміръ не хотѣлъ особенно рѣзко и вполнѣ исполнять требованій Римской Куріи, ради своихъ политическихъ отношеній къ Москвѣ, былъ личный неуспѣхъ ученика Исидорова, который до своей смерти долженъ былъ быть только по имени Митрополитомъ и жить около и подъ покровительствомъ Короля. Опис. Кіево-Соф. Соб. и Кіевской іерархіи стр. 109—110; Приб. къ Твор. Св. От. XIII въ статьѣ О Кіевской Митрополіи въ началѣ отдѣленія ея отъ Московской.

[67] Ист. Рос. т. 4, прим. 526.

[68] Ак. Ист. т. 1, N 65.

[69] Тамъ же, N 271.

вслѣдствіе того и церковной власти, сосредоточенной тамъ, было уничтожено уже; притяженіе Москвы къ себѣ этѣхъ областей съ государственною цѣлію началось окончательное, и по этому они не могли, хотя, можетъ быть, и желали отдѣлиться и въ церковномъ отношеніи. Но Западная Россія была потеряна для Митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ, окончательно. Такимъ образомъ совершилось раздѣленіе Митрополіи. Причинъ этому событію я не буду повторять, но только при этомъ замѣчу, что хотя время и приспѣло къ раздѣленію, и оно произошло отъ перваго толчка, но толчка, пришедшаго изъ Рима, характеризующаго положеніе Западныхъ Русскихъ Православныхъ и опредѣлившаго дальнѣйшую судьбу Православной Церкви въ областяхъ Литвы и Польши.

Но сдѣсь можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли церковная іерархія, въ лицѣ своего начальника, Митрополита, совсѣмъ окончательно подчинилась свѣтской власти Московскихъ Великихъ Князей? По тому что только отъ этого могло произойти раздѣленіе Митрополіи. Прежніе выводы объ отношеніи властей, можетъ быть, не совсѣмъ ясно объ этомъ говорятъ. Но вотъ слова Епископовъ, говорящихъ о себѣ и о Митрополитѣ: «даемъ мы обѣщаніе предъ Богомъ и Святыми Ангелами, при своемъ поставленіи, своему Господину и отцу Іонѣ Митрополиту всея Руси, что намъ отъ Святой Соборной Московской церкви Святыя Богородицы быть не отступнымн, а отъ нашего Господина и отца Іоны, Митрополита всея Руси также быть не отступными, и повиноваться ему во всемъ. И кто по его отшествіи къ Богу, иной Митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, и по повелѣнію Господина нашего, Великаго Князя Василія Васильевича Русскаго Самодержца».[70] Эти слова сами за себя говорятъ; да кстати Митрополита Іону Епископы Сѣверной Россіи называютъ уже не Кіевскимъ, а просто всея Руси, и главнымъ престоломъ Митрополичьимъ, какъ можемъ видѣть, считается Москва, а не Кіевъ.

Теперь еще можетъ возникнуть вопросъ: какъ же опредѣлить тѣ попытки къ самостоятельности, или, лучше сказать, не-

---

[70] Ак. Ист. т. I N 61.

зависимости, отъ Митрополита или Епископовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ Церквей, попытки, встрѣчающіяся въ Русской Исторіи? Исключая Литвы, вспомнимъ мысль Андрея Боголюбскаго, Галицкихъ Князей, Новгородъ, Псковъ и даже Тверь, гдѣ (въ Твери) Епископы ставились подъ вліяніемъ тамошнихъ Князей.[71] Вездѣ, гдѣ только проявлялась самостоятельность Княжества, или республики, или гдѣ сильный Князь вообще дѣйствовалъ въ политическихъ дѣлахъ весьма независимо, или гдѣ проявлялись зачатки или даже развитіе, хотя болѣзненное, въ государство, вездѣ съ политическою независимостію проявлялось желаніе утвердить и независимость своей церковной іерархіи отъ непосредственной высшей духовной власти, находящейся въ другой мѣстности. Византійская Церковь по своему характеру способствовала этому, и сама въ лицѣ своего представителя въ Россіи, Митрополита, постоянно клонилась въ ту сторону, гдѣ была настоящая сила Россіи, — гдѣ слагалось государство. Борьба, происходившая вслѣдствіе этого стремленія мѣстныхъ Церквей, имѣла вообще на столько успѣха, на сколько самая сила Княжества или республики могла вообще выказать свою самостоятельность въ отношеніи противника. Конечно, точно также было и обратно, т. е. какъ только начиналось подавленіе самостоятельности политической, вмѣстѣ съ этѣмъ шло и подавленіе самостоятельности церковной. Лучшимъ примѣромъ для всего этого служитъ въ древней Русской Исторіи Новгородъ, пользовавшійся всякимъ удобнымъ случаемъ для отдѣленія отъ подчиненія власти Митрополитовъ всея Руси, особенно же во время смутъ на Митрополичьемъ престолѣ; въ Новгородѣ извѣстнаго рода самостоятельность церковной іерархіи въ отношеніи къ Митрополиту и зависимость ея отъ правительства республики, все рухнуло вмѣстѣ съ политической независимостію.[72] Такая борьба происходила въ Россіи, но

---

[71] Такъ даже Митрополитъ Іона долженъ былъ ставить Епископа Моисея въ самой Твери П. С. Р. Л. т. 15, стр. 496.

[72] Систематическій сводъ фактовъ объ Новгородѣ въ этомъ отношеніи, см. Сѣверно-Русскія Народоправства Костомарова т. 2, стр. 266—276; только изложены событія тамъ чрезъ-чуръ пристрастно къ Новгородской свободѣ; объ этомъ же см. Прав Обозрѣніе 1863 г. Мартъ, стр. 228—245, о спорѣ Новгородцевъ съ Московскими Митрополитами изъ-за мѣсячнаго суда.

онѣ были вообще и вездѣ. Вездѣ, гдѣ только проявлялась самостоятельность политическая, начиналась и борьба за независимость мѣстной церковной іерархіи и даже вообще Церкви, служившей прежде единственною представительницею націи или даже многихъ націй. Успѣхи борьбы и ея плоды обыкновенно соотвѣтствовали какъ силѣ возставшаго на борьбу, такъ и средствамъ противленію и теоріи, противъ кого боролись; Конкордатъ и Реформація слѣдовали за борьбою съ Римскою Церковію и образовывали, при образованіи государствъ, государственныя Церкви. При развитіи же сознанія о самостоятельности и независимости убѣжденій отдѣльныхъ членовъ въ обществѣ, начиналась борьба за свободу совѣсти и соотвѣтствовала также средствамъ матеріальнымъ и нравственнымъ борющихся. Борьба же внутри самаго общества съ государственною Церковію, или съ господствующею Вѣрою, если само Государство не дѣлаетъ уступокъ членамъ своимъ, требующимъ себѣ свободы дѣйствій и своихъ убѣжденій, есть уже борьба съ самимъ государствомъ. Такимъ образомъ идея о единствѣ націи, или многихъ цѣлыхъ обществъ человѣческихъ, передается отъ грубаго общества Церкви, при развитіи государства — государству и его представителямъ.

Теперь въ заключеніе скажемъ о Святителѣ Іонѣ въ личномъ отношеніи его къ паствѣ, какъ учителя, и вообще о характерѣ его. Сдѣсь прежде всего бросается въ глаза то уваженіе, которымъ онъ пользовался отъ всѣхъ; это мы можемъ видѣть и изъ вышеприведенныхъ фактовъ, и тутъ же видно и личное положеніе Святителя въ Москвѣ, какъ человѣка, имѣющаго вліяніе на дѣла государственныя. Такъ Казиміръ, для извѣстныхъ цѣлей, обращается къ Святителю Іонѣ, чтобъ онъ ходатайствовалъ объ его дѣлахъ у Великаго Князя. Самъ Святитель не говоритъ о томъ, что онъ имѣетъ вліяніе на государственныя дѣла; но можно видѣть изъ его же словъ, что не только по его просьбѣ сдѣлаетъ то или другое Великій Князь, но что безъ его ходатайства, пожалуй, трудно чего либо важнаго добиться въ Москвѣ. Да и всѣ другія лица увѣрены въ томъ же, съ прибавленіемъ еще того, что въ Москвѣ только и можно положиться на его слова. Это послѣднее всего лучше можно видѣть изъ того, что Дмитрій Юрьевичъ Шемяка и другіе Князья, заключая договоры съ только что

побѣдившимъ ихъ Василiемъ Васильевичемъ Темнымъ, еще до поставленія въ Митрополиты Іоны, ставятъ условіемъ слѣдующее: «тебѣ, Князю Великому, брату нашему старѣйшему, насъ пожаловать, не приказывать намъ ѣздить къ себѣ, пока не будетъ въ нашей землѣ у насъ Митрополита».[73] Этѣ Князья знали, конечно, что Митрополитомъ будетъ никто другой, какъ уже нареченный на Митрополію Іона, а Дмитрій Юрьевичъ, по собственному опыту, зналъ, какъ совѣстливъ Святитель Іона, и какъ на него можно положиться; а по этому-то Князья ни въ чью честность столько не вѣрили, какъ въ его, будущаго Митрополита; они были увѣрены, что, пріѣхавши въ Москву, при немъ не будутъ схвачены. Сдѣсь, въ этомъ условіи, конечно, много можно отнести и къ тому уваженію, которымъ пользовался санъ Митрополичій, т. е., что человѣкъ, облеченный имъ, непремѣнно долженъ служить образцомъ нравственности и не допускать дѣлать другимъ крайнихъ злоупотребленій изъ своей власти. Но, во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы Князья поставили подобное условіе на томъ основаніи, что всякій, кто бы ни былъ Митрополитомъ, непремѣнно не допуститъ сдѣлать надъ ними озорства, а мы знаемъ, что и при Митрополитѣ Алексѣѣ бояре не стѣснялись имъ и схватили пріѣхавшаго къ нимъ Тверскаго Князя; а въ сочувствіи такому вѣроломству трудно заподозрить Святителя Алексѣя.

Святитель же Іона, на основаніи уваженія къ своему сану и обязанностямъ, съ нимъ сопряженнымъ, въ дѣлахъ политическихъ считалъ своею обязанностію ходатайствовать и печаловаться предъ Великимъ Княземъ за сдѣлавшихъ противъ него какой либо проступокъ. Онъ, какъ можемъ видѣть, своею дѣятельностію, какъ представитель нравственности въ обществѣ, хочетъ смягчить дѣйствія свѣтской власти, онъ желалъ, чтобы всѣ жили мирно, хлопочетъ объ этомъ и показываетъ, что именно изъ этой обязанности пастыря выходятъ всѣ его дѣйствія.

Считая своею обязанностію ходатайствовать предъ Великимъ Княземъ за виновныхъ предъ нимъ, Святитель Іона обращается

---

[73] С. Г. Г. и Д. т. 1, №№ 66 и 67.

строго къ преступившимъ и особенно не исправляющимся. Такъ онъ пишетъ къ Вятчанамъ, совѣтуя имъ исправиться[74] отъ ихъ дурной жизни; но видя, что они живутъ по прежнему, наконецъ пиш тъ, что слышалъ онъ, что на Вяткѣ чинится Богу противныхъ сп ненавистныхъ дѣлъ очень много, и тамошніе Священники допускаютъ все это дѣлать; такъ таковые Священники хуже еретиковъ. Потомъ Святитель совѣтуетъ Вятскимъ властямъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы подобныхъ проступковъ, противъ правилъ Церкви, впредь не было; а сами бы они, т. е. власти, отъ безбожниковъ удалялись; а къ Священникамъ пишетъ съ напоминаніемъ о томъ великомъ санѣ, который они на себѣ имѣютъ, по этому-то и говоритъ имъ, чтобы они были образцомъ хорошей жизни для міряиъ; если же они сами себя будутъ вести по прежнему и допускать другимъ дѣлать всякія нарушенія правилъ церковныхъ, то грозитъ имъ, что, по уставу Цер. ви, они должны быть отлучены и извержены изъ нея.[75] Но еще яснѣе это понятіе о своихъ обязанностяхъ наставлять паству миру, любви и хорошей доброй жизни, а также таковую же обязанность и всего духовенства, Святитель Іона высказываетъ въ посланіяхъ въ Новгородъ и Псковъ. Онъ пишетъ къ Новгородскому Владыкѣ Евѳимію: «слышалъ я, что въ отчинѣ Великаго Князя, между твоими духовными дѣтьми, въ Великомъ Новгородѣ, происходятъ междуусобныя сипранія, раздоры, и убійства, и кровопролитія. Ради этого хочу тебѣ нѣчто вмалѣ отъ Священнаго Писанія написать, которое, я знаю, ты самъ хорошо вѣдаешь, по этому вмалѣ и пишу, по своему Святительскому долгу». За симъ, напомнивъ Архіепископу обязанность духовенства учить паству и остерегать ее отъ дурныхъ поступковъ, по этому совѣтуетъ Владыкѣ позаботиться и наставить Новгородцевъ, чтобы они отстали отъ тѣхъ злыхъ дѣлъ, а если не отстанутъ, то «ты, нашъ сынъ и братъ, въ этомъ не повиненъ будешь, и злые сами погибнутъ, если къ покаянію не придутъ». А къ самимъ Новгородцамъ Святитель писалъ объ этомъ же, что онъ слышалъ, что «нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло сотворяется у нихъ, не

---

[74] См. выше.

[75] Ак. Ист. т. 1, N 267.

только отъ простыхъ, но и отъ честныхъ и великихъ людей: начинается гнѣвъ, ярость и свары, и прекословія, и многонародное собраніе съ обѣихъ сторонъ; да еще нанимаютъ на то дѣло пьянчивыхъ и кровопролитныхъ людей и бои замышляютъ и пролитіе крови. Слыша это ваше нестроеніе, я написалъ къ нашему сослужебнику и брату, Владыкѣ Евѳимію, и вы бы, дѣти, послушали его, на свою душевную пользу, и отступили отъ того богомерзкаго дѣла». За симъ, указывая Новгородцамъ, какъ вредна ярость и гнѣвъ вообще, съ Христіанскою любовію совѣтуетъ имъ пріити къ покаянію, и чтобы они были во всемъ послушны своему учителю, Архіепископу Евѳимію, по тому что и обязаны слушать его, по слову Господню: «слушающіи васъ Меня слушаетъ, а отметающіися отъ васъ, отъ Меня отметается и отъ Пославшаго Меня». И также, по слову апостола Павла: «повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покаряйтесь»; такъ какъ онъ вамъ, дѣти, поставленъ Святителемъ и учителемъ и власть имѣетъ Святыхъ Апостоловъ вязать и рѣшить: того ради, дѣти, воздайте ему честь и повиновеніе».[76] А къ Псковичамъ Митрополитъ пишетъ о томъ, «чтобы они жили по старинѣ и были бы вѣрны Великому Князю, а онъ, Митрополитъ, готовъ, по своему Святительскому долгу, бить челомъ Великому Князю объ ихъ дѣлахъ, «колико мочно». Въ заключеніе прибавляетъ: «да еще, дѣти, и о томъ вамъ воспоминаемъ и многократно: вѣру къ Богу по своему Православію отъ всего сердца, ко Святымъ Божіимъ церквамъ, и къ своимъ духовнымъ настоятелямъ и ко всему Священству также духовную любовь и благопокореніе имѣйте, а разногласія въ Православной Вѣрѣ никогда бы у васъ не было. А когда отъ нашего смиренія что либо отъ Божественныхъ Писаній потребуется, то вы къ намъ пишите, а мы посмотря въ Божественныя правила хочемъ къ вамъ, къ дѣтямъ своимъ, писать, чѣмъ насъ Богъ вразумитъ. А вы бы насъ о своемъ здравіи и о своемъ пребываніи безъ вѣсти не оставляли. А Священниковъ благословляю и о томъ имъ напоминаю, чтобы они о своей паствѣ всегдашнее попеченіе имѣли, да не были бы осуждены предъ Богомъ и могли бы каждый предъ нимъ сказать: «Господи, се азъ и дѣти, яже ми далъ есть

---

[76] Тамъ же, N 44.

Богъ». [77] Но не только по подобнымъ случаямъ поучалъ Святитель членовъ своей паствы, онъ писалъ посланія къ разнымъ лицамъ по случаю семейныхъ несчастій: умерла у Князя жена, и Святитель пишетъ къ нему, утѣшаетъ его въ несчастіи и совѣтуетъ не предаваться отчаянію; [78] дѣти не повинуются матери и къ нимъ пишетъ, напоминаетъ обязанности дѣтей къ родителямъ, благословляетъ ихъ на то, чтобы они испросили у матери прощеніе и были бы ей послушны; говоритъ, что онъ пишетъ къ нимъ, не только по жалобѣ матери ихъ, но и по своему Святительскому долгу, и если они не исправятся, то на нихъ будетъ клятва матери и церковная. [79] Считая своею обязанностію всюду, гдѣ ни понадобится, исполнить свой Святительскій долгъ, Митрополитъ требовалъ и отъ подчиненныхъ своихъ, чтобы они также исполняли добросовѣстно свои обязанности, и если дѣлались виноватыми противъ этого, то Святитель для нихъ являлся самымъ строгимъ судьею. Такъ извѣстно, что Ростовскій Владыка Ѳеодосій по необдуманности разрѣшилъ въ навечеріе Богоявленія ѣсть мясо: за это его Митрополитъ Iона хотѣлъ лишить сана, и только ходатайство предъ нимъ Великой Княгини спасло отъ наказанія Архіепископа, и онъ поплатился за это тѣмъ, что принесъ

---

[77] Ак. Ист т. I, N 60. Вѣроятно, напоминаніе къ Псковичамъ о покореніи пастырямъ относилось къ постоянному ихъ стремленію къ отдѣленію отъ власти Новгородскаго Владыки ихъ церковнаго управленія; стремленіе, въ настоящее время особенно возбужденное, кромѣ ссоры съ Архіепископомъ Евѳиміемъ, тѣмъ, что Исидоръ, проѣзжая въ 1438 году чрезъ Псковъ и пробывъ тамъ 7 недѣль поставилъ въ немъ своего намѣстника Архимандрита Геласія (а потомъ на мѣсто Геласія былъ присланъ Архимандритъ Григорій), и отнялъ у Владыки Новгородскаго судъ, печать, воды, земли, оброкъ и всѣ церковныя пошлины и отдалъ ихъ своему намѣстнику. (П. С. Р. Л. т. 4 стр. 210—211; т. 5 стр 29). При Митрополитѣ же Iонѣ этого уже не существовало, и Псковичи хотя съ 1449 года, какъ видно, жили мирно съ Владыкою Евѳиміемъ; но Митрополитъ въ своемъ посланіи, какъ видно, хотѣлъ утушить ихъ завѣтную мысль. Профессоръ Костомаровъ въ сочиненіи своемъ Сѣв. Рус. Народоправства въ статьѣ о спорахъ Новгородскихъ Владыкъ со Псковомъ, (т. 2, стр. 290—297) не обратилъ надлежащаго вниманія на этѣ событія (да они и пропущены совсѣмъ), хотя онѣ не менѣе имѣютъ значенія того, что было при Митрополитѣ Ѳеогностѣ.

[78] Ак. Ист. т. I, N 46.

[79] Доп. къ Ак. Ист. т. 1, N 11.

чистое покаяніе въ своемъ проступкѣ;[80] въ послѣдствіи Митрополитъ относился къ Θеодосію милостиво и по совѣту съ Великимъ Княземъ благословилъ его быть себѣ преемникомъ:[81] Здѣсь спасло Владыку ходатайство Великой Княгини. Но другое было съ Новгородскимъ Архіепископомъ Евθиміемъ: его Митрополитъ, за покровительство Димитрію Юрьевичу Шемякѣ, простилъ только тогда, когда предъ своею смертію Архіепископъ сталъ съ чистымъ покаяніемъ просить себѣ разрѣшенія; тогда Святитель Іона въ прощальной къ нему грамотѣ, напомнивъ Шемяку, требовалъ, чтобы онъ каялся и каялся во своемъ покровительствѣ Князю, проклятому Митрополитомъ.[82] Но характеристически эта строгость, къ лицамъ дурно исполняющимъ свои обязанности, выражается въ преданіяхъ о чудесахъ, которыя Митрополитъ творилъ еще при жизни. Вотъ одно изъ нихъ: «слуга Святителя, приставленный къ тому, чтобы раздавать нищимъ милостыню, частію раздавалъ, а большую часть скрывалъ для себя Разъ пришла вдовица къ Святителю и сказала ему: «Святый Божій Святитель! Слуга твой, которому ты поручилъ раздавать милостыню нищимъ, мнѣ ничего не далъ». Тогда Святитель призвалъ слугу и спросилъ его: «по чему ты презрѣлъ вдовицу и ничего ей не далъ»? Слуга отвѣчалъ: «я ей не только что ни разу, но много разъ давалъ». Вдовица при этомъ замѣтила: «Богу извѣстно, что не давалъ мнѣ ничего». Слуга, обратясь къ вдовицѣ, сказалъ на этѣ слова. «Иди и умри, да не лжешь больше на меня». Святитель, слыша этѣ послѣднія слова, сказалъ: «не будетъ такъ, по тому что вдовица правду говоритъ, и будетъ жива; ты же лгущій долженъ умереть

---

[80] П. С. Р. Л. т. 4, стр. 181; Ак. Ист. т. 1, N 57.

[81] Ак. Ист. т. 1, N 69.

[82] Тамъ же, N 269. Объ этомъ Владыкѣ Евθиміи Профессоръ Костомаровъ выражается такъ: «Не поставленный отъ Московскаго Митрополита, Евθимій считалъ себя не подлежащимъ его власти, и въ свое двадцатилѣтнее правленіе пребывалъ въ независимости; по крайней мѣрѣ, не видно никакихъ отношеній подчиненности къ Москвѣ». Сѣв. Рус. Народои т. 2 стр. 275. Что Владыка дѣйствовалъ согласно съ Правительствомъ Новгорода, это такъ; но чтобы былъ независимъ, то изъ переписки его съ Митрополитомъ Іоною можетъ всякій видѣть, что и при сопротивленіи онъ относится къ Митрополиту не какъ равный къ равному, а какъ подчиненный къ начальнику.

за то, что помыслилъ въ сердцѣ своемъ искусить духъ Господень, не человѣческое похищая имѣніе, но Богу обѣщанное». Съ того же часа слуга заболѣлъ и вскорѣ умеръ».[83] Но не въ однихъ такихъ дѣлахъ Святитель былъ строгъ и требователенъ: онъ вообще не позволялъ нарушенія никакихъ правъ и особенно правъ Церкви. Такъ къ Верейскому Князю онъ писалъ: «Жалуюсь тебѣ на твоихъ поповъ соборныхъ Вышегородскихъ, да и на міранъ: пріѣхалъ мой десятникъ, съ конюшимъ и дворянами, за десятиною, и остановился на подворьѣ у попа, и тотъ попъ съ твоими городскими людьми пришли и всѣхъ моихъ людей били на смерть, такъ что изъ дворянъ остались трое на вѣкъ изувѣченными. Ты самъ посмотри и старыхъ бояръ спроси: бывало ли прежде такое безчестіе Церкви Божіей и прежде бывшимъ Святителямъ? Тебя благословляю, чтобъ защитилъ ты Церковь Божію и меня, своего отца и пастыря, и отъ тѣхъ своихъ горожанъ оборонилъ бы, чтобъ подобнаго не бывало впередъ; а не защитишь меня ты, то поберегись воздаянія отъ Бога, а я буду защищать себя закономъ Божіимъ. Если бы мой десятникъ что нибудь не хорошее сдѣлалъ, и ты бы то обыскалъ чисто и ко мнѣ отписалъ, и я того десятника безъ суда выдалъ бы тебѣ головой».[84]

Сдѣсь могутъ замѣтить: къ чему этотъ рядъ фактовъ, которые доказываютъ только то, что Митрополитъ Іона, кромѣ того, что вездѣ поддерживалъ Московское Правительство? былъ для своего подчиненнаго учрежденія справедливый исполнитель своихъ обязанностей, но притомъ строгій начальникъ. Этѣ всѣ факты изложены какъ для полноты объ немъ извѣстій, такъ и для того, чтобы имѣть болѣе средствъ точно опредѣлить его личный характеръ и причины, какъ его строгости къ себѣ, такъ и къ подчиненнымъ.

Всѣ поученія и посланія Митрополита, въ описываемое время, пишутся болѣе или менѣе по извѣстной формѣ, но все таки могутъ свидѣтельствовать о характерѣ и направленіи пишущаго, чему лучшимъ разъясненіемъ можетъ служить то, что если вспомнимъ

---

83 Ст. Кн. ч. 2, стр. 85—86.

84 Ак. Ист. т. 1, N 50.

вышеприведенное посланіе его и его предшественника, писанныя по одному и тому же дѣлу: при обоихъ случилось раздѣленіе Митрополіи, то найдемъ, что разница между этѣми посланіями очень значительная. Митрополитъ Фотій, обиженный обвиненіями Епископовъ, сознавая за собою право, съ запальчивостью обличаетъ ихъ; Святитель Іона напротивъ (раздѣленіе Митрополіи его страшно поразило, а вмѣстѣ съ его поставленіемъ въ Митрополиты оно имѣло главное вліяніе на его дѣятельность и его личный характеръ), обличая другихъ, самъ себя защищаетъ и доказываетъ постоянно, что его избраніе на Митрополію правильно, и что не имѣетъ и не должно имѣть вліянія ни на что въ отношеніи его власти и его дѣятельности. Чтобъ доказать это, у него являются постоянныя заботы о Церкви, его поученія миру и любви. Но и сдѣсь онъ, какъ видно, сознаетъ, по тому что высказываетъ свою зависимость отъ Великаго Князя, а между тѣмъ отношенія къ последнему старается представить въ другомъ видѣ: въ видѣ отношеній духовнаго отца къ духовному сыну. Онъ старается писать свои посланія такъ, чтобъ не уронить себя въ глазахъ другихъ. Но обстоятельства его давятъ, его завѣтные планы рушатся, и онъ хочетъ отъ первыхъ защититься, хочетъ преборотъ, думаетъ, что ему люди враждебны, какъ къ такому человѣку, который, по своему положенію, не можетъ удовлетворить тому, что можно требовать отъ начальника Церкви; а чтобы преборотъ все это, онъ своею дѣятельностію, своими заботами о паствѣ, хочетъ довести всѣхъ до того, чтобы они безъ него не могли обойтись. Но подобныя отношенія, какъ отношенія его къ Казиміру, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Государю областей, составляющихъ половину его Митрополіи, и къ Василію Васильевичу, Великому Князю Московскому, у котораго Митрополитъ живетъ и отъ котораго зависитъ, подобныя отношенія до того противоположны, что соединить ихъ нѣтъ никакой возможности; а Святитель Іона хочетъ ихъ соединить, хочетъ поддержать это соединеніе угожденіемъ Казиміру посредствомъ ходатайства объ его дѣлахъ у Московскаго Великаго Князя. Но это-то и показывало всѣмъ ясно, что такое этотъ Митрополитъ, и по чему его планы должны рушиться. Но спросятъ: изъ за чего это безпокоится такъ Митрополитъ, и какіе это особенные планы, которые такъ безпокоятъ его? Планы его были просты:

во первыхъ, до него Митрополиты всѣ были Кіевскими и всея Руси; онъ же давно былъ нареченъ на Митрополію, его надежды по этому случаю долго не осуществлялись, а когда и осуществились, то ему желательно было, чтобы быть Митрополитомъ по старому, настоящимъ по власти Кіевскимъ и всея Руси; и во вторыхъ, любя всѣхъ, быть, какъ прежніе святые Митрополиты, наставникомъ и учителемъ своей Русской паствы. Этому послѣднему плану никто не мѣшаетъ, и всѣ, за этѣ желанія и дѣятельность, любятъ и уважаютъ его, тѣмъ болѣе, что онъ самъ не только словами, но и дѣломъ, представлялъ изъ себя образецъ нравственной и вполнѣ святой жизни. Но въ отношеніи перваго плана онъ встрѣчаетъ полную неудачу. Святитель Іона не замѣчаетъ, что событія, ясно выставившіяся при Фотіѣ и приготовленныя прежде, при его жизни окончательно перемѣнили старый порядокъ дѣлъ на новый; что онъ самъ въ Сѣверной Россіи стоитъ вездѣ на сторонѣ новаго порядка, собой вездѣ представляетъ новое, а между тѣмъ хочетъ, чтобы въ отношеніи къ Западной половинѣ Россіи все шло по старому, какъ будто тамъ въ то время, какъ въ Москвѣ новое торжествовало надъ старымъ, ничего не дѣлалось; какъ будто тамъ не жили и не могли дожить до новаго. Онъ не хочетъ видѣть, что въ это время всѣ отношенія, противъ прежняго времени, перемѣнились и, что Казиміръ по новому далъ ему право управлять Епархіями Западно-Русскими, далъ по тому, что Митрополитъ нуженъ ему въ Москвѣ, какъ сильный тамошній вельможа и, такъ сказать, этѣмъ пожалованіемъ показалъ, что соединяетъ раздѣленное. Видя вездѣ препятствіе своимъ планамъ, основаннымъ на старинѣ, Святитель хочетъ доказать, что онъ также, какъ и прежніе Митрополиты, заботится о паствѣ, и мало того, что поучаетъ всѣхъ, нѣтъ, — онъ еще проситъ поучаемыхъ, что если имъ понадобится въ церковномъ отношеніи что либо, то, ради Бога, обратились бы къ нему, и онъ, что ему Богъ положитъ на разумъ, то и напишетъ имъ отъ Священнаго Писанія. Сдѣсь уже не говорю о томъ предложеніи всѣмъ своего ходатайства у Великаго Князя о ихъ дѣлахъ. Все за него стоитъ: люди, которые всѣ его уважаютъ, обстоятельства даже и его дѣятельность; но вотъ одинъ незначительный толчокъ изъ Рима, толчокъ, который только, пожалуй, въ одномъ Римѣ и радуетъ, — и всѣ его завѣтные планы съ разу рушились. Митрополи-

начинаетъ отражать этотъ толчокъ, но ничего сдѣлать не можетъ, а Великому Князю не войну же изъ за этого поднимать. Святитель получаетъ утѣшительныя извѣстія изъ Западной Россіи отъ частныхъ лицъ, но все вообще дѣло такъ съ разу и замолкло. Съ самаго начала своей дѣятельности Святитель Іона ищетъ причины, по чему это всѣ его дѣла идутъ не тѣмъ путемъ, какимъ бы онъ желалъ; а сдѣлавшись Митрополитомъ, онъ думаетъ, что это отъ того, что онъ поставленъ какъ будто неправильно, по новому. Но тутъ-то его и ошибка: напротивъ, всѣ признаютъ его поставленіе на Митрополію правильнымъ, но только, во первыхъ, въ Западной Россіи желательно было всѣмъ, чтобы оно происходило не въ Москвѣ, а въ Литвѣ, чего въ Москвѣ допустить не могутъ; а во вторыхъ, всѣмъ какъ-то не ловка эта связь Москвы съ Литвою посредствомъ власти Митрополита. Такимъ образомъ при всеобщемъ разсчетѣ съ старымъ, разсчетѣ, начавшемся прежде, а теперь окончательно выяснившемся, въ настоящее время также порѣшили и съ старымъ устройствомъ управленія въ Церкви. Но лицо, попавшее въ этотъ разсчетъ, ничуть не виновато, и тѣмъ болѣе, что оно, по своей личной дѣятельности, до того чисто, что Казиміръ, оправдывая себя въ принятіи Григорія и предлагая, для утишенія смуты, принять его въ Москву, выставляетъ только одну причину, что Святитель-то Іона уже довольно старъ.

Ко времени Митрополита Іоны зданіе Государства было построено уже въ Москвѣ; но оно выстроилось и въ Литвѣ, хотя не такъ прочно. Въ Москвѣ Митрополитъ живетъ въ палатахъ, а въ Западной Россіи хочетъ, чтобы еще жили по прежнему, въ избѣ. Эту двойственность въ отношеніи къ Москвѣ и Литвѣ можно прослѣдить въ дѣятельности всѣхъ Митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ, начиная даже съ Ѳеогноста; но она окончательно ясно выразилась именно при Митрополитѣ Іонѣ, и въ добавокъ въ самомъ мирномъ видѣ, по тому что при немъ дѣло Митрополита Петра окончательно и тихо совершилось, но только сильно отразилось въ характерѣ лица, тутъ дѣйствовавшаго.

Митрополитъ Іона уже не думаетъ такъ дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ, на примѣръ, Митрополитъ Алексѣй; послѣдняго рода дѣятельность ему только отчасти возможна въ Сѣверной Россіи, а въ остальныхъ мѣстахъ ему, для поддержанія старины, прихо-

дится только защищаться. Это постоянное защищеніе и оправданіе самаго себя имѣетъ вліяніе на его поученія и посланія, и дѣлаетъ пишущаго ихъ до крайности осторожнымъ. Такъ о Казимірѣ Святитель Іона боится что либо высказать, кромѣ своей любви и уваженія къ нему, дабы изъ его неосторожныхъ словъ не вышло что нибудь. Эту осторожность мы можемъ замѣтить и въ отношеніи къ Шемякѣ, съ которымъ строго сталъ обращаться Святитель только тогда, когда тотъ дошелъ уже до крайности. Эта осторожность высказывается и въ томъ, что, исполняя свою обязанность какъ слѣдуетъ, и требуя отъ подчиненныхъ себѣ того же, мы не видимъ, чтобы Святитель хотя разъ разгорячился и забылся при какомъ нибудь возмущающемъ поступкѣ, которыхъ при немъ совершалась масса: онъ вездѣ старается дѣйствовать только по закону, и боится выйти изъ его сферы.

Но вотъ еще отличіе въ характерѣ дѣятельности Митрополита Іоны, которое мы можемъ замѣтить: онъ хочетъ поступить какъ Митрополитъ всея Россіи, но вообще уже дѣйствуетъ, какъ Митрополитъ только Московскій, какъ членъ Московскаго Правительства. Если обратимся къ посланіямъ Митрополита Іоны, какъ произведеніямъ собственно ума, на основаніи Священнаго Писанія, а не вызваннымъ обстоятельствами всей его жизни и всѣхъ его отношеній, то и тутъ увидимъ крайнее вліяніе всего Московскаго: всѣ его мысли вставляются въ извѣстную форму— форму Московскую, и стараніе выставить ихъ независимость отъ формы остается тщетнымъ. Пишетъ, на примѣръ, онъ къ Казиміру (а ужь какъ онъ ему нуженъ), и все таки выставляется эта особенная, выработанная исторіей, Московская вѣжливость и предупредительность, — предупредительность ради обстоятельствъ, вѣжливость и обѣщанія такія, что противъ нихъ ничего нельзя сказать, но мало можно положиться, по тому что въ нихъ такъ ясно и проглядываетъ то, чтобы никто не думалъ, что они дѣлаются даромъ, изъ желанія сдѣлать добро.

Въ борьбѣ этѣхъ двухъ началъ, стараго и новаго, Святитель изнемогаетъ; онъ хочетъ устранить враждебныя себѣ обстоятельства, и прежде всего въ себѣ самомъ, по этому онъ страшно строгъ къ себѣ; постоянно, такъ сказать, отбираетъ у себя отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наконецъ сознаетъ, что онъ дѣй-

ствуетъ, какъ истинный пастырь. Но что же такое, какой врагъ противъ пастыря? Обстоятельства его давятъ, и они такъ сильны, что личность, и такая, какъ Святитель Іона, ничего не можетъ сдѣлать, и онъ, не будучи въ состояніи выбраться изъ подъ подавляющихъ массы новыхъ отношеній, къ которымъ онъ вполнѣ не могъ быть приготовленъ, по тому что носилъ въ себѣ и представлялъ собою множество старыхъ понятій и преданій, долженъ былъ вытерпѣть все то, что ему дала исторія; примириться съ нею онъ не могъ, да и не зналъ, какъ это сдѣлать: для этого онъ, дѣйствительно, былъ старъ.

Такая тяжелая участь выпала на долю Митрополита Іоны, сдѣлавъ его совершеннымъ мученикомъ, страдающимъ за то, что было приготовлено всѣми прежде него. Въ этомъ грустномъ и невыносимомъ, борющемся состояніи, скончался послѣдній Кіевскій и всея Руси Митрополитъ Іона 1461 года, Марта 31, въ Москвѣ. Преемники его были уже Митрополитами и потомъ Патріархами Московскими и всея Россіи, и только близкимъ къ нему по времени было отчасти понятно то, за что такъ много хлопоталъ и страдалъ этотъ Святой Митрополитъ, который своими страданіями представилъ изъ себя жертву, мучившуюся въ борьбѣ стараго съ новымъ, мучившуюся на тотъ же манеръ, какъ страдали въ то время и другіе представители Русскаго общества.

1862 года, Сентября 8 дня.

1863 года, Іюня 3 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007043117